Н.А. Кокорина

Керамика Волжской Булгарии

второй половины XI - начала XV веков

Институт археологии
Российской Академии наук
Институт истории
Академии наук Татарстана

Н.А. КОКОРИНА

Керамика Волжской Булгарии второй половины XI - начала XV в.

(К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур)

Казань 2002

ББК 63.3(2)41
К59

Ответственный редактор Т.А.Хлебникова

Н.А. Кокорина. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI - начала XV в. Казань: Институт истории, 2002. - 383 с.

Книга представляет собой итог многолетних исследований автора в области средневековой археологии и истории народов Волго-Камья.

Ответственные за выпуск: Р.Р.Хайрутдинов, Ф.Ш.Хузин.
Оригинал-макет: А.А.Журавлев.

© Н.А.Кокорина, 2002
© Институт истории Академии наук Татарстана, 2002

ISBN 5-94981-005-8

ВВЕДЕНИЕ

История изучения керамики Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в.

Керамика Волжской Булгарии изучается уже более ста лет, однако по сей день она продолжает оставаться основным источником в исследовании генезиса булгарской и булгаро-татарской культуры. Особое значение в изучении проблемы преемственности этих культур имеет керамика Волжской Булгарии золотоордынского периода как связующее звено с керамикой Казанского ханства. Исследование булгарской керамики этого периода в этногенетическом плане необходимо для решения проблем происхождения не только казанских татар, но и татар-мишарей, татар-кряшен, чувашей, башкир, удмуртов, мари, предки которых издавна соседствовали с булгарами. Изучение булгаро-золотоордынской керамики, кроме того, способствует разработке проблемы социально-экономического развития булгарского ремесла, и в частности, гончарства. И наконец, изучение керамики этого периода позволяет более обоснованно и надежно использовать ее для датировки археологических памятников.

История изучения керамики домонгольского периода, а также города Болгара полно освещена в работах Т.А. Хлебниковой [450, с. 223–228; 451, с. 5–21; 452, с. 7–8], поэтому я подробнее остановлюсь на изучении керамики золотоордынского периода.

Первые опыты разделения керамики по периодам и выделение булгаро-золотоордынской посуды по аналогии с сопоставимой керамикой памятников Золотой Орды были предприняты в 20-е гг. XX в. В.В. Гольмстен на памятниках Самарской Луки выделяет по совокупности признаков семь типов кера-

мики, связывая типы I–IV – с домонгольским, V–VI – с золотоордынским, а VII – с татарским периодами [124, с. 6–9]. Хотя попытка этнокультурной привязки в работе Гольмстен была не всегда удачной, однако сам подход сохраняется в исследованиях керамических групп до сих пор. Он использовался в классификациях керамики Билярского городища А.С. Башкировым [55, с. 34–35], Суварского – А.П. Смирновым [370, с. 160–161], керамики Волжской Булгарии в целом [369, с. 117–118]. Кроме того, важнейшим является наблюдение В.В. Гольмстен о сосуществовании на булгарских памятниках круговой и лепной керамики.

Определенным вкладом в классификацию золотоордынской керамики была работа Н.Ф. Калинина по материалам Нового и Старого Сараев из раскопок Ф.В. Баллода [198, с. 1–13]. Он впервые использует в систематизации технологические признаки: плотность, фактуру, толщину, цвет черепка, подразделяя всю керамику по этим признакам на три группы и шесть подгрупп. В этой классификации для нас наибольший интерес представляет группа А-I–1 – красная, из обычной гончарной глины, с пористым черепком, с заметной примесью песка, извести (известняка – Н.К.), без глазури. Н.Ф. Калинин отмечает разнообразие форм этой группы (корчаги, кухонные горшки, котлы, тазы, подносы, кумганы, бутылки, кувшины и т.д.), выявляет наиболее характерные для них виды орнаментации. Систематизация посуды городов Золотой Орды послужила основой классификации булгарской посуды: Калинин разделил ее на поливную и неполивную. В группе неполивной выделил два типа по технологическому принципу: грубого теста с темным черепком и мелкого – с красным хорошо обожженным черепком.

Накопление знаний о керамике домонгольского и золотоордынского периодов к концу 40-х гг. позволило привлечь ее при обсуждении этногенетических проблем, и в частности, этногенеза казанских татар [372, с. 11, 13; 373, с. 132; 200, с. 105].

С конца 40-х гг. с началом систематического исследования Болгарского городища Куйбышевской археологической экс-

педицией во главе с А.П. Смирновым начинается новый этап в исследовании булгарской керамики золотоордынского периода. Он характеризуется выработкой статистического метода обработки массового материала при глубоком изучении стратиграфии этого памятника, слои которого содержат пожарища, хорошо датированные монетами и другими материалами. Вследствие этого слои Болгара исторически стратифицированы, а найденная в них керамика надежно датирована. Результаты изучения керамики Болгара выразились в создании схемы классификации с использованием метода статистической обработки. Они получили широкое применение при изучении не только булгарских памятников, но и памятников других культур, и используются до сих пор [112; 129; 149; 405; и др.].

Направляющим интересы исследователей последующих десятилетий на решение проблем этногенеза был доклад А.П. Смирнова на конференции по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья, прочитанный в Казани в 1956 г. [374]. Наряду с другими им была выдвинута проблема формирования культуры Золотой Орды во взаимодействии с культурой народов, входивших в состав этого государства. Считая, что половецкий компонент оказал значительное воздействие на сложение казанских татар в золотоордынский период, Смирнов не исключал его и в домонгольское время. О наличии этого компонента свидетельствовали, по его мнению, данные языка и изучение погребального обряда тюркоязычных народов [374, с. 32–33].

Изучением вопросов этногенеза волжских булгар и казанских татар в 50-е гг. активно занимался Н.Ф. Калинин. Комплексный анализ материалов, в том числе керамики и клейм из Иски Казани, позволили ему сделать подтвердившиеся впоследствии выводы, а именно: 1) о преемственности булгарских традиций в золотоордынское время; 2) о втором этапе консолидации булгар и местных финно-угорских племен; 3) о создании булгарами во второй половине XIII – XIV в. в Предкамье Казанского княжества [203, с. 100–103; 201, с. 202–203]. Выявление большого числа булгарских памятников экс-

педицией ИЯЛИ в Заказанье, раскопки Чаллынского городища (1955 г.), Казани (1920–50-е гг.) и Иски Казани (1956–1957 гг.) подкрепили выводы Калинина о преемственности булгарской культуры домонгольского и золотоордынского периодов и культуры Казанского ханства [491–492].

Керамический комплекс из гончарной мастерской Русско-Урматского селища (1956 г.) Н.Ф. Калининым был датирован началом золотоордынского периода. Основанием послужили медные монеты, в том числе Насир-лид-Дина (40-е гг. XIII в.), стратиграфические данные, обломки хорезмийской поливной посуды XIV в. и другие вещи золотоордынского периода. Исследователь полагал, что керамический комплекс из мастерской не противоречит этой датировке. При анализе керамики учитывался цвет, орнамент, налепы. Такие архаичные черты, как узор "плетенка", налепы, Калинин справедливо считал традиционными у булгар. Комплексное исследование всех материалов и знание керамики позволили ему сделать ряд выводов относительно датировки, значения Иски Казани и ее культурной преемственности с домонгольскими центрами Волжской Булгарии. Комплекс Русско-Урматского селища Калинин рассматривал как эталонный для изучения культуры золотоордынского периода, поскольку после разрушения русскими князьями в конце XIV в. посад города был покинут населением. При изучении керамики Русско-Урматского селища и Чаллынского городища в 50-е гг. не были поняты малочисленные группы керамики (XIII, VI, VIII, XVI, XVIII, XXI), выделенные впоследствии Т.А. Хлебниковой и автором. Посуду этих групп Калинин относил к финно-угорскому населению. Однако в настоящее время с такой этнической интерпретацией этой керамики нельзя согласиться.

Раскопки второй половины XX в. послужили вкладом в накопление материалов по этническим группам керамики Волжской Булгарии [84; 112–113; 129; 149; 180–185, 189–195; 202–203; 210; 212; 224–227; 232; 237–238; 375–379; 392; 402; 404–405; 422; 425; 434; 436; 438; 440–447, 449–453; 456; 458; 500; 504–506; 508–513; 515; 524; 527–528; 530; и др.]. Открытие и исследование Куйбышевской и Татарской

археологическими экспедициями крупнейших могильников (Больше-Тарханский, Танкеевский, Тетюшский, Больше-Тиганский), городов (Биляр, Сувар, Булгар, Иски Казань, Казань, Джукетау) и других памятников позволило создать огромный фонд булгарской керамики – важнейшего источника для изучения этногенетических процессов в Волжской Булгарии. В этом фонде имеется значительное количество целых и реконструированных форм, которые послужили основой для типологии булгарской керамики.

Важную роль в изучении булгарской культуры сыграли начатые в 1946 г. Н.Ф.Калининым работы по составлению археологической карты Татарии. Результаты многолетнего труда в настоящее время полностью опубликованы [24–27; 494–495]. Среди этих работ наибольший интерес представляет для нас книга Р.Г. Фахрутдинова "Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория" [399]. Число учтенных в ней булгарских памятников составило 1400. При определении культурной принадлежности и датировки этих памятников керамика была основным источником. Характеризуя керамику, Фахрутдинов оперировал теми ее признаками, которые сложились в исследовательской практике к 60-м гг. Керамика золотоордынского периода, по его наблюдениям, отличается от домонгольской формой венчика, орнаментом, оформлением днища и наиболее классическое выражение приобретает в XIV в. Отметим, что хронологическое определение керамики с растительной примесью (как только раннебулгарской) и типа джукетау (как позднебулгарской) не подтвердилось последующими работами.

Р.Г.Фахрутдиновым на основании материалов Казанского Кремля, Камаевского и Чаллынского городищ и разведок в Заказанье и Предволжье [398; 400–402] сделаны некоторые наблюдения об особенностях керамики Казанского ханства. Исследователь отмечает такие черты, отличающие ее от золотоордынской: отсутствие лощения или редкое, не сплошное, полосчатое; появление наряду с желто-красной или красной керамикой из хорошо отмученной глины посуды несколько грубоватого теста с примесью дресвы, а также серой и темно-

серой русской керамики с валиковым уголщением по горлу, уплощенными ручками и многозонным резным орнаментом. Новые формы сохраняют, по Фахругдинову, особенности булгарской посуды домонгольского и золотоордынского периодов [399, с. 24].

Систематизации массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья посвящена работа С.Е. Михальченко [294, с. 121–122]. Известно, что А.П. Смирнов и Г.А. Федоров-Давыдов, отмечая в целом синкретический характер золотоордынской культуры, связывали происхождение керамики Золотой Орды с булгарской или аланской культурами [378, с. 131]. С.Е. Михальченко конкретизировала эту идею, установив близость в таких особенностях, как полосчатое лощение, апробирование, орнамент [294, с. 120–121]. Процесс синкретизации культуры в золотоордынский период захватил и территорию Волжской Булгарии. В керамике, как отмечает Михальченко, это проявилось в разнообразии рецептуры теста неполивной посуды, техники формовки, обработки поверхности, что является отражением разноэтничности состава гончаров в Золотой Орде. Анализ форм также подтверждает этот вывод. С.Е. Михальченко определены центры воздействия на формирование керамики Золотой Орды: алано-болгарский, средневековый Херсонес, Саркел-Белая Вежа, Любеч, Оренкала, Средняя Азия (главным образом Хорезм) и Монголия. Кроме того, прослежены и обратные воздействия на эти центры [294, с. 119].

Изучение керамики Волжской Булгарии золотоордынского периода и Казанского ханства невозможно без обращения к материалам Казани (городище "Казанский Кремль"), Иски Казани (Русско-Урматское селище и Камаевское городище), Чаллынского и Керменчукского городищ, селища Чакма и других памятников. В 20–50-е гг. эти памятники исследовались Н.Ф. Калининым [201–203; 489; 491–492]. В 70–80-е гг. раскопки Иски Казани возобновила экспедиция ИЯЛИ под руководством Р.Г. Фахругдинова, в 90-е гг. их продолжил А.А. Бурханов [498]. В 70-е гг. Татарская археологическая экспедиция под руководством А.Х. Халикова после длительного перерыва продолжила изучение Казани [526]. Особенно активизировались эти работы с организацией в 1994 г. музея-заповедника "Казанский Кремль"; в настоящее время их возглавляет Ф.Ш. Хузанский [531–532]. Материалы из раскопок Казани и Иски Казани значительно пополнили собрание керамики золотоордынского периода и Казанского ханства. Их изучение позволяет реконструировать этногенетические процессы в Заказанье в XIII–XVвв. К сожалению, в вышедших публикациях [401–402; 423; 463; 504–505; 508–511; 526–528; 531–532; и др.] керамика Казани и Иски Казани описана лишь в общих чертах или же привлекается для обоснования датировки того или иного слоя.

Проблемы этногенеза волжских булгар активно обсуждались в 70–80-е гг. в работах Т.А. Хлебниковой, Е.П. Казакова, Е.А. Халиковой. Изучение керамических комплексов Алексеевского городища, Джукетау, Сувара [444–445; 447; 449] позволило выявить своеобразие памятников районов Нижнего Прикамья и Сувара. Этническая интерпретация этих комплексов позволила Т.А. Хлебниковой оценить значение юго-восточного компонента в этногенезе булгар и казанских татар [444; 446; 451]. Исследования памятников восточных районов Татарии, и в частности керамики, дали представление о формировании этноса населения восточных районов Волжской Булгарии, складывающегося в контакте с башкирскими и частично удмуртскими родами [183; 185; 189–193]. Изучение посуды Танкеевского и Больше-Тиганского могильников Е.П. Казаковым [181–182; 184; 186; 192] и Е.А. Халиковой [437–438] позволили оценить роль прикамско-приуральского финно-угорского компонента в формировании волжских булгар.

Исследование керамики Волжской Булгарии как источника для изучения этнического состава населения невозможно без обращения к материалам Биляра – Великого города булгар русских летописей. Раскопки этого памятника велись на протяжении более чем трех десятилетий (с 1967 г.) А.Х. Халиковым, Ф.Ш. Хузиным, С.И. Валиуллиной и др. Керамический комплекс Билярского городища отражает богатство и синкретизм керамики домонгольского периода. Он изучался и изу-

чается в разных аспектах, что нашло отражение в ряде специальных работ. Выделение этнических групп на материалах керамики предпринято мною [225; 504–505] и Ф.Ш. Хузиным [456–457; 530]. Общебулгарская посуда исследовалась с помощью как традиционных [129], так и математических методов [235; 237]. Изучение техники гончарной посуды позволило определить второе направление истоков и традиций булгарского гончарства – юго-восточное [226; 229; 504–505] и связать его с юго-восточным компонентом в этногенезе булгар [500; 504; 509; 512]. Систематическое исследование материалов Билярского городища и особенно его гончарного района создало предпосылки для изучения знаков на булгарской посуде в качестве дополнительного исторического источника при исследовании различных вопросов культуры волжских булгар [234; 236; 239; 430; 230–231; 504–505; 507; 511; и др.].

Новой ступенью в изучении этногенетических процессов в Волжской Булгарии стало выделение этнокультурных групп на материалах керамики. Это стало возможным благодаря усилиям нескольких поколений булгароведов, а также этнографов, искусствоведов, лингвистов. Итоги изучения керамики населения Волжской Булгарии домонгольского периода подведены в книге Т.А. Хлебниковой "Керамика памятников Волжской Болгарии" [451]. Эта работа является фундаментом и настоящего исследования, задуманного как продолжение системного анализа керамики последующего – золотоордынского – периода.

Изучение керамики этого периода невозможно без обращения и к другим работам Т.А. Хлебниковой, выполненным на материалах Болгара и Казани [452; 527–528]. Широкие хронологические рамки существования Болгара (X – начало XV в.) позволили проследить эволюцию керамики Волжской Булгарии и уловить основные компоненты булгарской культуры. Необходимо также отметить значение работ И.Н. Васильевой [85–88; 500], посвященных технологии гончарного производства Волжской Булгарии в X–XIV вв. Исследования Васильевой, опиравшиеся на иную методику, в значительно мере подтвердили реальность выделенных Т.А. Хлебниковой этнокультурных групп и наличие двух гончарных традиций в формировании неполивной булгарской посуды, прослеженных автором на материалах гончарства Биляра [229].

Несмотря на очевидные успехи в изучении булгарской керамики, проблема формирования этнического состава населения Волжской Булгарии остается далеко не разрешенной. Перед исследователями булгарской культуры лежит еще широкое поле деятельности. Работы Т.А. Хлебниковой [451–452], И.Н. Васильевой [500] и автора [504; 511] определяют основные направления дальнейших поисков. Они убеждают в перспективности изучения керамики таких булгарских центров как Биляр, Иски Казань, Казань, Джукетау, Кашан, Чакма, Муромский городок, Чаллынское и Сюкеевское городища, а также целого ряда менее крупных поселений из различных районов Волжской Булгарии. В свете этого более реальной становится и задача – проследить по материалам керамики преемственность развития булгарской и булгаро-татарской культур.

О плане, методике и хронологических рамках исследования

Целью работы является изучение керамики Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. и на основе этого выявление преемственности этнического состава населения. Задачи исследования: 1) изучение керамики по археолого-этническим группам (АЭГ) второй половины XI – начала XIII в.; 2) изучение керамики по АЭГ второй половины XIII – начала XV в. ; 3) сопоставление керамики двух периодов и выявление преемственности АЭГ; 4) изучение знаков (клейм и граффити) на посуде как дополнительного источника к исследованию проблемы формирования этнического состава населения; 5) сопоставление результатов изучения керамики и знаков с письменными источниками, данными эпиграфики и этнографии для определения этнического состава населения Волжской Булгарии изучаемого периода.

В основу работы положена классификация керамики по этнокультурным группам, которая была разработана Т.А. Хлебни-

ковой по материалам посуды домонгольского периода и золотоордынских слоев Болгара (группы I–XX) [451–452]. Принцип выделения групп керамики по комплексу признаков, примененный Хлебниковой, был использован и в настоящей работе. Учитывались следующие признаки: примесь, фактура, техника изготовления, особенности формы, отделка поверхности, декор (орнамент, техника выполнения, композиция), цвет черепка. При описании и выделении групп керамики автор оперируеттермином "археолого-этническая группа" (АЭГ)*. В группах по составутеста и технике изготовления выделялись подгруппы. Систематизация форм керамики велась по функциональным признакам. В основе ее лежат категории массовой посуды: горшки, котлы, кувшинообразные, корчаги, блюдообразные, ночные горшки, светильники, а также редкие формы (сфероконусы, сковороды, вазы, чернильницы, тripоды и т.д. По форме горловины и параметрам категории делились на отделы: кувшинообразные (кувшины, кринки, кружки) и блюдообразные (миски, блюда, блюдца, чашки, чаши). В типологии форм булгарской посуды использовался комплекс признаков, определяемых визуально и инструментально. В качестве типообразующих учтен ранжированный ряд признаков: 1) морфологические особенности (форма тулова, горла, венчика, ручки, пропорции); 2) особенности декора (ангоб, лощение, фигурные элементы оформления, орнамент); 3) цвет и фактура.

В подтип выделялись сосуды по следующим признакам: форма и пропорции горловины, отдельные детали (носик, ручки и их количество), особенности отделки. Морфологическая характеристика количественных признаков типов производилась, как и Т.А. Хлебниковой [451, с. 203], по методу И.П. Русановой [347–348]. На основе вычисляемых в процентах пропорций тулова (H:D, H1:H), общей формы (D1:D, H3:H), формы горловины (H3:D1, H4:H3), при сохранении - верхней части сосуда (D1:D, H1:D)* проводился корреляционный анализ. В типологию включены целые, реконструируемые полностью и до наиболее широкой части тулова формы. Корреляция подтвердила, что пропорции тулова являются наиболее постоянным типообразующим показателем. Нумерация типов лишь частично совпадает с той, чти предложена Хлебниковой. Причина здесь прежде всего в том, что в настоящей работе привлекался иной круг источников (Биляр, Иски Казань, Чаллынское городище и т.д.), позволивший выделить ряд новых типов, а также в том, что принципы типологии форм у нас разные. Типология Т.А. Хлебниковой строится на близости пропорций тулова, т.е. основными являются количественные признаки, хотя привлекаются и качественные, но непостоянно и не все. В данной работе типообразующими признаками являются качественные и количественные признаки. К качественным относятся особенности формы тулова, горловины, ручки, венчика, цвет черепка, ангоб, лощение, орнамент и его особенности; к количественным – пропорции, отношения между D, D1, D3 и H3, H1 и H, параметры, угол плеча, угол придонной части.

Типология с учетом комплекса признаков показала, что особенности формы тулова, венчика, ручки и орнамент являются довольно устойчивыми типообразующими признаками, причем все они, кроме орнамента, являются основными при образовании типа и лишь иногда вариантными, а орнамент – чаще вариантным. Устойчивая связь основных типообразую-

* Автор вкладывает в это название содержание, близкое археолого-этническому типу (АЭТ), введенному В.Ф. Генингом для анализа памятников со смешанным составом населения эпохи раннего средневековья [108, с. 247-251]. Считаю, что этот термин в большей мере соответствует содержанию и современному состоянию изученности большинства групп керамики Волжской Булгарии, нежели термин "этнокультурная группа", используемый Т.А. Хлебниковой [451, с. 21, 234-239].

* Но - высота сосуда, H - высота тулова, H1 - высота тулова сверху до наиболее широкой части, H2 - высота тулова ниже наиболее широкой части, H3 - высота горловины, H4 - высота горловины до наиболее узкой части, D - диаметр тулова, D1 - диаметр горловины в наиболее узкой части, D2 - диаметр дна, D3 - диаметр горла.

щих признаков на протяжении длительного периода (VIII–XIV вв.) является подтверждением правомерности использования данного метода для выделения типов в булгарской посуде. Замеры параметров сосудов велись по пяти критическим точкам профиля (рис. 1). Они были апробированы ранее Т.А. Хлебниковой [451, рис. 1].

Параметрические данные по целым и частично сохранившимся формам выделенных типов, их пропорции, количество сосудов, включенных в типологию, даны при описании форм, а сами изображения – в рисунках 2–3, 5–6, 8–10, 12–13, 15–17, 19–23, 25–29, 31–34, 36–37, 39–43, 45–48, 50–52, 54–58, 60–66, 68–77, 79–88, 90, 93, 96, 99. Это позволит проверить данную типологию, а также использовать ее в других исследованиях. Типологическая преемственность форм общебулгарской посуды отражена в гистограммах (рис. 92, 95, 98, 101, 103). Выделение групп знаков производилось по общей форме (рис. 106). Историческая преемственность выявленных групп знаков демонстрируется гистограммами (рис. 109–110).

Хронологические рамки исследования ограничены второй половиной XI – началом XV в., что обусловлено целью – проследить преемственность культуры волжских булгар домонгольского и золотоордынского периодов. В работе исследуются материалы второй половины домонгольского периода (вторая половина XI – начало XIII в.), когда складываются основные черты булгарской культуры, когда Волжская Булгария переживает расцвет во всех сферах развития. В этот период значительно увеличилась территория государства и укрепились ее рубежи [399, с. 48–49; 424, с. 77–78; 432, с. 87–117]. В данное время, по мнению А.Х. Халикова, закладываются предпосылки для формирования булгарской народности [424, с. 72–82]. Изучение булгарского искусства показывает, что в орнаментике и шрифте эпитафий существует двустильность [79, с. 81,104–107], которая могла отразиться и в оформлении булгарской посуды.

Таким образом, важно было проследить, как проявились в керамическом материале процессы укрепления Булгарского

государства, формирования единой булгарской культуры и сложения народности волжских булгар во второй половине домонгольского периода.

Нижняя хронологическая грань второй половины домонгольского периода – вторая половина XI в. – опирается на хронологию памятников Волжской Булгарии в целом и на наблюдения автора в отношении хорошо стратифицированных и твердо датированных археологических комплексов XVIII и XX раскопов Билярского городища [436, с. 131–140; 226, с. 50–67]. Для понимания генезиса форм и декора булгарской посуды подробно рассмотрена своеобразная керамика двух узко датированных комплексов первого из них [436, с. 131–136]. Керамика этих комплексов лежит в основе появления ряда новых форм массовой посуды во второй половине XI в., не имеющих корней в посуде X в. и раннебулгарского периода.

Грань второй половины домонгольского периода и начала золотоордынского – монгольское нашествие, в результате которого Волжская Булгария потеряла политическую самостоятельность, став улусом Золотой Орды. Были разрушены города, разорены основные – закамские – земли. Значительная часть населения коренных земель переселяется в последующие десятилетия в Предкамье и Предволжье, а также за пределы Волжской Булгарии [399, с. 63]. Все это сказывается на культуре и составе населения.

Первая половина XIV в. была периодом относительно спокойного существования Волжской Булгарии в качестве улуса Золотой Орды и формирования булгаро-татарской культуры. В политической жизни он характеризуется появлением княжеств: Болгарского, Казанского, Жукотинского и др.; в экономической жизни – дальнейшим развитием ремесел под воздействием внешних импульсов, в культуре – продолжающейся мусульманизацией жизни.

Верхняя хронологическая грань изучаемого периода, конец XIV – начало XV в., определена как рубеж между булгаро-татарской и татарской культурами. Этот рубеж обозначен изменениями политического, экономического и культурного порядков.

Будучи улусом Золотой Орды, Волжская Булгария во второй половине XIV в. испытывает на себе результаты смуты и борьбы за власть в Орде [300, с. 88; 409, с. 184]. Она переносит ряд военных ударов во второй половине XIV в. от ордынцев, русских князей, ушкуйников и последствия похода Тамерлана. О негативных экономических и политических явлениях на территории Волжской Булгарии свидетельствует состав денежного обращения с 60–70-х гг. XIV в. [409, с. 177, 180–181,183]. А.Г. Мухамадиев считает, что более трагичными, чем монгольское нашествие, для городов Поволжья, и в том числе Болгара, были последствия похода Тамерлана в 90-х гг. XIV в., оставившего после себя руины и обезлюдевшие города [300, с. 104]. Татарский нарративный источник "Дастан Аксак-Тимур", сохранившийся в нескольких списках, повествует о завоевании Биляра и разрушении Болгара, уничтожении 124 представителей булгарской знати и угоне в полон многих жителей [466, с. 33, 36–37]. О затухании политической и экономической жизни Болгара свидетельствует нумизматический материал с Ага-Базара, главным образом начала XV в. [502, с. 335–339].

Во второй половине XIV – начале XV в. происходят сильные изменения во внутреннем устройстве Волжской Булгарии, что создало, по мнению Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского, предпосылки для создания Казанского ханства [127, с. 246]. Начатая монгольским завоеванием ломка внутреннего устройства была завершена Тамерланом. Многочисленные набеги ушкуйников и походы русских князей довершили экономическое разорение старых земель и центров. Новый поток переселенцев из Закамья шел в Заказанье и Предволжье [399, с. 72–78]. В этих условиях к началу XV в. возвышается Казань – Новый Булгар на Волге, вокруг которой консолидируется население и складывается Казанское ханство. Эти политические и экономические изменения повлекли и изменения в культуре. Г.В. Юсупов отмечает в связи с этими переменами распространение единого татарского языка в булгаро-татарской эпиграфике XV–XVI вв. и исчезновение надгробий с булгарским языком (II стиль) [473, с. 42,164].

Я предполагаю, что рубеж XIV и XV вв. являлся и рубежом бытования булгаро-татарской и татарской керамики. Преемственность последней с булгаро-татарской не вызывает сомнения, но требует специального исследования.

Источники

Цель работы определила и выбор основных керамических комплексов. В значительной мере он был связан с лучшей или худшей изученностью памятников как центральных, так и периферийных районов Волжской Булгарии. В обработку вошли преимущественно комплексы памятников Закамья и Предкамья. Домонгольский период представлен в основном комплексами из Закамья – центральных районов Волжской Булгарии этого времени. Золотоордынские материалы происходят главным образом из Заказанья, куда переместился центр булгарских земель после монгольского нашествия.

Большая часть комплексов домонгольского периода происходит из таких крупных городских центров как Биляр, Булгар, Сувар, Джукетау, остальная – из менее значительных, а также из рядовых поселений. В основе исследования керамики домонгольского периода лежат материалы Билярского городища и его окрестностей из раскопок 1967–1982 гг., в том числе многочисленная и почти не опубликованная коллекция керамики из гончарного района из раскопок автора. Кроме того, использовалась керамика из старых собраний ГОМРТ. Целые формы привлекались только из надежно датированных объектов и хорошо стратифицированных участков городища. Эталоном датировки послужила керамика из раскопок гончарного района. Здесь были исследованы остатки девяти гончарных печей X – начала XIII в. [226]. Стратиграфия этого раскопа вследствие лучшей сохранности культурного слоя, наличию следов трех пожарищ, фиксирующихся и на других участках городища и датированных найденными в пожарищах наконечниками стрел и другими вещами, позволила выделить комплексы посуды X, XI, XII, XIII вв.

Исследование керамики золотоордынского периода опиралось главным образом на комплексы крупных городских цен-

тров – Болгара, Иски Казани (Русско-Урматское селище), Казани, Чаллынского городища, Билярского 3 селища (Биляр золотоордынского времени). Кроме того, использовались коллекции менее значительных центров, а также рядовых поселений – Сюкеевского, Балынгузского городищ, селища Чакма и ряда других памятников. Материалы из многолетних раскопок Болгара любезно предоставлены мне Т.А. Хлебниковой. Автором изучались также коллекции, хранящиеся в ГИМе, ГОМРТе, БГИАЗе, МарНИИ и др.

Фонд керамики золотоордынского периода в значительной степени составляют мало- и неопубликованные материалы из раскопок Русско-Урматского селища экспедициями ИЯЛИ под руководством Н.Ф. Калинина [489–490; 492] и Р.Г. Фахрутдинова [404; 514; 504–506; 509–512]. Оба исследователя отчасти расходятся в датировке керамического комплекса памятника, поэтому я несколько подробнее остановлюсь на общей характеристике этого комплекса и его датировке.

Керамика Русско-Урматского селища бытовала главным образом в раннезолотоордынском (вторая половина XIII – начало XIV в.) и позднезолотоордынском (середина XIV – первая половина XV в.) периодах. Для первого из них эталонным комплексом являются материалы гончарной мастерской 1956 г. (раскоп IV). Остатки мастерской были датированы Н.Ф. Калининым медными монетами и вещами последней четвертью XIII в. [492], что хронологически соответствует IV – раннезолотоордынскому – слою Болгарского городища.

Калинин относил Иски Казань к двум периодам: золотоордынскому и Казанского ханства. С Иски Казанью он соотносил Русско-Урматское селище (посад) и Камаевское городище (княжеская резиденция), считая этот город крупнейшим в Предкамье. С его существованием исследователь увязывал кладбища с надгробиями 1281–1380 гг., монетные клады 1310–1428 гг., селища в округе.

В керамике раннего комплекса Русско-Урматского селища 1976 г. Р.Г. Фахрутдинов увидел много архаичных домонгольских черт, что заставило его усомниться в датировке Н.Ф. Калинина [401, с. 152–153; 402, с. 101–103]. Однако нумизматические данные – самые ранние медные монеты из слоя с именем Насир-лид-Дина - датируются, начиная с 40-х гг. XIII в. [359, с. 8–9], самая ранняя эпитафия относится к 1281 г. С началом золотоордынского периода как будто увязывается возникновение памятника и на основе анализа письменных источников и народных преданий [401, с. 157–161; 402, с. 97–107]. Именно поэтому выявление и изучение раннего – домонгольского – керамического комплекса Иски Казани на широком сравнительном фоне остается насущной задачей булгарской археологии.

Опорным керамическим комплексом Иски Казани середины XIII – первой половины XV в. являются материалы из раскопок гончарной мастерской 1983 г. [404; 510; 514]. Мастерская существовала в течение трех периодов. С первым из них связана монета Насир-лид-Дина (60-е гг. XIII в.) и большое количество посуды в нижнем горизонте сооружений мастерской, в том числе с А-образным клеймом; со вторым (вторая половина XIV в.) – монета с чеканом Хызра, производство труб, керамических "бомб", развалы необожженной посуды (сырые формы), обломки серебряной чаши, украшенной "ложками" в придонной части и по тулову (стилистически чаша близка глиняным сосудам из позднезолотоордынского слоя Болгара).

С последним периодом существования мастерской (первая половина – середина XV в.) можно связать следы пожарища с двумя железными наконечниками стрел остролистной и ромбовидной форм, датирующихся, по А.Ф. Медведеву [289], XIV–XV вв. С этим же периодом, кроме вышеназванных керамических изделий, связаны многочисленные находки полихромной посуды хорезмийского облика тимуридского времени и голубых фаянсовых бусины и пуговицы [404; 514]. Важно отметить, что на этом участке в более раннем слое найдена медная монета Насир-лид-Дина и обломки сосудов с клеймом "А", которые заметно отличаются от материалов мастерской второй половины XIV – первой половины XV в. Верхняя дата гончарного комплекса из этой мастерской, вероятно, совпадает с прекращением обитания здесь основного населения в середине XV в., что фиксируется летописями [373, с. 62, 63], а

также устройством на этом месте кладбища XV – первой половины XVI в. [401, с. 133].

В работе привлекались обширные опубликованные данные. Керамика Болгара, Сувара, Джукетау, Алексеевского городища, Пальцинского и Рождественского селищ и многих других памятников Волго-Камья, известна в рисунках и реконструкциях Т.А. Хлебниковой. Для сопоставления использовались также неопубликованные коллекции из раскопок нижне-волжских центров золотой орды эпохи Казанского ханства с Камаевского городища (раскопки Р.Г. Фахрутдинова, 1972–1989 гг.) и Казани (раскопки А.Х. Халикова, А.Г. Мухамадиева, Л.С. Шавохина, Ф.Ш. Хузина, А.Г. Ситдикова и др., 1976 – 2000). Л.М. Левина ознакомила меня с интереснейшими собраниями керамики памятников низовьев Сырдарьи, Л.Л. Галкин – Сарайчика, Г.А. Архипов и Т.Б. Никитина – с древнемарийской, а М.Г. Иванова и Т.И. Останина – с древнеудмуртской керамикой. В многолетней работе мне содействовали также А.М. Ефимова, Е.П. Казаков, П.Н. Старостин, Р.С. Габяшев, М.Д. Полубояринова, С.В. Кузьминых, Д.Г. Мухаметшин, М.Г. Косменко, М.Ш. Галимова, а также многие коллеги по совместным экспедициям в Биляре, Болгаре, Русском Урмате и Камаеве. Всем им выражаю глубокую признательность. Особенно я благодарна Т.А. Хлебниковой, советы, поддержка и помощь которой способствовали написанию этой книги, а также Ф.Ш. Хузину, по инициативе которого она увидела свет.

Завершая обзор источников, отмечу, что статистическую обработку прошли многотысячные коллекции керамики. В типологию включено более 1100 целых и реконструированных форм массовой общебулгарской посуды, множество форм специального назначения и редких, а также около 900 форм традиционной посуды.

ГЛАВА 1

КЕРАМИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI – НАЧАЛА XIII в.

В данной главе рассматриваются группы керамики, бытующие во второй половине домонгольского периода, начиная со второй половины XI в. Согласно классификации Т. А. Хлебниковой, это I, II, VII, VIII, XIII, XIV, XVI, XVII группы, а также XXI, выделенная автором. Вначале описаны традиционные группы, а затем общебулгарская (I). Такая последовательность обусловлена задачей – выявить традиции, которые оказали воздействие на формирование булгарской и булгаро-татарской керамики.

1. Традиционная керамика

II группа керамики (рис. 2) представлена единичными плоскодонными горшками с шамотным тестом, отделанными отпечатками пальцев по краю, и крышками.

Горшки (рис. 2, *1–2*) – 2 экз.; пропорции по сохранившейся верхней части: D1:D=79–80%, H1:D=28–29,5%, т.е. сохраняют свойственную им широкогорлость и пропорции сосудов предшествующего раннебулгарского периода [451, рис. 4, *1–4*, 15, *1–2*, 28, *1–3*, 72, *1–3*]. *Крышки* (22 экз.) с пестообразной ручкой также сохраняют форму экземпляров X–XI вв.[451, рис. 72, *13–16*]. В орнаментации части крышек рассматриваемого периода появляются новые элементы: отпечатки гребенки в виде елочки и жгута, кружки, волны в два пояса. Эти элементы характерны для отделки булгарской керамики VIII, IX, XIII, XXI и позднекушнаренковской и караякуповской групп кера-

мики Башкирии [273, табл. 22, 23, *14*]. Они использовались в декоре сосудов не только глиняных, но и деревянных долбленых, известных по этнографическим материалам в горных районах Башкирии до недавнего времени [6, рис. 74, табл. 17, 23, *2–3*]. Крышки этих деревянных сосудов повторяют в точности элементы декора булгарских шамотных крышек. Эти параллели, вероятно, свидетельствуют об общности традиционной символики.

Традиции изготовления керамики II группы заметнее сохраняются в данный период в больших крышках с пестообразной ручкой и солярной орнаментацией. Количество их сократилось по сравнению с X – первой половиной XI в. в десять раз (Биляр), что, возможно, связано с распространением деревянной тарной посуды. Керамика II группы встречается спорадически в Биляре, Суваре, Болгаре, на Муромском городке и других памятниках, особенно на южной окраине булгарских земель, начиная с IX в. В своих истоках она связана с т.н. кочевнической керамикой салтово-маяцкой культуры [451, с. 192]. Я присоединяюсь к точке зрения тех исследователей, которые относят ее к огузо-печенегам [97, с. 6–7].

Почти на всех памятниках данного периода присутствует в небольшом количестве (менее 1%) [180; 185; 189–190; 449, с. 141; 451, с. 106–116, 158–162, 191–194; 225, с. 212; 457, с. 38–39] посуда VII и VIII групп прикамско-приуральского происхождения.

VII группа (рис. 3–4) – лепная круглодонная посуда преимущественно раковинного теста с гребенчато-шнуровой орнаментацией (горшки и миски) – встречается повсеместно с начала X в. Полнее она представлена в прикамских поселениях: Рождественское – 1,5% [112, с. 75, табл. Р], Джукетау – 11,2% [447, с. 250–251], Алексеевское – 20,8% [444, с. 163]. ***Горшки*** (рис. 3, *1–10*) – 11 экз.; H3=6–8,5 см, D3=8–25,4 см; H3:H=23–43%, D1:D=60–98% (рис.4, А); по пропорциям тулова – пяти типов (рис. 4, Б): *тип 1* (рис. 3, *4–5*) – 5 экз.; D3=16–18 см, H0=19–20,5 см; H:D=60–70%, H1:H=40–44%; вытянутое вверх; *тип 2* (рис.3, *3,7*) – 3 экз.; D3=18 см, H0=13–15 см; H:D=52–57%, H1:H=43–47%; приземистое; *тип 3* (рис. 3, *9*) – 2 экз.; D3=18 см, H0=20 см; H:D=78–80%, H1:H=45–50%; D в середине H; *тип 4* (рис. 3, *1*) – D3=18 см, H0=17 см; H:D=60%, H1:H=33%; реповидное; *тип 5* (рис. 3, *2, 9*) – D3=7,6 см, H0=6,7 см; H:D=99%, H1:H=22%; D3 близко к D.

Объем некоторых горшков достигает 6 литров. Их отличает высокая (до 7 см) подцилиндрическая горловина. Выявленное разнообразие пропорций тулова отражает особенности традиций населения районов бытования этой керамики. ***Миски*** по пропорциям тулова – трех типов (рис. 4, Б): *тип 1* (рис. 3, *12*) – H:D=32–35%, H1:H=13–27%; D в середине тулова; *тип 2* (рис. 3, *10*) – H:D=34%, H1:H=43%; реповидное; *тип 3* (рис. 3, *11*) – H:D=38%, H1:H=0%; приземистое. Миски типов 1–2 с высокой горловиной (до 3,5–5 см) относятся к предмонгольскому времени.

В оформлении венчика у сосудов VII группы наблюдаются некоторые региональные различия. В Биляре преобладают венчики с приостренным внешним краем, в прикамских памятниках – утоньшенные, со скосом вовнутрь, в поволжских (Болгар, Муромский городок и т.д.) – закругленные. Различаются они также по пропорциям горловины и верхней части тулова (рис. 4, В, Г). На материалах Биляра заметно смешение этой группы с VIII и другими группами прикамско-приуральской посуды [457, рис. 6, *1, 16, 17*, 7, *3*, 8, *1*]. Гребенчато-шнуровая орнаментация остается неизменной. Изредка встречаются отпечатки мелкозубчатого штампа и резная вертикальная елочка, "бахрома", зигзаги, ромбовидные фигуры из отпечатков гребенки, свойственные керамике с аналогичным оформлением из башкирских памятников. Сосуды с подобными узорами содержат иногда примесь дробленого известняка и слюды.

В литературе существуют две основных точки зрения на происхождение керамики VII группы. Т. А. Хлебникова видит в ней результат взаимодействия неволинской цилиндрошейной керамики бассейна Сылвы с верхнекамской посудой и связывает с финно-уграми (с преобладанием угров) [444, с. 173; 445, с. 64–65; 451, с. 106–112, 223–224]. Е. П. Казаков первоначально рассматривал ее как синтез позднекушнаренковской

и верхнекамской (чепецкой) и в качестве башкиро-приуральского компонента в культуре ранней Волжской Булгарии [180, с. 127–128]; позднее пришел к выводу о распространении керамики VII группы из районов Среднего Урала и определил как постпетроғромскую. Появление ее в курганных могильниках на территории Башкирии Казаков датирует концом X – XI в. и предположительно связывает с кочевыми уграми [187, с. 127; 189, с. 25–32]. Я разделяю его точку зрения об угорской принадлежности гребенчато-шнуровой керамики Волжской Булгарии.

Керамика VIII группы (рис. 5–7) с песочной и другими добавками в тесте по форме сходна с VII и появляется вместе с последней в X в. Наиболее полно она представлена в материалах Закамья (Биляр – 0,1%, Сувар, Джукетау, Остолоповское). Своеобразие этой керамики наблюдается в разнообразном составе теста, деталях формы и орнаментации. В тесте преобладает мелкий песок и растительность, реже добавки в виде шамота, раковины и дресвы. Горловина сосудов оформлена с подправкой на центрированной подставке, округлодонное тулово сформовано от руки, вероятно, в деревянной форме. На некоторых сосудах есть следы сглаживания кожей и пучком травы.

По форме и орнаментации можно выделить две подгруппы. Подгруппа VIII–1 представлена круглодонными горшками, мисками и триподом (рис. 5). Среди *горшковидных* (14 экз.) встречаются довольно крупные высокие сосуды с D3 до 23 см и H0=28 см и крупные низкие сосуды с D3=28 см и H0=18,5 см, но преобладают с D3=15–22 см и H0=15–17 см; по пропорциям тулова – двух типов: *тип 1* (рис. 5, *2–5, 7, 9*) – H:D=41–51%, H1:H=41–47%; более низкие: тип 2 (рис. 5, *1, 6, 8, 10*) – H:D=55–68%, H1:H=39–45%; более высокие. Венчики разнообразные, но чаще встречаются утоньшенные, загнутые и со скосом вовнутрь [225, с. 213–217]. ***Миски*** (рис. 5, *11–13*) – 3 экз.; D в середине тулова, H: D=30%, H1:H=30–36% (рис. 7); горло в виде цилиндра и раструба; оформление венчиков аналогично тому, что и у горшков. Любопытен чашевидный сосуд – *трипод* с ручкой (курильница?) со всеми характерными признаками керамики VIII группы (рис. 6, *11*). Появление трипода

в этой группе (как и в булгарской посуде в целом) связано, вероятно, с традициями культа предков или нового года, когда при совершении обрядов окуривали дом девясилом [394, с. 97–102; 273, с. 130–131].

Орнамент выполнен зубцом или отпечатками нескольких зубцов, а также краем скользящей гребенки. Характерная композиция – резные неровные линии по горлу в 4–6 рядов и отпечатки гребенки по плечикам (рис. 5, *12*). Встречается также многозонный узор из прямых и волнистых линий, насечек – горизонтальных, выполненных скользящей гребенкой (рис. 5, *4*, 6, *4–5*), в виде елочки (рис. 6, *2–3*, 7, *9–10*), зубчиков (рис. 5, *9–10*), волны – одинарной, плавной, острой и гирлянды. Керамика подгруппы VIII–2 найдена в единичных экземплярах пока только в Биляре в слоях XI – начала XIII в.; выделяется и описывается впервые. В крупных обломках горловин известны два горшка (рис. 6, *2*) и четыре котла (рис. 6, *6–7, 9–10*). Песочное, плотное по структуре тесто содержит мелкие органические примеси, а один из котлообразных сосудов – толченую раковину (рис. 6, *10*). Черепок коричневый, бурый, с темной прослойкой, т.е. отличается от керамики подгруппы VIII–1 технологически. Донная часть сохранилась только у котлов: дно слегка уплощенное. Стенки ровные, тонкие, на внутренней поверхности горизонтальные неровности, внешняя – сглажена кожей, однако заметны и следы обработки пучком травы.

Горшки (рис. 6, 8) имеют подцилиндрическую широкую низкую горловину с уступом-закраиной для крышки и реповидное тулово; D3=19–19,5 см, H0 примерно 14–14,5 см; пропорции по верхней части – D1:D=88–89%, H1:D=14%, т.е. близкие некоторым горшкам VIII группы – D1:D=80%, H1:D=16% (рис. 6, *2*). Украшены многоэонным ровным орнаментом с насечками. Своеобразно оформление венчика в виде широкого скоса, несколько оттянутого наружу. Подобного типа венчики, а также отделка в виде насечки встречаются среди керамики турбаслинской культуры [273, табл. 8, *3*, 11, *3*, 12]. Полной аналогией являются сосуды с Кыласова городища (ПАКУ, №№ 1880, 374–4403).

Котлы (рис. 6, *6–7, 9–10*) сформованы в виде сплюснутого шара, верхняя часть отделана уступами, донная – уплощена. Края у двух котлов загнуты вовнутрь с уступом для крышки; у одного из них – низкая горловина, край которой оформлен в виде уступа для крышки. Последние – с органической примесью – встречены в обломках (рис. 6, *8*). Котлы с загнутым вовнутрь краем (рис. 6, *6–7, 9*) характеризуются DЗ=16–20,5 см; высота приблизительно 19 см; H:D=67%, H1:H=30%; у одного из них – четыре ручки в виде трех полукруглых петель с продольной ложбинкой. DЗ котла с горловиной (рис. 6, *10*) – 20,5 см, HO приблизительно 24 см; H:D=59%, H1:H=23%.

Горшки и котлы украшены резным елочным орнаментом, выполненным крупными отпечатками, напоминающими шнуровой узор. На горшках, кроме того, присутствует гирляндообразная волна, косые насечки. У котлов пояса елочного узора – с противоположным направлением, пролегают по краю сосуда в ложбинках, образованных уступами. Аналогичный орнамент характерен для керамики и металла кушнаренковских и караякуповских памятников восточных районов Татарии и Башкирии [185, рис, 6, *10, 13–14*; 273, табл. 22, *5, 14, 23*; 43, рис. 6]. В этих ж районах он известен и по этнографическим материалам: в резьбе по дереву у юго-восточных башкир и особенно в декоре долбленных сосудов для кумыса, издавна изготовлявшихся в горно-лесных районах Башкирии [6, с. 235–237, рис. 124, *11, 15, 18*, 74, 76, табл. 22, *2*, 23, *2*].

Сплющенно-подшаровидной формой, уступчатым верхом, закраиной для крышки и солярной орнаментацией деревянные сосуды напоминают билярские котлы. По сведениям Н. В. Бикбулатова, сосуды для кумыса принадлежали племенам бурзян, карагай- и гирей-кыпчакам, а также юрматынцам. Елочный узор с противоположным направлением поясов, как и на билярских сосудах, оставался постоянным, однако только в изделиях бурзян, имеющих аналогии в узорах деревянных подойников алтайцев [6, с. 149–152]. Прототипом формы котлов из Биляра, возможно, являлись глиняные котлы с уступчатым верхом VII в. из Афрасиаба [310, с. 175, рис. 8, *11*; 174, с. 81, рис. 6, *4*]. Столь отдаленные аналогии котлам из Биляра

вполне согласуются с бурной историей башкирского племени бурзян. По мнению Р. Г. Кузеева, бурзяне – тюркское по происхождению племя, родственное печенегам, испытавшее влияние инкорпорантов ираноязычного происхождения [250, с. 139–143].

Е. П. Казаков рассматривает керамику VIII группы как часть и переходный вид гребенчато-шнуровой (VII группа), сложившийся под влиянием булгарской гончарной посуды. Он видит сходство керамики VIII группы по составу теста и некоторым узорам – с верхнекамской чепецкой [180, с. 128, табл. 1а, 3, *9–10*], а с позднекушнаренковской* – в деталях формы и расположении орнамента. Иная точка зрения была высказана мною. Я выделяла эту керамику по технике изготовления, форме и орнаменту в самостоятельную подгруппу керамики Волжской Булгарии прикамско-приуральских истоков и видела прототипы некоторым сосудам этой группы среди посуды Неволинского могильника [225, с. 213–218, 227]. Т.А. Хлебникова в последующих работах делает вывод о формировании VIII группы на основе позднекушнаренковской керамики Волжской Булгарии и Башкирии в контакте с пестрым по составу населением Прикамья и Приуралья [451, с. 112–116].

Исследование технологических признаков керамики VIII группы подтвердило правомерность ее выделения, выявило смешанность и вследствие этого размытость технологических навыков, и только часть ее обнаружила преемственность с технологическими признаками керамики IV группы [87, с. 16–17].

Ранее отмеченное мною сходство цилиндрошейных сосудов VIII в. Неволинского могильника [105, табл. 6, *1–2, 4, 7, 11*] и сосудов VIII группы неслучайно. Оно проявилось в более низком широком тулове и горловине, чем у позднекушнаренковских сосудов. Сравнение пропорций горшков VIII группы и некоторых сосудов караякуповской группы Башкирии, напротив,

---

* Этническая принадлежность кушнаренковской керамики определяется большинством исследователей как угорская, некоторые относят ее к тюрко-уграм, другие – к самодийцам [108; 273; 436; 185; 196; 81].

показывает их полную идентичность [273, табл. 24, *8*, 25, *12*, 26, *7*]: D1:D = 63–93% и соответственно 79–92%, H3:H= 23–46% и 21–37,5%. Сравним их с пропорциями цилиндрошейных сосудов Неволинского могильника – D1:D=75–81%, H3:H=23–46%. Как видим, они полностью совпадают.

Композиция орнамента и его элементы у цилиндрошейной посуды Неволинского могильника, некоторых сосудов караякуповской и VIII группы Волжской Булгарии имеют общие черты. Орнамент чаще всего выполнен широким резцом в отличие от кушнаренковской керамики. Как правило, он состоит из двух зон: резных линий по шейке и в сочетании с разными отпечатками по плечикам. Наряду с распространенными в керамике Неволинского могильника элементами узора в виде елочек, зигзагов, наклонных нарезок в несколько рядов, имеются также сосуды с линейно-волнистой орнаментацией, как в VIII группе (рис.5, *2, 5*). Данный вопрос, однако, требует специального исследования*.

Воздействие традиций кушнаренковской керамики, сохраняющееся в караякуповской и посуде VIII группы, проявилось в мелкопесочном тесте, частично в технике изготовления, в многозонности некоторых узоров, включающих такие элементы как насечки "скользящей гребенки", "решетка", "флажки", "бахрома" (рис. 5, *2,4–5*, 6, *4–5*) [273, табл. 19, *2,4*, 20, *3–15*]. Отсутствие в керамике VIII группы такого характерного для караякуповской посуды элемента как жемчужины [273, с. 74] указывает, вероятно, лишь на утрату данной традиции к X в. под влиянием традиций как позднекушнаренковских, так и других верхнекамских и приуральских групп.

* В связи с этой группой населения интересно сообщение, приведенное Д.М. Исхаковым из "Дафтар-Чингиз-наме" о том, что Аксак-Тимур по пути в Бухару зашел к народу на урочище "Кыйа" (змея), в местность, населением которой были бескалпаки, прозванные бараж (змей). Они (бескалпаки) пришли в город Буляр после захвата Болгара Тимуром. Население это (VIII-2 группа) в золотоордынский период, по-видимому, было тесно связано с представителями VII и группы т.н. чияликской керамики в восточных районах Татарии [183. с. 88-89] и на памятниках округи Биляра [277, с. 152].

Аналогичные пропорции форм (D1:D=87–91%, H3:H=33%), отмеченные выше элементы орнаментации и их композиции передались от караякуповской керамике Волжской Булгарии (рис. 5, *4*, 6, *4–5*).

Керамика VII и VIII групп, появившись в Нижнем Прикамье на рубеже IX–X вв., несет черты посуды караякуповской группы и окончательно формируется среди этнически пестрого населения Волжской Булгарии. Сходство VII и VIII групп объясняется общностью их истоков и принадлежностью населению Башкирского Приуралья, вошедшему в состав Булгарского государства. Однако имеющиеся существенные различия в технологических традициях, формах, отделке позволяют видеть в этих группах керамики носителей разных по происхождению этнических групп.

Наибольшее количество и разнообразие этой керамики приходится на X–XI вв., затем доля ее заметно падает к концу домонгольского периода [225, с. 223, рис. 101]. Резкое сокращение керамики VIII группы может объясняться, с одной стороны, интенсивной тюркизацией смешанного угорско-тюркского населения этой группы в пределах Волжской Булгарии под воздействием носителей IX, X, XIII и XXI и иных групп, а с другой – возможным переселением части населения этой группы в Пермское Прикамье. Аналогичная керамика подгруппы VIII–1 содержится в слоях XII–XIII вв. на Кыласовом городище наряду с ее разновидностью – подгруппой VIII–2 и общебулгарской посудой (ПАКУ, № 1880, 374–4403 и др.).

Керамика подгруппы VIII–2 появляется на Билярском городище лишь во второй половине домонгольского периода (вторая половина XI – начало XIII в.) вместе с посудой подгруппы VIII–1. К концу этого периода относятся аналогичные сосуды с Кыласова городища. Специфичные фактура черепка, формы и орнаментация этой незначительной, но достаточно своеобразной и выразительной подгруппы посуды находят аналоги в археологических и этнографических материалах населения Башкирии, включившего заметный ираноязычный компонент.

XIV группа керамики (рис. *8*) – песочно-дресвяного теста, с шероховатой поверхностью, круговой выделки – представле-

на горшками и мисками с резным линейным орнаментом по плечику. *Горшки* (рис. 8, *1–2*; 6 экз.) – двух типов: *тип 1* (рис. 8, *1*) – узкогорлые конические; D1:D=76–86%, H1:D=12–15%; *тип 2* (рис. 8, *2*) – широкогорлые округлые; D1:D=86%, H3:H=24%, H:D=82–83%, H1:H=18%. Миски (рис. 8, *3–4*; 2 экз.) – D1:D=92–93%, H:D=4–7%, H3:H=23–29%, H:D=41–42%, H1:H=9–17%. Миски и горшки характеризуются наибольшим диаметром в верхней части, сильно изогнутой горловиной и загнутым вовнутрь краем с желобком, резным линейным орнаментом по плечику. Исходным районом для этой группы керамики, предположительно, была Северо-Восточная Русь [371, с. 93–110; 373, с. 153–166; 352, с. 88; 353, с. 40; 354, с. 96, 128].

Анализ рецептуры теста свидетельствует о воздействии булгарского гончарства на основные культурные традиции этой керамики [87, с. 18]. Она встречается в незначительном количестве в Болгаре, Биляре, Джукетау и еще на некоторых памятниках вместе с керамикой XVI группы и связана со славянским этнокультурным кругом Северо-Восточной Руси [451, с. 198–201].

XVI группа (рис. 9) – горшкообразные и мискообразные сосуды гончарной выделки с тонкими дном и черепком, примесью раковины, изредка шамота и серой, бурой и желтоватой поверхностью черепка, подобные по форме горшкам XIV группы, но с более круглым туловом и почти без орнамента. *Горшки* (8 экз.) – двух типов; *тип 1* (рис. 9, *1–2*) – конические узкогорлые; D1:D=72%, H3:H=15%, H:D=77%, H1:H=21%, H3:D1=16%, H4:H3=74%; *тип 2* (рис. 9, *3–5*) – округлые широкогорлые; DI:D=79%, H3:H=10%, H:D=72%, H1:H=15%, H1:D=9%, H4:H3=76%. Эта группа характеризуется значительной неоднородностью и смешанностью гончарных традиций [87, с. 19]. Выявлена на Джукетау, Рождественском и Кайбельском селищах.

Аналогичная посуда изучена на памятниках Марийского и Чувашского Поволжья, что привело Т. А. Хлебникову к выводу о местном фино-угорском этносе населения, использовавшего эту керамику. Осваивая гончарный круг славянского типа,

это население переняло форму горшков, но сохранило традиционное тесто [442, с. 164–167; 443, с. 89–90]. Отмеченное Хлебниковой сочетание керамики XIV и XVI групп в одних и тех же памятниках Волжской Булгарии (Джукетау, Рождественское, Кайбельское и т.д.) при смешанности их традиций, возможно, указывает на генетическую связь носителей этих двух групп.

XVII группа (рис.10, *1–5*, 11) представлена горшками (20 экз.; D1:D= 60–78%, H3:H=14–28%, H:D=68–80%, H1:H=38–41%, H1:D=25–40%) мелкопесочного теста, иногда с добавлением навоза [500, с. 77], серо-бурого цвета, ручной формовки донной части и круговой – верхней части сосуда, со следами срезания ножом или щепой лишней глины по горизонтали; дно ровное, довольно широкое; венчик утоньшенный; по плечику – характерный орнамент волна-"змейка". Изучение технологии керамики этой группы показало неоднородность технологических приемов изготовления и отсутствие четких связей гончарных традиций с другими группами населения Волжской Булгарии [87, с. 19]. Посуда этой группы появляется к XII в. и выделяется по материалам Сувара [449, с. 148, рис. 7], где наиболее заметна – 14,7% [449, с. 140, 146], и Рождествена [451, с. 201–205].

По мнению Т. А. Хлебниковой, XVII группа сложилась в X–XI вв. (на основе VIII при участии IX и возникшей на ее основе XIII), может быть отнесена к ремесленной и переходной от VIII к общебулгарской цилиндрошейных форм [451, с. 205]. Среди общебулгарских горшков и мисок имеются образцы близких ей сосудов (рис.10, 6–7). С изменением техники изменяются и пропорции: наибольший диаметр тулова у посуды XVII группы значительно выше. Гончарные сосуды, однако, сохранили детали форм, орнамент "змейку" с наклоном влево, состав теста, обработку поверхности щепой, цвет черепка, а значит и прежний режим обжига. Керамика XVII группы принадлежит населению, связанному корнями с Башкирским Приуральем и Нижним Прикамьем [451, с. 205].

XIII группа (рис. 12–14) (т.н. тип джукетау) характеризуется большим содержанием кварцевого песка и красных включе-

ний в тесте, розовым, желтым, серым, коричневым и бурым цветом черепка с темной прослойкой, ручной техникой формовки, чаще с центрированной подправкой горловины, обработкой поверхности горизонтальным срезанием лишнего теста и заглаживанием. Орнамент – многорядная с сильным наклоном частая волна, иногда в два или несколько поясов по плечику, изредка по внутреннему краю (рис. 13, 6–*8*), реже – отпечатки гребенки, резные линии, насечки, наколы. Группа представлена круглодонными горшками и чашами, иногда с петлевидными ручками, прикрепленными к верхней части тулова, выполненными в технике лоскутно-кругового налепа [500, с. 74, 115]. Горшки (рис. 12, *1–8*, 14; 34 экз.) – четырех типов: *тип 1* (рис. 12, *1*) – H:D=50–60%, H1:H=30–36%; низкие; реповидное тулово, близкое к чашам; D в верхней части, горловина низкая широкая, венчик утонченный; *тип 2* (рис. 12, *2*) – H:D=60–70%, H1:H=30–45%; средние, сплюснутое подшаровидное тулово, D в средней части, горловина более высокая, край закругленный или приостренный; *тип 3* (рис. 12, *3, 4*) – H:D=70–80%, H1:H=48–52%; высокое шаровидное тулово, горловины разной высоты, венчики – аналогичные типу 2; *тип 4* (рис. 12, *5, 8*) – H:D=60–70%, H1:H=48–52%; низкие шарообразные почти без горловин, с петлевидной или "горбатой" ручкой, венчик приостренный или закругленный. Наблюдаемая в этот период динамика изменения горшковидных сосудов в высоту объясняется, вероятно, не только внутренним развитием этих форм, но и приспособлением их к печам иного - прикамского типа [304, с. 85–86].

Чашевидные сосуды (рис. 13, *2–3, 5–9*, 14; 36 экз.) – четырех типов, т.е. 1, 5–7, по Т. А. Хлебниковой; тип 1 (рис.13, *2–3*, 6) – H:D=53–60%, H1:H=40–45%; глубокие чашевидные, без горловин, с ручками и без них; *тип 5* (рис. 13, *8–9*) – H:D=40–50%, H1:H=23–40%; мискообразные, с выделенной горловиной; *тип* 6 (рис. 13, 5) – H:D=30–40%, H1:H=40–50%; низкие чашевидные, без горловины; *тип 7* (рис. 13, 7) – H:D=40%, H1:H=0%; открытые чаши без горловины. Венчики чашевидных сосудов приостренной формы и лишь иногда с закругленным наружу, как у горшков, краем.

XIII группа керамики занимает наиболее заметное место после общебулгарской (I группа) и среди традиционных. Она фиксируется уже в X в. в памятниках Нижнего Прикамья (район Джукетау) и локализуется в основном в этом регионе [447, с. 250; 451, с. 230]. В Джукетау ее доля в данный период достигает 44–65%, меньше на Остолоповском селище – 10,2% [445, с. 60] и Алексеевском городище – 2 % [444, с. 162]. В коллекции Билярского городища доля этой керамики весьма незначительна – 0,03% [225, с. 212], в Болгаре найдены лишь единичные фрагменты, в Суваре она отсутствует [451, с. 230]. В Биляре, однако, выявлена близкая к ней по фактуре и орнаменту, но отличная по технике формовки плоскодонная керамика, выделенная мною в XXI группу [504–505; 512].

Происхождение XIII группы рассматривается Т. А. Хлебниковой в связи с пониманием истоков керамики IX группы с шамотно-навозной примесью начала X в., выявленной в Нижнем Прикамье на Алексеевском городище [444, с. 170]. Обе группы близки своими круглодонно-чашевидными формами. Керамика IX группы в единичных случаях встречается в предмонгольских и золотоордынских слоях Болгара [452, с. 29–31]. Ее истоки связываются с памятниками Южного Казахстана и Киргизии и отождествляются с исторически известными гузами-куманами, по сведениям Аль-Балхи (920–921 гг.), подвластными булгарам [451, с. 118–121].

Наблюдая некоторое сходство форм, орнамента, приемов техники изготовления и способ крепления ручек, Т. А. Хлебникова полагает, что IX группа явилась основой формирования XIII, происходившего при контакте с прикамско-приуральским населением (VII и VIII группы). Предполагается, что в результате этого могли появиться в некоторой части керамики XIII группы примесь раковины и гребенчатый орнамент [451, с. 169]. Имеющиеся отличия в фактуре теста и орнаментации IX и XIII групп объясняются переходом под влиянием булгарского гончарства к ремесленной технике с применением вращения (песочная примесь, формовка верхней части сосудов, цвет черепка, отчасти орнамент) [451, с.169]. Это заключение представляется мне спорным, поскольку техника изготовления кера-

мики IX и XIII групп равно примитивна, хотя и своеобразна. А значит, здесь проблематично говорить о влиянии булгарского гончарства. Исследование И. Н. Васильевой технологии керамики XIII группы подтвердило определенную самобытность гончарных традиций, допускающую самостоятельный характер появления ее в Волжской Булгарии, и, вместе с тем, выявило близость IX и XIII групп в навыках гончарства и смешение их с традициями прикамско-приуральского населения на булгарской территории [87, с. 17–18].

Поскольку формы и их ассортимент посуды IX и XIII групп сходны, обратимся к анализу орнамента, имеющего в данном случае этническую специфику. Для IX группы (и некоторых форм сопровождавшей ее столовой и тарной посуды X группы* мелкопесочного теста) свойственна малоорнаментированность [451, рис. 44, 47], что отличает ее от остальных групп булгарской керамики. Эта же черта характерна и для керамики культуры Каунчи 2 Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. [266, рис. 31–32] – исходной, по Т.А. Хлебниковой, территории носителей IX и X групп. Орнамент этих групп – плавная или крутая одинарная волна (горшки), две резных линии под венчиком (кружки), "плетенка" (кружка на поддоне) – действительно имеет тождество в керамике Каунчи 2.

На сосудах XIII группы одинарная крутая волна встречается очень редко и в сочетании с линейным узором. Характерный узор этой группы – многорядная частая волна со специфичным наклоном влево, иногда отпечатки гребенки, наколы, насечки, волнистые линии по внутренней поверхности края – отсутствует в IX и X группах. Орнамент этих групп нанесен концом острой палочки, а у XIII – частой гребенкой и изредка острием, однако такие черты оформления как бессистемное лощение, ручки с пуговкообразным налепом, каблучный поддон у кружек IX и X групп и украшение внутреннего края сосудов XIII группы встречаются в керамике Каунчи 2 [266, рис. 31–32]. Некоторое сходство имеется в деталях форм XIII группы и

* По мнению автора, IX и X группы керамики принадлежали одной этнической группе населения.

каунчинской посуды, а именно: отогнутые наружу горловины, утоньшенные венчики у горшков, абрис ручек и крепление их с помощью штыря, близкие формы чаш и т.д., однако полных аналогий формам посуды XIII группы среди каунчинской нет. По-видимому, права Т.А. Хлебникова, которая полагала, что формирование гончарных форм XIII группы связано с районом Нижнего Прикамья.

Таким образом, черты сходства некоторых форм и отчасти орнамента IX и XIII групп керамики указывают на общие истоки в их формировании, сложившиеся, вероятно, у кочевого населения юга Казахстана и севера Средней Азии. Не исключена возможность смешения этих двух групп в Нижнем Прикамье. Пример того – Алексеевское городище, где они отложились в значительном количестве в слое X–XI вв. [444, с. 162–163, 167–170]. Однако выводить XIII группу из IX, связывая этот переход с воздействием булгарской гончарной посуды на круглодонную ручной выделки было бы, на мой взгляд, упрощением этнической картины. Если считать XIII группу переходной от IX к I, логично было бы видеть в Джукетау и IX группу, но здесь преобладает XIII и отсутствует IX [451, с. 225–231]. По-видимому, Нижнее Прикамье получило новый приток населения из исходных для IX и X групп районов, т.е. из Центрального и Южного Казахстана.

В этой связи обратимся к характеристике XXI группы, которая ретроспективно позволяет подойти к иному пониманию истоков и несколько иной этнической интерпретации керамики XIII группы.

XXI группа (рис.15–18) – круговая керамика мелкопесочного теста, напоминающая общебулгарскую, но с более грубым тестом, более толстостенная, преимущественно желтого цвета, почти без лощения или же с тонким полосчатым (т.н. I комплекс; рис. 15) и сопровождающая ее круговая крупнопесочного теста керамика, близкая XIII группе по фактуре и отчасти орнаменту, но выполненная с применением центрированного приспособления (т.н. II комплекс; рис. 16–17).

Керамика XXI группы в заметном количестве (до 60%) найдена в Биляре, в юго-западной части внешнего города (XVIII

раскоп). Керамика обоих комплексов найдена в одном слое, не потревоженном перекопами, и четко датируется XI в., возможно, началом XII в. Как убедительно показала Е. А. Халикова, вещевой материал и данные относительной стратиграфии свидетельствуют о том, что район XVIII раскопа в предшествующее (X в.) и в последующее время (с XII в.) был занят под кладбище [436, с. 132–136]. Таким образом, керамика интересующих нас комплексов бытовала главным образом в XI в. Исследователями, и в частности Г. В. Григорьевой, описавшей эту керамику, отмечалось отличие крупнопесочной керамики этого района от общебулгарской, более ранней на городище, однако своеобразие сопровождавшей ее мелкопесочной посуды Григорьевой не было замечено [129, с. 203–208]. В дальнейшем крупнопесочная посуда была выделена в гончарном районе Биляра (XX раскоп), в слоях XI – начала XIII в., на Билярском XVII селище (пригород Биляра) [456, с. 20–47], в Джукетау [447].

Для характеристики керамики XXI группы привлекаются материалы XVIII (обработка Г. В. Григорьевой) и XX (обработка автора) раскопов и Билярского 17 селища (обработка Ф. Ш. Хузина). Подробнее опишем наиболее раннюю керамику XXI группы, известную по двум комплексам материалов XVIII раскопа Билярского городища.

Керамика I комплекса (рис. 15) содержит в тесте мелкий песок, иногда с добавлением крупного речного. Черепок – плотный, толстый, с заметными прослойками, появившимися в результате несовершенного обжига. Техника изготовления, по визуальным наблюдениям, спирально-жгутовая, как и в X группе [86, с. 119]. По подсчетам Г. В. Григорьевой, эта керамика, представленная в основном столовыми формами, в отличие от общебулгарской посуды на 79,5–85,8% без лощения, лощение бессистемное. Отмечается, что она заметно отличалась от общебулгарской посуды, залегавшей ниже, в слое X в. [129, с. 203–206, рис. 94]. Эти же признаки – примесь крупного песка и дресвы, мелкопесочное тесто, слоистый обжиг, толстый черепок, связанный со своеобразной формовкой, – характерны для керамики некоторых поселений Северо-Восточного Семиречья XI–XIII вв. [46, с. 74–78].

Посуда мелкопесочного теста (I комплекс) представлена плоскодонными кувшинами, кружками, корчагами, хумовидными сосудами, горшковидными, мисками и блюдами. ***Кувшины*** (214 экз.) по форме горловины подразделяются на три отдела*. *Отдел 1* (рис. 15, *1*; 2 экз.) – D3=6 см; D1:D=28,5%, H1:D=64%; узкая высокая подцилиндрическая горловина, широкий отогнутый наружу острый край, ручка с небольшой горбинкой и, вероятно, яйцевидная форма тулова. Аналогичные кувшины X–XII вв. известны с городищ Талгар [46, рис. 3, *13*], Куйрук-тобе [47, рис. 102, *2–3*] и Алматы [47, рис. 72, *3*]. *Отдел 2* (рис. 15, *2–3*; 9 экз.) – D3=7–12 см; низкая несколько раструбом горловина; припухлый венчик, иногда с низким желобком, с волнистым орнаментом по нему. *Отдел 3* (рис. 15, *4–5*; 4 экз.) – D3=11–24 см; зауженная горловина, округлый прямой венчик или уголщенный (у крупных) со скосом вовнутрь, под венчиком – желобок с орнаментом из круглых наколов, округлые в сечении ручки без выступов и налепов. Подобные сосуды широко известны, начиная с XII в., на памятниках Семиречья [47, рис. 41, *18*, 42, *5*, 98, *1*]. Биконическая форма и орнамент из круглых наколов и волнистых линий по тулову свойственны и керамике ранних кыпчаков Центрального Казахстана [281, рис. 13, *4*, 15,*1*,5].

Кружки (рис. 15, *6–9*; 9 экз.)** – D3=6–18 см; по форме тулова двух типов: *тип 1* (рис. 15, *6*; 6 экз.) – D1:D=72%, H3:H=20%; усеченно-конические; *тип 2* (рис. 15, *7–9*; 3 экз.) – D1:D=90–112%, H3:H=42–77%; грушевидные, горло раструбом, высокая или низкая горловина; у обоих типов – округлый или приостренный край и небольшая ручка без налепов. Напоминают высокой горловиной и округлым туловом круж-

---

* Характеристика форм ведется в основном по горловинам согласно систематизации Г.В. Григорьевой. Вследствие фрагментации материала типы не выделяются.

** Функциональное назначение ряда сосудов определено Г.В. Григорьевой неверно: сосуды типа кувшинов отнесены ею к кружкам (рис.16, *5*), вытянутых форм тарные сосуды – к горшкам (рис. 15, *14*).

ки IX–X вв. из Южного Казахстана [47, рис. 98, *1*, 99, *2–3*], однако форма ручек и место крепления их несколько иные.

Горшки (93 экз.) – D1:D=57%, H1:D=51%; раздутое посередине тулово, горловина раструбом, венчики с желобком (рис. 15, *11*) или припухлые округлые (рис.15, *10*). Сосуды с припухлым венчиком отделаны нарезками по плечику в виде "запятых". Последние, однако, отличаются отбулгарских с аналогичной орнаментацией большей вытянутостью тулова и более пологими плечиками.

Хумы-корчаги (рис. 15, *12*; 5 экз.) – D3=20–23 см; раздутое тулово, довольно высокая горловина, широкий желобчатый венчик, полый внутри. Хумы с плоским широким венчиком и раздутым туловом имеют близкие параллели на городищах Талгар [46, с. 74–78, рис. 4, *1*, *6*) и Жаксалык [50, с. 33, рис. 12, *1–2*, *5*).

Хумчи (рис. 15, *13–14*; 3 экз.) – D3=18–20 см, D1:D=56%, H1:D=44%; яйцевидное тулово и высокая горловина двух форм: раструбом и подцилиндрическая. Последние орнаментированы глубокими резными линиями – рифлением в два пояса и отпечатками редкой гребенки. Сосуды типа хумчи, неизвестные среди ранней общебулгарской посуды, характерны для поселений X–XI вв. Южного Казахстана [47, рис. 42, *8*, 47, *46–47*]. Здесь находят аналогии ведущие элементы орнамента посуды XXI группы: желобки по горловине, ямки разных форм, кружки, волнистые линии. Керамика XXI группы, однако, отличается своеобразием композиции и ее расположением. Исключением являются хумовидные сосуды с подцилиндрической горловиной, украшенные желобками и отпечатками редкой гребенки (рис. 15, *14*). Аналогии этой редкой форме известны у ранних кыпчаков в Центральном Казахстане [281, рис. 13, *15*, 14].

Миски (рис. 15, *15*; 13 экз.) – D3=20 см, H0=10 см, D1:D=89%, H3:H=54%; горловина раструбом, низкое биконическое тулово, округлый край, орнамент – пояса, прямых линий по горловине и тулову, пояс волнистых линий и треугольных насечек по шейке.

Блюда-плошки (рис. 15,*16*; 2 экз.) – D3=36 см, H0=10–12 см; загнутые слегка вовнутрь края с округлым венчиком, в отделке – рифление в два ряда и округлые вдавления между ними. Отличаются от общебулгарских плошек более высокими пропорциями и орнаментом.

Керамика II комплекса (рис. 16–17) характеризуется тонким и прочным черепком с примесью крупнозернистого песка, с шершавой поверхностью. Цвет черепка в основном светло-коричневый, а иногда, как и у керамики XIII группы, желтого или красно-розового оттенков. Техника изготовления, вероятно, смешанная: у горшков и кринок – спирально-жгутовая, а у чашевидных и котлов выражены признаки неровности поверхности, как и в XIII группе, т.е. по определению И. Н. Васильевой [86, с. 120] – это лоскутный спиралевидный налеп. Выборка с XVIII раскопа представлена в основном горшками, котлами, чашками, реже кувшинами, кринками, мисками; в ней отсутствуют корчаги. Очень характерны для II комплекса котлы. Наличие в этом комплексе в начальный период появления XXI группы керамики на Билярском городище (XI в.) столовых и специальных форм (туваки) вызвано, вероятно, приспособлением пришлых гончаров к местному сырью и новой технике и недостатком посуды, выделанной из мелкопесочного теста.

Керамика II комплекса, найденная в гончарном районе Биляра в слоях XI – начала XIII в., представлена горшками, чашками, мисками, реже котлами; присутствуют также и кувшинообразные формы. На Билярском XVII селище керамика крупнопесочного теста составляет 37,4% – это горшки, кувшины, кружки, миски, реже чаши с одной ручкой, глубокое блюдо-тагора, тувак.

До конца домонгольского периода продолжает бытовать лишь посуда крупнопесочного теста, встречаясь преимущественно во внешнем городе. Состав форм и морфологические особенности посуды II комплекса достаточно своеобразны. ***Кувшины*** (рис. 16, *1*) – фрагменты от 30 кувшинов крупнопесочного теста по форме горловин подразделены на два отдела. *Отдел 1* (рис. 16, *1*) – цилиндрошейные; D3=6–12 см; желобчатая форма венчика или желобок, расположенный низко под венчиком; без орнамента, иногда со сливом. Ана-

логичной фирмы целый кувшин найден на Билярском 17 селище – D1:D=50%, H3:H=24%; H:D=103%, H1:H=30%; H3:D1=50%, H4:H3=100%; H1:D=31%. Подобные кувшины появляются с XI в. в общебулгарской посуде Биляра, а с XII в. – в Рождествене [441, рис. 3, *2*]. В них отчетливы традиции посуды Южного Казахстана конца I тыс. н.э. [266, рис. 52, *21–22*, 66, *40*, *71*]. *Отдел 2* – горловина раструбом, D3=13–16 см, неорнаментированные. Аналогичные есть и в I комплексе (рис. 15, *2*).

Кринки (рис. 16, *12–13*; 11 экз.) – верхняя часть кринок: D1:D=80%, H1:D=17%, горловины: H3:DI=41%, H4:H3=100%; низкое реповидное тулово, широкая подцилиндрическая горловина, D3=11–26 см; наиболее характерно оформление горловины желобками и верхней части тулова поясами прямых и волнистых линий в сочетании с кружковым узором.

Кружки (рис. 16, 5; 2 экз.) известны лишь в обломках верхней части: D3=15 см; DI:D=63%, H1:D=40%, H3:D1=42%, H4:H3=100%; высокая горловина раструбом.

Горшкообразные (рис. 16, *2–10*; 369 экз.) – семи типов. *Тип 1* (рис.16, *6*) – D выше середины тулова; D1:D=72–75%, H3:H=26%, H:D=59%, H1:H=35%, H3:D1=21–39%, H4:H3=0–100%, H1:D=20–21%. *Тип 2* (рис. 16, 9) – D в середине высоты тулова; D1:D=65%, H3:H=42%, H:D=60%, H1:H=42%, H3:DI=38%, H4:H3=100%, H1:D=25%. *Тип 3* (рис. 16, *2*) – D ниже середины тулова; D1:D=71%, H3:H=31,5%, H:D=61%, H1:H=53%, H3:D1=27%, H4:H3=100%, H1:D1=32%. У всех трех типов – высокие подцилиндрические горловины (267 экз.), украшенные горизонтальным рифлением. Сосуды типов 1–2 имеют общую композицию орнамента: рифление горловины, отпечатки гребенки и наколы по плечику, ниже пояс горизонтальных линий по тулову. Подобная многорядность и техника орнамента напоминают декор керамики позднекушнаренковской группы Южного Урала [273, табл. 20, *2*], а также VIII группы Волжской Булгарии. Сходство горшков XXI и VIII групп свидетельствует о связях носителей этих групп булгарской керамики. Горшки типов 4–7 (102 экз.) имеют низкие раструбом горловины. *Тип 4* (рис. 16, *4*, *8*) – вытянутые, высокая широкая горловина, D3 почти равно D; D1:D=83–89%, H3:H=26–30%, H:D=78–79%, H1:H=30–33%, H3:D1=23,5–28%, H4:H3=60–100%, H1:D=24–26%; орнамент – однорядные и многорядные волнистые и прямые линии, занимающие большую часть поверхности тулова. *Тип* 5 (рис. 16, *3*) – подшаровидной формы тулово, низкая горловина, D значительно больше D3; D1:D=69%, H3:H=5,5%, H:D=85%, H1:H=48%, H3:D=8%, H4:H3=100%, H1:D=42%; орнамент – многорядная волна по плечику. *Тип 6* (рис. 16, *10*) – раздутое в боках тулово с неширокой горловиной; D1:D=64,5%, H1:D=19%, H3:D1=10%, H4:H3=100%; орнамент, аналогичный типу 5. *Тип 7* (рис. 16, 7) – реповидной формы тулово, широкая горловина; D1:D=81%, H3:D=7,4%, H:D=67%, H1:H=39%, H3:DI=9%, H4:H3=100%, HI:D=26%; орнамент – однорядная волна по плечику. Горшковидные сосуды типов 5 и 7 своеобразны по форме и орнаменту. Аналогичные формы в I тыс. н. э. и в домонгольский период бытовали в Южном Казахстане и Средней Азии [11, рис. 45, *2–4*; 47, рис.31, *17*, 32, *15*; 68, табл. 44, 5, *7*; 69, рис.30, *6*; 266, рис.38, *25*]. Приостренный снаружи венчик (тип 1), круглый утолщенный (4) или утоньшенный (3, 6–7), массивный отогнутый наружу (5), прямой с закруглением снаружи (1–2) также характерны для посуды этого региона.

Миски и чаши. Миски (рис. 16, *23–25*) – с несколько расширенной горловиной; трех типов – по пропорциям тулова: *тип 1* (рис. 16, *23*) – D3=15 см, H0=7,4 см; тулово с плавными округлыми боками; D3 близко D; D1:D=89%, H1:D=13%, H3:H=20%, H:D=33%, H1:H=40%, H3:D1=16%, H4:H3=100%; ручка прикреплена к краю и середине тулова; горловина с рифлением; *тип 2* (рис. 16, *24*) – D3=14 см, H0=6,3 см; низкое тулово с перигибом посередине; D1:D=90%, H1:D=11%, H3:H=47%, H:D=30%, H1:H=36%, H3:D1=16%, H4:H3=100%; горловина с рифлением, по плечикам – отпечатки гребенки; *тип 3* (рис. 16, *25*) – D3=22 см, H0=10,3 см; низкое тулово с сильно сплющенными боками, венчик утолщенный, скошенный вовнутрь; D1:D=85%, H3:H=41%, H:D=30%, H1:H=45%, H3:DI=14%, H4:H3=100%, H1:D=13,5%; горловина с рифлением. Формы и орнамент мисок близки VIII группе булгарской

керамики, однако имеют и черты своеобразия, а именно: сильная сплюснутость и выраженное ребро тулова, утоньшенность или утолщенность края, орнамент нанесен более крупной гребенкой.

Блюда представлены двумя сосудами – плошкой и тагорой.

Плошка (рис. 16, *26*) – D3=20 см, H0=8,5 см; H:D=40%, H1:H=42%; глубокая, стенки наклонены вовнутрь, орнамент в виде резных прямых линий и редких прочерков, выполненных краем гребня. От булгарских этот тип плошек отличается и формой и орнаментом. Наиболее близкие прототипы находим в XIII группе керамики X–XI вв. с городища Джукетау [451, рис. 88, *8*]. *Тагорообразный сосуд* (рис. 16, *14*) – D3=18 см, H0=7 см, D2=15 см; глубокий, широкодонный, с расширенными вверх прямыми стенками, оттянутым наружу и скошенным вовнутрь венчиком, верхняя часть украшена широкой прямой линией. Аналогии этому необычному для Биляра сосуду известны в Карабулаке [69, рис. 38, *1*] и Отраре, но в комплексах более позднего времени [11, рис. 70, *3*]. Пропорции билярского и отрарского сосуда близки: D3:H0=257%, D3:H0=305%, D3:D2=120%, D3:D2=135%. Вероятно, появление этих сосудов в XXI группе связано с южно-казахстанскими традициями.

Чашки (6 экз.) – трех типов. *Тип 1* (рис.16, *16–19*) – D3=22–26 см, H0=12–13 см; H:D=39–51%, H1:H=40–60%, D1:D=87–93%, H3:H=5–11%, H1:D=15–23,3%; D ниже середины высоты, округлое в боках тулово, иногда сплюснутое или с перегибом, низкая горловина, оттянутый наружу острый и скошенный вовнутрь венчик; часто с одной ручкой, прикрепленной к верхней части тулова. Этот тип наиболее характерен для XXI группы. Прототипом форм этих сосудов могут являться лепные круглодонные чаши XIII группы X–XI вв. с Остолоповского селища и XII–XIII вв. с Джукетау [451, рис. 88, *11*, 111, *11*]. Последние имеют расширенное в нижней части тулово, оттянутый наружу приостренный венчик со скосом вовнутрь и аналогичной формы ручку; орнамент – многорядная волна по тулову и по внутреннему краю венчика. Чаши XXI группы украшены, как правило, рифлеными линиями под венчиком в сочетании с многорядной волной или отпечатками гребенки в верхней части тулова. *Тип 2* (рис. 16, *21*) – H:D=71%, H1:H=40%; глубокая округлая чашка с заокругленными вовнутрь стенками, приостренным краем и боковой ручкой, орнамент – два пояса частой волны. Выполненная с помощью круга, чаша типа 2 вследствие этого выше и несколько шире, чем близкая ей чаша IX группы [451, рис. 44, *12*]. Орнамент и форма ручки более близки, однако, сосудам XIII группы. Вероятно, данный тип редкой для XXI группы формы связан с традициями IX группы. Признаки XIII группы являются опосредованными. *Тип 3* (рис. 16, *20*, *22*; 2 экз.) – D3=18 см, H0=13 см; D1:D=93%, H1:D=24%; глубокие, с подцилиндрическим верхом, округлыми боками, широким плоским венчиком; орнамент – многорядная волна. Этот тип чаш, вероятно, заимствован в городских центрах Южного Казахстана, где и в позднем средневековье бытуют сосуды близких форм [11, рис. 44, *8*]. Чаши типов 2–3 единичны и встречаются в ранних комплексах с керамикой XXI группы. В гончарном районе Биляра в слоях X – начала XIII в. попадаются лишь чаши типа 1. Таким образом, появление чаш типов 2–3 в XXI группе, возможно, является результатом контактов с населением IX группы и городских центров юга Казахстана.

Котлы (рис.17, *1–13*) встречены, главным образом, в юго-западной части внешнего города Биляра в слоях XI в. (раскоп XVIII) [129, рис. 95, *6–7*] и XI – начала XIII в. (раскоп XX) [226, рис. 4, *12*, 5, *13*]. Экземпляры крупнопесочного теста по форме верхней части – трех типов (рис.18).

Тип 1 (рис. 17, *1–5*) – примесь крупного песка наиболее заметна, черепок светло-коричневого цвета, иногда с прослойкой; D3=22–34 см, H0 примерно 16–22 см; тулово с плавно расширенными посередине боками (рис. 17, *1*, *4–5*), реже с зауженными вниз (рис.17, *2–3*); венчик утолщенный с горизонтальным срезом, реже слегка скошенный вовнутрь; пропорции реконструированных сосудов: H:D=40–69%, H1:H=25–60%; днище, судя по сохранившимся обломкам, уплощенное; две горизонтальные ручки в виде подчетырехугольных выступов с отверстиями; орнамент – чаще всего многорядная волна, иногда в несколько зон или в сочетании с пря-

мыми линиями и отпечатками гребенки. Прототипами этой формы, вероятно, являлись среднеазиатские каменные котлы, находки которых известны и на Билярском городище [425, табл. 3, *23*; 460, рис. 1, *4, 7, 11–12*]. Последние, вероятно, восходят к глиняным лепным котлам II в. н.э. с аналогичной билярским формой из Топрак-калы и других памятников Хорезма и встречаются наряду со светлоангобированной гончарной посудой, подобной керамике XXI группы позднезолотоордынского времени (кипчаки Волжской Булгарии [520, рис. 40, *50–51, 66*]. Однако фактура черепка, своеобразная техника изготовления (сочетание круговой и лепной) и орнамент указывают на связь с керамикой XIII группы. Черепок у котлов типов 2–3 более мелкой песочной фактуры, поверхность менее шершавая (заглаживалась?), цвет от светло-коричневого до бурого без прослойки.

Тип 2 (рис. 17, *6, 7*) – D=18–22 и до 40 см, H примерно 16,5, 20, 30 см; тулово более широкое и округлое, чем у котлов типа 1; венчик уголщенный, со скосом вовнутрь; полуовальной формы ручки приподняты над устьем; без орнамента; пропорции тулова реконструированных сосудов: H:D=58%, H1:H=30%.

Тип 3 (рис. 17, *8–13*) сочетает в себе формы гончарных котлов типов 1–2: округлое тулово вторых и оформление венчика первых; край отогнут вовнутрь и со скосом; ручки аналогичны типу 2, но опущены в виде горизонтальных полуовалов; орнамент – чаще 2–3 резных линии вдоль края, иногда в сочетании с одинарной волной; D примерно 26 см, HO примерно 16, 17 см; пропорции тулова реконструированных сосудов: H:D=58%, H1:H=30%, т.е. в пределах котлов типов 1–2.

Все три типа котлов найдены в гончарных мастерских (30 экз.), где они обжигались вместе с общебулгарской посудой. В общем количестве котлов XI – начала XIII в. преобладают сосуды типа 1 (15 экз.). В раннем комплексе XI в. их, однако, немного (2 экз.); доминируют котлы типа 2 (13 экз.). В слоях XII – начала XIII в. котлы типа 2 вытесняются сосудами типов 3 и 1. Котлы типа 1 с подчетырехугольными ручками восходят, вероятно, к каменным талько-хлоритовым котлам, известным во всех городских центрах на торговых путях из Средней Азии.

Котлы типа 2 своей низкой полусферической формой, ручками, уплощенным краем, неорнаментированностью близки котлам IX группы [451, рис. 44, *15*]. Эта древняя форма известна у сюнну в III в. до н.э. [135, табл. 178, 5]. Котлы типа 3 формой ручек отдаленно напоминают глиняные котлы песочного теста VIII в. кыпчаков Центрального Казахстана [281, рис. 13, *3*, с. 33–37]. Последние сходны – формой и овальными горизонтальными ручками – с чугунными котлами этого района.

Общие черты в оформлении котлов IX и XXI групп указывают лишь на их общие юго-восточные истоки. Сходство с чугунными котлами ранних кыпчаков свидетельствует об их довольно раннем появлении (IX группа – X в.) и о связях населения IX и XIII групп. Котлы типа 1, имеющие прототипы среди каменных котлов XI–XII вв. из Мерва и Нисы [258, с. 218, 220], датируются по этим аналогиям и стратиграфически XI – началом XIII в. Близкие билярским котлам типа 1 по форме и орнаменту гончарные сосуды и их каменные прототипы известны также на городище Джанпык-кала XII–XIV вв. в Южном Приаралье [517, рис. 3, *2, 4, 7*; 529, рис. 3, *13, 24–25*]. Факт находки котлов типов 1–2 в общем комплексе и локализация в одном районе внешнего города указывает на связь их носителей, а также возможную двухкомпонентность населения, представленного XXI группой.

Сосуды этой группы не имеют аналогий в общебулгарской посуде X в. (хумы, кружки с верхом-раструбом, узкогорлые кувшины, тагора и др.).

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Своеобразие и отличие мелкопесочной керамики XXI группы от общебулгарской заключается в более запесоченном тесте, крупнозернистой фактуре черепка, толстостенности, желтоватом цвете, незначительном использовании лощения во всех формах посуды и орнаментации (рифление горловин и наколы). Крупнопесочная керамика XXI группы отличается от XIII круговой техникой изготовления, уплощенным дном, наличием столовых форм и котлов, смешением орнаментальных традиций. Их объединяет крупнопесочная фактура, наличие иногда лощения, преобладание горшков и чаш, характерный орнамент в виде многорядной волны.

Отмеченная выше связь крупнопесочной и мелкопесочной посуды XXI группы в Биляре, выразившаяся планиграфически и хронологически, а также во взаимодополняемости форм, свидетельствует об общих компонентах населения, представленного XIII и XXI группами. Каковы же они? Большая часть приведенных аналогий керамике XXI группы указывает на Южный Казахстан и Семиречье и в меньшей мере на Центральный Казахстан. Учитывая, что центрально-казахстанские параллели, сказавшиеся в тесте, некоторых формах, орнаментации и отделке ("расчесывание" поверхности) связаны с более ранними материалами (IX в.), можно предположить, что это население, контактируя с районами Семиречья и Южного Казахстана, участвовало в формировании городской культуры данных областей в VIII–XI вв. В указанный период, согласно анализу письменных источников [281–282; 38–39], в этих областях обитали кыпчаки. На перемещение кыпчакских племен кимакской федерации в южные районы указывает Б. Е. Кумеков, исследовавший арабские источники данного периода [257, с. 56]. Наряду с движением на юг Кумеков отмечает движение на запад, на Южный Урал, начиная с VIII в., а также в Приаралье и прикаспийские степи в IX–X вв. [257, с. 59].

Такие традиционные черты посуды XIII и XXI групп, как приостренный наружу венчик, способ крепления ручек с помощью штырька, сплюснуто-шаровидная форма тулова (напоминающая котлы полуоседлого населения Казахстана) и орнамент в виде многорядной волны (иногда и по внутреннему краю), указывают на появление этих традиций из районов обитания огузов, т.е. из Приаралья, а также Семиречья. Расселение кыпчаков в этих районах подтверждается письменными источниками и археологическими материалами [406, с. 143; 7, с. 6, 130–131, 902, 2111; 39, с. 147–190; 350, с. 58–60; 242, с. 17]. В связи с аналогиями керамики XXI группы интересно сообщение Ибн-ал-Асира о кочевом народе из тюрок, который кочевал по соседству с землей болгар и имел в окрестностях Баласагуна зимние пастбища, и принявшем в 1043 г. ислам [53, с. 290]. Вслед за Б. Е. Кумековым и А. Х. Маргуланом С. М. Ахинжанов, опираясь на сведения ал-Марвази о группе шары,

отождествляет это население с кыпчаками [257, с. 125–128; 38, с. 47]. Переселение этого населения в Прикамье (XXI группа) связано, возможно, с последствиями миграции племен каи-куны-шары-туркмены-огузы-печенеги в Средней Азии и Казахстане в первой половине XI в. [257, с. 124–126; 8, с. 47].

Другая важная причина расселения и оседания кыпчаков в X–XI вв. заключалась, как полагает А инжанов, в стремлении к рынкам сбыта и желании господствующей верхушки участвовать в торговых делах [38, с. 46]. Переселение на территорию Волжской Булгарии с ее оседло-земледельческим укладом, развитой городской жизнью и выгодным торговым положением отвечала данным интересам, тем более что часть родственного населения – гузы-куманы (IX и X группы) – жили с начала X в. в низовьях Камы (Алексеевское городище и др.). Переселению могло способствовать также принятие кыпчаками ислама, что со стороны булгар, вероятно, было одним из условий права переселения на их территорию. Переход в мусульманство городского населения Биляра, Джукетау в X в. фиксируется Е. А. Халиковой на материалах Билярских 2–3 могильников и ранних захоронений Джукетауского (Донауровского) могильника, исследованного Т. А. Хлебниковой [439, с. 75, 85, 94]. Керамика XXI группы Биляра датируется Халиковой XI в. [436]. Эта датировка не противоречит времени вышеуказанной миграции в евразийских степях и принятию ислама тюркским населением Восточного и Западного Туркестана в 1049 г. [53, с. 288].

Изложенные выше данные позволяют говорить о том, что XIII группа керамики принадлежала населению, родственному кыпчакам-шарам (XXI), близкому гузам-куманам (IX, X) и сформировавшемуся в результате смешения этих групп населения с финно-угорским и тюрко-угорским населением Среднего Поволжья и Прикамья (VII, VIII).

Появление в орнаменте керамики XXI группы не характерного для него элемента "запятые", свойственного для основной группы кухонной посуды булгар и гузо-печенегов, возможно, объясняется совместным проживанием и включением носителей данной традиции (печенеги?). Это взаимодействие

отразилось на ранней керамике Биляра [225, с. 224–227, рис. 99], селищ его округи [456, с. 26] и на прикамских памятниках [444, табл. 5, *1*, *9*]. Но более мощным было обратное воздействие – на I группу булгарской посуды – юго-восточного компонента, с X в. представленного X, а с XI в. – XXI и в какой-то мере IX и XIII группами. Воздействие XXI группы выразилось, в первую очередь, с XI в. в запесоченности теста общебулгарской посуды и в преобладании среди кухонной посуды коричневато-желтых оттенков, что вызывалось и распространением теплотехники южно-казахстанских истоков [229, с. 62,72]. Исчезновение к XII в. столовой посуды XXI группы (I комплекса) и распространение с XI в. в общебулгарской группе посуды этих форм и ряда новых, привнесенных населением юго-восточных истоков (см. подробнее ниже), указывают на активную роль этого населения в формировании общебулгарской посуды в данный период.

Во второй половине домонгольского периода среди этнических групп Волжской Булгарии наиболее заметное место занимает население XIII группы, расселившееся компактно в районе Джукетау (Жукотина русских летописей, Сакатима – согласно карте братьев Пицигани 1367 г.) [146, с. 131].

Складывающееся единство материальной культуры было отражением консолидации булгарского этноса. В начале XII в., когда уже произошло заметное смешение населения Волжской Булгарии, географ Абу-абд-Аллах Мохаммед Идриси помещает на территории государства две группы населения: у города Болгара – землю тюркских болгар, а северо-восточное, в Прикамье, жителей под названием также тюркских болгар [113, с. 173]. Сведения Идриси о наличии второй группы тюркских болгар в Прикамье соответствуют локализации керамики XIII группы в Нижнем Прикамье в районе Джукетау.

Таким образом, во второй половине XI – начале XIII в. наряду с общебулгарской ремесленной посудой среди традиционных групп заметное место занимают XIII и XXI группы юго-восточных истоков, локализующиеся соответственно в районах Джукетау и Биляра. Более широкое распространение, но в меньшем количестве имеют в данный период VII, VIII, XVII

группы прикамско-приуральских истоков. Из групп салтово-маяцких истоков продолжает бытовать в небольшом количестве керамика II группы, представленная в это время главным образом шамотными крышками. Появляются XIV и XVI группы, принадлежавшие древнерусскому населению из Северо-Восточной Руси и финно-угорскому – Поволжья.

2. Общебулгарская керамика (I группа).

Общебулгарская керамика мелкопесочного теста составляет подавляющее большинство коллекций (табл.1) как крупных городов (Биляр – 96–99%, Болгар – 91,5–97%, Сувар – 87–95%), так и селищ (верхний горизонт Больше-Пальцинского, Рождественского – 91,5–97%) [449, с. 140–141; 452, с. 11; 225, с. 221; 441, с. 95, 130]. Для общебулгарской посуды этого периода, в частности Билярского городища, свойственна большая запесоченность теста, особенно для кухонной посуды с XI в., что связано с воздействием новых групп традиционной керамики на технологию ее производства. Часть кухонной посуды I группы продолжают делать с добавлением рубленой травы в традициях салтово-маяцкой культуры.

Большая часть керамики – коричневого и красного оттенков. Посуда коричневого цвета составляет в Суваре 17,2%, Болгаре 20–42,5%, Биляре 42–58% (табл. 1). Заметно количество желтой в Суваре – 21,6%, Рождествене – 10,3%, Болгаре – 2,1–5,3%. В Биляре преобладает коричнево-желтая керамика хорошего обжига, относимая ранее к коричневой. Посуды красного цвета много в Болгаре (37–52%), несколько меньше в Биляре(21–42%), Суваре (28%), Рождествене (30%). Керамика серого стального оттенка присутствует в разном количестве на всех этих памятниках. В Рождествене ее больше всего – до 28,8%, меньше в Суваре (19,7%), Болгаре (3–7,2%), Биляре (0,5–17,3%).

Представляется, что наряду с общими закономерностями соотношение керамики по цвету индивидуально не только на каждом памятнике, но и на разных раскопах, и причины этого различны. В частности, бурой посуда становится больше все-

го в результате вторичного обжига или пожаров, бушевавших, например, в центральной части Биляра и в гончарном районе этого города. Тенденция к преобладанию красного или желто-коричневого, желтого или серого цвета керамики может являться следствием влияния традиционных групп посуды или же специфики экономической жизни. Значительный процент красной и желто-красной керамики, например, в Болгаре, обусловлен, вероятно, содержанием большого количества тарной посуды, связанной с торговой ролью этого города. Желто-красный цвет, как уже отмечала С.А. Плетнева, вообще был характерен для городских центров салтово-маяцкой культуры [324, с. 73]. Это наблюдение может распространяться и на крупные города Волжской Булгарии. Желто-коричневый и желтый цвета в керамике I группы более распространены в Биляре и меньше в Суваре, и это своеобразие предположительно можно связывать с заметным вкладом юго-восточного (южно-казахстанского) компонента. Заметное количество керамики серого цвета в общебулгарской посуде Сувара (19,7%) может быть следствием традиций столовой керамики серого цвета населения танкеевской группировки, а также, возможно, сероглиняной посуды XVII группы, характерной для Сувара, а в керамике Рождествена, кроме того, влиянием XVI (т.н. серой "славяноидной"). Влияние двух последних групп (XVII и XVI), связанное с их локализацией на данных памятниках и спецификой обжига, конечно же, могло отразиться на цветовом содержании и общебулгарской посуды.

В этот период преобладает сплошное лощение. Отделывается вся столовая, тарная и посуда специального назначения (50–60% от общего количества). Кроме того, применяется полосчатое и перекрестное – "орнаментальное" – лощение.

В общебулгарской посуде данного периода выделяется по общей форме и функциональному назначению 14 категорий форм: горшки, котлы, корчаги, кувшинообразные, блюдообразные, светильники, "угольные" чашки, сфероконусы, вазы-поставцы, туваки, чернильницы, "палитры", ковши-солонки, крышки.

Горшки (рис.19–24) – восьми типов.

Тип 1 (рис.19) объединяет горшки трех подтипов: 1-А (рис. 19, *1, 3, 5*; 8 экз.) – H:D=83%, H1:H=46%; 1-Б (рис. 19, *2, 4*; 11 экз.) – H:D=73–75%, H1:H=26–37%; 1-В (рис. 19, *6*; 2 экз.) – H:D=52–54%, H1:H=31–35%, или же средних, высоких и низких пропорций с блоковидной горловиной, округлым или припухлым венчиком, украшенных волнистыми линиями (1-А), волнистыми и прямыми, "запятыми" и прямыми (1-Б), "запятыми" (1-В). Горшки подтипа 1-А встречаются повсеместно в небольшом количестве с X в. Сосуды подтипа 1-Б наиболее распространены в домонгольский период. Одноручные горшки подтипа 1-В появляются в данный период в Суваре. Протипом горшков подтипа 1-А может являться сосуд из Больше-Тарханского могильника, выделенный Т. А. Хлебниковой в III группу салтовских истоков [451, с. 34–35, рис. 4, 5]. Горшки подтипа 1-Б, вероятно, сложились в результате смешения традиций огузских шаровидных горшков, отделанных волной и рифлением [321, с. 221, рис. 9] и горшков вытянутых форм с нависающим краем и орнаментом в виде "запятых", гирлянд и вдавлений разных форм [321, рис. 15, *3*, 7–8, 18, *9, 12*], принадлежавших печенегам [97, с. 8–9]. Наиболее ранний прототип – горшок IX в. с "запятыми" из Танкеевского могильника [184, рис. 1, *28*] – не сочетается с рифлением или линейным узором, столь характерным для сосудов салтово-маяцкой культуры IX–X вв. Взаимопроникновение черт огузских и печенежских горшков заметно в XI группе, появившейся с X в. на поселениях Волжской Булгарии из лесостепного Подонья, и наиболее полно представленных на Билярском городище [225, с. 218–227; 457, с. 5, рис. 98–99]. Именно в XI группе из Биляра среди кухонных форм зафиксированы наиболее ранние и распространившиеся у булгар в дальнейшем два основных клейма: "А" – на сосуде с растительной примесью и "ветка" – на сосуде с линейно-волнистым орнаментом и шамотом в тесте [225, рис. 98, *12*, 99, *13*].

Эти смешанные традиции в орнаментации привнесены носителями XI группы керамики, которые, по мнению Т. А. Хлебниковой, являлись вторым потоком переселенцев из районов салтово-маяцкой культуры к началу X в. [451, с. 98].

Тип 2 (рис. 20, *1–2*; 9 экз.) представлен крупными сосудами с раздутыми боками, горловиной раструбом (H:D=79–90%, H1:H=30–35%) и разнообразным орнаментом из ямочек, пальцевых вдавлений, "гирлянд", "запятых". Горшки этого типа более характерны для южных земель Волжской Булгарии – Сувара, районов современной Ульяновской области [451, рис. 94, *2, 11, 13–16*]. Меньше их в центральных районах страны. Прототипами являются сосуды II группы начала X в., истоки которой в керамике "кочевнической" группы салтово-маяцкой культуры [451, рис. 28]. Территория распространения II группы керамики на южной окраине булгарских земель совпадает с локализацией тюркских печенегов [179, с. 75–78; 113, с. 172–173].

Тип 3 (рис. 20, *3–6*; 3 экз.) – крупные горшки с раздутыми боками и иногда с двумя петлевидными ручками на плечиках, отделанные арочным орнаментом или перекрестным лощением (H:D=60–75%, H1:H=45–50%).

Сосуды типа 3 встречаются повсеместно в небольшом количестве. Унаследовали традиции корчагообразных горшков салтово-маяцкой культуры [321, с. 216–217, рис. 4–5]. Горшки с перекрестным лощением (рис.20,4) из Биляра имеют прототипы среди керамики VIII–X вв. Хумаринского городища на Северном Кавказе [64, рис. 2, *2*]. Сосуды с воронкообразной горловиной появились в конце домонгольского периода, вероятно, под влиянием смешения традиций населения юго-восточных истоков (форма горла). Аналогичная форма горла встречается у горшков типа 4 юго-восточных истоков (рис. 21, *3–4*).

Тип 4 (рис. 21; 9 экз.) – шарообразные горшки с подцилиндрической горловиной, желобчатым орнаментом по горлу и волнистым или гребенчатым – по плечику; по особенностям формы тулова и горловины подразделяется на четыре подтипа: 4-А (рис. 21, 1) – H:D=62–76%, H1:H=36–53%, D1:D=59–77%, H3:H=17–22,5%; округлое тулово и широкая горловина; 4-Б (рис. 21, 4) – H:D=64%, H1:H=41%, D1:D= 56,5%, H3:H=6,8%; шарообразное тулово, узкое горло; 4-В, (рис. 21, 2, 5–6, 8) – H:D=75%, H1:H=46%, D1:D=73%, H3:H=25%; приземистое тулово, среднеширокая горловина; 4-Г (рис. 21, 3,7) – H:D=83%, H1:H=33%, D1:D=71%, H3:H=22%; подшаровидное тулово, низкая подцилиндрическая и воронкообразная горловины; венчики – утоньшенный, утолщенный со скосом вовнутрь, приостренный, притупленный сверху; орнамент – резные линии по горловине, иногда по плечикам в сочетании с многорядной волной (джукетау), гирляндообразной, одинарной волной, отпечатками гребенки разных форм, по краю венчика нередко отпечатки гребенки, наколы разных форм. В тесте наблюдается более заметная примесь песка, свойственная XIII и XXI группам. Сосуды типа 4 имеют близкие пропорции с экземплярами XIII группы (H:D=50–80%, H1:H=30–50%) и аналогичные – горшкам типа 1 XXI группы (H:D=58–70%, H1:H=38–5б%). Воздействие выразилось как в формах, так и в орнаменте. Распространением горшков типа 4 с XI в. в Биляре совпадает с появлением керамики XXI группы в тех же слоях.

Горшки типа 4 являются наиболее распространенными с XI в. после сосудов подтипа 1-Б. Близость пропорций и орнамента с горшками XXI группы Биляра указывает на юго-восточные истоки традиций горшков типа 4.

Таким образом, воздействие горшков VII и VIII групп на формирование данного типа, отмеченное Т. А. Хлебниковой [451, с. 144–148], скорее всего было опосредованным, через формы горшкообразных XXI группы, в создании которых могли принять участие традиции прикамско-приуральской посуды. Аналогичные типы шаровидных горшков с песочным тестом и близкой XXI группе посудой известны на поселениях эллинистического периода левобережного Хорезма (Аяз-кала, Кой-Крылган-кала, Турпак-кала и др.) [310а, рис. 23, *7*, 26, *11*, 15, *19*].

Тип 5 (рис. 22, *1–3, 7*; 4 экз.) – сосуды с расплющенным в боках туловом, зауженной горловиной, фигурными ручками в виде стилизованной головы "петуха" (H:D=59–70%, H1:H=45–50%), отделанные вертикальными рифами, заштрихованными треугольниками и валиками. Находки сосудов этого типа связаны с крупными поселениями Закамья. Полные аналоги этим сосудам неизвестны, однако они сопоставимы с посудой алан

Северного Кавказа [15, табл. 176, *8б*, 206, *5*, 23а, *3*, 37, *13*] и особенно с формами, бытовавшими у населения Дагестанской Хазарии [270, рис. *30*, *4*, 31, *10*, *31*].

Тип 6 (рис. 22, *4*; 4 экз.) – высокие горшки с подцилиндрической рифленой горловиной (H:D=80–82%, H1:H=30–35%). Этот редкий тип встречается с X в. на южных памятниках Закамья (Сувар, Танкеевское городище) [451, с. 137, 186, 187]. Происхождение горшков данной формы Т. А. Хлебникова увязывает круглодонной керамикой приуральских истоков и видит ее протипы среди керамики VIII группы. На мой взгляд, им более близки традиции керамики кушнаренковской и караякуповской групп Башкирии (форма, оформление венчика и орнамент) [273, табл. 16]. Именно ей свойственно аналогичное расположение орнамента, что не характерно для сосудов VIII группы. Особенно четкое сходство придают узорам резные линии. Они располагаются не только по горловине, как в VIII группе, но опускаются несколько ниже и завершают вторым поясом всю композицию на тулове аналогично кушнаренковским и караякуповским сосудам. Такие элементы, как продолговатые насечки, волна в виде фестонов и ямки, также встречаются на керамике Южного Урала [273, табл.16, 20]. Возможно, сосуды типа 6 несут и более сложные этнические традиции. Несомненно, что появление этой посуды у булгар является результатом включения смешанных групп населения. Свидетельством тому, по-видимому, является некоторая близость форм и элементов орнамента цилиндрошейных горшков XXI группы и рассматриваемых типов 4 и 6 (рис.16, *13*, 21, *4*, 22, *4*). В этой связи, вероятно, не случайно и подмеченное Т. А. Хлебниковой сходство цилиндрошейных сосудов I группы с низкой и высокой горловинами (типы 4, 6) [451, с. 186–187]. Не исключено, что это сходство объясняется включением общих компонентов.

Тип 7 (рис. 22, *5–6*; 3 экз.) – сплющенно-подшаровидные сосуды с подцилиндрической горловиной (H:D=61–71,6%, H1:H=42–47%), отделанные волнами или узором "решетка". Редкие горшки этого типа найдены в Биляре в слоях XI–XII вв. У одного из сосудов – клеймо в виде зигзага. Аналогичной

формы тамги известны у башкирских племен юрматы и кесе [250, с. 423, табл. 2].

Тип 8 (рис. 23, *1–2*; 3 экз.) – сосуды с вытянутым туловом, широкой раструбом горловиной (D1:D=78–80%, H1:D=17–24%) и орнаментом из "путанной волны" и прямых линий. Этот тип изредка встречается в слоях XI–XIII вв. в Биляре. По морфологическим и декоративным признакам связан с сосудами XXI группы (рис.16, *4*, *8*).

Итак, из восьми выявленных типов горшков второй половины XI – начала XIII в. преобладают сосуды юго-западных (салтово-маяцких) истоков (типы 1–3); далее следует посуда юго-восточных (южно-казахстанских) истоков (типы 4, 8); реже встречаются сосуды приуральских (типы 6–7 и синкретичных (тип 5) традиций.

Котлы мелкопесочного теста известны в Биляре в слоях XI – начала XIII в. представлены обломками верхней части (8 экз.) и держателей-ушек (13 экз.) из Биляра; по форме тулова и декору – двух типов.

Тип 1 (рис. 23,4) – округлые плавно расширенное посередине тулово и слегка уплощенное дно, венчик уголщенный со скосом вовнутрь, две горизонтально выступающие от края или несколько ниже ручки, 3–4-гранные в сечении, иногда с отверстиями; D3=21–22, реже 18 см; без орнамента, исключение – сосуд из слоя XI в., край которого украшен двумя рифлеными линиями, а ручки – подлощеные. Показательно, что все котлы с ручками без отверстий относятся к более позднему времени – XI I – началу XIII в.

Повторяет формы котлов XXI группы (рис.17,*1–5*) и отличается от них лишь отсутствием в орнаментации характерных волнистых линий и меньшими размерами ручек. Выше уже отмечалось, что последние подражают каменным котлам среднеазиатского происхождения, традиция изготовления которых уходит в глубь веков (Афрасиаб и Лалазор VI–IV вв. до н.э.). *Тип 2* (рис. 23, *3*) – расширяющееся к придонной части тулово, несколько скошенный вовнутрь венчик, выступающие вертикально над венчиком в виде полуовалов ручки с более крупными отверстиями (8–11 мм): в отделке – чаще две рифленых

линии вдоль края; у одного из сосудов широкий орнаментальный пояс заполнен частыми резными линиями, остроугольной волной и круглыми мелкими наколами. Колы типа 2 также имеют параллели в XXI группе (рис. 17, *6*, *7*), но происхождение их форм не связано с каменными котлами. Экземпляры с вертикальными ушками известны среди лепных шамотного теста котлов Биляра [225, рис. 98, *11*]. Они украшены глубокими резными или рифлеными, острой волнистой линиями, насечками по краю. Известны редкие экземпляры, ручки которых оформлены как и у металлических котлов, а глиняные налепы на них имитируют клепки. Появление такого рода глиняных имитаций клепаных котлов в литературе связывается с включением печенегов [141, с. 249–263; 340, с. 238, рис. 7, *2*; 485, с. 323–349; 486, с. 315–325].

Среди каменных котлов Биляра есть экземпляры, оформленные так же, как и керамические, с имитацией клепки [460, рис. 1, *13*]; у одного из них, кроме того, широкий орнаментальный пояс из прямых резных линий, сходный с декором глиняного котла типа 2. Каменные модели котлов с клепками появляются, возможно, вслед за керамическими подражаниями.

Различие в орнаментации котлов общебулгарского теста указывает, вероятно, на то, что при их изготовлении учитывались традиции населения, которому эта продукция предназначалась на продажу. В частности, единичные экземпляры типа 2 (с широким орнаментальным поясом) обнаруживают некоторое композиционное сходство с орнаментом керамики Южного Урала [273, табл. 17]. Котлы без орнамента или же украшенные двумя рифлеными линиями вдоль края, с ручками в виде полуовалов или четырех- и многоугольных выступов (рис. 17, *7*, *10*, *17*) предназначались, возможно, для выходцев из Южного Казахстана, поскольку восходят к экземплярам XXI группы.

Таким образом, котлы общебулгарского теста в этот период изготавливались в традициях населения юго-восточных истоков. Производство их было налажено в Биляре с XI в.

Корчаги (рис. 24–26) – высокие (H0=56–84 см) и низкие (H0=29–38 см) – представлены шестью типами.

Тип 1 (рис. 25, *1–3*) – малой высоты 2–3-ручные сосуды с раздутым вверху туловом, широким дном и горловиной раструбом (H:D=96–103%, H1:H=38–40%), отделанной резными линиями по плечику – является широко распространенным, особенно в Болгаре, Биляре и Рождествене. Сосуды этого типа бытовали и в предшествующий период [451, рис. 60, *1, 3*].

Тип 2 (рис. 25, *4*) – высокие и низкие двуручные сосуды с раздутым в середине туловом, узким дном, округлым краем, H:D=103–104%, H1:H=38–39%; в отделке – отпечатки гребенки или резные линии. Известны с X в. на Алексеевском и Муромском городищах.

Корчаги типов 1–2 наиболее распространены в поволжских и нижнекамских памятниках. Если малые корчажки (тип 1) берут начало от болгаро-салтовских больших лощеных горшков и продолжают их развитие [451, с. 149,187, рис. 60, *1–2*], то большие корчаги (тип 2) по форме близки пифосообразным корчагам салтово-маяцкой культуры [321, рис.16, *1*].

Тип 3 (рис.25, *5–6*) – высокие сосуды с яйцевидным туловом, слегка расширенной высокой горловиной и широким венчиком (H:D=103%, H1: H=38–40%). Редкие корчаги этого типа из слоя Болгара XII – начала XIII в. сходны с более поздними отрарскими [11, рис. 53, *3*].

Тип 4 (рис. 26, *1–2*) – баклагообразное тулово с зауженной горловиной или без нее (H:D=90–91%, H1:H=32–34%); в отделке верхней части – пышный узор из горизонтальных и вертикальных каннелюр, заштрихованных или заполненных "запятыми" полей между ними, перекрестного лощения и наколов; ручки некоторых билярских корчаг украшены узором в виде "плетенки", известным среди керамики Саркела-Белой Вежи [321, рис. 36, *2*]. Форма корчаг, орнамент, специфическое оформление ручек свидетельствуют о том, что сосуды типа 4 отражают как юго-западные (болгаро-аланские), так и юго-восточные традиции. Они появляются на памятниках только в данный период.

Тип 5 (рис. 26, *6*) – вытянутое коническоетулово, переходящее в зауженную горловину со скошенным вовнутрь полочковидным венчиком (H:D=110%, H1:H=32%); в отделке – линей-

ный арочный узор. С XI в. распространен в Биляре. На одном из сосудов – клеймо в виде птичьей лапки.

Вытянутое коническое тулово, широкий уплощенный и полочковидный венчик, способ нанесения орнамента широкой глубокой линией и ангобирование свойственны сосудам памятников Южного Казахстана типа Ак-тобе 2, Шаушукум-тобе I тыс. н. э. и синхронных Биляру – типа Талгарского городища [46, рис. 4, *1–6, 9–12*; 266, рис. 46, *2–6*, 52, *1–4*]. Для корчаг Биляра только с XI в. характерны полочковидные венчики с плоским широким верхом. Они представлены среди сосудов I комплекса XXI группы XVIII раскопа [129, рис. 94, *3*], который многими чертами связан с керамикой указанных памятников Южного Казахстана. Линейно-арочная орнаментация, три ручки, широкий венчик, вероятно, указывают на то, что этот тип булгарских корчаг сложился под воздействием тарных форм Казахстана и Средней Азии в результате торговли булгар с южными областями.

Тип 6 (рис. 26, *3–5*) – высокое узкое тулово с почти подцилиндрической рифленой горловиной и припухлым венчиком (H:D=115%, H1:H=26%).

Этот тип, известный в Биляре (с XI в.) и Рождествене, имеет прототипы среди сосудов I комплекса XXI группы Биляра (рис.15, *14*) и передает форму сосудов типа хумчи, бытовавших в Южном Казахстане [11, рис. 53, *4*].

Итак, на поволжских памятниках (Болгар, Муромский городок) преобладают формы корчаг салтово-болгарских традиций (типы 1–2, 4), а в Предкамье и Закамье (Алексеевское, Рождествено, Биляр) заметнее корчаги и хумовидные сосуды с широким полочковидным венчиком, начиная с XI в. (типы 3, 5–6), несущие традиции юго-восточных истоков. В Биляре в XII – начале XIII в. бытуют сосуды смешанных традиций: формы тулова типов 1–2 сочетаются с полочковидным венчиком, низкими горловинами или без горловин (рис. 25, *2–3, 5*). В этом усматривается значительное участие традиций юго-восточного компонента в формировании типов тарной посуды.

Кувшины представлены 19 типами (рис.27–30).

Тип 1 (рис.27, *1–2*; 6 экз.) – с вытянутым туловом, высоким узким горлом, широким венчиком (H:D=103–122%, H1:H=22–46%), в отделке – каннелюры по тулову; двух подтипов: 1-А (рис. 27, 2) – с выраженным плечиком, иногда с А-образным клеймом, главным образом из Биляра; напоминает металлические формы античного периода; 1-Б (рис. 27, 2) – с округлым плечиком, из Биляра, Сувара и других памятников [451, рис. 53, 9]. Прототипы последним известны в Больше-Тарханском могильнике [451, рис. 53, *11*].

Тип 2 (рис. 27, *3*) – с высоким туловом, широкими дном и горловиной (H:D=116%, H1:H=45%), орнамент – пояса мелких резных линий. Известен в Болгаре с X в. Сосуды этого типа корнями уходят в раннебулгарский период [488, табл. 32, *9–10*; 186, рис. 1, *8*], сохраняя преемственность в X–XIII вв. [451, с. 133–139, рис. 53, *3*]. Близкие прототипы им известны в Дагестанской Хазарии [270, рис. 31, *11*].

Тип 3 (рис. 27, *5*; 5 экз.) – с низким туловом, широкими дном и высокой горловиной (D1:D=38%, H1:H=32%), с каннелюрами в отделке. Изредка встречается в Болгаре (с X в.) и Биляре. Близкие прототипы этой редкой формы известны среди кувшинов поздних захоронений Танкеевского могильника [488, табл. 32, *9–10*]. Е. П. Казаков связывает эти сосуды с болгаро-салтовским компонентом из районов Северного Кавказа [184, с. 127–29].

Тип 4 (рис. 27, *7–8*; 7 экз.) – с раздутым вверху невысоким туловом, узкой воронкообразной горловиной (H:D=96–108%, H1:H=28%), отделанной рифлением, валиками (подтип 4-А; рис. 27, *7*) или со вздутием на высоком горлышке (подтип 4-Б; рис. 27, *8*). Кувшины этого типа распространяются с XI в. в Биляре, присутствуют с XII в. в Рождествене и других памятниках. В сочетании таких признаков, как рифление горловин, налепы-пуговки, линейно-гребенчатый орнамент, могли отразиться традиции населения Южного Казахстана [47, с. 120, рис. 44], однако более древние прототипы этой формы известны в Восточном Закавказье [40, табл. 4, *4, 6*].

Тип 5 (рис. 27, *4, 6*; 3 экз.) – с вытянутым яйцевидным туловом, высокой узкой горловиной, нависающим венчиком (D1:D=26–27%, H1:D=42–44%), без орнамента (подтип 5-А) или с орнаментом (рифление и насечки по плечикам; подтип

5-Б). Редкие кувшины этого типы известны в Биляре и Болгаре с XI в. Сосуды подтипа 5-Б очень специфичны по форме и декору и сходны в этом с некоторыми кувшинами XXI группы юго-восточных истоков (рис. 15, *1*).

Тип 6 (рис. 28, *1*) – с округло-яйцевидным туловом, низкой горловиной раздутой формы и сливом (H:D=109–112%, H1:H=45–48%). Близок кувшинам Танкеевского могильника [451, с. 134, рис. 53, *2*]. Этот редкий тип известен в Биляре, Болгаре и Рождествене по единичным находкам.

Тип 7 (рис. 28, *2*; 2 экз.) – сосуды стройных форм с высокими плечиками, узкой горловиной с валиком под венчиком (H:D=118%, H1:H=35%), отделанным гребенкой. Встречается в Биляре с XI в.

Тип 8 (рис. 28, *3*; 2 экз.) – с раздутым широким туловом, широкой с валиками или гофрированной горловиной (D1:D=50%, H1:D=27%), отделанной рядами треугольных наколов-"зубцов". Эта довольно редкая форма конца домонгольского периода выявлена в Биляре.

Тип 9 (рис. 28, *4–7*; 5 экз.) – высокие стройные сосуды с крутыми широкими плечиками, невысокой горловиной со сливом и припухлым венчиком (H:D=106–110%, H1:H=29–32%). Иногда отделаны в придонной части "ложками", а горловины – валиком по горлу, ангобом и поливой. Заметно выступающие плечики, отделка "ложками", а горловин – валиком свойственны в данный период керамике Хорезма и Южного Казахстана [77, табл. 44, *132–134, 136*]. Этот тип распространяется в Болгаре, Биляре и других поселениях с X–XI вв. [451, с. 139, рис. 54, *4–5*].

Тип 10 (рис. 28, *8–9*; 3 экз.) – маленькие сосуды с расплющенным в боках туловом, узкой горловиной под пробку (подтип 10-А; D1:D=32%, H3:H=71%, H:D=90%, H1:H=28,5%, рис. 28, 9) или раструбом (подтип 10-Б; D1:D=23%, H3:H=38%, H:D=85%, H1:H=57%; рис. 28, 8). Сосуды подтипа 10-А отделаны каннелюрами по тулову, у основания горла и по краю. Этот редкий тип встречается повсеместно, начиная с X в., и продолжает развитие кувшинов Кайбельского и Больше-Тарханского могильников [451, с. 32, рис. 3, *9*; 113, с. 153]. Сосуды подтипа 10-Б встречаются изредка в Биляре в слоях XI–XII вв.; один из них с А-образным клеймом (рис. 28, *8*).

Тип 11 (рис. 28, *10*; 3 экз.) – сосуд с шарообразным туловом, узкой горловиной, сливом "свиное рыльце" (H:D=94–100%, H1:H=37–38%) и орнаментом ("зубцы" по шейке, насечки по краю, пунктирный узор по тулову). Встречены в Биляре в слоях XI–XII вв. Пунктирный узор отмечался М.И. Артамоновым как характерный для болгаро-салтовских памятников Нижнего Дона [22, с. 49–50]. Совокупность признаков (темный и красный черепок, "свиное рыльце", пунктирный узор, "зубчики") свойственны кувшинам Дагестанской Хазарии [270, рис. 31, *30*].

Тип 12 (рис. 29, *1*) – с яйцевидным туловом, широкой раструбом горловиной, в отделке – каннелюры по тулову и у основания горла. Этот редкий тип встречается в Болгаре с X в. [451, рис. 22, *11*]. Прототипы известны среди кувшинов Танкеевского могильника [488, табл. 32, *4*].

Тип 13 (рис. 29, *2–3*; 14 экз.) – средних размеров кувшины с сильно выступающими плечиками, узким дном, невысокой широкой горловиной (H:D=106–116%, H1:H=32–45%), без орнамента. Сосуды этого типа получили большое распространение с XI в. Близкие аналоги имеются в керамике Южного Казахстана [47, рис. 102, *1, 3*].

Тип 14 (рис. 29, *4–5*) – стройных пропорций сосуды с очень высокой узкой горловиной, завершающейся воронкой (подтип 14-А; рис.29, *4*) или валиками на графинообразной горловине (подтип 14-Б; рис. 29, *5*); H3:Dl=330%, H4:H3=75%). Сосуды этого типа встречаются изредка в Биляре. Данная форма появляется в конце домонгольского периода, вероятно, под влиянием кувшинов Хорезма [77, рис. 8, *15, 44, 71–73*]. На это указывает также набегающий валик у основания горла, приподнятая спинка ручек и ангоб.

Тип 15 (рис. 29, *6*) – со стройным овоидным туловом, широкой зауженной вверх горловиной со сливом (H:D=129%, H1:H=40%). Эта редкая форма встречена в Биляре в комплексах X–XI вв. Прототипы ее известны в керамике средневекового Дербента [248, табл. 6, *4*].

Тип 16 (рис. 29, *7*) – пифосообразные двуручные кувшины с широким в боках туловом (H:D=61–86%, H1:H=41–43%), отделанные перекрестным лощением по плечикам или рифлением по краю. Встречаются с XI в. в Биляре, Болгаре, Рождествене. Сосуды с рифленой горловиной являются гибридной формой сосудов типа 18 юго-восточных истоков и амфоровидных кувшинов салтово-маяцкой культуры [321, рис. 1, *11*]. На салтовские истоки этого типа указывают наличие аналогичных форм с блоковидным верхом из Болгара и отделка перекрестным лощением, характерным для алано-болгарской посуды.

Тип 17 (рис. 29, *8*) – пифосообразные кувшины с вытянутым туловом (H3:D1=94%, H4:H3=56%) и пышным многозонным орнаментом из фасок, наколов, перекрестного лощения, каннелюр, зигзагов. Этот тип распространяется в XII – начале XIII в. в Биляре. По основным морфологическим признакам данная форма близка типу 9 южно-казахстанских истоков. В декоре (зигзаг, наколы, каннелюры) проявляются черты керамики Дагестанской Хазарии [270, рис. 30, 31, *1–2*]; перекрестное лощение, плетенка на ручке, наколы, вероятно, несут традиции керамики салтово-маяцкой культуры [321, рис. 36, *2*]. Вероятно, тип 17 как поздняя модификация пифосообразных форм воплощает различные традиции, свойственные развитому гончарству булгар конца домонгольского периода.

Тип 18 (рис. 29, *9–10*; 6 экз.) – с широким и низким туловом и высокой горловиной (H:D=93%, H1:H=41%); в отделке – рифление по краю и отпечатки гребенки. Широко распространен в Биляре с XI в. Этот тип формируется, вероятно, под влиянием широкогорлых кувшинов XXI группы Биляра, привнесших рифление горловин в XI в. [129, рис. 94, *12*]. Кроме того, они морфологически близки широкогорлым кувшинам кочевнической группы керамики салтово-маяцкой культуры [321, рис.15, *1*].

Тип 19 (рис. 29, *11*) – крупные сосуды с почти коническим широким туловом, низкой горловиной со сливом “свиное рыльце” и тремя ручками (H:D=97%, H1:H=31%); украшены рядами “зубцов” по шейке. Форма трехручных кувшинов и одноручных с узким горлом и “свиным рыльцем” известна в памятниках салтово-маяцкой культуры [321, рис. 3]. Эта редкая форма воспринята у аланского населения Северного Кавказа [219, рис. 94, *147*]. Датируется в Биляре концом домонгольского периода.

Из 19 типов кувшинов, выделенных в коллекциях данного периода, преобладают сосуды салтово-маяцких истоков – типы 1–6, *8*, 10–12, 16–17, 19, из них кавказские – 2–4, 6, *8*, 11–12, 16–17, 19, все они редкие; 9, 13–14, 18 – характерные типы юго-восточных истоков. Последние распространены как в юго-западных и поволжских памятниках (Болгар, Сувар, Муромский городок, Рождественское, Тарновское и т.д.), так и в более заметном количестве в восточных закамских (Биляр, Джукетау, Алексеевское, Утяковское, Остолоповское). В отличие от них типы кувшинов салтово-маяцких истоков сосредоточены преимущественно в Биляре, кроме типов 1–3. Возможно, это обусловлено положением Биляра как столичного города и центра ремесел в данный период, а также этническими корнями населения, связанными с районами Дагестанской Хазарии и Северного Кавказа в целом.

Кружки (рис. 30–33) – 12 типов.

Тип 1 (рис. 31, *2*; 4 экз.) – H:D=40–41%, H1:H=28–37,5%; сравнительно низкие сосуды, такое же низкое шаровидное тулово с выраженным сгибом стенок посередине, подцилиндрическая или раструбом горловина низкой или средней высоты, край округлый, без орнамента, изредка – рифление по горловине.

Тип 2 (рис. 31, *1*; 12 экз.) – H:D=50–68%, H1:H=21–43%; более высокие сосуды, тулово средних пропорций с придонной частью и выраженными или не выравненными боками, подцилиндрическая или раструбом горловина, слегка утоньшенный приостренный венчик, без орнамента, лишь изредка по горловине – рифление и треугольные наколы. Распространены с X в.

Тип 3 (рис. 31, *3–4*; 2 экз.) – H:D=63%, H1:H=53%; низкие широкие толстостенные сосуды, приземистое тулово средних пропорций, широкая раструбом горловина, ямочки по верху тулова или без орнамента, отличается от типов 1–2 горлови-

ной с более плавным переходом, отделанной рифлением. Распространяется в XI–XII вв.

Кружки типов 1–3 в форме и декоре отражают, вероятно, традиции населения юго-восточных истоков [47, рис. 99, *1*–*3*] с учетом также вкусов прикамско-приуральского населения (резные линии и отпечатки гребенки в отделке).

Тип 4 (рис.31, *5*–*8*; 4 экз.) – с биконическим туловом, иногда с выделенным поддоном и высокой подцилиндрической горловиной (H:D=81–83%, H1:H=22,5–23%), без орнамента или с каннелюрами и налепами на ручке. Этот тип также воплощает традиции населения юго-восточных истоков. Свидетельством тому близость с кружками IX и X групп [451, рис.44, *17*].

Тип 5 (рис.31, 9–12; 4 экз.) – крупные, с реповидным туловом, высокой слегка зауженной горловиной, фигурными ручками (H:D=69–70%, H1:H=34–42%), отделанные пышным узором ("плетенка", волюты, каннелюры и т.д.). Комбинируют признаки разных традиций и распространяются повсеместно с XII в.

Тип 6 (рис.32, *1*–5, 33, *1*; 2 экз.) – узко- и широкогорлые кружки усеченно-конической формы (H:D=64–85%, H1:H=45–72%), украшенные каннелюрами, перекрестным лощением, наколами и рядами из отпечатков гребенки. Распространены с X в. Прототипы этих кружек можно усматривать как в более ранних кружках VIII–IX вв. группы I [451, рис.3, *19*], так и в группе X начала X в. (Алексеевское городище). Последние, вероятно, делались во вкусах наделения юго-восточных истоков. Подобные им встречаются в памятниках Южного Казахстана [47, рис.98, *1*, 99, *4*]. Наиболее широкие сосуды (диаметр почти равен высоте) аналогичной формы известны в комплексах Танкеевского могильника IX в. с характерными для салтово-маяцкой посуды глубокими каннелюрами на тулове [451, рис.11, *7*.

Тип 7 (рис. 32, *6*; 2 экз.) – с подшаровидным туловом, высокой подцилиндрической или раструбом горловиной (H:D=79–87%, H1:H=38–41%), ручка от края, без орнамента. Этот редкий тип встречен в Биляре (XII в.).

Тип 8 (рис. 32, *8*) – широкие, с грушевидным туловом, невысокой чуть раструбом или зауженной горловиной, петлевидной ручкой на боку (H:D=73,5%, H1:H=38%), украшенные каннелюрами, круглыми наколами, перекрестным лощением. Эта редкая форма найдена в Биляре и Рождествене. Прототипами могут являться кружки Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры [324, рис. 46, *4*; 330, рис. 70].

Тип 9 (рис.32, *9*) – с биконическим приземистым туловом, широкой и низкой горловиной раструбом и фасками по тулову (H:D=79%, H1:H=50%). Редкий тип из слоя Биляра XII–XIII вв. Напоминает формой чашки – производные IX группы [451, рис. 44, *12*–*13*,*18*], а также типа джукетау [451, рис.109, *7*].

Тип 10 (рис. 33, *2*; 8 экз.) – с расплющенным в боках туловом, подцилиндрической горловиной, с одной ручкой (H:D=86–115%, H1:H=51–73%); в отделке – рифление вдоль венчика. На одном из сосудов – граффити в виде зигзага. Происходит из слоя Биляра XII–XIII вв.

Тип 11 (рис. 33, *3*; 8 экз.) – с низким биконическим туловом, сильно выступающими боками, высокой с небольшим раструбом горловиной, ручкой несколько ниже края (DI:D=62–68%, H3:H=28–42%); край украшен резными линиями, по плечику – "запятыми" или без орнамента. Кружки этого типа происходят из Биляра и Муромского городка [84, с. 188]; на одной из билярских – клеймо "ветка". Прототипами их являются сосуды салтово-маяцкой культуры [324, рис. 46, *6*–*8*], которые, вероятно, были принесены на Волгу "болгарскими печенегами": отсюда орнамент из "запятых" и разных насечек по краю, свойственный этому населению [321, рис.15, *3*–*8*].

Тип 12 (рис.33, *4*; 2 экз.) – с низким, округло-вытянутым вверх туловом, высокой раструбом горловиной (DI:D=78,5–80%, H3:H=31–45%.. Этот редкий тип встречен в Биляре в слоях XII – начала XIII в. Протипом являются кружечки XXI группы Биляра XI в. (рис.15, *8*), истоки которых в керамике Южного Казахстана [47, рис.99, *2*]. Сравним их пропорции: D1:D=90–112%, H3:H=42–47% – XXI группа и D1:D=85–92%, H3:H=33–36% – I группа.

Итак, из 12 типов кружек типы 5, 8–11 – юго-западных (салтово-маяцких) истоков, типы 1–4, 6, 12 и, возможно, 7 – юго-восточных (южноказахстанских). Наиболее распространенными являются кружки типов 1–2, 4, 6, 10–11.

Кринки (рис. 30, 33, *5–14*) представлены восемью типами. Все модификации относятся к XI – началу XIII в.

Тип 1 (рис. 33, *5*) – с реповидным туловом, высокой подцилиндрической или зауженной горловиной, фигурными ручками (H:D=61%, H1:H=45%.); сосуды пышно отделаны многозонным орнаментом из каннелюр, заштрихованных треугольников, фасок, волют, наколов, "вьющегося стебля", отпечатков гребенки и т.п. Этот редкий тип встречается на всех крупных городищах.

Тип 2 (рис. 33, *6–7*) – с раздутым высоким туловом, низкой раструбом горловиной (H:D=70,5%, H1:H=47,5%), в отделке – горизонтальные каннелюры, фаски, отпечатки "зубцов", валики. Этот тип горшкообразных кринок выявлен в небольшом количестве в Биляре и датируется XII – началом XIII в. Декор из острого валика под шейкой и фасок указывает на возможное влияние форм металлической посуды.

Тип 3 (рис. 33, *8*) – с реповидным туловом, зауженной вверх невысокой горловиной (DI:D=55%, H1:D=25%), двумя ручками, отпечатками гребенки по валику. Эта модификация выявлена в Биляре в слоях конца XII – начала XIII в. Она соединяет в себе, вероятно, формы кружек и кувшинов I группы.

Тип 4 (рис. 33, *9*; 2 экз.) – высокие, с выступающими боками, невысокой раструбом горловиной с валиком, широко развернутым краем (H3:DI=62%, H4:H3=50%). Этот редкий тип встречается в Биляре в слоях XII– начала XIII в. Вазообразная форма, отделка валиком, "змейкой" и лощением, возможно, подражают формам гуннской посуды [233, табл. 25, *8–9*; 31, табл. 5, *8–9*]. Близкие вазообразные формы есть среди посуды "болотных" городищ джетыасарской культуры [266, рис. 7, *74*, 17, *15*], в керамике и вещевом комплексе которых Л. М. Левина видит гуннские традиции [266, с. 17, 62]. Возможно, и в кринках типа 3 отражаются гуннские традиции (ручки-ушки, валик на горловине), сохранившиеся в металлической посуде кочевников.

Тип 5 (рис. 33, *10*) – с горшкообразным вытянутым туловом, невысокой расширенной вверх горловиной (D1:D=69%, H1:D=27%.), в отделке – рифление, а по тулову, кроме того, фаски. Этот тип бытует в Биляре в XII – начале XIII в. Близок стилистически горшкам типа 8 группы I (рис. 23,*1–2*).

Тип 6 (рис. 33, *11*) – с подшаровидным вытянутым туловом, подцилиндрической низкой горловиной, ручкой (D1:D=97%, H1:D=35%), рифлением по горлу и волной по плечикам. Этот редкий тип известен в Биляре в слоях XII–XIII вв. и близок общебулгарским горшкам типа 4 (рис. 21, *1*). Формы и отделка рифлением, волной и фасками кринок типов 5–6 восходят к горшкам XXI группы (рис. 16, *2*, *8*).

Тип 7 (рис. 33, *12*) – с вытянугым овальным туловом, переходящим в невысокую раструбом (DI:D=72%, H1:D=29,6%), покрытую рифлением. Этот редкий тип встречается в Биляре, Болгаре и Суваре в XII – начале XIII в. Вероятно, связан с развитием горшков типа 6 (рис. 22, *4*), известных по южным памятникам Волжской Булгарии, связанных с традициями угорского лесостепного населения.

Тип 8 (рис. 33, *13–14*) – с невысоким туловом с заметно выступающими боками, узкой невысокой горловиной и ручкой (DI:D=83%, H1:D=18,5%, H3:DI=66%, H4:H3=16%). Этот тип встречается изредка с X–XI вв. в Биляре и Болгаре [451, рис. 55, *21*]. Близкой формы кринки бытовали в IX–XII вв. в Хорезме [77, рис. 8, *13*, *14*].

Таким образом, наиболее распространенными среди кринкообразных являются типы 1 и 8, редкими – типы 2–7. Формирование их происходило в XII – начале XIII в., когда в отделке булгарской посуды сложился полизтнический стиль. Однако формы кринок еще довольно точно передают традиции прототипов, к которым они восходят. Так, юго-восточных истоков – типы 5–6, 8, отделанные рифлением по горлу и с подшаровидным туловом; кавказских – тип 2, украшенный фасками, валиками, "зубцами"; вероятно, восточных – тип 4; прикамско-приуральских – тип 7, с рифлеными горловинами; полиэтнические традиции – в отделке и форме типа 1.

Блюдообразные (рис. 34–38).

Миски (рис. 34–35) представлены пятью типами. *Тип 1* (рис. 34, *1–6*; 9 экз.) – низкие, тулово с округлыми боками или перегибом, подцилиндрическая горловина, 1–2 ручки или без

них (H:D=17–26%, H1:H=14,5–30%); в отделке – резные линии и отпечатки гребенки по горлу и плечикам, продолговатые вдавления, запятые, волны. Аналогии формам и декору – в VII, VIII, XVII и отчасти в I и XXI группах. *Тип 2* (рис. 34, *7–8*; 12 экз.) – тулово с заметным ребром или округлое, высокая подцилиндрическая горловина, венчик уплощенный и приостренный, ручка на тулове (H:D=27–32%, H1:H=19–28%), без орнамента. Аналогии – среди посуды средневековых памятников Удмуртии [165, рис. 12, *2*]. *Тип 3* (рис. 34, *10*) – тулово с округлыми боками, высокая горловина с округлым краем (H:D=35–48%, H1:H=24–37%), без орнамента. Миски этого типа являются редкими. Происхождение их можно связать с подобными формами, известными в чепецких памятниках [355, рис. 9, *1, 3*]. *Тип 4* (рис. 34, *9*) – глубокие; с более высокой, чем у типа 3, горловиной; 1–2 ручки (H:D=33–53%, H1:H=14–16%), без орнамента. *Тип 5* (рис. 34, *11–12*; 9 экз.) – тулово с нависающими боками, плавно переходящими в низкую горловину; с округлым краем; ручка покатая, от края (H:D=32–39%, H1:H=33–57%); по плечику – волнистые линии. Приземистой формой и декором напоминают чаши IX и миски VIII групп.

Миски типов 1–5 распространены с XI в. и появляются, вероятно, в результате переработки традиций населения юго-восточных и прикамско-приуральских истоков.

Блюда (рис. 36, *1–11*) представлены тремя типами. *Тип 1* (рис. 36, *1*; 8 экз.) – мелкие, с перегибом вверху (H:D=19–41 %, H1:H=14,5–30%), отделанные отпечатками гребенки. *Тип 2* (рис. 36, *2–7*; 7 экз.) – глубокие, с перегибом вверху (H:D=27–46%, H1:H=15–42%), без орнамента. Блюда этих типов известны в Биляре с X–XI вв. *Тип 3* (рис. 36, *8–11*; 4 экз.) – глубокие и мелкие, с округлыми боками (H:D=34–58%, H1:H=60–75%), без орнамента. Известен в Биляре, Болгаре, Алексеевском городище с X в. и связан с блюдами X группы юго-восточных истоков [451, рис. 23, *8*, 47, *12*]. Все три типа блюдобразных сосудов имеют близкие прототипы среди керамики I тыс. н. э. каунчинской культуры [266, рис. 31, *32, 34, 36, 38*, 54, *1, 3–4*].

Блюдца (рис. 36, *12–14*) – двух типов. *Тип 1* (рис.36, *12–13*; 4 экз.) – мелкие, с перегибом вверху (H:D=27,5–38,5%, H1:H=37,5–45%), без орнамента. *Тип 2* (рис.36, *14*; 8 экз.) – глубокие, с перегибом вверху (H:D=19–41%, H1:H=10–39%), без орнамента или отделанные 2–3 резными линиями. Оба типа распространены с X–XI вв. в Биляре, Алексеевском и других городищах. Аналоги им известны в посуде Хорезма [77, рис. 44, *37, 44–45*].

Чаши (рис. 36, *15–24*) представлены семью типами. *Тип 1* (рис. 36, *15–17*; 5 экз.) – неглубокие, с перегибом в средней части и подцилиндрическим или слегка зауженным верхом (H:D=36–43%, H1:H=50–55%), орнамент – линейно-волнистый или без орнамента. Широко известен с X в. Чаши аналогичной формы распространены в комплексах каунчинской культуры [266, рис. 59, *378, 382*]. *Тип 2* (рис.36, *18*) – с расширенным верхом-воротничком (H:D=30–45%, H1:H=41–68%). *Тип 3* (рис. 36, *19*) – глубокие, округлые, с одной ручкой (H:D=47–48%, H1:H=44–45%), орнамент из вертикальных каннелюр, заключенных между горизонтальными. Изредка встречается, как и тип 2, с XII в. в Биляре. *Тип 4* (рис. 36, *20–21*; 8 экз.) – глубокие сосуды с перегибом у придонной части и расширенным верхом (H:D=31–61%, H1:H=61–77%); в отделке – резные линии, дополненные в предмонгольское время отпечатками гребенки, а также узор "спираль". Этот тип является наиболее распространенным с X в. *Тип 5* (рис.36, *22*) – неглубокий сосуд с округлыми боками и выделенной горловиной (H:D=45%, H1:H=70%) – редкая форма из Биляра XII–XIII вв. *Тип 6* (рис. 36, *23*; 2 экз.) – глубокие, с почти вертикальными стенками и округлым перегибом у дна (H:D=53–63%, H1:H=62–65%); украшены резными линиями, наколами. Появляются с XII в. в Суваре, Биляре, Болгаре. Среди билярских сосудов встречаются подобные чаши с закраиной и каблучным поддоном, пышно орнаментированные "ложками", завитками, гребенкой. Форма и отделка этих сосудов, очевидно, заимствованы из городских центров Средней Азии [33, рис. 15, *3*; 68, рис. 44, *2–3*; 69, рис. 52, *3*] и переработаны в соответствии со вкусами населения Волжской Булгарии. *Тип 7* (рис.

36, *24*; 3 экз.) – глубокие, конической формы, с каблучным поддоном (H:D=28,5–38%, H1:H=0%), в отделке – полива, резной орнамент из фестонов, крестов, отпечатков гребенки и растительный узор. Чаши данного типа производились в мастерских Биляра с XI в.

Чашки (рис. 37, *1–11*) – маленькие питьевые сосуды с ручкой; шести типов. Известны с XI в. в Биляре, Суваре и других памятниках. *Тип 1* (рис. 37, *1–2*; 2 экз.) – стенки плавно расширены вверх, ручка покатая (H:D=62–73%, H1:H=18–38%). Сосуды этого типа встречены в Биляре в предмонгольское время. *Тип 2* (рис. 37, *3*; 5 экз.) – стенки плавно закруглены вверху, ручка петлевидной формы (H:D=47–59%, H1:H=46–67%), в отделке – резные линии вдоль края. Встречен преимущественно в Биляре в конце домонгольского периода. *Тип 3* (рис. 37, *4–7*; 8 экз.) – стенки под усеченный конус заужены вверх, ручка петлевидная (H:D=54–76%, H1:H=50–67%), орнамент – волна (джукетау). Известен в Биляре. *Тип 4* (рис. 37, *8*; 3 экз.) – стенки с перегибом в нижней части и расширением – в верхней (H:D=70–71%, H1:H=8,5–11%), орнамент – резные линии вдоль края. Известен с XI в. в Биляре. *Тип 5* (рис. 37, *9*) – подцилиндрические несколько расширенные вверху стенки, перегиб внизу округлый (H:D=48,5%, H1:H=41%). Распространен в предмонгольское время. *Тип 6* (рис. 37, *10*) – неглубокая чашка расширенной формы с ручкой близ дна (H:D=25%, H1:H=57%) из Биляра из слоя XII – начала XIII в. Тип 7 (рис. 37, *11*) – биконической формы, горловина раструбом, ручка от края (H:D=54%, H1:H=60%).

Пиалы (рис. 37, *12–13*) – двух типов; встречены в Биляре в начале XIII в. *Тип 1* (рис. 37, *13*) – с выраженным перегибом и небольшим каблучным поддоном (H:D=50%, H1:H=14%). *Тип 2* (рис. 37, *12*) – с округлыми стенками и поддоном (H:D=38%, H1:H=25%). Пиалы как разновидность чашевидных могли быть заимствованы из городских центров Средней Азии [73а, рис. 12; 68, табл. 5, *1–2*] и особенно Южного Казахстана [47, рис.39, *3, 6–12*].

Плошки (рис. 37, *14–17*) – с загнутыми вовнутрь краями, по пропорциям двух подтипов: 1-А (рис. 37, *14, 16*; 9 экз.) – мелкие и широкие – H:D=24–34%, H1:H=27–45%; 1-Б (рис. 37, *15, 17*; 5 экз.) – глубокие – H:D=19–32%, H1:H=19–46%. Отделаны характерным для них узором из отпечатков гребенки, резных линий, наколов. Наиболее ранние плошки – малых размеров и без орнамента – появляются уже в X в. в I и II группах [451, рис. 61, *16–17*, 72, *11*]. Прототипы этих плошек известны среди посуды Северо-Восточного Кавказа еще с сарматского времени [116, с. 107–111]. У волжских булгар эта форма становится более округлой и уплощенной, со своей орнаментацией.

Итак, блюдообразные сосуды имеют главным образом юго-восточные истоки. Исключением являются миски, несущие смешанные – юго-восточные и прикамско-приуральские – традиции, и, вероятно, плошки, привнесенные из районов Северо-Восточного Кавказа.

3. Изделия специального назначения и редкие формы

"Угольные" чашки (рис. 37, *18–19*) – воронкообразной формы, с ручкой, опирающейся на плоскость; толстые стенки, со следами угля внутри. Найдены в гончарном районе Биляра, в слоях XI – начала XIII в. Служили, вероятно, для переноски углей. Аналоги формы – среди поздней керамики Ак-тобе [266, рис. 61, *7, 18*] и других памятников Средней Азии.

Светильники (рис. 37, *20–27*) – четырех типов. *Тип 1* (рис. 37, *20–23*; 21 экз.) – высокие плошки с одним или несколькими носиками-желобками (H:D=30–41%, H1:H=27–38%); придонная часть иногда отделана "ложками". Экземпляры с одним носиком распространены повсеместно с X в. Редкий экземпляр с четырьмя носиками происходит из Биляра (рис. 37, *23*). Традиции изготовления светильников типа 1 связаны с городскими центрами Средней Азии [68, табл. 4, *16–17*]. *Тип 2* (рис. 37, *24*) – низкие плошки с сильно загнутыми краями и длинным трубчатым носиком (H:D=36%, H1:H=33%). Это редкая форма из Биляра предмонгольского времени. Возможно, она проникла из районов Северо-Восточного Кавказа [100, табл. 2, *11*], несколько трансформировавшись у булгар. *Тип 3* (рис. 37, *26–27*) – плошка на трех ножках с углублением в цен-

тре (H:D=28–33%, H1:H=50%). Редкая форма XI–XII вв. из Биляра. Близкие типы светильников известны среди керамики каунчинской культуры на ее позднем этапе (Каунчи 3) [266, рис. 59, *391*]. *Тип 4* (рис.37, *25*; 2 экз.) – глубокая плошка с выделенной горловиной, носиком-желобком и петлевидной ручкой (H:D=5%, H1:H=50%). Редкий тип из Биляра конца домонгольского периода, прототипы которому можно видеть в керамике Афрасиаба [310, рис.10, *4*].

К редким формам относятся крышки, туваки, сосуды с зооморфными изображениями, чернильницы, палитры, вазы-поставцы и т.д.

Гончарные крышки (рис. 39, 1–13) – двух типов.

Тип 1 (рис. 39, *1–3*; 2 экз.) – большие крышки с пестообразной ручкой (D=15–16 и 28–34 см) и солярной орнаментацией (подтип 1-А) или воронкообразным завершением ручки (подтип 1-Б), часто с примесью органики и шамота. Первые наиболее характерны для района Биляра, а вторые – Сувара. Крышки сохраняются на селищах округи Биляра и в других булгарских памятниках до конца домонгольского периода, постепенно исчезая.

Истоки булгарских шамотных крышек (II группы) Т. А. Хлебникова видит среди керамики кочевнической группы салтово-маяцкой культуры [451, с. 98]. Иная точка зрения ранее была высказана А. Х. Халиковым [421, с. 45]. Рассматривая крышки X в. из Биляра, он указал их прообразы среди раннесредневековой керамики Хорезма (джетыасарская культура) и поселений городского типа Южного Казахстана. Следует отметить, что действительно техника нанесения солярного орнамента с помощью галек-лощил и распространение орнамента, выполненного с помощью лощила или палочки, в виде фасок, "ложков", "плетенки" и завитков одновременно на памятниках VII–VIII вв. Южного Казахстана (Кескен-Куюк-кала, Шаушукум-тобе, Джеты-асар 3) связываются Л. М. Левиной в своих истоках с гуннами и тем населением Средней Азии, в состав которого они вошли [266, с. 85, рис. 15, *20, 21, 50*]. Однако вряд ли правомерно отрицание салтовских прототипов билярских крышек, поскольку они содержатся во II группе керамики салтово-маяцких истоков начала X в., т.е. предшествуют билярским. Скорее всего, джетыасарские прообразы проявились в булгарских крышках через керамику кочевнической группы салтово-маяцкой культуры. Прототипы суварских крышек с коническим верхом мне неизвестны.

Тип 2 (рис. 39, *4–13*; 18 экз.) – крышки малых размеров с небольшой шишкообразной ручкой, разнообразной формой закраин, D=4,5; 7,5; 8,4; 10; 10,5; 11; 12; 14,5 см. Некоторые экземпляры выделяются заварочным отверстием. На одной из крышек (рис. 39, *5*) была прорезана по сырой глине арабская буква (алла?). В орнаментации – реже перекрестное лощение, более характерны наколы, резные линии, отпечатки гребенки Формы и декор их восходят, вероятно, к крышкам тюрков Семиречья [497, табл. 57–59]. Аналогичные экземпляры имеются в среднеазиатских, хазарских и южнорусских памятниках [321, рис. 14, *15–20*].

Туваки (рис.39,17–19) представлены тремя типами. *Тип 1* (рис. 39, *17*; 31 экз.) – конической формы; *тип 2* (рис. 39, *19*; 21 экз.) – подцилиндрической; *тип 3* (рис. 39, *18*; 8 экз.) – бочонкообразные. Наиболее распространенным является тип 1, особенно в районе Биляра; тип 3 характерен для района Сувара. Туваки находят аналоги в керамике Чача [68, табл.44,*1*] и других памятников Средней Азии.

Вазы-поставцы (рис. 41, *2–3*; 3 экз.) – высокие сосуды с низкой и сравнительно широкой бочонкообразной горловиной и раздутым туловом (H:D=92%, H3:H4=26%), тщательно и пышно отделанные растительным узором, каннелюрами и отпечатками гребенки. Найдены в Биляре в конце домонгольского периода. Предназначались, вероятно, для хранения ложек. Аналогичные формы и отделка встречаются среди посуды гуннов [31, табл. 5, *8–9*; 135, рис.14]. Малиново-красный и красно-желтый цвет черепка, рифление горловины, пояса из отпечатков многозубчатой гребенки и многорядной волны свойственны керамике ранних кыпчаков [281, рис. 13–14]. Эти же признаки (но более развитые) и, кроме того, форма горловины и венчика свойственны и посуде I и особенно XIII и XXI групп керамики Волжской Булгарии. Таким образом, ва-

зообразные сосуды Биляра воплощают традиции тюркских компонентов населения района Билярского городища.

Триподы (рис. 37, *28*, 41, *7–8*; 8 экз.) – чашеобразной формы, с приостренным наружу краем, тщательно отделанные лощением и орнаментом; D3=15–16 см. Аналогичные сосудам из Ширенсайского могильника из Ус-рушаны [266, рис. 68, *20*].

Бутыль (рис. 41, *1*) – сплюснутый шар с узким низким горлышком, припухлым венчиком, сплошным лощением (H:D=82%, H1:H=50%) – представлена целой формой из Биляра. Сосуды близких форм известны среди посуды Хорезма VII–VIII вв. (Топрак-кала) [520, рис. 46, *36*].

Сосуды с зооморфным оформлением (рис. 40, 41, *5*, *7–8*, *11–12*).

Декоративные ***сосуды в виде утки и гуся (казары)*** (рис.40, *3–4*; 2 экз.) ладьевидной формы известны из Тигашевского [375, рис.32, *1*; 405, рис.22, *6*] и Билярского городищ. К ним примыкают находки ***пробок в виде гусиных голов*** (рис. 40, *1–2*; 7 экз.) из Болгара и Биляра [441, рис. 35, *4*]. Сосуды в виде гуся имели ладьевидную форму тела водоплавающих, полое тулово и широкую горловину. На сосуде из Биляра глаза и комочек земли на клюве выполнены налепом-пуговкой. Тулово от основания шейки покрыто "ложками". Поверхность тщательно залощена, цвет черепка ярко-красный, внутри – красный ангоб. Сосуд датируется XII – началом XIII в. Пробки имеют под цилиндрическую форму с навершием в виде головы гуся или утки и приостренным нижним концом; на носовой части – три продольных глубоких "ложка"; головка обычно низкая, подлощенная; принадлежали малым кувшинам (D горла 5 см, D у основания – 3,1–3,2 см).

Сюжет оформления сосудов в виде утки и гуся-казары связан с мифом о происхождении земли, распространенным у народов лесной и лесостепной зон Евразии и воплощенным в булгарских височных кольцах [426, с. 5–8]. Ладьевидные сосуды-солонки в виде водоплавающей птицы известны у многих древних и современных народов в дереве и глине [162, с. 12]. Изображение гуся имеется в керамике Хорезма с I тыс. до н.э. до XII–XIII вв. [95, рис. 15, *5*; 77, рис.36, *96*, *120*]. Кроме того, в керамике Хазарии, Волжской Булгарии и Золотой Орды получило распространение изображение гусиной лапки в виде клейм и граффити.

Сосуды с головами козла или архара (Тетюшское городище) и ***коня*** (Тетюшское и Муромское городища) являются весьма редкими (рис. 40, *5*, *7*). Изображения этих животных известны в деревянной утвари и скульптуре у теленгитов и хакасов [162, рис. 109, 130, 135, 136, *1*] и мордвы (конь) [142, рис. 3, *2*]. Первый из сосудов – с желто-песочной фактурой черепка – связан, возможно, с реликтами мировоззрения кыпчаков, восходящего к пантеону божеств саков и усуней Семиречья.

Сосуды со стилизованной головой петуха (рис.40, *11–12*) имеют биконическую форму тулова, три ножки, боковую ручку с тремя выступами – гребнем, клювом, бородкой и отверстием-глазом. Ручки в виде головы петуха встречаются на ряде городищ и селищ Закамья домонгольского времени.

Целый трипод с аналогичной ручкой из Биляра (рис.40, *11*) [236, с.75–80] имел уникальную руническую надпись – благопожелание к еде кислого молока. Анализируя палеографические особенности надписи, А. Ф. Кочкина высказалась за ее протобулгарскую принадлежность и указала на сходство с надписями северокавказских и волго-донских памятников [236, с.79]. Северокавказские черты проявляются также в форме трипода и орнаментации из поясов гребенки, характерных для памятников Дагестанской Хазарии [270, с. 111, рис. 31, *10*, *32*]. В этом видится подтверждение того, что территория Северо-Западного Прикаспия была исконной для одного из компонентов культуры волжских булгар.

Форма и назначение сосудов с головой петуха в своих истоках связаны, вероятно, с верованиями индоиранцев, а именно: с праздником Науруз, праздником весеннего возрождения и плодородия земли, распространеннного у земледельцев Средней Азии и Ирана, В ритуальную пищу праздника в современном Иране входят простокваша, крашеные яйца. На столе должны быть большой хлеб, коран, петух (! – Н. К.), рыба, зеркало и т.д. При этом идет гадание об урожае, пишутся благопожелания, варится каша из семи злаков [269, с.9–16].

В связи с этим любопытна необычная композиция орнамента на вышеупомянутом сосуде из Биляра (рис. 40, *11*), напоминающая колос. Магический смысл традиций, связанных с этими сосудами сохранился у некоторой части населения Закамья, и в частности Биляра, вплоть до начала XX в.* В весенне-летнем цикле праздников татар Поволжья и Приуралья, особенно у мишарей, содержатся еще до сих пор многие обряды, связанные с празднованием, аналогичным Науруз [394, с.79–102].

Празднование возрождения земли в Средней Азии во времена Бируни имело и другие особенности. Необходимо было делать омовение, обливаться дождевой водой, брызгать водой на землю, а также курить девясил и т.д. [269, с.12]. Широкое распространение у булгар в домонгольский период кувшинов с носиками (водолеи), крышек с солярной орнаментацией, сосудов с ручками в виде петушиных голов, триподов-курильниц и т.д. объясняется наличием в Волжской Булгарии верований, связанных с празднованием весеннего возрождения и плодородия земли.

Сосуды с ручкой в виде медведя (рис. 41, *11–12*; Билярское – 11 экз., Танкеевское и Тетюшское – по 1 экз.) встречены в обломках, не позволяющих реконструировать форму, кроме одного фрагмента из Биляра, сохранившего и часть стенки сосуда (рис. 41, *11*). Эти ручки принадлежали, по-видимому, кружковидным сосудам конической формы. Они представляют собой распластанную фигуру зверя, обращенную мордой к устью сосуда. Сформованы из одного продолговатого куска глины, свернутого в трубку; поверхность залощена. Все фигурки выполнены с разной степенью реализма. На фигурках уши отмечены налепами, глаза и ноздри – углублениями, насечками подчеркнута шерсть. Одна из фигурок (рис.41, *12)* найдена в гончарной мастерской Биляра конца домонгольского периода [226, рис. 4]. Другой сосуд из Биляра (рис. 41, *11*) был украшен треугольными наколами.

* А.Д. Пономарев в 1915 г. видел у крестьянки села Билярск Устиньи Чернушкиной булгарский кувшин, который был подвешен над входом в курятник и назывался "куриный бог" [455, с. 61].

Сосуды с зооморфными ручками получили наибольшее распространение в сарматской культуре и ее наследии. Литература о них огромна [360; 205; 206; 133; 90; 204; 1; 3; 317; 296; 322; 323; 15; 16; 270]. Техника изготовления ручек булгарских сосудов в виде медведя аналогична сарматской: они сформованы из полоски глины, свернутой вдвое и образующей изнутри желобок. По форме некоторые ручки находят аналогии среди металлической пластики пермского звериного стиля [229, с.146–150]. Сходство это, возможно, не случайно и может рассматриваться в контексте связей булгарского и прикамско-приуральского населения. Учитывая, однако, новые материалы с территории Волжской Булгарии (Биляр), севера Средней Азии [266, рис. 10, *36, 40*] и половецких кочевий [465, с. 199–201], необходимо отметить следующее. Культ медведя широко распространен у различных народов и в разных географических зонах [160, с. 128–130]. Медведь считался, в частности, родоначальником некоторых тюркских народов. Такие роды известны среди кыпчаков и половце, а также среди тех башкирских племен, в состав которых вошли указанные народы [250, с. 117].

Сосуды с ручками в виде медведей известны с городища Джеты-асар 2 в низовьях Сырдарьи (VII–IX вв.) [266, рис.10, *36, 46*]. Эти сосуды относятся к группе столовой лощеной посуды тонкого теста. Орнамент состоит, как правило, из треугольных отпечатков, резных извивающихся лент и зигзагов. Резной растительный и елочный орнаменты этой керамики Л. М.Левина рассматривает как результат смешения джетыасарской и семиреченской традиций. Отдаленные истоки этой керамики она видит в гуннских материалах Монголии и Алтая [266, с. 85]. Орнамент из треугольных отпечатков, известный на керамике джетыасарской культуры II этапа [266, рис. 5, *25, 7, 36*, 15, *216–218, 230*] и посуде Биляра (рис. 41, *11*), вероятно, также уходит корнями в Центральную Азию [233, табл. 25, 9].

Могут возникнуть сомнения по поводу определения вида животного как медведя на рассматриваемых сосудах. Аналогичные фигурки в казахстанских материалах определяются как

собаки (?) [266, с. 36] или кабаны [47, рис. 31, *31*, 110], однако у некоторых из них подчеркнуто обозначены, как и на биляр ских (рис. 41, *11*), пятипалые лапы с когтями, что не свойственно парнокопытным кабанам. На сосуде с городища Джеты-асар 2 животное изображено четырехпалым. Четырехпалые медведи (пятый палец – вместилище души) – культовые изображения, известные у народов Сибири (селькупы, ненцы, манси, алтайцы). По мнению И. Н. Гемуева, четырехпалые медведи являются образом покойного "великого" шамана [104, с. 138–143].

Сосуды с ручками в виде медведя у волжских булгар связаны, вероятнее всего, с традициями тюркского компонента, носителями которого могли быть как протобулгары, так и кыпчаки. У наследников последних – татар-мишарей – эти животные как родоначальники присутствуют в названиях отдельных этнических групп (родов?) до начала XX в., в чем исследователи видят пережитки тотемных представлений этого населения [388, с. 223].

Фигурки барана (рис.40, *9–10*) встречены в основном в керамике Биляра. Одна из них – обломок головки с завитыми вниз рогами (рис. 40, *9*) от привозного водолея; у нее желтоозовый черепок, зеленая полива по белому ангобу. Другая фигурка, обожженная до темно-малинового цвета изображает заднюю часть животного с большим курдюком (рис. 40, *10*). Аналогичные сосуды встречаются на городищах Южного Казахстана и Семиречья и связаны с культом этого животного уже в I тыс. н. э. [47, рис. 97; 266, рис. 59]. Изображения барана в керамике Волжской Булгарии появились, вероятно, под воздействием обычаев населения юго-восточных истоков (гузы-куманы), пришедшего из районов Южного Казахстана, вместе с которым появилась у булгар и южная порода курдючных овец [316, с. 64–66]. Культ барана существовал в Средней Азии издревле и, в частности, у индоиранцев-сарматов и массагетов [516].

С данным периодом связаны находки в Биляре ***чернильниц*** биконической формы (рис.39, *21*), ***палитр*** – строенных сосудиков кубковидной формы (рис. 41, *5*), ***миниатюрных кувшинчиков*** (рис. 41, *9*) и ***кружечек на поддонах.***

Чернильницы (6 экз.) имеют биконическую форму тулова (рис.39, *21*) или подцилиндрическую (рис. 39, *20*); D3=4 и 4,4 см, D=6,9 и 7 см, HO=5,2 и 6 см.

"Палитры" (2 экз.) – строенные сосудики кубковидной формы на поддонах с отверстиями между ними; у одного из них – зооморфная ручка (рис. 41, *5*). Поверхность покрыта поливой и отделана лощением, а также украшена наколами, а дно – тремя выемчатыми "ложками". Миниатюрные сдвоенные и строенные сосуды весьма характерны для земледельческо-скотоводческих культур эпохи энеолита и ранней бронзы. Можно предположить, что появление таких сосудов у волжских булгар связано с Кавказом, где они хорошо известны еще в сарматских древностях [2, рис. 3, *23–27*].

Миниатюрные кувшинчики (рис. 41, 9) – возможно, песочницы; HO=5,5–8 см, D3=2,5–3,3 см, D=4–5,6 см; сбокуотверстие; в отделке – лощение и резные волюты.

Сфероконусы (рис. 39, *15–16*) – два обломка из гончарных мастерских Биляра из слоя XII – начала XIII в. – мелкопесочного теста коричневого цвета, округло-конической, слегка асимметричной формы, стенки толщиной 17–18 мм, D=8 см, с низкой горловиной, D отверстия 0,6–0,9 см, стенки залощены и неорнаментированы. У одного из сосудов по сырой глине прочерчен знак. По форме аналогичны привозным сфероконусам из Двина, украшенным 2–3 каннелюрами [139, с. 202, рис. 1]. Большая часть их найдена в меднолитейной мастерской [422, с. 64, 69].

Назначение привозных сфероконусов, возможно, связано с транспортировкой различных добавок, необходимых в медицине и цветной металлообработке (изготовление замков, зеркал и т.д.) [295, с. 47–48]. В сфероконусах булгарского производства, возможно, перевозилась вода из священных источников (вспомним о точке зрения, высказанной Ризположенским и З. Виноградовым [91, с. 81]). Попытки изготовления в предмонгольский период сфероконусов у булгар, вероятно, связаны со стремлением мусульманских верхов освятить место поклонения местного населения – "Святой ключ" [455, с. 63–65]. Наверное, весомым аргументом в пользу этой вер-

сии являются находки сфероконусов преимущественно в странах мусульманского мира.

Итак, во второй половине домонгольского периода бытуют: I, отчасти II болгаро-салтовские по происхождению группы керамики юго-западных истоков; VII, VIII–1, 2, XVII – финно-угорские и угорско-тюркские прикамско-приуральских истоков; XIII, XXI – огузо-кыпчакские юго-восточных (казахстанских) истоков; XIV – древнерусская из северо-восточных русских земель; XVI – марийско-чувашская поволжских истоков. Таким образом, новыми с середины XI в. являются VII–2, XVI, XVII, XXI группы керамики.

Генезис общебулгарской посуды, которая является преобладающей в данном периоде, характеризуется следующими тенденциями. Если для X – начала XI в. свойственно преобладание болгаро-салтовских традиций, то для второй половины домонгольского периода становятся заметными юго-восточные огузо-кыпчакские традиции, представленные XIII, XXI группами керамики.

Традиционная керамика болгаро-салтовских групп к этому периоду легла в основу общебулгарской кухонной, тарной и столовой посуды (I группа). Сохранились эти традиции в кухонных горшках с растительной примесью и шамотных крышках, принадлежавших II группе кочевнической керамики болгаро-салтовских истоков. Юго-западные традиции в столовой и тарной посуде пополнялись в данный период у булгар благодаря тесным экономическим и культурным связям с населением Кавказа и Крыма.

Традиции керамики юго-восточных казахстанских истоков были привнесены несколькими потоками населения: в начале X в. – носителями IX и X, затем XIII и в первой половине XI в. – XXI групп. Эти традиции нашли отражение (хотя и позднее, чем болгаро-салтовские) в формах общебулгарской кухонной, тарной и столовой посуды особенно во второй половине XI – начале XIII в.

Переработка юго-западных, юго-восточных и прикамско-приуральских традиций булгарским населением в XII – начале XIII в. порождает признаки синкретизма в формах и отделке посуды. Формируется своеобразная по формам и орнаментации общебулгарская посуда.

Взаимодействие различных археолого-этнических групп проявилось в изменениях внутри групп традиционной керамики.

VII группа в виде круглодонных горшков и мисок с гребенчато-шнуровой орнаментацией и примесью толченой раковины, имеющая зауральские корни, широко распространена в Волжской Булгарии с X в., особенно на Остолоповском селище [451, с. 224–225]. В рассматриваемый период в этой группе происходит как бы двойной процесс. С одной стороны, она продолжает включать родственные элементы из финно-угорской и угорской среды Прикамья, что проявилось в появлении новых форм (высокие сосуды с ручкой, блюдцеобразные чашки) и элементов орнаментации ("флажок", "бахрома"). В частности, в VII группе керамики Биляра заметно смешение с VIII – угорско-тюркской (в тесте) и VI – верхнекамской финно-угорской (елочно-гребенчатый орнамент) группами [457, рис. 6, *1*, *16*, *17*, 7, *3*]. С другой стороны, сокращается количество керамики VII группы в целом, размываются ее характерные признаки, что может объясняться смешением с тюркским населением (XIII, XXI и другие группы). Продолжается взаимовлияние VII и XIII групп, проявившееся в общих (иногда) примесях и элементах орнаментации.

VIII группа округлодонной керамики песочного теста с различными примесями и резной орнаментацией, имеющая кушнаренковско-караякуповские традиции, преломившиеся в результате смешения с тюрко-угорскими группами Прикамья и Приуралья в IX–XI вв., также распространена в Закамье в рассматриваемый период [504; 506]. В несколько большем количестве встречается она в Биляре. В данный период усложняется состав этой группы (VIII–2) за счет включения нового населения с неволинским компонентом. Вследствие смешения тюрко-угорских групп становятся более разнообразными формы посуды и орнамента этой группы. Новыми формами в группе VIII–2 являются котлы и трипод.

Контакты этой археолого-этнической группы заметны в отношении I, XIII, XXI групп. Они проявились в восприятии орна-

мента в виде волнистых линий и обратном воздействии на орнамент и формы этих групп, особенно I. О большой смешанности технологических традиций посуды VIII группы свидетельствует и технологическое исследование И.Н. Васильевой [86–87; 500]. В результате этих контактов наблюдается сильное сокращение керамики VIII группы, объяснимое дальнейшей тюркизацией ее носителей. Другой причиной резкого сокращения керамики этой группы в Биляре и на других поселениях конца домонгольского периода было переселение части этого населения (VIII–2 группа) в Пермское Прикамье, на что указывают материалы Кыласова городища и предание о переселении местного населения из булгарского города "Большой Шатер".

XIII группа – круглодонная посуда с большим содержанием песка, выполненная вручную с центрированной подправкой горловины, отделанная частыми волнистыми линиями с наклоном влево, наколами из отпечатков гребенки и др. – наиболее многочисленная среди групп традиционной керамики домонгольского периода. Распространена на поселениях района Джукетау. Преобладает непосредственно на этом городище (44–65%), в связи с чем и получила название джукетауская [445, с. 44; 447, с. 234–251].

Сформировавшись в Нижнем Прикамье на основе и по подобию родственных IX и X групп (гузо-куманы, по Т. А. Хлебниковой) в X в., XIII группа имеет южно- и центрально-казахстанские корни. Присущее ей своеобразие в тесте, технике исполнения, формах, орнаментации, однородность признаков и многочисленность позволяют считать ее самостоятельной этнической группой, связанной с формированием булгар-сакатимов. Контакты XIII группы с финно-угорским населением Нижнего и Верхнего Прикамья выразились в появлении цилиндрошейности у части посуды этой группы, новых форм мисок, узоров из отпечатков наклонной гребенки и насечек. Наблюдаемое сходство и различие в технологии, формах и отделке керамики XIII и IX групп, а также сходство XIII и XXI (с XI в.) свидетельствуют о более сложной картине генезиса населения Нижнего Прикамья, представленного XIII группой.

Расселение носителей XIII группы в Нижнем Прикамье, где значительно количество общебулгарской посуды (от 60 до 40% к концу домонгольского периода), должно было повлиять на булгаризацию культуры этой этнической группы. Внешнее сходство культуры основной группы булгар и булгар-сакатимов, вероятно, и было отмечено арабским географом Идриси в XII в., который помещает в Прикамье, северо-восточное основной группы булгар ("тюркских булгар"), вторую группу под таким же названием [113, с. 173].

XIV группа керамики – древнерусская, принадлежавшая выходцам из Северо-Восточной Руси – появляется в этот период в небольшом количестве в поволжских и прикамских поселениях и в Биляре. Она связана, вероятно, с пребыванием купцов, ремесленников, беглых и других русских людей. Анализ рецептуры теста, проведенный И. Н. Васильевой [86–87; 500], свидетельствует о воздействии на основные традиции этой посуды местных – булгарских.

XVI группа керамики – "славяноидная", копирующая технику древнерусской посуды, но с примесью раковины в тесте, представлена низкими широкогорлыми горшками с желобчатым краем, без орнамента. Она появляется в данный период в незначительном количестве в Джукетау, на Рождественском и Кайбельском селищах, соседствуя с керамикой XIV и I групп, и принадлежит, вероятно, поволжскому финно-угорскому этносу, в частности и группам марийско-чувашского населения.

XVII группа керамики – суварская – выделяется специфичной техникой изготовления, серым мелкопесочного теста черепком, плоскодонной округлой горшковидной формой, характерным орнаментом "змейка" и реже в виде волны (джукетау) или той, что свойственна посуде IX группы. В заметном количестве выявлена Т.А. Хлебниковой в Суваре; кроме того, она есть в Биляре, Рождествене и других памятниках. Это тюрко-угорская по своей этнической принадлежности керамика сложилась во второй половине домонгольского периода, на основе слияния черт, вероятно, VIII, IX и XIII групп. Технологическое исследование привело И.Н. Васильеву [500, с. 76–77] к выводу о неоднородности традиций и отсутствии связей с дру-

гими группами населения Волжской Булгарии. Аналогичная керамика с более выраженными признаками воздействия IX и XIII групп (орнамент, форма) известна с XII в. на Рождественском селище [506, с. 192–193].

XXI группа керамики – кыпчакская, с желто-коричневым черепком – представлена круговыми горшками, котлами крупнопесочного теста, кувшинами, кружками, корчагами, хумами, мисками мелко- и крупнопесочного теста, отделана невыразительно лощением, волной (джукетау), наколами и рифлением по горловине. Своеобразие керамике XXI группы придают котлы, хумчи, узкогорлые кувшины, тагоры, кружки с верхом в виде раструба, не известные в раннебулгарской посуде. Появилась в первой половине – середине XI в. в Биляре. Принадлежала кыпчакам-шарам, тюркоязычному населению Центрального Казахстана. Близость XXI и XIII групп (состав теста, подшаровидность форм, орнаментация) указывают на их родственные корни. Оседание части кыпчаков в Волжской Булгарии могло быть вызвано стремлением их верхушки к рынкам сбыта на Камско-Волжском торговом пути и последствиям миграции [38–39] в Средней Азии и Казахстане в первой половине XI в. [504, с. 10; 512, с. 110–111].

Население юго-восточных истоков (IX, X, XIII, XXI групп) являлось носителем традиций гончарства Центрального и Южного Казахстана, Семиречья и севера Средней Азии и активно участвовало в формировании булгарского гончарства в X в. и особенно во второй половине XI в. Наиболее заметным является воздействие XXI группы. В рассматриваемый период большая часть ее форм и орнаментация воплотились в общебулгарской посуде.

Формирующаяся во второй половине XI – начале XIII в. общебулгарская керамика является синкретичной и складывается под воздействием двух основных традиций – юго-западной (болгаро-салтовской) и юго-восточной (огузо-кыпчакской) с преобладанием первой.

ГЛАВА 2

КЕРАМИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – НАЧАЛА XV в.

Керамика золотоордынского периода в течение двух его фаз – ранней (вторая половина XIII – середина XIV в.) и поздней (вторая половина XIV – начало XV в.) – изменилась существенным образом не только по составу групп, но и каждая группа в отдельности. Продолжают бытовать I, VII, VIII, XIII, XIV, XVI, XVII, XXI группы, появляются новые – VI, XVIII, XIX, XX, XXII (табл. 2).

1. Традиционная керамика

Керамика традиционных групп в это время составляет 1,5–6%, а иногда и более (табл. 2–3). Наиболее многочисленная из них – по-прежне-му XIII группа, локализующаяся в Нижнем Прикамье в районе Джукетау (50–65%) с тенденцией распространения на памятниках Предкамья восточнее Меши (Чакма – 17%, Чаллынское – 12%), Закамья (Биляр – 3,6%) и Предволжья (Сюкеевское и др.). На материалах Болгарского городища и Русско-Урматского селища наблюдается некоторое ее увеличение к середине XIV в. (от 0,7 до 1,7%), а к концу века количество ее падает до 0,3–0,5% (табл. 2–3).

Заметной является также XIV группа древнерусской керамики на поволжских поселениях (Сюкеевское – 17–19%, Болгар – 0,2–1,1%); в небольшом количестве она известна в Заказанье (Русско-Урматское – 0,3–0,7%) и на камских памятниках. Размещение ее связано с пребыванием на булгарской земле ремесленников (в частности, в Болгаре), пленников,

купцов и других русских людей. Возрастает количество керамики XVI группы, принадлежавшей поволжскому финно-угорскому (марийско-чу-вашскому) населению (Болгар – 1,1%; до 0,3–0,9% в IV – позднем – слое; Сюкеевское – 11,6%, Русско-Урматское – 0,3%).

Керамика VII группы в значительном количестве встречена на некоторых поселениях Предкамья (Чаллынское – 9,9%, уступая лишь общебулгарской и XIII группе; Чакма – 19%), реже – в Закамье (Билярское 3 –2%). Заметно, особенно для районов Заказанья (Камаевское, Казанский Кремль), присутствие в конце XIV – начале XV в. новой – XXII – группы (от 0,2 до 3,8–5%; табл. 3). Остальные группы традиционной керамики встречаются значительно реже и лишь на отдельных памятниках.

VI группа (рис.42) выделилась по материалам Танкеевского и Тетюшского могильников второй половины IX – X–XI вв. [181, табл. 2–3; 182, с. 10–11; 195, рис. 2–3] и введена Т.А. Хлебниковой в состав этнокультурных групп керамики Волжской Булгарии [451, с. 70, *106*, *156*]. Характеризуется следующим комплексом признаков: приземистой формы круглодонные горшки и чаши, в тесте серого цвета примесь раковины и шамота, слегка отогнутая наружу или закрытая горловина, отделанная по краю насечками и вмятинами, а по плечику – отпечатками штампов. Истоки Е.П. Казаков определил как поломско-чепецкие [181, с. 129; 193, с. 34–42].

Наиболее ранние поселенческие комплексы с этой керамикой относятся также к IX–X вв. Примером тому Болгарское селище на берегу Малого Иерусалимского оврага, исследованное П.Н. Старостиным [523] и другие памятники. На булгарских памятниках XII – начала XIII в. керамика VI группы пока что не выявлена. В золотоордынский период отдельные находки ее связаны с IV (поздним) слоем Болгарского городища [452, с. 22–24]. Морфологически близкая посуда выявлена на памятниках Предкамья [506, с. 185–187,201–202].

Керамика IV слоя Болгара – приземистые горшки и чаши с толченой раковиной – выделяется в подгруппу VI-1 (рис. 42, *1–4, 6–11*). *Горшки* двух типов: *Тип 1* (рис.42, *10*) – D1:D=72%, H3:H=19%, H:D=67%, H1:H=42%, H4:H3=74%, H3:D1=17%, H1:D=28%; бомбовидные. *Тип 2* (рис. 42, *9*) – D1:D=84%, H3:H=12%, H:D=65%, H1:H=61%, H4:H3=100%, H3:DI=9%, H1:D=39%; чашевидные. *Чаши* – трех типов. *Тип 1* (рис. 42, *1*) – D1:D=90%, H3:H=33%, H:D=53%, H1:H=41%, H4: H3=65%, H3:D1=18%, H1:D=18%; глубокие, с зауженной высокой горловиной. *Тип 2* (рис. 42, *17*, *21*) – D1:D=5,8%, H3:H=62%, H:D=40%, H1:H=29%, H4:H3=100%, H3:D1=28%, H1:D=11%; низкие, с высокой раструбом или зауженной горловиной, по плечику – отпечатки редкой гребенки, у одного из сосудов – ручка петлевидной формы. *Тип 3* (рис. 42, *14*) – низкая чаша с невысоким отогнутым венчиком, без орнамента. Горшки близких типу 2 пропорций и декора известны на городище Весьякар в Удмуртии [356, рис. 15, *1*, 16, *2*]. Близкие формы чаш так е известны на городище Гурья-кар и других чепецких памятниках [165, рис. 12, *2*], принадлежавших северным удмуртам [164, с. 6–9].

Керамика подгруппы VI-2 (рис. 42, *5*, *13*, *15*, *16*, *18–20*, *22–27*) харак-теризуется толстостенным коричневатым с бурой прослойкой и растительной примесью черепком, иногда загла-женным щепкой; формы – низкие горшки, миски и чаши с уплощенным дном. *Горшки* (рис. 42, *5*, *16*, *25*) – 6 экз. в обломках; низкое приземистое тулово, горловина подцилиндрическая (D3=13,5 см) и раструбом (D3=19,5 см). Миски (рис. 42, *15*, *18*, *27*) – 4 экз. в обломках; D1: D=94%, H1:D=26%, H:D=27%, H1:H=40%, H3:D1=7,5%, H4:H3=100%; приземистое тулово, горловины – невысокая раструбом с загнутым вовнутрь приостренным краем и высокая блоковидная с приостренным краем. *Чашки* (рис. 42, *12*, *24*) – 3 экз. в обломках; округлое тулово, загнутый вовнутрь и скошенный острый край, D3=15–16 см. Отделка из крупных насечек по плавно отогнутому наружу краю и плечикам в комбинации с узором в виде елочки или "решетки", косых насечек, резных линий и изредка острого зигзага. Орнамент нанесен небрежно, с перерывами. Керамика этой подгруппы встречена пока что в небольшом количестве (2–2,1%) на двух памятниках Предкамья – селище Чакма и Чаллынском городище [491; 506, с. 185–187, 201–202] и соседствует с керамикой I, XIII и VII групп (табл. 2)

в отложениях золотоордынского и, возможно, домонгольского периодов.

Все формы, обработка щепой, сочетание резной и штампованной техники в орнаментации присущи древнеудмуртской посуде конца I – начала II тыс. н.э., особенно северной чепецкой группы памятников [164, табл.10, *1, 7–8*; 165, рис. 12, *1–2*; 167, рис. 4, *14*, 11, *3, 6*; 367, с. 34–36]. Однако комбинация насечек в виде елочки на керамике подгруппы VI-2 очень своеобразна и в целом не характерна для чепецкой посуды. Она проявилась в керамике только некоторых памятников (типа Тольенского могильника), где заметно воздействие кушнаренковских традиций [196, табл. Б, *8–12*, В, *14, 19–21*; 357, рис. 8]. Близкие по форме чаши и узор елочка известны на таком своеобразном памятнике неволинской культуры как Подкаменное городище [119, рис. 6, *1–12*].

Этническая принадлежность неволинской и кушнаренковской культур остается дискуссионной, однако я склоняюсь к мнению тех исследователей, которые рассматривают их как угорские с истоками в лесостепном Зауралье. Формирование керамики подгруппы VI-2 из Предкамья, вероятно, происходило в сопредельных районах Пермского Прикамья. Подобная посуда найдена на Кыласовом городище (ПАКУ, №№ 132–3539, 5061; 231–244; 432–9457, 4082). Носители этой керамики, судя по материалам Больше-Тарханского [113, табл. 8, *14,16–17*] и Танкеевского [488, табл. 35, *2, 22*] могильников, входили в состав уже раннебулгарского населения.

Можно также предполагать, что посуда подгруппы VI-2 принадлежала и тем древнеудмуртским группам населения, в состав которых влился значительный лесостепной угорский компонент, фиксируемый не только в археологических материалах, но и в топонимике [34, с. 139; 35, с. 95–97].

VII группа керамики (рис. 43–44) – угорская с истоками в горно-лесном Зауралье – встречается главным образом в раннезолотоордынских слоях. Наблюдается ее тяготение к восточным районам Волжской Булгарии. С конца XIV в. она уже не фиксируется в слоях булгарских поселений. В начальный период золотоордынской эпохи керамика VII группы сохраняет

черты домонгольской: изменения в ней происходят в более позднее время, когда тесто становится более плотным, а черепок более тонким; увеличивается содержание песка и уменьшается – раковины (рис. 43, *4, 6*).

Формы VII группы представлены круглодонными горшками, мисками, чашками* . Горшки и миски данного периода по сравнению с предшествующим становятся более низкими и подшаровидными, со все более утоньшенным и приостренным вверх венчиком, с менее выразительным и небрежно нанесенным орнаментом (рис. 43, *6, 9*). Новую форму – подшаровидную, с горлом раструбом (рис. 43, *7*) – имеют иногда чашевидные сосудики. Редкой формой (рис. 43, *7–8*) являются подшаровидные чашки с Чаллынского городища, аналоги которым есть в домонгольских материалах этой же группы [451, рис.106, *3*].

Итак, в золотоордынский период керамика VII группы продолжает бытовать, но претерпевает следующие изменения. Для нее характерны бульшая запесоченность теста, болеетонкий и плотный черепок, меньшие размеры горшков, иные пропорции форм, более плавный переход от тулова к шейке, венчик приостренный или закругленный, но часто без характерного для домонгольских сосудов плоского скоса; заметны небрежность и деградация в приемах орнаментации. Часть сосудов из Предкамья (рис. 43, *1–2, 6, 8–9, 12*) по пропорциям и деталям формы напоминают посуду удмуртских памятников [356, рис. 6, *4*]. Некоторые черты несколько сближают керамику VII группы с гребенчато-шнуровой с песочным тестом (чияликский тип) из восточных районов Закамья [183, с. 42–43; 189–191] и северных районов Башкирии [273, с. 75–77]. Причины сходства этих групп керамики кроются, по мнению Е.П. Казакова [190, с. 67,70] (к которому я присоединяюсь), в общих зауральских истоках, что при интенсивном смешении этих групп населения в Нижнем Прикамье с носителями других групп в XIV в. и, вероятно, сходном образе жизни не удиви-

*О типолого-морфологическом анализе см. подробнее [506, с. 185-187, 203-204].

тельно. Носителей памятников чияликского типа Казаков, опираясь на исследование Р.Г. Кузеева, считает остяками и относит к угорским тюркизированным племенам [183, с. 92]. Кузеев включает в это население этнические группы горных районов Башкирии: юрми, байлар и ирэкте [249, с. 243].

Занимая восточные районы Волжской Булгарии, угорские племена в XIII и XIV вв., по мнению Е.П. Казакова, подверглись кипчакизации в составе башкирских племен [183, с. 93]. Это население в XIII–XIV вв. поддерживало связи с основными районами Булгарского государства. Свидетельство тому находки керамики на Балынгузском селище и сосуда чияликского типа на Чаллынском городище (рис. 43, *7*). В песочном тесте чаллынского сосуда – небольшая примесь раковины; его пропорции (в сравнении с керамикой Тактагалачукского могильника): D1:D=68% – 66–72%, H3: H=47% – 15 –35%, H:D=65% – 77–80%, H:H=35% – 38–50%.

На нижнекамских поселениях (Алексеевское [444, с. 162–164, 173, табл. 32], Остолоповское и Чакма) VII группа керамики присутствует в заметном количестве и соседствует с IX и XIII. На этих памятниках наблюдается взаимопроникновение навыков их изготовления: примесей, приемов оформления и отделки, что является, вероятно, признаками смешения носителей этих групп.

С населением VII группы связан, возможно, городок по имени Паскерти, указанный на карте 1367 г. Франциско и Доминико Пицигани на левом берегу в низовьях Камы [146, с. 131]. В свете работ Е.П. Казакова, посвященных происхождению, распространению, этнической интерпретации керамики с гребенчато-шнуровой орнаментацией булгарской эпохи [180 – 183; 185 –186; 189 –193], мне кажется вполне приемлемым взгляд Ф.К. Брука, связывавшего город Паскерти с башкирами. Тем более что названия соседних городов на Каме также носят, как мы увидим ниже, этнонимический характер и связаны с конкретными этническими группами, представленными в керамике Волжской Булгарии.

VIII группа (рис. 45, *1–7*) – угорская – присутствует на поселениях начала золотоордынского периода. В единичных

фрагментах (от горшков) найдена на Болгарском, Джукетауском и Чаллынском городищах, Билярском 3 селище и Чакме. Находки ее на Кыласовом городище вместе с керамикой XIII группы относятся к концу домонгольского – началу золотоордынского периодов (ПАКУ, №№ 132–3539; 5064). В Прикамье эта керамика сопровождается вещами булгарского производства, что особенно заметно в Кыласове с XII в. [59, с. 63–73; 57, с. 130–141; 58, с. 125–129; 267, с. 18–19].

Вероятно, часть населения, не слившаяся с булгарским, переселилась в конце домонгольского периода в верховья Камы, сохранив при этом контакты с Волжской Булгарией.

XIII группа (рис. 45, *8–12*, 46–49) занимает в золотоордынское время наиболее значительное место после керамики I группы. Однако на всех поселениях к концу периода количество ее заметно сокращается. Для нее характерны следующие примеси: мелкий песок, известняк, раковина, красная дресва. Возможно, примесь раковины связана с влиянием угорской шнуровой керамики. Дресва встречается в более тонком пластичном тесте, что, вероятно, является следствием влияния круговой позднезолотоордынской керамики I группы. Технологическое исследование XIII группы указывает, вместе с тем, на воздействие традиций IX (лоскутный налеп) и XIX групп (ленточный налеп). Подтверждается также наличие смешанной техники формовки, указывающей на процесс пре?ращения кругло донной в плоскодонную посуду [86, с. 128–129].

Посуда XIII группы представлена горшками, котлами, чашками, мисками и плошками. *Горшки* (рис. 46) – трех типов. В этот период отсутствуют горшки типа 1, новый – тип 4. *Тип* 2 (рис. 46, *1–5*; 3 экз.) – H:D=54–66%, H1:H=23–48%; наиболее распространенный; тулово с расширением в верхней части, горло высокое подцилиндрическое или блоковидное, редко низкое, край закругленный наружу. *Тип 3* (рис. 46, *6 –9*; 3 экз.) – H:D=74%, H1:H=46%; тулово раздутое посередине, горловина высокая и низкая, иногда ручка с “горбатой” спинкой – в верхней части. *Тип 4* (рис. 46, *10–11*) –H:D=67–84%, H1:H=46–48%; раздутое у основания тулово, сильно покатые плечики с невысокой горловиной или без нее. Чаще встречаются в более поздних слоях.

Среди них несколько больше, особенно в поздний период, стало высоких горшков с узкой горловиной (тип 3).

Новой формой являются котлы четырех типов, хотя количество их и невелико (рис. 45, *8–12*). *Тип 1* (рис. 45, 8) – D1:D=99%, H3:H=50% – экземпляры с Болгарского городища подражают форме котлов XXI группы с подквадратными ручками (тип 1) и украшены многорядной волной (джукетау) или отпечатками гребенки. *Тип 2* (рис. 45, *9*) – D1:D=85%, H3:H=45% – котел с раздутым туловом и развернутым краем из раннезолотоордынского слоя Русско-Урматского селища. Эта форма заимствована из котлообразных XVIII группы, появившихся в данный период, и содержит наряду с крупным песком и примесь раковины. *Тип 3* (рис. 45, *10*) – D1:D=74%, H3:H=16% – экземпляр с Ч?ллынского 1 селища, обладая аналогичной типу 2 формой тулова, имеет подцилиндрическую горловину, две петлевидных ручки и отделан волной (джукетау). *Тип 4* (рис. 45, *11–12*) – D3=22 см, D1:D=61%, H1:D=23% и D3=15,5 см, D1:D=67%, H1:H=35% – экземпляры из IV (позднего) слоя Болгара выделяются подшаровидным туловом, утолщенным загнутым наружу краем и украшены волной (джукетау). Эта форма возникла под влиянием горшковидных XIII (рис. 46, *10–11*) и, возможно, котлов XXI групп (рис.7, *13*).

Мискообразные (рис. 48, *1–3*, *8–13*) – трех типов, из них преобладают сосуды типов 1 и 3. *Тип 1* (рис. 48, *9–13*; 24 экз.) – H:D=44–62%, H1:H=63–80%; бока расплющены, горловины – блоковидная, зауженная, подцилиндрическая, с боковой ручкой, иногда с рогообразным оформлением, как у чаш XVIII группы (рис. 48, *13*). *Тип 2* (рис. 48, *8*; 30 экз.) – H:D=41–63%, H1:H=22–44%; глубокие, расширенное посередине тулово, подцилиндрическая горловина, венчик закругленный и приостренный, иногда с боковой ручкой. *Тип 3* (рис. 48, *1–3*; 10 экз.) – H:D=51–67%, H1:H=43–53%; глубокие, расширенное вверху тулово, горловина подцилиндрическая, венчик приостре-ный или закругленный, иногда с боковой ручкой. Новые среди них – *типы 2 и 3*. Миски типа 2 бытуют в основном в позднезолотоордынский период и отчасти близки сосудам VII и VIII групп. Миски типа 1 также претерпевают в этот период

дальнейшие изменения под воздействием форм верхнекамской посуды (рис. 54, *2*, *4*). Наличие в тесте раковины и форма этих чаш несколько сближают их с чашами XVIII группы верхнекамских истоков (рис. 54, *2*, 5, *6*).

На примере развития XIII группы в Болгаре и других памятниках особенно заметно смешение ее признаков с другими группами керамики в золотоордынский период. Одна из мисок типа 3 из Болгара была со знаком-тамгой в виде двух кружков, соединенных перекладиной (рис. 48, 12). Аналогичную тамгу имело башкирское племя Тархан или Гайна [250, с. 423, табл. 2].

Чашевидные сосуды – четырех типов (рис. 47,1–15) – отличаются большой вариабельностью *Тип 1* (12 экз.) – H:D=52–70%, H1:H=31–49%; двух подтипов: 1-А (рис. 47, 2–4) – глубокие, с расширенным внизу туловом и высокой горловиной, со скошенным вовнутрь венчиком и одной ручкой; 1-Б (рис. 47, 1, 5) – глубокие, с подшаровидным слегка сплюснутым туловом и подцилиндрической горловиной, близкой горшкам типов 2–3. *Тип 2* (7 экз.) – H:D=57–71%, H1:H=62–72%; двух подтипов: 2-А (рис. 47, 9, 12) – подшаровидное тулово, D в средней части, расширенная горловина, приостренный венчик, иногда “горбатая” ручка с треугольной площадкой, отделанной отпечатками гребенки; 2-Б (рис. 47, 13) – расширенное внизу тулово, D ниже середины, горловина несколько раструбом, приостренный венчик. *Тип 3* (рис. 47, 10) – H:D=26%, H1:H=95%; глубокая слабо профилированная чашка, невыраженная подцилиндрическая горловина, приостренный венчик. *Тип 4* (рис. 47, 11, 14, 18; 3 экз.) – H:D=53–57%, H1:H=26–45%; глубокие, подгрушевидной формы, с низкой горловиной и отогнутым наружу венчиком. Новая черта у них – подпрямоугольная в сечении ручка (рис. 47, 13). Подобные ручки свойственны чашам XVIII группы (верхнекамская). Новым для этой категории является тип 3 – приземистая чаша высокой слабо профилированной формы с Чаллынского 1 селища (рис. 47,10).

Плошки (рис. 48, *4–7*; 4 экз.) – двух традиционных типов. *Тип 1* (рис. 48, 5–7) – H:D=28–32%, H1:H=34–38%, D3=14–20 см. *Тип 2* (рис. 48, *4*) – H:D=50%, H1:H=42%, D3=7 см. Пос-

ледние несут в приземистой форме с отогнутым краем замет-
ные традиции керамики верхнекамских истоков.

Таким образом, формы посуды XIII группы в данный период испытывают воздействие форм верхнекамской керамики (XVIII группа) в результате активных контактов их носителей. Следует отметить, что XIII группа керамики в XIV в. переживает расцвет, переходя частично в плоскодонные формы к началу XV в. Она по-прежнему сосредоточена в Нижнем Прикамье в районе Джукетау (до 65%), хотя и распространилась довольно широко в Закамье, Предкамье и Предволжье. Название города Жукотина-Сакетима отражало в данный период название этнической группы булгар-сакатимов. С центром распространения этой группы и близкого ей населения XXI группы связано, очевидно, указание на карте Пицигани 1367 г. на левобережье низовьев Камы Жукотина (Сакетима) и города Чар или Шар [146, с. 131].

Связывая истоки XIII группы с керамикой огузо-кыпчаков каунчинской культуры и формированием кыпчаков-шаров, можно видеть дальнейшее ее развитие в VIII–X вв. с участием угорского населения Башкирского Приуралья (кушнаренковская, караякуповская и другие группы), а с X в. – и Прикамья [512–513].

XIV группа древнерусской или славянской керамики (рис. 50) содержит различные примеси: дресву, крупный или мелкий песок, шамот, раковину, известняк, навоз. М.Д. Полубояринова [338, с. 87–95] и Т.А. Хлебникова [452, с. 31–33] делят эту керамику по тесту, обжигу, форме, декору на две подгруппы. Первая из них делалась русскими гончарами (рис. 50, *1*–9), а вторая (рис. 50, *10–19*) – местными – в соответствии со вкусами небулгарского населения. Разделение на подгруппы подтвердилось в результате изучения состава теста [86, с. 129]. Как справедливо считают М.Д. Полубояринова и И.Н. Васильева, посуду второй подгруппы с более тонким тестом могли делать и древнерусские гончары, усвоившие местную технологию [86, с. 129].

Поскольку корреляция форм подгрупп XIV–1 и XIV–2, выполненная Т.А. Хлебниковой, показала их преемственность

[452, с. 35, рис.17–18], в настоящей работе приведены лишь сведения о параметрах и пропорциях по отделам керамики этих подгрупп, представленных горшками. Подгруппа XIV–1. Высокие (рис. 50, *1–2*; 10 экз.) – H0=13–15 и более см, D3=18–26 см; D1:D=70–90%, H1:D=12–24%. Низкие (рис. 50, *3–8*; 11 экз.) – H0=15 и менее см, D3=15–27 см; D1:D=81–90%, H1:D=17,5%. Мискообразные (рис. 50, 9; 11 экз.) – H0=11–12 см, D3=14–28 см; D1:D=81–93%, H1:D=5–13%. Сосуды этой подгруппы найдены и в ранних и в поздних слоях. **Подгруппа XIV–2.** ***Высокие*** (рис. 50, *10–13*; 2 экз.) – с широкой горловиной, H0=21–25 см, D3=24–26см; D1:D=88–89%, H1:D=8–9%. ***Низкие*** (рис. 50, *14–16*; 14 экз.) – H0=9–19 см, D3=9–20 см; D1:D=67–89%, H1:D=13–22%. ***Мискообразные*** (рис. 50, *17–19*; 13 экз.) – H0=9–18 см, D3=12–24 см; D1:D=72–91%, H1:D=9–15%. Сосуды данной подгруппы встречены лишь в поздних слоях. Высокие горшки подгруппы XIV–2 не являются развитием таковых подгруппы XIV –1. Эта новая форма напоминает поздние корчаги из русского слоя Болгара. Декор сосудов подгруппы XIV –2 остается близким предмонгольскому.

XVI группа (рис. 51, *1–20*) – "славяноидная" поволжская финно-угорская, или, как определяет ее Т.А. Хлебникова, одна из групп марийско-чувашских земель – сохраняет тонкий хрупкий черепок, основную примесь – толченую раковину, иногда с добавлением песка, известняковой (Русско-Урматское) и галечной дресвы (Сюкеевское); черепок от серо-белого (Русско-Урматское) до белого и черного (Сюкеевское). Отделка посуды XVI группы весьма скромна; орнамент – одинарная или многорядная "бликующая" волна, ямочные вдавления, резные линии – свойственен для памятников Марийского [29, рис. 51, *7*, 9, 52] и Чувашского [241, рис. 32] Поволжья.

Горшковидные сосуды этой группы – четырех типов. *Тип 1* (рис. 51, *1–2*; 2 экз.) – высокие, с выделенным плечом, горло раструбом, H0 до 24 см, H1=4,5 см, D=24–27 см; H:D=78%; H1:H=21%, D1:D=72–78%, H1:D=17–18%. *Тип 2* (рис. 51, *11, 17, 19–20*; 16 экз.) – низкие, с выделенным плечом; H0=13,5–17,6 см, H1=1,8; 3,5; 4 см, D=18–29 см; H:D=61–67%, H1:H=16–28%, D1:D=71–89%, H1:D=10–18%. *Тип 3* (рис. 51,

5, 12, 18; 4 экз.) – низкие, с округлыми боками, горловина раструбом; H1=3,5–3,8 см, D=20–23 см; D1:D=85–88%, H:D=15–20%. Горшки типов 2–3 имеют блоковидной формы горловины с подвернутым вовнутрь краем венчика. *Тип 4* (рис. 51, *16*; 4 экз.) – высокие, с подшаровидным туловом, отогнутой наружу горловиной, приостренным внутренним краем; H1=5–7 см, D=20–27 см; D1:D=68–70%, H1:D=20–21%. Типы 1–3 (рис. 51, *1–2, 5, 11–12, 17–18*) характерны для памятников позднезолотоордынского времени этих районов Поволжья [442, с. 164–168]. Сосуды типа 4 из Русско-Урматского селища (рис. 51, *16*) очень близки по форме и орнаменту древнерусским с Водянского городища (тип 6 [338, с. 92, рис. 23]). Среди сосудов этой группы из Болгара и Сюкеева встречаются экземпляры с клеймами (рис.51, *5–8*). Последние есть и на аналогичных сосудах с поселений Марийского края, где они начинают вытесняться в это время круговой посудой с песочным тестом с добавлением известняка, раковины и шамота [442, с. 165, рис. 8].

XVII группа керамики (рис. 52–53) в золотоордынский период выявляется в небольшом количестве в Болгаре. Технология изготовления ее остается традиционной. Горшковидные формы этой группы – двух типов. *Тип 1* (рис.52, 1) – высокие, подшаровидное тулово, узкое высокое горло, венчик утонышенный и приостренный, HO=28 см, D3=21 см; D1:D=55%, H1:D=33%. *Тип 2* (рис. 52, *1*; 16 экз.) – низкие, с выраженными плечиками, широкие горловины раструбом, блоковидные, подцилиндрические, иногда с одной ручкой, HO=15–20 см, D3=13,5–19 см, D=18–26 см; DI: D=67–82%, H1:D=15–32%. В отличие от домонгольских сосудов из Сувара среди золотоордынских из Болгара нет экземпляров с бочкообразной горловиной. Орнамент традиционный – глубокие резные линии и заключенные между ними однорядные и многорядные волны-"змейки" по плечикам. На сосудах с широкой раструбом горловиной "змейкой" отделана и горловина (рис. 52, *7*). Среди экземпляров из Болгара есть и неорнаментированные.

В болгарской серии сосудов заметны признаки не столько собственно **VIII** группы, сколько I позднекушнаренковской,

предшествующей ей. Имеются в виду сосуды с узкой высокой горловиной и подшаровидным туловом типа 1 (рис. 52, *1,3*). Сравнение пропорций суварской и болгарской серий свидетельствует об их преемственности (рис. 53). Хронологически в Болгаре они взаимосвязаны: суварская – домонгольская (**V** слой), а болгарская – золотоордынская (**IV** слой). Поздняя серия сосудов из Болгара пропорциями и формой близка общебулгарской посуде, к формам которой она приближается в золотоордынское время, сохраняя специфичную ленточно-жгутовую технику лепки.

XVIII группа (рис. 53–54) – с примесью раковины, песка или известняка и смешанной техникой изготовления, вероятно, близкой керамике "джукетау"; черепок – плотный, темно-серый или бурый; формы – чашевидные круглодонные с уплощенным дном. В наибольшем количестве выявлена в золотоордынском слое Болгара [452, с. 35–38], в небольшом – встречается вместе с керамикой XIII группы на поселениях Прикамья – Чакме, Джукетау, Нижнемарьяновском, Базяковском, а также Предкамья – Чаллынском, Русско-Урматском и Камаевском.

Представлена горшками, котлами, чашками. Горшки по форме тулова – четырех типов. *Тип 1* (рис. 54, *3*; 13 экз.) – H:D=52–74%, H1: H=27–44%, D3=18–28 см, HO=14–19 см; глубокие, раздутое посередине тулово, низкая горловина; две "горбатых" ручки с подтреугольной площадкой сверху, в отделке – отпечатки гребенки. Бытуют в течение всего золотоордынского периода. У поздних сосудов более приземистое тулово: H:D=70–74%, H1:H=42–44%, D3=20–28 см. *Тип 2* (рис. 54, *2, 4*; 11 экз.) – H:D=64–67%, H1:H=47–55%, D3=14–22 см, HO=15–19 см; глубокие, раздутые в придонной части (близкие к котлам), утолщенный отогнутый наружу край. *Тип 3* (рис. 54, *1*; 2 экз.) – H:D=62–75%, H1:H=50–61%, D3=14–17 см, HO=14–15 см; подшаровидное, слегка расплющенное в боках тулово, в отделке – наклонные отпечатки гребенки. *Тип 4* (рис. 54, *5*) – H:D=70%, H1:H=39%, D3=16 см, HO=13 см; сплющенный в боках, невысокая зауженная горловина.

Котлы (рис. 54, *10, 14, 17*) – трех типов. *Тип 1* (рис. 54, *10*) – D1:D=71%, H1:D=50%, D3=15 см, HO=13,5 см; тра-

пециевидной формы, с сильно зауженным верхом и уплощенным дном. Формой дна напоминает котлы XIX группы. *Тип 2* (рис. 54, *17*) – Н: D=56%, H1:H=74%, D3=20,5 см, HO=17–18 см; чашевидной формы, с налепными петлевидными ручками над краем. *Тип 3* (рис. 54, *14*; 6 экз.) – Н:D=43-53%, H1:H=16–26%, D3=30–40 см, HO=13–22 см; расширенное вверх полушаровидное тулово, овальные выступы с отверстиями над краем, иногда украшены зигзагами из отпечатков гребенки.

Чашки и мискообразные чаши (рис. 54, *6–9, 12–16*) – четырех типов. *Тип 1* (рис. 54, *13, 15, 16*; 10 экз.) – Н:D=62–73%, H1:H=43–62%, D3=11–18 см, HO=11–15,4 см; глубокие, раздутое внизу подшаровидное тулово, едва намеченная зауженная горловина или без нее, отогнутый приостренный край, одна или чаще две ручки с "горбатой" спинкой, в отделке – отпечатки гребенки, волна, резные линии. *Тип 2* (рис. 54, *8, 9*; 6 экз.) – Н:D=47–57%, H1:H=40–50%, D3=11,8–15 см, HO=7,8–14 см; низкие, приземистые, с отогнутым наружу приостренным краем, в отделке – семечковидные насечки и "гусенички" по плечику. *Тип 3* (рис. 54, *6*; И экз.) – Н:D=59–60%, H1:H=49–54%, D3=16–17,5 см, HO=14–15,8 см; мискообразные, приземистые, с низкой горловиной, отогнутым наружу закругленным или прямо срезанным краем. *Тип 4* (рис. 54, *7, 12*; 8 экз.) – Н: D=48–63%, H1:H=31–53%, D3=19–23 см, HO=16–18 см; сильно раздутое внизу тулово, зауженная горловина, отогнутый наружу приостренный венчик, иногда с боковой ручкой.

Морфологически формы керамики этой группы близки XIII (горшковидные, чашевидные, котлы), однако от последней они отличаются большей приземистостью, отсутствием подшаровидных форм и своеобразием котлообразных. Сосуды XVIII группы украшены отпечатками наклонной гребенки в несколько рядов или в виде "елочки" – по плечику или под венчиком.

Происхождение керамики XVIII группы Т.А. Хлебникова увязывает с родановскими памятниками X–XIV вв. Камско-Вятского междуречья и видит ее истоки в керамике ломоватовской культуры Верхнего Прикамья [452, с. 36–38]. Заметное присутствие этой группы в золотоордынский период в Болгаре Хлебникова объясняет связями города с финно-угорским миром Верхнего Прикамья.

Действительно, сочетание керамики XVIII и XIII групп в XIII – начале XV в. не только на Болгарском городище, но и на многих памятниках Закамья и Предкамья свидетельствует о постоянных контактах с населением Пермского Прикамья. За морфологическим сходством посуды этих групп, вероятно, кроется взаимодействие, смешение их носителей. Это проявилось как в заметной примеси песка, подшаровидности форм и "рогатых" ручках, так и в появлении среди сосудов XIII группы чашевидных форм с раздутым в нижней части туловом и характерным гребенчатым орнаментом (рис. 45, *9*, 46, *6*, 48, *6–7*, *13*). Особенно много близких форм в XVIII и XIII группах приходится на конец золотоордынского периода. Один из сосудов XVIII группы с "рогатыми" ручками сохранил на стенке, где крепилась ручка, след от нарезок колотушки. Этот прием свойственен керамике Средней Азии и Казахстана [318, с.147–150]. Форма чаш XVIII группы с "рогатыми" ручками близка чаше с подшаро-видным туловом и рогообразными ручками из Саркела, отнесенной М.И. Артамоновым к гузо-печенежской керамике [23, с. 314]. Котлы типа 3 XVIII группы из Болгара (с петлеобразной ручкой и отверстием) напоминают котлы XXI группы из Биляра (рис.17, *6*). Котлы типа 2 (с налепной ручкой) близки экземпляру из раннего слоя Биляра с такой же ручкой и имитацией клепки. Котел типа 1 (формой донной части) – в одном морфологическом ряду с котлами XIX группы и поздними чашевидными медными котлами. Разнообразие котлов XVIII группы свидетельствует об устойчивости форм хорезмийских и верхнекамских традиций.

Орнамент "елочка" из отпечатков крупной гребенки, сечение ручек малых чашевидных форм, характерное оформление расплющенных округлых венчиков и другие детали также указывают на воздействие традиций прикамской посуды [120, табл. 37, 2,*4*; 166, рис.15, *1А*; 356, рис.15, 2]. Нередкие находки керамики "джукетау", котлов, аналогичных XVIII группе, и традиционной булгарской керамики на памятниках Верхнего Прикамья и Камско-Вят-ского междуречья [57, с. 140–141,

рис. 6, *7–16*; 58, с. 128; 59, с. 64; 121, с. 102, рис.10, *7*; 163, с. 105, табл.3; 165, с. 20, табл. Б; 166, с. 30–33, табл.3; 167, с. 77; 168, с.12; 169, с. 117–124; 355, с. 49, рис.9, *8*] свидетельствуют о родственных контактах и торговых связях этих земель с Волжской Булгарией, наиболее активных в золотоордынское время.

XIX группа (рис. 55–57) характеризуется буро-серым черепком, с небольшим количеством мелкого песка, иногда толченой раковины и навоза. Технологический анализ показал, что в некоторых сосудах этой группы фиксируется смешение с XIII и изредка с группами финно-угор-ского населения [86, с. 129–130]. Керамика XIX группы наиболее полно представлена в слоях золотоордынского (в основном позднего) Болгара. Большей частью зто кухонная посуда: преимущественно котлы разных форм и размеров, круглодонные и плоскодонные горшки, а также кувшины, ковши, светильники, крышки и иногда блюда. Наиболее вариабельной в этой группе является кухонная посуда.

Круглодонные горшки (рис. 55) – восьми типов. *Тип 1* (рис. 55, *1–2*; 6 экз.) – H:D=71%, H1:H=47%, HO=17 см, D=13,5–22 см; раздутое к основанию тулово, расширенная или зауженная невысокая горловина с утолщенным краем, 1–2 зооморфных стилизованных ручки, в отделке – широкие волнистые линии, ямочные вдавления, крестообразный узор по плечику из отпечатков гребенки или в виде пояса, которым украшена иногда и поверхность ручки; один из наиболее ранних типов в этой группе. *Тип 2* (рис. 55, *3*; 8 экз.) –H:D=77–92%, H1:H=44–61%, HO=15–17,5 см, D–17–27 см; грушевидное тулово без горловины, сильно оттянутый наружу край, две зооморфных ручки, в отделке – отпечатки гребенки и частые волнистые линии. Близкие типы известны в XIII группе, но среди поздних сосудов. *Тип 3* (рис. 55, *4–5*; 4 экз.) – H:D=59–54%, H1:H=35–41%; подшаровидное тулово, зауженная или бочковидная горловина, приостренный венчик, в отделке иногда треугольные отпечатки. *Тип 4* (рис. 55, *6*; 3 экз.) – H:D=69%, H1:H=45%, HO=16–17 см, D=17–19 см; округлое приземистое тулово, едва намеченная горловина, закругленный снаружи край, орнамент – широкая волнистая линия. *Тип 5* (рис. 55, *7*; 2 экз.) – H:D=68–71%, H1:H=50–65%, HO=17–18 см, D=22–25 см; подшаровидное тулово, подцилиндрическая горловина, закругленный наружу край, зооморфные ручки, в отделке – широкая волна и круглые ямки. *Тип 6* (рис. 55, *8–10*) включает три подтипа горшочков с подцилиндрической горловиной и 1–2 зооморфными ручками: 6-А (рис. 55, *8*) – H:D=83%, H1:H=64%, HO=14–15 см, D=10 см; глубокие, почковидные, дно уплощенное, две ручки; 6-Б (рис. 55, 9; 2 экз.) – H:D=56%, H1:H=44%, HO=10 см, D=10 см; мелкие, почковидные; 6-В (рис. 55, 10) – H:D=77%, H1:H=37%, HO=14 см, D=11 см; глубокие, шаровидные. *Тип 7* (рис. 55, *11–13*) – трех подтипов – котлообразные сосуды с подцилиндрическими горловинами и двумя зооморфными ручками: 7-А (рис. 55, 12) – H:D=52%, H1:H=34%, HO=20–21 см, D=21 см, D у дна; трапециевидное тулово; 7-Б (рис. 55, 13; 18 экз.) – H:D=52%, H1:H=34%, D=21 см, HO=16,5 см, D в середине высоты; сплющенно-под-шаровидное тулово с круглым дном, скошенный вовнутрь венчик; 7-В (рис. 55, 11; 3 экз.) – H:D=65–82%, H1:H=25–27%, HO=20,5 см, D=16,5–23 см; одутловатое тулово, D в придонной части, горловина раструбом и с уступчатым краем, две ручки, украшенные отпечатками гребенки; близкие типы известны в XVIII группе. *Тип 8* (рис. 55, *14–15*) – двух подтипов: 8-А (рис. 55, 15) – H:D=49%, H1:H=46%, HO=12,5 см, D=17 см; широкое глубокое бочковидное тулово, горло раструбом, загнутый вовнутрь край; 8-Б (рис. 55, 14; 2 экз.) – H:D=60%, H1:H=39%, HO=18 см, D=18–21,5 см; низкое бочковидное тулово, подцилиндрическая горловина.

Котлы (рис. 56) – девяти типов – самая многочисленная категория в данной группе. *Тип 1* (рис. 56, *1–4*; 10 экз.) – трех подтипов; с горизонтальным валиком в верхней части и перепончатыми лапообразными ручками: 1-А (рис. 56, 1) – H:D=79%, H1:H=28,5%, HO=29,5 см, D=20–34 см; высокие, бочкообразное тулово и зауженная горловина, край Г-образный, дно уплощенное; по-видимому, является подражанием металлическим формам; 1-Б (рис. 56, 1–4; 10 экз.) – HO=15–19,5 см, D=10–16 см; маленькие, подшаровидное тулово,

выделенная отогнутая наружу горловина, закругленное дно, венчик скошенный или с закраиной внутри; 1-В (рис. 56, 3–4) – H:D=53–72%, H1:H=43–68%, H0=20–30 см, D=16–21 см; крупные, с трапециевидным расширением внизу, высокой горловиной с Г-образным венчиком, четырехпалыми ручками и уплощенным дном; формировались, очевидно, под влиянием форм каменных и в том числе талько-хлоритовых, котлов. *Тип 2* (рис. 56, *9–11*; 81 экз.) – наиболее распространенный в данной серии – с широким туловом, высокой горловиной, трехпалыми ручками, в отделке – широкие волнистые линии и ямки, двух подтипов: 2-А (рис. 56, 9–10) – H:D=57–70%, H1:H=47–73%, H0=11–21 см, D3=15–33 см; расширенное вниз тулово, выделенные плечики, узкое горло; 2-Б (рис. 56, 11) – H:D=60–66%, H1:H=34–73%, H0=10,5–28 см, D=12–38 см; сферическое тулово, три круглых плечика, широкое горло. *Тип 3* (рис. 56, *7–8*; 4 экз.) – низкие, бочкообразное тулово, подцилиндрическая горловина, ручки в виде лопастей; H:D=34–52%, H1:H=14–54%, D=21–38 см. *Тип 4* (рис. 56, 5–6; 15 экз.) – расширенное у основание тулово, без горловины, с загнутым вовнутрь краем, трехпалыми ручками; двух подтипов: 4-А (рис. 56, 5) – H:D=53%, H1:H=47%; низкие, округлое тулово, уголщенный снаружи край; напоминает формой чугунные котлы Болгара XIV в.; 4-Б (рис. 56, 6) – H:D=56–66%, H1:H=43–69%; высокие, трапециевидное тулово, приостренный наружу венчик. *Тип 5* (рис. 56, *21–22*; 3 экз.) – H:D=37–48%, H1:H=29–42%, H0=14–16,5 см, D=34–38 см; широкие, низкие, с загнутым вовнутрь скошенным венчиком; по форме также напоминают чугунные котлы XIV в. *Тип 6* (рис. 56, *15–16*; 3 экз.) – H0=16–17 см, D=19–23 см; шаровидные, с зауженным ребристым верхом и уголщенным краем со скосом прямого венчика вовнутрь; в отделке – штампованный узор из солярных знаков, львов, барсов, известных на поздних экземплярах общебулгарского теста, у более ранних – выраженное ребро в верхней части, а в отделке – волна и ручка, напоминающая петушиный гребешок. *Тип 7* (рис. 56, *17*), известный по обломкам верхней части – H0=16,8 см, D=25 см, глубокий, с зауженным верхом, ребристым плечом, трехпалыми ручками и крестообразным орнаментом, свойственным котлам конца золотоордынского периода из Болгара. *Тип 8* (рис. 56, *18–20*; 10 экз.) – подшаровидное несколько расплющенное в боках тулово, высокая уступчатая горловина, две вертикальных зооморфных ручки – от венчика к верху тулова и несколько выше края сосуда, гребенчатый орнамент в виде зигзага и крестов; у некоторых сосудов ребристый валик на месте крепления ручек; трех подтипов по форме тулова: 8-А (рис. 56, 12) – H:D=67%, H1:H=44%; подшаровидное неширокое; 8-Б (рис. 56, 13) – H:D=80%, H1:D=31%; сплюснуто-подшаровидное широкое; котлы этого подтипа имеют крышки; 8-В (рис. 56, 14) – H:D=48%, H1:H=61%; сплюснутое и расширенное внизу, широкая высокая горловина. *Тип 9* (рис. 56, *18–20*) – 1 экз. и фрагменты; D1:D=63%, H1:D=15%, H0=18 см, D=47 см; широкие, сплюснутые в верхней части с почти горизонтальными плечиками, подцилиндрическая горловина, уступчатый край, "горбатые" наклонные ручки, поднимающиеся высоко над краем; у некоторых сосудов (рис. 56, *19*) тулово отделано налепным остроребернным валиком в виде креста.

Типы 2–4, 6, 9 появляются в раннезолотоордынском слое Болгарского городища, бытуя и в позднем слое; только в последнем известны *типы 5 и 7*. Котлы *типа 1-А* (рис. 56, *1*), вероятно, подражают клепаным металлическим котлам, если судить побочкообразной форме и деталям оформления; экземпляры *типов 4-А, 5* (рис. 56, *5, 21, 22)* – чугунным котлам Болгара [148, рис. 8]; сосуды типа 1-В (рис. 56, *3–4*) – каменным привозным из Нисы котлам, известным булгарам с домонгольского времени [460, рис.1]. Часть последних, возможно, связана своим происхождением с Уралом. Декор в виде вертикальных и горизонтальных валиков с насечками или вдавлениями, образующими "сетку", имитирующей змею, характерен для каменных булгарских и глиняных образцов и близок узорам на посуде сылвенской культуры IX–XV вв. [312, табл. 3], фрагменты которой встречаются в золотоордынском слое Болгара.

Единичные котлы реповидной формы с крестообразно расположенным на тулове острым валиком (рис. 56, *19*) и эк-

земпляры с плоскими валиками и штампованным узором (рис. 56, *18*), напоминающим отделку уйгурских ваз [263а, рис.97, *1, 5, 6*, 121, *2*; 264, рис.30, *1*; 455а, рис.3], сформованы из характерного для XIX группы плотного теста с добавлением раковины.

В целом же формы котлов XIX группы берут начало в Хорезме и других районах Средней Азии [452, с. 47–48] и передают традиции пестрого этнического состава золотоордынского Болгара.

К плоскодонным формам относятся горшки, блюда, ковши, светильники и часть кувшинов (рис. 57).

Горшки (рис. 57, *1–3*) – двух типов. *Тип 1* (рис. 57, *3*) – H:D=72%, H1:H=33%, HO=16–17 см, D=16–20 см; подшаровидное тулово – D в средней части высоты, низкая зауженная горловина, утоньшенный приостренный венчик, иногда с упором для крышки. *Тип 2* (рис. 57, *1–2*; 7 экз.) – H:D=64–70%, H1:H=22–25%, HO=11–14 см, D=13–18 см; D в верхней трети, тулово заужено вниз под конус, горловина блоковидная или раструбом, венчик утолщенный, с уступом для крышки.

Кувшины (рис. 57, *4–8*) – трех типов. *Тип 1-А* (рис. 57, *5*; 2 экз.) – H:D=109–116%, H1:H=84–88%, HO=22,5 см, D=16,5 см; высокие, конической формы, с широкой раструбом горловиной со сливом, закругленным дном; из Болгара встречаются изредка и на других памятниках этого периода. Прототипы этой формы известны в меди в домонгольском Биляре [460, рис. 2, *6*]. *Тип 1-Б* (рис. 57, *6, 8*; 2 экз.) – H:D=109–116%, H1:H=84–88%, HO=22,5 см, D=16,5 см; реконструируется по обломкам горловин; высокие, с широкой зауженной или подцилиндрической горловиной. *Тип 2* (рис. 57, *4*; 2 экз.) – H:D=103–126%, H1:H=33–46%, HO=18–20 см, D=9,5–14 см; невысокие, узкое тулово, широкая горловина, ручка от края к середине тулова. *Тип 3* (рис. 57, *7*) – овоидная форма тулова, невысокая зауженная горловина, плоское дно (чуть шире D3=8,2 см), волнисто-линейный узор.

Блюда (рис. 57, *12–13*; 2 экз.) – двух подтипов: мелкие, открытые, с отогнутым вверх краем; H: D=181%, H1:H==29%; глубокие, с плавно расширенными вверх стенками; H:D=35%, H1:H=0%.

«Сковородки» (рис. 57, *9–10*; 6 экз.) – H:D=29–36%, H1:H=24–35%, HO=4,5–8,6 см, D=19–20,7 см; почти подцилиндрическое тулово, закругленное уплощенное дно, скошенный вовнутрь край, подцилиндрическая полая или сплошная ручка.

Светильники (рис. 57, *11, 14–15*; 10 экз.) – H:D=33–34%, H1:H=55–58%, HO=33–35 см, D=10–11 см; плошки с прямыми наклоненными вовнутрь стенками и уплощенным дном; по функциональным деталям – трех подтипов: А – без носика, Б – с носиком, В – с цилиндрическим резервуаром в центре плошки. Подобны формы встречаются в золотоордынских центрах Нижнего Поволжья [295, с. 130–133].

Крышки (рис. 57, *16–18*; 8 экз.) – D=11, 16, 18, 18,5, 19,5, 20 см; экземпляры с D=20 см принадлежат котлам, остальные – горшковидным формам.

Представленная XIX группа керамики рассматривается Т.А. Хлебниковой на материалах Болгарского городища как сформировавшаяся в Волжской Булгарии на основе форм, привнесенных ремесленниками, переселенных монголами из Средней Азии и вступивших в контакты с местным населением [452, с. 48]. Техника изготовления, своеобразная орнаментация посуды этой группы несут традиции керамики Хорезма и Южного Казахстана [452, с. 45, 48, рис. 5, *1, 9, 20*, 30]. Оформление защипами, пальчатыми вдавлениями, широкой волнистой линией присуще керамике Южного Казахстана и Семиречья [266, рис. 59, *11, 28, 59–61,231, 235–236, 336, 338*].

XIX группа, отражающая контакты с прикамским и поволжским населением в Болгаре и обнаружившая технологическую связь с котлообразной посудой Муромского городка домонгольского времени [87, с. 19], может быть связана с ремесленниками и купцами из Хорезма, о которых в "Истории Российской" сказано: "Бохары сами о себе сказуют, что издревле на Волге жили и язык особый имели, но татарами переведены и с верою купно язык татарской, приняв, употребляют" [389, с. 447]. XIX группа керамики, судя по размещению ее на торговых путях XIII – начала XV в. (Сарай-ал-Джадид, Судак, Укек, Болгар, Муромский городок, Казань и др.), принадлежала той

части купцов и ремесленников, что обслуживала административно-бюрократические верхи Улуса Джучи.

XX группа (рис. 58–59) характеризуется шероховатым черепком мелкопесочного теста, с добавлением мелкого шамота, раковины, известняка или дресвы красного цвета, дробленого шлака, серым, желто-серым, красным до бурого цветом. Изготовлена чаще всего на примитивном круге, внизу сосуды обработаны ножом, донца и придонная часть одинаковой толщины. Это – горшки (рис. 58) с шарообразным туловом, сильно зауженным к днищу, орнаментированные волнистым узором, иногда в несколько зон, или же без орнамента; невысокая блоковидная или раструбом горловина, венчик прямо срезанный, с наклоном наружу, приостренный, плоское дно намного меньше D3, переход к днищу под углом 130°. Иногда на внутренней стороне венчиков едва заметен желобок, непригодный, однако, быть опорой для крышки.

XX группа выделилась по материалам позднего золотоордынского слоя и слоя Казанского ханства Богара [452, с. 49]. Кроме того, она есть в Казани [527–528] и Русском Армате [504–505; 510], Сюкеевском (10%) и Чаллынском (1%) городищах [513], селище Чакма [524] и других памятниках, преимущественно из Предкамья. Происхождение этой группы остается недостаточно ясным [452, с. 49–51]. Общие пропорции горшков, особенно в верхней части, совпадают с сосудами "славяноидной" XVI группы (табл.16, 24; рис. 51, *5*, *16*, *18*, 58, *2*, *7*, *9*, *11*). Прием загибания края вовнутрь сосуда (рис. 51, *2–20*, 58, *2*, *7*, *9*), желобки, орнамент из волнистых линий и рифление можно считать воплощением традиций XIV группы. Такие черты, как песочное тесто, иногда с известняком и раковиной, более низкие, порою подшаровидные формы туловa, утоньшенный приостренный венчик, свойственные XIII группе посуды, здесь, однако, еще заметнее. Обработка ножом придонной части широко применялась при изготовлении общебулгарской посуды. Форма днищ горшков XX группы аналогична сосудам I группы эпохи Казанского ханства, иногда сходна с днищами XVI. Т.А. Хлебникова, анализируя керамику

XX группы, также видит в ней связь с XIII и XIV группами [452, с. 50–51].

В заметном количестве (около 10%) керамика XX группы встречена в гончарной мастерской Русско-Урматского селища [404; 403, с.157–158], датированной концом XIV – первой половиной XV в., где ей сопутствует посуда XVI группы. В этом комплексе особенно заметно проявилось воздействие XVI группы на XX (рис. 58, *7*, *9–10*). Среди сосудов I и XX групп присутствуют одни и те же типы горшков, которые находят развитие в слое Казанского ханства Казани и Камаевского городища (рис. 58, *4*). Горшки XX группы появляются в конце XIV в. и на поселениях Марийско-Чувашского Поволжья [241, с. 81–85; 442, с.164–167]. Значительный процент керамики данной группы на Сюкеевском городище (основным населением которого были, по всей видимости, ломщики камня, камнетесы и камнерезы) может также свидетельствовать, вероятно, о принадлежности ее чувашско-марийскому населению.

Общность признаков XIII, XIV, XVI и I групп, соединившихся в XX группе, появившейся в конце XIV – начале XV в., является, вероятно, следствием частичного смешения носителей этих групп в золотоордынский период и влиянием булгарского гончарства. Распространение близкой посуды в нижневолжских памятниках и версия о принадлежности их здесь пленникам из русских земель [338, с. 103–120] не противоречит предложенной выше интерпретации. Известно, например, что подвластное Киевской Руси тюркское население пользовалось посудой древнерусского облика [327, с. 64]. Наличие "славянского" желобка на булгаро-татарской по облику посуде (форма, орнамент) в Русском Урмате, Казани и на Чаллынском городище связано, вероятно, с включением поволжского финно-угорского и собственно русского компонентов и, в частности, гончаров, работавших в булгарских центрах.

XXI группа керамики (рис. 60–61) продолжает бытовать в небольшом количестве в золотоордынский период в центральных и восточных районах Закамья – Меллятамакское 1 и 3, Бикбуловское [183, с. 36–39, рис.12, *4–10*, 13, *12–18*], Билярское 3 и Балынгузское селища, в Предкамье – Чаллынс-

кое, Камаевское городища, Русско-Урматское селище. Наиболее полно для начала XV в. она выявлена в Камаеве [515].

Керамика золотоордынского времени представлена горшками, котлами, хумообразными, кувшинами. *Горшки* (рис. 61, *2–4, 8*) – с шаро-образным туловом, зауженной или расширенной горловиной; у некоторых экземпляров горловина или ее основание украшены валиком. Близкие формы известны в XIII группе, а также в XXI (домонгольской).

Фрагмент *котла* (рис. 61, *1*) с овальными выступающими ручками происходит с Чаллынского городища. Удивительное сохранение этой древнейшей формы котлов в золотоордынский период в XXI группе, бесспорно, обращает на себя внимание. Наиболее ранние котлы этой формы и с аналогичными ручками известны на Иволгинском городище в комплексах II в. до н.э., принадлежавших сюнну [135, табл.178, 5]. К кухонным формам сюнну морфологически восходят, вероятно, и горшки типа 8 из Биляра и Русского Урмата (I группы) – через керамику XXI группы и ряд других форм.

Специфичные для XXI группы *хумообразные сосуды* (рис.60, *16*) с выразительным многозонным узором выявлены на Билярском 3 селище и Чаллынском городище. Менее выразительны остатки узкогорлых *кувшинов* (рис. 60, *1*) со своеобразными ручками – ушковидными, подпрямоугольными в профиле, с угловатым выступом вверху (рис.61,*7*), с продольным желобком, уплощенные с боков, округлые в сечении (рис.60, *11*). Такого рода ручки и сосудики с подтреугольными "ушками" (рис. 60, *7, 11, 19–20*, 61, *7*) присущи керамике поздних сармат Южного Приуралья [298, табл. 83, *32*, 84, *21*].

Орнамент из сочетания широких резных и волнистых линий (в том числе фестончатых и "джукетау"), отпечатков вертикальной гребенки, мелких ямочек, наколов, а также валики по горловине и редкое полосчатое лощение характерны для посуды XXI группы Биляра (рис. 60, *1–18*, 61, *2–8, 14–18*). Часть кувшинообразных форм имеет желтоватый ангоб. Если сопоставить формы и отделку домонгольской и золотоордынской посуды XXI группы с сарматской керамикой Южного Приуралья, то можно убедиться в их глубинной генетической связи.

Все вышеназванные элементы орнамента, композиции и их положение на сосуде присутствуют на ранне- и среднесарматской посуде [380, табл.72, *12, 13,18, 26*; 297, табл.74, *2, 11*, 76, *4*, 83, *27*].

Существует ли генетическая связь между сарматской керамикой и посудой ранних кыпчаков Казахстана (кыпчаков-шаров), с которыми я увязываю истоки керамики XXI группы? Пока что судить об этом можно лишь гипотетически – в силу отрывочности и недостатка материалов. Традиции сарматской посуды передались, вероятно, населению Южного Урала типа турбаслинской и других групп раннесредневекового периода [273, табл. V–XI], контактировавших с кочевниками Казахстана и в частности Южного и Восточного Приаралья. Связующим звеном сармато-тюркских традиций в этом регионе, вероятно, явилась джетыасарская культура (в своей основе – ираноязычные азы-асы), формирование, развитие и распространение которой проходило во взаимодействии и соседстве с культурами хунну, усуней, каунчи и отрарско-каратауской [266, с. 198, 204, 215, 221, 227]. В дальнейшем номадизм кыпчаков, вероятно, способствовал сохранению архаичных черт в посуде. Наблюдаемые и в домонгольских материалах из Джукетау архаичные черты в XXI группе посуды (уступы-плечики у горшков и чаш) подчеркнуто присутствуют и на посуде золотоордынского периода (рис. 61, *3*).

Сохранение трех типов котлов, вероятно, все-таки указывает на традициоые компоненты состава населения этой группы. Новому типу (возможно, котлообразному сосуду) принадлежит фрагмент с полуовальным выступом в средней части сосуда (рис. 61, *1*). Следует также отметить, что керамика кыпчаков-шаров данного региона в этот период выглядит более архаично, чем керамика Биляра и Джукетау домонгольского периода. Это связано, вероятно, с притоком нового населения XXI группы из нижневолжских и приаральских центров и его оседанием в Волжской Булгарии в позднезолотоордынский период.

Появление этой керамики в Казани и Чебоксарах [241, рис. 39, *5, 8*] в слоях XIV–XV вв., вероятно, связано с кипчакскими

этническими группами. В заметном количестве она выявлена в отложениях эпохи Казанского ханства на Камаевском городище и в Казани, что может объясняться длительным проживанием здесь значительных групп кыпчаков. О расселении их в XIV–XV вв. в Закамье свидетельствуют материалы памятников восточных районов Татарии (Бикбулатовское, Миллятамакское) [183, рис. 12, *4–9*, 13, *10–18*]. Е. П. Казаков установил, что керамика кыпчаков соседствует здесь с посудой чияликского типа, принадлежавшего угорскому наделению, поглощенному в последствии тюркским (в основе своей кипчакским) [183, с. 93].

Связывая первоначальное появление XXI группы в XI в. в Биляре с кыпчаками-шарами, выходцами из Центрального Казахстана (предположительно из района Сарысу и Джезказгана), нельзя соотносить всех кыпчаков изучаемых областей Волжской Булгарии в золотоордынский период с этой группой керамики. Эти материалы только начинают выявляться, однако и то, что известно, проливает свет на генезис посуды I группы.

В связи с носителями XXI группы керамики вспомним вновь о сведениях карты братьев Пицигани 1367 г., где среди поселений Золотой Орды указан на левом берегу Камы ниже Жукотина городок Чар или Шар [146, с. 131]. Следы обитания этого населения в Закамье подтверждаются и топонимами (учитывая ротацизм с-ш в татарском языке): Русский Сарсаз Чистопольского района, Сарсаз-Тралы и Сарсаз-Гора Мензелинского района РТ и Шар-басу близ с.Талбазы Кушнаренковского р-на РБ [473, с. 77].

XXII группа керамики (рис. 62) – примитивно круговая, толстостенная, с грязно-серым и неравномерно обожженным, порой черным черепком, бугристой поверхностью, грубыми примесями из шамота, растительности, раковины, дресвы, иногда шлака, слюды – состоит из слабо профилированных округлых плоскодонных горшков, приземистых мисок и чашек, иногда круглодонных, без орнамента или изредка отделанных разного рода отпечатками по краю и волной по плечикам, нанесенной широкозубым гребнем. Керамика этой группы известна в разновременных отложениях Казани [490, с. 1–9; 489, с. 207–263; 463, рис. 13, *1*] и отождествляется Л.С. Шавохиным с марийским населением Казанского края [463, с. 37]. В последние десятилетия она выявлена Р.Г. Фахрутдиновым на Русско-Урматском селище и Камаевском городище (рис. 61, *1*, *20*). Кроме того, эта посуда встречается в Болгаре, на Балынгузском, Чаллынском 2 и Нижнемарьяновском селищах.

К характеристике и распространению керамики данной группы в Волжской Булгарии я обращалась в специальной работе [506], поэтому в настоящей дается лишь общий анализ форм. Наиболее полно представленная по материалам Камаевского городища, керамика XXII группы дифференцируется по комплексу признаков на четыре разновидности – подгруппы, связанные с поволжско-финскими группами мари, удмуртов, мордвы и чуваш [515].

Горшки (рис. 62, *1–12*) – двух типов: *тип 1* (рис. 62, *1*) – H:D=75%, H1:H=43%, D1:D=89%, H3:H=12%; в виде высокой банки с приостренным утоньшенным краем; *тип 2* (рис. 62, *2*; 5 экз.) – H:D=68,5%, H1:H=24%, D1:D=80%, H3:H=6,6%; в виде низкой банки с чуть отогнутым приостренным краем. Высокие горшки баночной формы, известные в Камаеве (рис. 62, *1*), сопоставимы с посудой древнеудмуртского городища Шудья-кар XIV в. (УдмАКУ, № 426–490). Близкие формы горшков иэвестны и на древнемарийском Мало-Сундырском городище XIV–XV вв. [442, с. 164–168, рис. 8]. Более часто встречаемые в Камаеве горшки типа 2 также сопоставимы с рядом форм древнемарийской круговой посуды [442, рис. 8, *1–2*], которые, однако, отличаются менее выраженной круглодонностью. Аналогичные банкообразные формы характерны и для мордовских памятников этого времени, отличаясь лишь едва заметным ребром по тулову или конической нижней частью [496, рис. 104, *7*, 105, *6*]. Близкие формы встречаются также среди плоскодонных горшков XIX группы Болгара, которые, отличаются приземистыми и округлыми боками; у некоторых из них на венчике сформован уступ для крышки [452, рис. 27, *1–2*].

Миски – четырех типов: *тип 1* (рис. 62, *16–17*, *20*; 3 экз.) – H:D=39%, H1:H=28%; низкое тулово, горловина раструбом,

приостренный край, без орнамента; *тип 2* (рис. 62, 3) – D1:D=84%, H1:D=16%; глубокое с округлыми боками тулово, прямо срезанный отогнутый наружу край, в отделке – волнистые линии и отпечатки гребенки, выполненные поставленным плашмя гребнем; *тип 3* (рис. 62, *18–19*; 4 экз.) – H:D=46–50%, H1:H=37–41%; глубокое округлое тулово почти без горловины, плоское дно, слегка отогнутый наружу и притупленный край; *тип 4* (рис. 62, *4*) – D1:D=73%, H1:D=44%; круглодонное широкое тулово, плавно переходящее в цилиндрическую горловину, скошенный во внутрь край.

Чашкообразные – трех типов: *тип 1* (рис. 62, *11–12*; 2 экз.) – H:D=60%, H1:H=15%; зауженное вниз коническое тулово, отогнутый наружу округлый или прямо срезанный край; *тип 2* (рис. 62, *15*; 3 экз.) – H:D=5,9%, H1:H=15%; круглобокое тулово, бочковидная горловина, приостренный край; *тип 3* (рис. 62, *13–14*; 3 экз.) – H:D=52–77%, H1:H=38–58%; глубокое приземистое тулово, несколько уплощенное дно, отогнутый наружу прямой или приостренный край; на некоторых сосудах этого типа (рис.62, *13*) на уровне плечика имеется выступ, связанный, вероятно, со своеобразной формовкой и последующей обработкой поверхности. Формы горшков и мисок более разнообразны, на что указывают сильно фрагментированные венчики сосудов (рис. 62, *6–10*).

Миски типов 1–2 и чашки типов 2–3 несут в формах и отделке традиции древнеудмуртской (чепецкой) посуды I тыс. н.э. чашевидных форм с прямо срезанным, приостренным или скошенным вовнутрь утолщенным краем [356, рис. 15, *1, 4*, 5]. Однако в основе своей керамика синхронных и близких по времени памятников Камско-Вятского междуречья несколько иных форм и отделки [109, табл.7–8; 123, рис. 42, *18,23*, 43, *9*; 164, табл.10; 165, рис. 12; 255, рис. 9, *1–7*]. Кроме того, волнистые линии в декоре не характерны для древнеудмуртской посуды, но могут рассматриваться как проявление традиций древнемарийской посуды, если обратиться к круговой керамике Мало-Сундырского городища [442, рис. 7, 5–6]. В то же время отпечатки, выполненные плоским краем гребенки по внешнему краю мисок, украшают чашевидную посуду верхнекамских коми-пермяков [123, рис. 41–42]. Чашки типа 1 горшковидной формы также очень близки с древнемарийской посудой XII–XIII вв. с аналогичным составом теста [28, рис. 75, *1–2*; 29, рис. 51, *8–9*, 52, *2*].

Разнообразные примеси, очаговый обжиг, двойные – верхнекамские и средневолжские – истоки этой посуды, состав форм (плоскодонные банки-горшки, приземистые чашки), почти полное отсутствие орнамента, заглаживание поверхности щепой, кожей – все эти черты присущи посуде финно-угорского населения Верхнего и Среднего Поволжья еще с добулгарского [351, с. 123–129] и булгарского [29, с. 87–94; 131а, табл. 1–6; 150, табл. 62, *6,10*; 165, рис. 15; 442, с. 164–168] времени. Керамика этого региона еще недостаточно изучена в морфологическом и этническом отношениях. В силу этого керамику XXII группы в целом можно относить к поволжско-финскому населению. Таким населением, судя по немногочисленным аналогиям, в Волго-Вятском междуречье могло быть древнемарийское или же смешанное марийско-удмуртское [30, с. 76–78] или древнеудмуртское, фиксируемое по плоскодонной посуде с шамотом и другими примесями на памятниках конца I – первой половины II тыс. н.з. и по документам XV–XVI вв. [467, с. 116–122].

Специфичен состав керамики XXII группы на Камаевском городище конца XIV – первой половины XV в. Наряду с формами посуды марийско-чувашского происхождения в ряде объектов крепости встречаются сосуды, которые находят аналогии в памятниках XIII–XV вв. мордовских и чувашских земель [506, с.194–196, 209, 213]. Подробнее разновидности керамики этой группы Камаевского городища рассматриваются в специальной работе [515].

Итак, наблюдаемые изменения в составе традиционных групп, а также технологии, форм и орнаментации в золотоордынское время являются следствием продолжающегося этногенетического процесса. Наиболее активно это взаимодействие протекало между VII и XIII, XIII и XVIII, XIII, XIX и I, XIII, XIV, XVI и I группами, в результате которого появилась в конце XIV в. XX группа керамики.

2. Общебулгарская керамика

I группа керамики составляет абсолютное большинство в крупных центрах (94–96%), значительна она и на периферийных поселениях (Сюкеевское – 45–56%, Чаллынское – 75%, Чакма – 52%; табл. 2–3).

В первой половине золотоордынского периода состав теста остается прежним. Часть кухонной посуды содержит примесь рубленной травы, становится более запесоченной, черепок – более шершавым, звонким. В конце XIV – начале XV в. в тесте больше содержится грубых отощителей (известняк, песок, дресва-галька, шамот).

Цветовая гамма раннезолотоордынской посуды осталась без изменений: красная (33–54% – Болгар, 65% – Билярское 3), коричневая (12,7–53%), серая (1,2–27%) и небольшое количество бурой (табл. 4). Значительный процент коричневой ремесленной уже отмечался для района Биляра (Билярское 3 селище). Посуда этого цвета преобладает среди столовых, кухонных и тарных форм на Чаллынском и Сюкеевском городищах, Чакме и Русско-Урматском селищах (табл. 4). Возможно, эта тенденция отражает сохранение домонгольских традиций. Преобладание посуды красных оттенков характерно для района Болгара и посуды эпохи Казанского ханства (табл. 4).

Во второй половине золотоордынского периода подавляющее количество керамики приходится на красную, а именно: малиново-красную, кирпично-красную и позднюю желто-красную: Болгар – 50–83%, Русско-Урматское – 43–78%, а в некоторых комплексах до 95%. Значительно меньше ее на Чаллынском (35%) и Сюкеевском (28%) городищах, Билярском 3 селище (36–44%). В заметном количестве представлена также светло-коричневая с красным оттенком: Болгар – 7,4–27%, Русско-Урматское – 18–28%, Чаллынское – 59%, Сюкеевское – 34,7%, Билярское 3 – 45–56%. Кроме того, встречается небольшое количество серой, бурой и желтой керамики (табл. 4).

В золотоордынский период в некоторых памятниках встречается черная (просмоленная?) керамика: Русско-Урматское – 0,4–0,5%, Чаллынское – 3,2–5%, Сюкеевское – 15,7–24,6%. Вероятно, эта керамика получила развитие в посуде черного цвета эпохи Казанского ханства и второй половины XVI–XVII в. в Казани [463, с. 24; 464, с. 3–20].

Количество лощеной керамики в течение золотоордынского периода уменьшается. Если в раннем слое Русско-Урматского селища ее доля достигает 77,6%, то в позднем – падает до 42%. Присутствие этой керамики на различных участках Болгарского городища колеблется от 42–44 до 71% [452, с. 15]. Если в домонгольское время процент лощеной посуды достигал в Биляре 41,5–49% (раскоп XX 1974 и 1980 гг.), а в Суваре 57,5% [449, с. 140], то в золотоордынский период: Сувар – 48%, Билярское 3 (раскоп 2 1982 г.) – 49%, Сюкеевское – 50–58 до 22–29% в слое XV – первой половины XVI в. Для лощения керамики второй половины золотоордынского периода характерны широкие (до 8 мм) и редкие (через 2–3 см) полосы. Такие "ранние" черты, как перекрестное лощение, наиболее свойственны посуде самого начала золотоордынской эпохи и конца XIV – начала XV в.

В это же время изредка также встречаются покрытые красно-мали-новым, серым и желтым ангобом кувшины.

По сравнению с домонгольским периодом более распространенной стала в золотоордынский поливная керамика. Часть ее представлена характерными образцами булгарской посуды, относящейся ко второй половине XIII в. из Болгара и Русско-Урматского селища. Основная же часть поливной керамики характеризуется общезолотоордынскими формами, выполненными как в южных, так и в местных (Русско-Урматское, Камаевское, Казань, Болгар) центрах Золотой Орды. К концу периода появляется местного производства булгаро-татарская посуда с малиновой, бордовой, светло-зеленой (на ангобе) и желтой поливой (Камаевское городище).

Общебулгарская керамика – I группа – представлена горшками и котлами, корчагами и хумами, кувшинами и кружками, блюдообразными и мискообразными сосудами, сковородами, светильниками, чернильницами, туваками, сфероконусами, сосудами с зооморфным оформлением. Новыми категориями являются кумганы, тазы или дастарханы.

Горшки (рис. 63–67) представлены девятью типами, из них типы 1–8 – традиционные, тех же пропорций, что и раньше, хотя некоторые формы и претерпевают определенные изменения.

Тип 1 (рис. 63, 1–5) – двух подтипов. 1-А (рис. 63, 1) – низкие, с широкими туловом и горлом; H:D=68–75%, H1:H=24–28%, DI:D=78–80%, H3:H=21%; рифлением по бокам. Единичные находки происходят из IV (раннего) слоя Болгара. Продолжают развитие горшков III, по Т.А. Хлебниковой, группы керамики, имеющей связь с болгарскими памятниками донского варианта салтово-маяцкой культуры [452, с. 98–100]. 1-Б (рис. 63, 2–5) – вытянуто-яйцевидной формы; H:D=76–82%, H1:H=31–39%, DI:D–61–83%, H3:H=16–17%; в отделке повсеместно рифление, "запятые", волна. Лишь в позднезолотоордынских памятниках рифление исчезает. Некоторые из горшков этого подтипа сохраняют растительную примесь. Подтип 1-Б является развитием сосудов XI группы, связанной истоками с лесостепным алано-болгарским вариантом салтово-маяцкой культуры [452, с. 18, рис. 5].

Реминисценции архаичной отделки (рифление) и примесь растительности в горшках этого типа в начале золотоордынского периода связаны, вероятно, с последствиями монгольского нашествия.

Тип 2 (рис. 63, *6–10*) – низкие, средних размеров, двух подтипов. 2-А (рис. 63, 7–9) – с блоковидной горловиной или раструбом; H:D=71–84%, H1:H=31–44%, DI:D=36–67%, H3:H=15–21%; в отделке чаще всего ямочные вдавления по плечикам. Наиболее распространены в районе Сувара, в меньшей степени – в Болгаре и Русском Урмате. Горшки подтипа 2-А продолжают развитие форм I группы домонгольского времени, связанных со II группой, а также кочевнической посудой Хазарского каганата. 2-Б (рис. 63, 6, 9–10) – малых размеров, с горловиной раструбом и приостренным краем; H:D=60–75%, H1:H=19–21%, D1:D=82–94%, H3:H=15%, без орнамента или украшенные "гирляндой", различными вдавлениями, резными линиями. Этот подтип несет в себе смешанные признаки горшков II группы (шамот, валик на горле, ямочные вдавления) и XIX хорезмийских истоков (известняк в тесте, приостренный венчик, отсутствие орнамента).

Наличие близких типу 2 форм среди плоскодонных горшков XIX группы (рис. 57, *1–3*), сходство ямочного орнамента в I и XIX группах можно, вероятно, объяснить общей традицией в лице II группы булгарской керамики, связанной с огузо-печенегами (с преобладанием последних). Появление в позднезолотоордынский период форм, сочетающих признаки сосудов огузо-печенежского облика и шаровидных горшков с подцилиндрической горловиной с желобчатым оформлением (свойственных кыпчакам), демонстрирует "кипчакизацию" булгарской посуды (рис. 63, 8–*10*).

Тип 3 (рис. 64, *1–4*) – низкие крупные сосуды с заметно выступающими боками, иногда с двумя ручками, горловиной раструбом или в виде воронки; H:D=68–71%, H1:H=33–41%, DI:D=50–60%, H3:H=16–23%; отделанные ложками по тулову, каннелюрами, отпечатками гребенки, вдавлениями под венчиком. Из Биляра происходят прототипы двуручных сосудов XII – начала XIII в. (рис.20, 5).

Тип 4 (рис. 65) – с подшаровидной формой тулова и подцилиндрической горловиной; H:D=53–90%, H1:H=39–51%. По оформлению тулова и горловины выделено пять подтипов. 4-А (рис. 65, 2) – слегка округлые бока с наибольшим расширением посередине, зауженная вверх или бочкообразно изогнутая горловина, иногда с одной ручкой; H:D=62–84%, H1:H=39–48%, DI:D=59–79%, H3:H=13–26%; в отделке – резные линии-желобки по горловине, иногда по плечику в сочетании "запятыми". Горшки этого подтипа являются наиболее распространенными в золотоордынский период. В типологическом плане продолжают развитие подцилиндрических горшков XXI группы центрально-казахстанских истоков. 4-Б (рис. 65, 3, 6) – шаровидное тулово, узкая подцилиндрическая горловина; H:D=80%, H1:H=45–51%, DI:D=43–56%, H3:H=13–20%; отделанная желобками, а по плечику волнистыми линиями. Наиболее выразительные образцы происходят из района Сувара (рис. 65, 6) и относятся к первой половине золотоордынского периода. Однако в целом сосуды этого подтипа встре-

чаются редко. Они сохраняют наиболее характерные и, вер
ятно, архаичные черты шаровидных горшков XIII и XXI груп
проявившиеся в процессе формирования I группы керамик
4-В (рис. 65, 1, 4, 10, 13–14) – тулово расплющено в боках
резко сужено к днищу, горловина раструбом или в виде ци
линдра; H:D=53–76%, H1:H=41–46%, D1:D=59–70%
H3:H=18–26%; плечики украшены несколькими рядами рез
ных и волнистых линий, отпечатками гребенки и насечками
Этот редкий подтип бытует в основном в золотоордынский пе
риод. 4-Г (рис. 65, 7–9) – тулово раздуто к днищу, наибольши
диаметр ниже середины, горловина подцилиндрическая, ино
да с одной ручкой с "горбатой" спинкой; H:D=60%, H1:H=40%
D1:D=67–74%, H3:H=17%. 4-Д (рис. 65, 11–12) – вытянуто
вверх тулово, наибольший диаметр посередине, бочкообраз
но изогнутая горловина; H:D=79–90%, H1:H=43–44%
D1:D=63–70%, H3:H=18–23%; без орнамента или с двумя рез
ными линиями по плечику и горлу. Бытует в золотоордынское
время в Болгаре и Русском Урмате.

Тип 5 (рис. 64, *5–8*) – братинообразные сосуды с блоковид
ной или зауженной высокой горловиной, иногда с валиком у
основания; H:D=60–63%, H1:H=35–38%; в отделке – "плетен
ка", наколы, насечки, резные линии. Сосуды с традиционным
декором сохранились на Русско-Урмат-ском селище (рис. 64,
5–6). В Болгаре (рис. 64, *7–8*) эта форма менее выразитель
на, однако в отделке сохраняются резные линии подобно до
монгольским сосудам этой же формы с Алексеевского горо
дища (рис. 22, *3*).

Тип 6 (рис. 64, *9–10*) – вытянутое расширенное в верхней
части тулово; H:D=68–81%, H1:H=23–36%, DI:D=69–72%
H3:H–25–37%; высокая зауженная горловина, отделанная риф
лением, а по плечикам, в отличие от домонгольских, отпечатки
гребенки и треугольные вдавления. Сосуды этого типа, появив
шись в XI–XI вв., продолжают сохранять характерные признаки
вплоть до конца XIV в., постепенно затухая [451, с. 186–187].

Тип 7 (рис. 66, *1–4*) – подшаровидное тулово, широкая вы
сокая горловина, стенки тонкие, край закругленный или утол
щенный и скошенный вовнутрь, с одной ручкой; H:D=56–68%

H1:H=35–36%, D1:D=60–73%, H3:H=25–37%; орнамент – на
сечки, резные линии, многорядная волна по горловине. Этот
тип является редким и столь же традиционным со второй по
ловины домонгольского периода. В нем сказываются тради
ции горшков VIII группы прикамско-приуральских истоков [451,
рис. 58, *3*, *5*, *8*, 95, *1–3*].

Тип 8 (рис. 66, *5–6*) – высокие, с вытянутым туловом и вы
сокой раструбом горловиной; D1:D=73–89%, H1:D=16–37%.
Этот редкий тип, известный с XI в. в Биляре, продолжает тра
диции сосудов XXI группы (рис.16, *4*, *8*). В золотоордынский
период встречен лишь на Русско-Урмат-ском селище.

Тип 9 (рис. 66, *7–8*) – низкие, с биконическим туловом, под
цилиндрической или раструбом горловиной с коническими вы
ступами; H:D=53–58%, H1:H=21–24%, DI:D=72–81%,
H3:H=24–26%. Сосуды этого типа происходят из IV (позднего)
слоя Болгарского городища. Один из них с приподнятой над
краем ручкой, другие иногда отделаны рифлением по плечи
кам. Аналоги этой форме Т.А. Хлебникова указывает в золото
ордынских городах Нижнего Поволжья [451, с. 77], однако
корни ее ведут к керамике сарматских традиций Кавказа и
Средней Азии [294, с. 124; 520, с. 144, рис. 61].

Итак, наряду с традиционными типами в этот период
появляются комбинированные или симбиозные типы, а внут
ритипов – сосуды тех или иных истоков. Так, горшки типов 1–
2 имеют салтово-маяцкие истоки и связаны со II, III и XI груп
пами. Однако некоторые сосуды типа 2-Б в позднезолотоор
дынском Болгаре обнаруживают признаки воздействия новой
– XIX – группы хорезмийского происхождения, что выразилось
в сходных примесях и декоре. Воздействие XIX группы на гор
шки типа 2-Б, связанного со II группой кочевнической кера
мики салтово-маяцкой культуры, можно, вероятно, объяснить
их этнической близостью (печенеги?).

Появление среди булгарских горшков типа 2 форм,
синтезирующих признаки сосудов II группы гузо-печенежско
го облика и шаровидных с подцилиндрической горловиной с
желобками, свойственных кыпчакам, является, на мой взгляд,
примером т.н. "кипчакизации" булгарской посуды. На это же

явление указывает и количественное соотношение между типами горшков данного периода.

Преобладают в это время сосуды типа 4, продолжающие развитие горшков XXI и XIII групп юго-восточных истоков. Традиционны, но редки горшки с воронкообразной горловиной (тип 3) и братинообразные (тип 5). Последние по-прежнему снабжались ручкой в виде петушиной головы. Традиционными также являются горшки с подцилиндрической горловиной (тип 6), связанные корнями отчасти с кушнаренковскими формами. Редкими по-прежнему являются сосуды типа 7, продолжающие линию развития горшков VIII группы прикамско-приуральских истоков, а также горшки типа 8 из с Русско-Урматского селища, истоки которых в XXI группе. Сосуды типа 9 с коническими выступами и биконическим туловом встречены только в Болгаре и являются новыми для данного периода.

Корчаги (рис. 67–70) представлены шестью традиционными типами. Изменения в этой категории связаны с совершенствованием форм за счет внедрения новой технологии, большей стандартизацией вследствие распространения единой системы мер и весов, а также "кипчакизацией" культуры населения Поволжья в золотоордынскую эпоху.

Тип 1 (рис. 68, *1–3*) – низкие корчажки с раздутым в верхней части туловом, горловиной раструбом, полочковидным венчиком, который в ранний период имеет более четкие очертания; H:D=95–108%, H1:H=28–31%, D1:D=47–63%, H3:H=13–14%; отделка традиционная – 2–3 резных линии, иногда отпечатки гребенки по плечику (подтип 1-А; рис. 68, *1,3*). С начала XIV в. появляются, кроме того, корчажки аналогичной формы с подцилиндрической горловиной и скошенным венчиком (подтип 1-Б; рис. 68, *2*). Они отделаны линейно-елочным и гребенчатым узором под шейкой, линейно-волнистым по тулову, а также валиком по горловине. Корчаги подтипов 1-А и 1-Б бытуют одновременно, причем последние преобладают. Они более стандартны и тонкостенны и, вероятно, возникли на основе корчаг подтипа 1-А болгаро-салтовских истоков в результате технических новшеств и стандартизации материальной культуры Золотой Орды.

Тип 2 (рис. 69, *1–6*) – высокие и средние, с раздутым посередине туловом и округлым толстым венчиком, узким дном; H:D=84–98%, H1:H=28–46%, Dl:D=34–65%, H3:H=7–14%; в отделке – линейно-волнис-тый и линейно-гребенчатый орнамент, иногда декор из горизонтальных валиков в начале золотоордынского периода (подтип 2-А; рис. 69, *1–3, 5*). К началу XIV в. появляются и бытуют параллельно, вытесняя сосуды подтипа 2-А, корчаги подтипа 2-Б (рис. 69, *4, 6*). У них подцилиндрическая горловина с характерным для поздних корчаг венчиком и орнамент, синтезирующий болгаро-салтовские (зонный линейно-волнистый, арочный, орнаментальное лощение, валики по тулову) и восточные кыпчакские (линейно-елочный и линейно-крестовый узоры) традиции. Этот подтип является наиболее распространенным среди корчаг.

Тип 3 (рис. 70, *1–2*) – высокие и крупные, с яйцевидным туловом, подцилиндрической или раструбом горловиной, широким горизонтальным венчиком; H:D=115–144%, H1:H=24–35%, Dl:D=34–63%, H3:H=6–13,5%. Сосуды этого типа известны в раннезолотоордынский период лишь в обломках. Несколько больше их стало в XIV в. Отделаны характерным для этого времени орнаментом, как правило, в несколько зон. У позднезолотоордынских экземпляров многозонный орнамент заменяется горизонтальным узором по плечикам из отпечатков мелкой гребенки в виде елочки с ограничивающими ее резными линиями (рис.70, *2*). Орнамент из косых крестов и елочки характерен для оформления корчаг начала XV в., когда формируется стиль собственно булгаро-татарской посуды. Ручки у поздних корчаг-хумов смещены в верхнюю часть тулова. Морфологически эти хумовидные корчаги восходят к самым крупным домонгольским сосудам типа 3 юго-восточных истоков. Корчаги типа 3 являются не столь распространенной формой, как тип 2, но все же классической для данного периода.

Тип 4 (рис. 70, *3–5*) – низкие, бокастые, с зауженной горловиной; D1:D=44–54%, H1:D=22–27%, H4:H3=28,5–29%, H3:D1=17–20%; украшены отпечатками гребенки, зигзагом, наколами и "плетенкой" в ранний период (подтип 4-А; рис. 70, *3–4*). Наиболее выразительные экземпляры происходят из

Русского Урмата и в меньшей степени – из Болгара. Эта форма, распространившаяся во второй половине домонгольского периода, в раннезолотоордынское время отличается валикообразными выступами по горловине и заметной сухостью в орнаментации. В XIV в. ее заменяет подобная и столь же редкая подшаровидная, отделанная в характерной для булгаро-татарской посуды манере (подтип 4-Б; рис. 70, *5*).

Тип 5 (рис. 70, *6–9*) – стройные, с коническим туловом и полочковидным венчиком; D1:D=50–65%, H1:D=24–41%, H4:H3=50–56%, H3:D=30–34%. Сохраняется в ранний период на Чаллынском городище и Русско-Урматском селище (подтип 5-А; рис. 70, *6–7*), будучи при этом малочисленным и менее выразительным по сравнению с домонгольскими сосудами. В XIV в. на смену приходит близкая модификация с более округлым туловом и отделанная в характерной для этого времени манере (подтип 5-Б; рис. 70, *8–9*).

Тип 6 (рис. 68, *4–5*) – узкие сосуды с высокой подцилиндрической горловиной и утолщенным краем (типа хумчи); H:D=98–101%, H1:H=37–40%, D1:D=46–49%, H1:D=22–40%; возникшие на основе форм XXI группы. В ранний период (Русско-Урматское селище) сочетают в отделке булгарские традиции (орнаментальное лощение; две ручки, прикрепленные, как у пифосов), а также посуды XXI группы (рифление горловины, орнамент в виде крупной гребенки). Наиболее поздние и менее выразительные сосуды происходят из Болгара (рис. 68, *5*).

Итак, в развитии этой категории посуды наблюдаются следующие изменения. К началу XIV в. стереотипы, сложившиеся еще в домонгольское время, модифицируются в сторону тонкостенности, большей округлости тулова, цилиндрической горловины и стандартизации отделки, выраженной в нескольких зонных узорах (линейный в сочетании с волной, аркой, отпечатками гребенки в один ряд и в два – в виде елочки и косых крестов). Черты, характерные для корчаг болгаро-салтовских истоков (типы 1–2, 4) с раздутым туловом, массивным венчиком, фигурными ручками, сочетанием в декоре резного узора из прямых линий, волн, арок, наколов с орнаментальным лощением в виде широких полос и валиков, свойственны

повсеместно корчагам золотоордынского периода, но в конце XIV в. известны уже лишь на окраинах (Русский Урмат). Количественно преобладают новации, возникшие на основе этих типов и являющиеся как бы их "кипчакизированными" моделями. Сохранение возникших еще во второй половине домонгольского периода редких типов (4-А), причем в наиболее выразительном виде на окраинах булгарских земель (Русско-Урматское селище, Чаллынское городище), свидетельствует о консервации здесь булгарских традиций.

Кувшины (рис. 71–78) представлены 31 типом.

Тип 1 (рис. 71, *1–3*) – с яйцевидным туловом, отделанным каннелюрами и полосчатым лощением; трех подтипов по форме тулова и горла. 1-А (рис. 71, *1*) – высокие, с узкой высокой горловиной; H:D=109–111%, H1:H=29–43%. Классической традиционной формы – кувшины из Болгара. На сосудах этого подтипа из Русского Урмата встречаются клейма в виде буквы А. 1-Б (рис. 71, 2) – средние, с узким невысоким горлом; H:D=105–109%, H1:H=35–45%. Найдены в крупных городских центрах (Болгар, Русский Урмат). 1-В (рис. 71, 3) – более низкие сосуды с короткой горловиной; H:D=100–102%, H1:H=34–45%; отделанной валиком и рифлеными линиями. Двуручные кувшины аналогичной формы известны в памятниках салтово-маяцкой культуры [324, рис. 46, 23; 325, рис. 54, 1–16] и в раннебулгарских могильниках [488, табл. 33, *10*].

Тип 2 (рис. 71, *4–6*) – высокие и средние, с широкими горлом и дном; H:D=100–122%, H1:H=40–45%; в отделке – пояса линейно-волнис-того узора; в конце золотоордынского периода появляются сосуды с пояском из отпечатков гребенки или многорядной волны у основания шейки. Наиболее ранний сосуд из золотоордынского слоя Болгара полностью повторяет характерные черты и даже серый черепок, свойственные кувшинам этого типа раннебулгарского и домонгольского периодов [451, рис. 22, *2*, *9*, 53, *5*, 92, *2*]. Кувшины типа 2 принесены в Волжскую Булгарию населением, оставившим Танкеевский могильник [488, табл. 32, *9–11*, 33, *6*, *8*]. Встречается изредка в Суваре, Болгаре и Русском Урмате. Экземпляры, типологически близкие танкеевским, широко бытовали

на поселениях VII–IX вв. Дагестанской Хазарии [270, с. 116, рис. 31, *2–3*].

Тип 3 (рис. 71, *7–8*) – низкие, с широкими дном и туловом, низкой и высокой горловиной; H:D=100–102%, H1:H=37–45%; в отделке – пояса линейного узора. Сосуды этого редкого типа традиционно они продолжают линию развития танкеевских [488, табл. 32, *13, 15*, 33, *2, 6*].

Тип 4 (рис. 72, *1–6*) – средние, с раздутым вверху туловом и воронкообразной горловиной; H:D=92–110%, H1:H=24–46%; подразделяются на четыре подтипа по форме тулова и горла. 4-А (рис. 72, 1, 4, 6) – раздугое в верхней части тулово, широкое со вздугием горло; H:D=96%, H1:H=24%; в отделке раннезолотоордынских сосудов – налепы, отпечатки гребенки и резные линии по плечику (рис. 72, 1), позднезолотоордынских – каннелюры на высокой узкой горловине с воронкообразным устьем и носиком (рис. 72, 4, 6). 4-Б (рис. 72, 2) – раздутое тулово со сломом вверху, высокая воронкообразная (H:D=110%, H1:H=38%), отделанная рифлением горловина с носиком. На кувшинах конца XIV в. появляются продолговатые вдавления. 4-В (рис. 72, 3), появившийся в XIV в. – широкое округлое тулово, подпрямоугольные плечики, узкая высокая горловина (H:D=92–102%, H1:H=39–41%), также украшенная рифлением, а по тулову – отпечатками гребенки и волной. На сосудах начала XV в. нанесены пояса широких резных линий по шейке и валик на горловине или только рифление по тулову. Позднезолотоордынские сосуды из Русско-Урматского селища часто с носиком. 4-Г (рис. 72, 5) – широкое округлое тулово, узкая невысокая горловина, длинный носик; H:D=92–108%, H1:H=41–46%; пышный декор по горлу, верхней половине тулова и вокруг носика – множество налепов-пуговок, кроме того, верхняя часть тулова украшена штампованным узором из трилистников, шестиконечных звезд, сердцевидных фигур и завитков. Последние элементы свойственны штампованной керамике из Орен-Калы [40, табл. 4, 1–3, 5–6]. Этот подтип появляется в позднезолотоордынское время в Болгаре, демонстрируя возврат к архаичным формам (Хазария).

Корни кувшинов типа 4 – среди сосудов Танкеевского могильника [488, табл. 31, 3], которые своими истоками, вероятно, связаны с традиционными формами позднеантичного времени Закавказья [197, табл. 6, *6–8*].

Тип 5 (рис. 72, *7–8*) – средние, с вытянутым яйцевидным туловом, узкой высокой горловиной (H:D=98–114%, H1:H=40–42%), отделенной от тулова каннелюрой или вдавлением стенок. Прототипы этой редкой формы из Болгара известны в Биляре [129, рис. 90, *1*] и Рождествене [451, рис. 92, *1*].

Тип 6 (рис. 72, 9) – маленькие, с овальным туловом и низкой раструбом горловиной со сливом; H:D=89%, H1:H=32%; в отделке – пояса "пунктирных" линий и насечек, а также своеобразное лощение в виде прерывистых волнистых полос. Этот редкий тип встречается в Болгаре и Русском Урмате. Близкие формы известны в раннебулгарском Танкеевском могильнике [451, рис. 22, *8*, 53, 1]. Аналогичные пропорции, пояс из насечек имеет также лощеный кувшин из Чуйской долины VIII–X вв. [497, табл. 67, *4*].

Тип 7 (рис. 73, *1*) – невысокие, с коническим туловом и невысокой раструбом горловиной; H:D=100–103%, H1:H=48–49%; украшены редкими волнистым и линейным узором по плечикам. Близкие типы известны в Танкеевском могильнике [451, рис. 22, *10–11*]. В конце золотоордынского периода происходит возврат к этой архаичной форме.

Тип 8 (рис. 73, *2–3*) – невысокие, с яйцевидным туловом и широкой гофрированной или с валиками горловиной; H:D=90%, H1:H=35%; горло и верхняя часть тулова покрыты рифлеными линиями, волной, отпечатками гребенки. Этот редкий тип известен в позднезолотоордынских слоях Болгара и Русско-Урматского селища. Сохраняет характерные черты домонгольских сосудов данного типа из Биляра (рис. 28, *3*).

Тип 9 (рис. 73, *4–7*) – с высоким яйцевидным туловом, широким дном; H:D=98–129%, H1:H=39–40%; основание горла подчеркнуто вдавлением стенок или резной линией; двух подтипов по форме горла и декору: 9-А (рис. 73, 7) – низкая подцилиндрическая горловина; H:D=98–129%, H1:H=39–40%; без орнамента или с поясом тонких линий по тулову; 9-Б (рис.

73, 4–6) – высокая узкая горловина; H:D=105%, H1:H=39%; иногда с валиком, каннелюрами, отпечатками гребенки и линейно-волнистым узором у основания горла. Сосуды, близкие подтипу 9-А, известны на нижневолжских золотоордынских поселениях [487, табл. 45, 8]. Некоторые экземпляры типа 9-Б из Болгара очень близки по форме и декору кувшинам из городов Южного Туркменистана, например, Шехр-Ислама [33, рис. 8].

Тип 10 (рис.73, *8–11*) – маленькие столовые сосуды графинообразной формы (H:D=76–111%, H1:H=32–55%), которые по пропорциям, деталям тулова и горла подразделяются на три подтипа. 10-А (рис. 73, 11) – асимметричное, расплющенное в боках тулово; H:D=76–95%, H1:H=41–55%; подцилиндрическое горло, без орнамента. На одном из сосудов Болгара – граффити "гусиная лапка". 10-Б (рис. 73, 8) – асимметричное биконическое тулово, горловина небольшим раструбом, H:D=94–97%, H1:H=32–33%; иногда каннелюры по тулову. 10-В (рис.73, 9–10) – округлое, приземистое тулово, горловина раструбом, иногда с носиком; H:D=96–111%, H1:H=37%; в отделке – волнистые линии по плечикам. Эта форма известна еще в Кайбельском могильнике [451, рис. 3, 9] и сохраняется в городских центрах Волжской Булгарии до эпохи Казанского ханства.

Тип 11 (рис.74, 1, *6*) – высокие, с сильно раздутым туловом, высокой тонкой горловиной со сливом "свиное рыльце"; H:D=96,5–100%, H1:H=38–44%; отделаны по горлу валиками, а верхняя часть – несколькими рядами гирлянд (наколы и волнистые линии) или заштрихованных треугольников. Этот редкий тип известен в Болгаре и Русском Урмате и продолжает развитие билярских сосудов восточно-кавказских истоков (рис. 28, *10*).

Тип 12 (рис.74, *2*) – средние, с округлым несколько вытянутым туловом и широкой раструбом горловиной; H:D=117%, H1:H=38%; тулово и основание горла украшены каннелюрами. Прототипы этой редкой формы известны еще в Танкеевском могильнике [451, рис. 11, *3*]. Близкие формы кувшинов бытовали в золотоордынских городах Нижнего Поволжья [487, табл. 45, *15*]. Однако здесь они отличаются выраженным сломом стенок тулова и угловатостью форм, свойственных и позднесарматской посуде этих районов [298, табл. 76, *6, 8,* 84, *2, 6–8,14*].

Тип 13 (рис. 74, *3–5*) – сосуды разных размеров с раздутым в верхней трети туловом, маленьким дном и широкой горловиной; H:D=94–110%, H1:H=29–38%; трех подтипов. 13-А (рис. 74, 3) – небольшие кувшины с сильно выступающими боками, зауженной или подцилинд-рической горловиной; H:D=94–110%, H1:H=33–38%. Близкие типы распространены в нижневолжских центрах Золотой Орды [487, табл. 46, 1–2] и в Отраре XIII–XV вв. [12, рис. 12, 2]. Прототипы этой формы из-вестны в X–XI вв. в Хорезме [77, рис. 44, 13]. 13-Б (рис. 74, 4) – высокие, с крутыми борами, зауженной или раструбом горловиной; H:D=105%, H1:H=29%. 13-В (рис. 74, 5) – крупные, с одутловатым туловом и широким дном, низкая горловина, ручка овальная или с горбинкой и продолговатой ложбинкой; D1:D=18–19%, H1:D=33–36%. Аналогичные ручки свой-ственны некоторым кувшинам Больше-Тарханского могильника [113, табл. 2, 8], а близкие формы известны в Закавказье в древностях сарматского времени [197, табл. 9, *14*].

Тип 14 (рис. 74, 7, 8) – с высокими яйцевидным туловом и воронкообразной горловиной; H:D=115–143%, H1:H=32–47%; двух подтипов. 14-А (рис. 74, 7) – с выраженным сломом стенок в верхней трети высоты; H:D=1–16%, H1:H=42%; в отделке – пояс резных линий. Близкие формы бытовали в нижневолжских золотоордынских центрах [487, табл. 46, 7]. 14-Б (рис. 74, 8) – вытянутое тулово, слом стенок в отличие от предыдущего подтипа несколько ниже; H:D=115–143%, H1:H=32–47%; орнамент – рифление горловины и основания шейки, отпечатки гребенки, которые у сосудов начала XV в. становятся очень мелкими; кроме того, венчик у этих поздних кувшинов формуется в виде "единички". Среди них выделяется сосуд из Болгара, горловина которого завершается сливом "свиное рыльце" и отделана валиками; верхняя часть тулова покрыта "плетенкой", выполненной лощением, треугольниками, заполненными штампованным узором "зерно", орнамен-

тальный пояс ограничен каннелюрами. Аналогичная форма горла – у кувшинов Кайбельского могильника [451, рис. 3, 8]. Близкая отделка харак ерна для керамики Отрара в XIII–XV вв. [12, рис. 62, *64–66*]. Возможно, булгарские сосуды этого подтипа впитали кавказские и южно-казахстанские традиции.

Тип 15 (рис. 74, *9–10*) – грушевидное тулово, которое в данный период становится более шарообразным, чем у домонгольских сосудов; широкая высокая горловина; D1:D=41%, H1:D=37–44%; часть кувшинов – без лощения, но с поясом резного узора в виде елочки и жгута по горлу. Эта форма продолжает развитие домонгольских кувшинов из Биляра [129, рис. 90, 4], связанных, вероятно, истоками с посудой Дагестанской Хазарии [248, табл. 6, 4]. Некоторые сосуды данного типа из Камаева и Болгара в позднезолотоордынское время богато орнаментированы в характерной булгарской манере ("вьющийся побег", насечки, перекрестное лощение, отпечатки гребенки, продольные каннелюры). Истоки их можно видеть в металлических формах Согда [518, табл. 11] и их керамических копиях из Чуйской долины VI–VIII вв. [497, табл. 51, 4].

Тип 16 (рис. 75, *1–4*) – крупные сосуды с раздутым в верхней половине туловом и высокой широкой горловиной, двумя ручками; H3:D1=48–53%, H4:H3=26–64%, D1:D=55%, H1:D=36%; в отделке – продолговатые насечки в сочетании с рифлением по горловине и пуговки-налепы на ручках. Эта традиционная форма встречается в ранний период на Русско-Урматском селище.

Типы 17 и *18* в золотоордынских памятниках неизвестны.

Тип 19 (рис. 75, *5*) – высокое, широкое коническое тулово; низкая, широкая горловина со сливом "свиное рыльце"; три ручки; H:D=96,5%, H1:H=38%, D1:D=25%, H1:D=45%; в отделке – каннелюры по горлу, валики по верху тулова, а между ними пояс из перекрестного лощения. Вероятно, истоки этой формы следует искать в раннесредневековом Дагестане [118, рис. 2, *5*]. Аналогичные кувшины бытовали и у алано-болгар [413, рис. 26].

Тип 20 (рис. 75, *6–7*) – раздутое тулово, невысокая широкая раструбом горловина, некоторые сосуды со сливом-носиком, ручка покатая; H:D=110%, H1:H=41–45%, D1:D=35–38%, H1:D=44–48%; в отделке – валики по горловине. Эта форма получила распространение во второй половине золотоордынского периода в Болгаре и Русском Урмате. Судя по пропорциям, отделке и назначению (кумганы, чайники?), истоки кувшинов данного типа, вероятно, связаны с культурой Каунчи 1–2, а с VIII в. – с Хазарией [100, табл. 3].

Тип 21 (рис. 76, *1–3*) – низкие, с приземистым туловом, широкой низкой раструбом горловиной, утоньшенным венчиком; H:D=74–88%, H1:H=42–48%; тесто запесоченное, почти без лощения, орнамент – линейно-волнистый в несколько зон или отпечатки крупной гребенки. Запесоченность теста, утоньшенный венчик, приземистость тулова и многорядная отделка острой волной и крупной гребенкой свойственны посуде района Джукетау, т.е. XIII группе (сакетимы). Мелкое рифление раструбленной горловины, покатые ручки и линейно-волнистый орнамент по тулову характерны для кувшинов Хазарии и культуры Каунчи 2 [266, рис. 59, *240*]. В формах некоторых сосудов этой группы заметно сходство с раннебулгарскими кувшинами Больше-Тарханского могильника [451, рис. 3, *6*, *11*]. Тип 21 синтезирует, на мой взгляд, традиции разных истоков. На основе хазарских (рис. 76, *3*) создается новый тип столовых кувшинчиков во вкусах населения юго-восточных истоков. Появление их в золотоордынском Болгаре связано, вероятно, с саксинами и кыпчаками-шарами. Это подтверждают находки аналогичных сосудов из Сарайчика (информация Л.Л.Галкина).

Тип 22 (рис. 76, *4–6*) – маленькие и средние, с подшаровидным туловом, выраженным плечиком или без него, высокой раструбом горловиной с широким сливом, ручка крепится от края; H:D=97%, H1:H=48%, D1:D=38–41%, H1:D=34–47% (у ранних) и 36–37% (у поздних), H1:D=40–41%; в отделке – рифление по горлу, каннелюры (у ранних) или пояса резных линий (у поздних) по горлу и тулову. Сосуды этого типа чаще всего без лощения, лишь иногда оно нанесено в виде редких вертикальных полос. Столь же редко фиксируются срезы глины у основания тулова. Хронологически близкие аналоги это-

мутипу неизвестны. Однако его прототипы можно видеть среди керамики раннесредневековых городищ Крыма и Херсонеса IX–X вв. [479, рис. 6, 5–6, 49, *1*], а также среди кувшинов X в. Танкеевского могильника [451, рис. 22, *1–2*]. В домонгольской посуде этот тип неизвестен, однако в кувшинах золотоордынского периода "всплывают" раннебулгарские реминисценции.

Тип 23 (рис. 76, *7–10*) – средние, с округлым, раздутым в верхней половине туловом, широкой высокой горловиной со вздутием в верхней части; H:D=86–100%, H1:H=35–40%; в отделке ранних сосудов – пояса резных линий под шейкой, а в широкой части тулова – полосчатое лощение; в отделке поздних – дополнительно ложки по тулову. В домонгольской посуде эти формы неизвестны. Вероятно, они возникли под влиянием кавказских или крымских форм с подобной отделкой, подражающих металлической посуде [479, с. 82–83, рис. 50, *1–3*].

Тип 24 (рис. 77, *1–2*) – сплюснутое низкое тулово, узкая высокая раструбом горловина, носик длинный от плечика; H:D=74–76%, H1:H=39–40%; в отделке – каннелюры или валики, ограничивающие орнаментальный пояс на тулове, выполненный штампом. Происходят из позднего слоя Болгара. Кувшины позднезолотоордынского периода, вероятно, изготовлялись по образцам среднеазиатских [319, рис. 2, *1–2*; 33, рис. 9], хотя они близки по форме раннебулгарским, например, из Больше-Тарханского [451, рис. 3, 8–9] и Танкеевского [488, табл. 31, *3*] могильников. В декоре позднебулгарских сосудов со штампованным орнаментом могло отразиться влияние кувшинов столового типа с таким же узором из Отрара [12, рис. 61–64] и Чача [68, табл. 26, *3*].

Тип 25 (рис. 77, *3–4*) – крупные бутылеобразные, с высоким яйцевидным туловом, узкой высокой горловиной с небольшим раструбом вверху; D1:D=17–18%, H1:D=50–56%; линейно-волнистым орнаментом по шейке (мелкая и частая волна). Сосуды этого редкого типа происходят ив IV (раннего) слоя Болгарского городища. Толстостенностью, бутылеобразной формой, мелковолнистым узором они напоминают некоторые кувшины – из южноказахстанских центров [47, рис. 72, *2*].

Тип 26 (рис. 77, *5*) – крупные пяти-частные сосуды с раздутым в средней части туловом, низкой шейкой со вздутием в середине и небольшим раструбом вверху, шейка от тулова отделена острым валиком, с носиком или без него; H:D=100–108%, H1:H=33–44%; в отделке – полосчатое лощение. Сосуды типа 26 появляются в Болгаре в конце XIV в. В тесте этих кувшинов встречается красная шамотная крошка, черепок желтоватый. Аналогичной формы сосуды бытуют в нижневолжских центрах Золотой Орды [487, табл. 46, 6–7]. Сложная конфигурация шейки копирует форму кувшинов Центрального Предкавказья, где они бытуют еще в домонгольское время [15, табл. 25, *5*].

Тип 27 (рис. 77, 6) – крупные и средние, с вытянутым коническим туловом, зауженной подцилиндрической горловиной, с носиком или без него; H:D=80%, H1:H=78,5%; в отделке - широкие рифы по горловине, валики и каннелюры – по тулову, ограничивающие порой пояса из перекрестного и полосчатого лощения и мелких ямочек. Эта форма появилась в золотоордынский период, видимо, в подражание медным сосудам.

Тип 28 (рис. 77, 7) – маленькие, конической формы, с асимметричным туловом, почти без горла, с припухлым венчиком и сливом, ручка прикреплена от края; H:D=161%, H1:H=80%; в отделке – характерное для салтовских кувшинов полосчатое лощение со спиральным расположением по тулову. Близкие этому виду конусовидные кувшины известны в домонгольский период на Северном Кавказе [219, рис. 94, *113*]. Полосчатое лощение по спирали свойственно аланской посуде. Вероятно с этими районами связаны формы из Танкеевского могильника [488, табл. 31, 8].

Тип 29 (рис. 77, 8) – маленькие графинообразные, со сплющенным подшаровидным туловом, высокой узкой горловиной; H:D=75%, H1:H=44%; отделанной по верху рифами, а по плечикам – линейно-гребенчатым узором. Отделка этого редкого сосуда из Биляра, подшаровидность тулова свойственны горшкам типа 4 юго-восточных истоков. Эти традиции имеют глубокие корни в гончарстве Казахстана, где в VII–VIII вв. существовали формы, аналогичные типу 29 [47, рис. 98, *3*].

Тип 30 (рис. 77, *9*) – низкий кувшинчик с шаровидным туловом и широкой высокой горловиной со сливом, круглая в сечении ручка прикреплена от края сосуда в бок; H:D=86%, H1: H=47%; в отделке – каннелюры по тулову, отпечатки мелкой гребенки, редкое полосчатое лощение под шейкой. Полные аналоги этому редкому типу из Болгара неизвестны, однако морфологические признаки и декор соответствуют отчасти посуде XXI группы (кыпчаки-шары). Кроме того, сочетание присущих этому сосуду признаков указывает на традиции Северо-Восточного Кавказа [270, рис. 31, *15*, *20*].

Тип 31 (рис. 77, *10*) – маленький сосуд с вытянутым вверх округлым туловом, широким дном и такой же широкой горловиной со сливом, ручка – от края, с продольной горбинкой; H:D=102%, H1:H=37%; в отделке – рифы по горловине, отпечатки крупной гребенки по шейке, каннелюры и редкое полосчатое лощение по тулову. На ручке одного из сосудов из Болгара имеется знак в виде двух параллельных наклонных черт. Аналогичной формы кувшины бытовали и в нижневолжских центрах Золотой Орды [487, табл. 45, *9*]. Сосуды типа 31 являются сравнительно редкими и выполнены в традициях керамики Центрального Казахстана, Хорезма, а именно: горбатая приподнятая над краем ручка, резные линии по горловине и верху тулова, редкие отпечатки крупной гребенки передают черты керамики ранних кыпчаков [281, рис.13, *2*, *6*].

Между типами 30 и 31 существует близость в пропорциях и декоре. Однако оформление ручек у них разное, как различна и технология изготовления. По ряду признаков сосуды типа 31, несомненно, более ранние, тогда как кувшины типа 30 относятся к позднезолотоордынскому времени. Крепление ручек от края, полосчатое лощение свойственны "асским" кувшинам Сарайчика и Приаралья [266, рис. 59, *349–354*], тогда как каннелюры по тулову – характерная черта алано-болгарской посуды Хазарии. Соединение этих признаков, вероятно, стало возможным в низовьях Волги и связано с формированием саксинов и булгар-сакетимов, в основе которых отмечается заметный асо-аланский компонент.

Итак, среди 31 выделенного типа кувшинов сохраняются в данный период традиционные (т.е. переходные) типы 1–16, исчезли – 17–19, появляется серия новых – 20–30. В начальный период (до начала XIV в.) для кувшинов алано-салтовских юго-западных традиций характерны черты, истоки которых в формах керамики Хазарского каганата (Северный Кавказ и Крым). Это широкие горизонтальные каннелюры по тулову и горлу, декоративное лощение, сливы, в том числе "свиное рыльце", налепы-пуговки на сливе или носике, налепы-ушки, узор "зубчики" и насечки у основания горла, пояса из мелких резных линий в несколько зон в сочетании с волнистым, "пунктирным" или мелкогребенчатым орнаментом, ложками, заштрихованными треугольниками по тулову. Им в большей мере характерны клейма на донцах, нежели граффити на стенках и ручках сосудов. Эти черты мы находим у типов 1–8, 10–12, 14–16. "Кавказские" традиции несут в данный период и новые типы кувшинов – 20, 22–24, 26, 28, 30.

Кувшины юго-восточных традиций, связанные с Центральным и Южным Казахстаном, Семиречьем и Согдом (типы 9 и 13) хорошо узнаваемы по коротким широким или узким горловинам, иногда с рифлением и валиком, острой мелкой волне, крупной гребенке вдоль края, подпрямоугольным ручкам. Новыми формами данного периода этих же истоков являются кувшины типов 21, 25, 29–31. Почти все они появляются уже в XIV в. и несут черты, сопоставимые с керамикой XIII и XXI групп. Их поверхность или заглажена, или отделана тонкими полосками лощения. Им свойственны округлое или подшаровидное тулово, орнамент в виде мелкой частой волны (джукетау), рифление по горловине и плечикам, круглые в сечении ручки, иногда с заметной горбинкой. Нередко эти типы находят параллели в нижневолжских центрах Золотой Орды. Некоторые из них имеют граффити в виде сочетания различных линий.

Для кувшинообразных данного периода, однако, характерны все-таки комбинации признаков на основе болгаро-салтовских и юго-восточ-ных (огузо-кыпчакских) традиций (типы 1, 4–10, 14–16 – из старых и 20, 22, 24, 29–30 и, возможно,

31 – из новых). Асимметрия раздутого в верхней части тулова, присущая булгарским кувшинам, сохраняющая "бокастые" (по выражению М.И. Артамонова) формы кочевнической керамики, уступает место в XIV в. более правильным, округлым и совершенным формам. Наиболее заметны эти перемены на сосудах типов 1 и 10: формы их стали более "сухими". На кувшинах типа 1 Русско-Урматского селища сохраняются А-образные клейма, а на сосудах типа 10 из Болгара нанесены графити "гусиная лапка". Самые поздние из кувшинообразных (конца XIV в.) имеют жесткие, "сухие" формы, свойственные кувшинам XXI группы из Биляра.

Таким образом, кувшины, несмотря на подавляющее количество типов болгаро-аланских традиций, подверглись "кипчакизации". Слияние различных традиций в позднебулгарской посуде, равно как и в золотоордынской в целом, произошло при заметном воздействии керамики Хорезма и Кавказа. Это влияние проявилось прежде всего в подражании редким привозным изделиям, а именно: металлической посуде и формам штампованной керамики.

Кружки (рис.78–80) представлены 12 типами. Все они продолжают линию развития домонгольских типов, подвергшихся в этот период значительной модификации.

Тип 1 (рис. 79, *1–2*) – низкие и широкие, с биконическим или округлым туловом, подцилиндрической или зауженной горловиной, одной ручкой; H:D=35–94%, H1:H=28–42%; резным линейно-волнистым узором по горловине и иногда по плечикам или без орнамента.

Тип 2 (рис. 79, *3–4*) – средние и неширокие, с более округлыми боками, подцилиндрической горловиной с утоньшенным краем или скошенным иногда вовнутрь; H:D=51–54%, H1:H=33–38%. По деталям формы горла выделяются два подтипа: 2-А (рис. 79, *4*) – с высокой горловиной, тонкими стенками, верх ручки несколько ниже края, без орнамента; весьма распространен в данный период; 2-Б (рис. 79, *3*) – с низкой широкой горловиной, ручкой от края, в отделке – рифление в сочетании (у поздних сосудов) с отпечатками гребенки и ароч-ным узором.

Тип 3 (рис. 79, *5–7*) – с низким биконическим туловом, блюдовидной или несколько раструбом горловиной; H:D=40–69%, H1:H=30–52%; рифлением по горлу и плечикам; встречается редко.

Тип 4 (рис. 79, *8–9*) – высокие, с низким биконическим туловом и высокой горловиной; H:D=52–64%, H1:H=35–48%; в отделке – резные линии вдоль края или без орнамента.

Тип 5 (рис. 79, *10–13*) – высокие, с округлым туловом, высокой подцилиндрической несколько раструбом или зауженной горловиной; H:D=53–74%, H1:H=35–50%. По форме горла и отделке выделяется три подтипа. 5-А (рис.79, 12) – с высокой зауженной горловиной, 1–2 ручками с налепами, пышно отделаны фасками, каннелюрами, отпечатками гребенки, кружками, "плетенкой", волютами, узором в виде вьющегося побега и перекрестным лощением по тулову. Этот подтип традиционен, но в количественном отношении значительно возрос во второй половине XIV в. в Болгаре и других памятниках. 5-Б (рис. 79, 11) – с широким подцилиндрическим горлом, ручка часто с пуговкой, в отделке – широкое рифление, вертикальные каннелюры и отпечатки гребенки. 5-В (рис. 79, 10, 13) – с зауженным подцилиндрическим горлом и утоньшенными стенками, 1–2 ручками, без орнамента или с широкими резными линиями по горлу. Модификации подтипов 5-Б и 5-В появляются лишь в золотоордынский период.

Тип 6 (рис. 80, *1–2*) – высокие конической формы сосуды, с горловиной и без нее; H:D=65–86%, H1:H=45–56%. По пропорциям тулова различаются два подтипа. 6-А (рис. 80, 1) – с узким коническим туловом, выделенной зауженной или подцилиндрической горловиной, у ручек сохраняются налепы в виде пуговок и сосцов; орнамент – горизонтальные каннелюры, волнистая линия, перекрестное лощение – наиболее выразителен на сосудах из Русского Урмата и в меньшей степени – из Болгара, где в отделке сохранились лишь (особенно у поздних образцов) горизонтальные резные линии, заменившие горизонтальные каннелюры. 6-Б (рис. 80, 2) – традиционный, продолжает развитие кружек из Биляра XII – начала XIII в. Происходит из раннего слоя Русско-Урматского селища.

С ним сопоставимы по форме кружки с одной ручкой из комплексов IX в. Танкеевского могильника [184, рис. 1, 11]. Последние, однако, не имели зооморфных ручек в виде медведей, кроме того, у них довольная округлая форма тулова. Наличие двух ручек в виде фигур медведей, орнаментация из тонких резных линий вдоль края и наколов позволяет искать истоки этой формы в районах обитания кыпчаков-шаров и огузов-куман. Можно также предполагать, что эта форма, созданная булгарскими гончарами на основе собственных форм, производилась специально д я подвластного им населения с учетом его традиций. Ручки в виде медведей от аналогичных сосудов встречены в Болгаре в дренажно-ряжевой системе второй половины XIV в.(рис. *88, 2*).

Тип 7 (рис. 80, *3*) – высокие, узкогорлые, с подшаровидным слегка сплюснутым в боках туловом, одной ручкой; H:D=67–78,6%. H1:H=37%; без орнамента или с двумя резными линиями. На одном из сосудов этого редкого типа из-под Ново-Мордова имеется граффити в виде зигзага.

Тип 8 (рис. 80, *4,7*) – высокие, широкогорлые, с грушевидным туловом, горловиной в виде небольшого раструба, петлевидной ручкой; H:D=74%, H1:H=60%; лощение горловины доведено до блеска, по верху тулова фаски, горизонтальные канелюры и отпечатки гребенки (у наиболее поздних сосудов). Это редкий тип из Болгара и Русского Урмата. Форма его традиционна и восходит, по-видимому, к металлическим сосудам Северного Кавказа [61, рис. 2, *7*].

Тип 9 (рис. 80, *5–6*) – средние, с подшаровидным приземистым туловом, низкой подцилиндрической горловиной со скошенным вовнутрь краем, ручка крепится к плечику; D1:D=87%, H3:H=25%; в отделке – рифление по горлу и фаски по плечикам. Эта форма близка, с одной стороны, круглодонным сосудам прикамско-приуральских типов, а с другой, является, возможно, модификацией домонгольских кружек с отогнутым краем и цилиндрошейных южно-казахстанских истоков из Биляра (рис. 32, *9*). Кружки этого типа известны на Болгарском 1, Билярском 3 и Чаллынском 1 селищах, где в керамике особенно заметно воздействие традиций юго-восточных истоков.

Тип 10 (рис. 80, *8*) – высокие, узкогорлые, с грушевидным туловом, горловиной с небольшим раструбом, ручка несколько ниже края, венчик приострен или выделен двойным валиком; H:D=76–79%, H1:H=46–51%; в отделке – рифление (иногда), перекрестное лощение, отпечатки гребенки (на поздних сосудах). Этот редкий тип приобретает в золотоордынский период более выразительные черты.

Тип 11 (рис. 80, *9*) – высокие, с низким сплющенным туловом, высокой горловиной с приостренным венчиком, ручка ниже края; H:D=63%, H1:H=37%; в отделке – рифление по краю, продолговатые насечки-"запя-тые" или волна по плечикам. Этот редкий тип известен в Болгаре и на Русско-Урматском селище. Сосуды последнего продолжают традиции домонгольских билярских сосудов.

Тип 12 (рис. 80, *10*) – с низким подшаровидным туловом, высокой раструбом горловиной, ручка крепится от основания горла в бок, край приостренный; H:D=58–62%, H1:H=21–28%, горловина украшена рифами, а плечики – насечками-"запятыми". Т.А. Хлебникова называет эти сосуды кубками [452, рис. 65]. Выявлен в Болгаре – в центре городища и в гончарных мастерских. Морфологические особенности и декор этой формы сходны с кружками XXI группы Биляра, связанными истоками с керамикой Южного Казахстана [47, рис. 90, *2*].

Таким образом, кружки золотоордынского времени представлены теми же 12 типами, известными и в домонгольский период, но с большим числом вариаций. Кружки типов 1–3, 9 – наиболее распространенные – сложились под влиянием как местных прикамско-приуральских форм, так и южно-казахстанских. Кружки типов 5–6, несколько модифицированные в этот период, несут в значительной мере двойные или смешанные традиции – как салтово-болгарские, так и южно-казахстанские. В количественном отношении они менее представительны.

Типы 7–12 не столь многочисленны, но встречаются на протяжении всего золотоордынского периода. Они выделяются своеобразием и устойчивостью признаков. Сосуды типа 7 наследуют черты домонгольских кружечек района Самарской

Луки. Кружки типа 10 с ребристым валиком под горлом, возможно, подражают формам металлической посуды гуннской эпохи, сохранившимся у населения Северного Кавказа и салтово-маяцкой культуры. Сосуды типа 11 продолжают развитие посуды болгаро-печенеж-ского населения южных районов Волжской Булгарии. Кубковидные кружки (тип 12) воплощают вкусы населения юго-восточных истоков (XXI и других групп) и связаны с кыпчаками.

Таким образом, кружкообразные испытывают в данный период такие же заметные изменения, как и другие формы.

Кринки (рис. 78, 81, 82) представлены девятью типами, из них типы 2, 6–8 продолжают линию развития домонгольских; типы 1-Б, 2-В, 4-В, 9–12 являются новыми модификациями золотоордынского периода; исчезают в это время типы 3–5.

Тип 1-Б (рис. 81, *1*) – крупные, с подшаровидным туловом, зауженной высокой горловиной и двумя петлевидными ручками на плечиках; H:D=90%, H1:H=46%, D1:D=50%, H1:D=41%; тулово и горло богато украшены поясом из "вьющегося побега", "фасок", "плетенки", наколов, ограниченным каннелюрами. Встречен в Болгаре и является, вероятно, вариацией домонгольских классических двуручных кринок (тип 1-А). Сказалось, возможно, также и влияние традиций посуды Южного Казахстана (форма ручек, от елка) [47, рис. 101; 12, рис. 70].

Тип 2 (рис. 81, *2–4*) – невысокие, с заметным перегибом стенок в средней части или несколько выше, горловиной раструбом, маленьким дном, 1–2 ручками от основания горла в бок; H:D=61–88%, H1:H=30–60%, D1:D=36–78%, H3:H=20–79%; в отделке – сплошное лощение без орнамента или многорядный раппорт по горлу и верху тулова из отпечатков тонкой гребенки и резных линий. Этот узор используется также в отделке кувшинов средневекового Дагестана [270, рис. 31, *10*, *32*]. Подобная форма почти биконического тулова, маленькое дно, подцилиндрическая или раструбом широкая горловина свойственны посуде сармат [298, рис. 75, *17*, 76, *5*].

Тип 6 (рис. 81, 5) – маленький сосуд с подшаровидным несколько вытянутым туловом, узкой низкой подцилиндрической горловиной с утоньшенным венчиком; ручка прикреплена от края в бок; H:D=88%, H1:H=63%, D1:D–56%, H3:H=32%; в отделке – резные линии и острая волна по горловине. Этот редкий тип из позднего слоя Русско-Урматского селища продолжает развитие билярских кринок типа 6, что проявляется в их морфологическом и декоративном сходстве и близости пропорций.

Тип 7 (рис. 81, *6*) – высокие, с подшаровидным туловом, горловиной с небольшим раструбом, скошенным вовнутрь краем, иногда с одной петлевидной ручкой на горле; H:D=80%, H1:H=43%, D1:D–56–69%, H3:H=30–64%; в от елке – резные линии по горлу и плечику. Сосуды этого типа из Болгара и Русско-Урматского селища продолжают развитие домонгольских кринок типа 7, а также близки горшкам типа 6, характерных для южных районов Волжской Булгарии [393, рис. 2, *2*, 5], в керамике которых ощущаются смешанные тюрко-угорские традиции.

Тип 8 (рис. 81, *7–9*) – высокие (подтип 8-А) и низкие (подтип 8-Б) сосуды с низким подшаровидным туловом, высокой горловиной, скошенным вовнутрь венчиком; ручка крепится от середины горла; H:D=69–88%, H1:H=30–41%, D1:D=52–64%, H3:H=52–70%; в отделке – рифление, арочный узор, насечки, отпечатки гребенки вдоль края. Появляются с XI в. в Биляре и Болгаре. В золотоордынский период известны в Болгаре. Сохраняют традиции посуды Южного Казахстана. Стилистически близки им кувшины из золотоордынских центров Нижнего Поволжья [487, табл. 45, *9*,*11*].

Тип 9 (рис. 82, *1*) – высокие, с высокими округлым туловом и горловиной, округлым или скошенным вовнутрь венчиком; H:D=96–100%, H1:H=30–35%, D1:D=49–52%, H3:H=52–61%; отделка аналогична типу 8. Сосуды этого типа являются новой модификацией керамики юго-восточных истоков; известны они и на Нижней Волге [482, табл. 45, *4*, *8*, *9*].

Тип 10 (рис. 82, *2–3*) – высокие, с овоидным туловом, переходящим плавно в широкую горловину, иногда с валиком; ручка крепится от верха горловины или чуть ниже; H:D=113–115%, H1:H=41–50%, Dl:D=59–61%, H3:H=33–50%; без лощения. В Болгаре – это также новая модификация, выполненная в традициях керамики XIX группы (рис. 57, *4*).

Тип 11 (рис. 82, *4*) – сосуд средних размеров с подшаровидным приземистым туловом, широкой низкой бочкообразно изогнутой горловиной, утоньшенным краем; DI:D=51–92%, H1:D=30–37%; в отделке – резные линии по горлу и отпечатки гребенки-"гусенички" по плечику, без лощения. Этот редкий тип из Болгара является, вероятно, производным от горшков группы 8, воплотивших смешанные тюрко-финно-угорские традиции населения Верхнего Прикамья и прилегающих районов Башкирии.

Тип 12 (рис. 82, *5–6*) – крупные, с реповидным туловом, подцилиндрической невысокой горловиной, маленьким дном; ручка нередко с налепами; D1:D=51–92%, H1:D=30–37%; отделаны тщательно лощением, без орнамента или иногда украшены "плетенкой" и отпечатками гребенки. Своими морфологическими и декоративными данными напоминают сосуды турбаслинской группы Башкирского Приуралья [273, табл. 5, *13*, *7*, *17*, *20*].

Таким образом, состав кринкообразных обновился благодаря вариациям типов 1–2, 7–9 и новым – 10 и 12. В новых модификациях золотоордынской эпохи в значительной мере сказались традиции керамики юго-восточных истоков. Особенно распространенными стали кринки типов 8–9.

Блюдообразные (рис. 83–85) включают в свой состав миски и плошки, блюдца, блюда, чаши, чашки, пиалы.

Миски (рис. 83) пяти типов, из них 1, 3–4 – переходные, т.е. продолжают развитие домонгольских форм; тип 6 – новый; к этому времени исчезают миски типов 2 и 5.

Тип 1 (рис. 83, *1–6*) – мелкие, невысокое широкое тулово, подцилиндрическое горло; H:D=23–41%, H1:H=15–47%; распространен повсеместно. По особенностям формы тулова подразделяется на два подтипа: 1-А (рис. 83, *2*, *3*, *6*) – острые выступающие бока; 1-Б (рис. 83, *1*, *4*, *5*) – округлое тулово, рифление по горлу и плечикам в сочетании с насечками и наколами разных форм.

Тип 3 (рис. 83, *7*, *8*) – высокие, с округлым приземистым туловом, отогнутой горловиной, утолщенным венчиком; H:D=33–66%, H1:H=19–50%; отделан в отличие от домонгольских резными линиями, отпечатками крупной гребенки и волной. В этих сосудах проявляются черты чаш Верхнего Прикамья [311, с. 99; 312, с. 30; 111, табл. 31, 1, *2*, *7*, 8; 123, рис. 39, *1*, *12*, 42, *6*, *24*, *25*], сказавшиеся также в чашах XVIII группы Болгара [452, рис. 21, *5*, 8]. Данный тип наиболее представителен в Болгаре, в меньшей степени – на Русско-Урматском селище.

Тип 4 (рис. 83, *9*) – наиболее высокие среди мискообразных, с округлыми боками, высокой подцилиндрической горловиной, уголщенным и скошенным вовнутрь краем; две ручки прикреплены от середины горла в бок; H:D=41%, HI: H=15%; в отделке – многорядный узор по горлу и верху тулова из резных линий, волны (джукетау) и наколов гребенки. В отделке и формах сосудов из Болгара проявляются как прикамско-приуральские (венчик), так и традиции юго-восточных истоков.

Тип 6 (рис. 83, *10*) – высокое тулово с круглыми боками, цилиндрическая низкая горловина с приостренным скошенным краем и наколами по ней; H:D=46–49%, H1:H=32–35%. Этот редкий тип встречен на Русско-Урматском селище и несет признаки чашевидных VII (форма) и XXI (декор) групп.

Миски типа 1 являются наиболее разнообразными и массовыми в этот период. Они сочетают признаки посуды прикамско-приуральских (VII, VIII, XVII группы) и юго-восточных истоков (IX, XIII, XXI).

Плошки (рис. 85, *1–10*) – четырех типов, из них типы 1–2 – переходные, а 3–4 – новые для золотоордынского периода. *Тип 1* (рис. 85, *1*, *2*) – низкие, с расширенными вверх стенками, приостренным или уголщенным краем; H: D=22–30%, H1:H=0%; без орнамента. Распространен в Болгаре в позднезолотоордынское время. *Тип 2* (рис. 85, *3–5*) – низкие и высокие, с загнутым и скошенным вовнутрь краем (иногда утолщенным); H:D=18,5–42%, H1:H=20,5–31%; в ранний период отделаны, кроме традиционных резных линий и отпечатков гребенки, различными насечками, а в поздний – мало орнаментированы. Этот тип по-прежнему распространен повсеместно. *Тип 3* (рис. 85, *6–8*) – с заметным перегибом стенок, утолщенным и скошенным вовнугрь краем; H:D=38%,

H1:H=37–43%; отделка аналогична типу 2, а на сосудах из Русского Урмата резные линии сочетаются с волнистыми. *Тип 4* (рис. 85,8–10) – высокие, с загнутыми вовнутрь краями, иногда с острым ребром и кольцевым поддоном у поздних экземпляров; H:D=29–38%, H1:H=328–45%; в отделке – перекрестное лощение, фаски в придонной части и глубокие каннелюры. Известны в поздний период в Болгаре, на Чаллынском городище, Билярском 3 и Русско-Урмат-ском селищах. Экземпляры этого типа раннезолотоордынского времени по цвету черепка и толстостенности близки керамике XIX группы хорезмийских истоков. Не случайно аналоги плошкам типа 4 известны в Отраре [12, рис. 6, *2*] и Чаче [68, табл. 26, *1*, 5, 7, 48, *1, 2*]. В керамике Хорезма эти формы и отделка известны уже в IX–XI вв. [77, рис. 44, *30, 35, 36*].

Блюдца (рис. 84, *16–24*) – трех типов. *Тип 1* (рис. 84, *16–18*) – мелкие, с перегибом и отогнутым широким краем; H1:D=28%, H1:H=36%; иногда отделанным отпечатками гребенки. Истоки этого типа – в керамике Хорезма [77, рис. 44, *37, 44, 117*]. Отделка внутренней поверхности свойственна керамике XIII группы юго-восточных истоков. *Тип 2* (рис. 84, *18–20*) – глубокие, с перегибом и закругленным вовнутрь утолщенным краем; H1:D=34%, H1:H=31%. Распространены повсеместно, начиная с домонгольского периода; на одном из сосудов из Болгара граффити "ветка" (рис. 84, *18*). *Тип 3* (рис. 84, *21–24*) – с округлыми боками, отогнутым острым (рис. 84, *21, 22*) и загнутым вовнутрь круглым (рис. 84, *23, 24*) краем; H:D=33–34%, H1:H=12,5–20%; отделаны резными линиями, гребенкой, фасками. Встречаются повсеместно.

Блюда (рис. 84, *1–15*) представлены тремя традиционными (1–3) и двумя новыми (4–5) типами. *Тип 1* (рис. 84, *1, 5*) – мелкие и широкие, с утолщенным краем; H:D=28–33%, H1:H=12–44%. *Тип 2* (рис. 84, *6–8*) – глубокие, с загнутым вовнутрь верхом и отогнутым острым краем; H:D=33–54%, H1:H=18–34%. *Тип 3* (рис. 84, *2–4*) – глубокие, округлые, с прямоугольным или круглым краем; H:D=47%, H1:H=0%. Известны по находкам на Русско-Урматском селище. *Тип 4* (рис. 84, *9–11*) – небольшие столовые сосуды типа тагоры с коническим туловом, широкими дном и подпрямоугольным значительно отогнутым краем; H:D=42%, H1:H=23%; в отделке – перекрестное или полосчатое лощение, а по дну иногда растительный (цветочный) узор. Встречаются изредка в поздних слоях Русского Урмата и Болгара. Однако эти формы известны еще среди посуды XXI группы домонгольского Биляра. В золотоордынское время тагораобразные продолжают развиваться в юго-восточных традициях. *Тип 5* (рис. 84, 12–15) – мелкие и глубокие толстостенные блюда с округлым туловом; двух подтипов: 5-А – с широким краем; H:D=42–85%, H1:H=23–30%; 5-Б – с очень толстым краем, H:D=21–38%, H1:H=11–16%; иногда с ручкой, отделанные волной аналогично сосудам XIX группы. Этот тип появляется в поздний период в Болгаре.

Чаши (рис. 85, *11–15*) – пяти типов, из них тип 1 – традиционный; исчезли – 2–7; новые модификации – 8–11, возобладавшие в результате развития традиций населения юго-восточных истоков. *Тип 1* (рис. 85, *11*) – стенки закруглены в нижней части, верх с наклоном вовнутрь, край утолщенный закругленный или приостренный, иногда со сливом; ручка крепится от края; H:D=39–70%, H1:H=42–65%; в отделке – резные линии, которые заменяются у поздних чаш глубокими рифами. Этот тип является наиболее распространенным с домонгольского времени. *Тип 8* (рис. 85, *13*) – стенки с более выраженным сломом в нижней части, верх с наклоном вовнутрь, край приостренный, ручка возвышается над краем, H:D=36–52%, H1:H=23–45%; в отделке – наколы, изредка каннелюры, фаски, перекрестное лощение. Чаши этого типа имеют уже характерные черты булгарской позднезолотоордынской посуды, сложившейся в традициях чаш юго-восточных истоков. Встречаются на большинстве крупных поселений. *Тип 9* (рис. 85, *14*) – стенки с выраженным сломом в нижней части и открытым верхом, закругленным краем, кольцевым поддоном, H:D=42–58%, H1:H=50–67%; в отделке – различные ямочные вдавления или широкая волна (подобно узору XIX группы.). Распространяется в позднезолотоордынский период в Болгаре и Камаеве. *Тип 10* (рис. 85, *12*) – острое ребро посередине, верх с наклоном вовнутрь, край утолщенный и

отогнутый, иногда со сливом, H:D=50–61%, H1:H=35–50%; без орнамента, но с лощением. Этот редкий тип встречен в раннем и позднезолото-ордынском слое Болгара. *Тип 11* (рис. 85, *15*) – округлые глубокие чаши с ручкой несколько ниже края, приостренным со скосом вовнутрь краем, H:D=37–67%, H1:H=42–50%; украшенные тонкими резными линиями и острой волной. Наиболее распространены в раннезолотоордынском слое Русско-Урматского селища. Морфологически близки чашевидным IX группы [452, рис. 44, *12–13*].

Чашки (рис. 85, *35–45*) – девяти типов, из них 8–9 – новые, редкой формы. *Тип 1* (рис. 85, *35, 36, 38*) – округлое тулово, верх с наклоном вовнутрь, край утолщенный и скошенный, ручка крепится от края или несколько ниже, иногда с "пуговкой", H:D=54–69%, H1:H=47–56%; в отделке – резные линии (как у чаш типа 5). *Тип 2* (рис.85, *37*) – округло-продолговатое тулово, сильно скошенный вовнутрь край, ручка крепится от края, H:D=53–100%, H1:H=37,5–55%; в отделке – линейный и волнистый узор. Продолжает традиции чашек IX группы [451, рис. 44, *19*]. *Тип 3* (рис. 85, *40*) – зауженное вверх тулово, утолщенный и скошенный вовнутрь край, ручка крепится несколько ниже края, H:D=59–75%, H1:H=62–67%; отделка аналогична чашкам типа 1. *Тип 4* (рис. 85, *39*) – биконическое тулово с выделенным широким верхом, скошенный вовнутрь или приостренный край, H:D=39–51%, H1:H=18–53%; без орнамента или с резными линиями. *Тип 5* (рис. 85, *41*) – цилиндрическое тулово со сломом ниже середины, приостренный утоньшенный край; H:D=52–66%, H1:H=48–62%. *Тип 6* (рис. 85, *42*) – стенки с перегибом в придонной части, край широкий приостренный, H:D=47%, H1:H=46%; в отделке – фаски. *Тип 7* (рис. 85, *45*) – широкие биконическое тулово и дно, верх раструбом, приостренный венчик; H:D=98%, H1:H=27%. *Тип 8* (рис. 85, *44*) – глубокое слабо округлое тулово, край приостренный; H:D=64–67%, H1:H=56–64%. *Тип 9* (рис. 85, *43*) – низкие и широкие мискообразной формы чашечки; H:D=30–50%, H1:H=32–37%.

Итак, большинство типов чашек продолжают домонгольские традиции форм юго-восточных истоков. Так, типы 1 и 3 происходят из раннезолотоордынского слоя Русско-Урматского селища. В поздних слоях Болгара и других памятников распространены типы 7 и 9, а остальные – в течение всего периода.

Пиалы (рис. 86, *8, 9, 15*) – двух традиционных типов. *Тип 1* (рис. 86, *8, 9*) – округлые, с "гофрированными" стенками, утолщенным краем и выделенным поддоном; H:D=32%, H1:H=6,4%. *Тип 2* (рис. 86,*15*) – округлые, с утоньшенным краем и кольцевым поддоном; H:D=47%, H1:H=20%; в отделке – солярная композиция, выполненная глубоким лощением.

3. Изделия специального назначения и редкие формы

Светильники (рис. 85, *16–29*) – семи типов. *Тип 1* (рис. 85, *16, 17, 27*) – плошки с носиком традиционной домонгольской формы хорезмийских истоков, однако уме не столь массовые; H:D=32–37%, H1:H=23–46%. *Тип 2* (рис. 85, *22, 25*) – приземистые плошки (H:D=29–36%, H1:H=42–46%), отделанные фестончатой или мелкой волной. Форма и отделка присущи посуде XIX группы. Распространен только в Болгаре в связи с появлением здесь ремесленников из Хорезма – носителей XIX группы. *Тип 3* (рис. 85, *19*) – аналогичны типу 1, но с заметным перегибом стенок; H:D=30%, H1:H=43%; украшены резными линиями и ямочными и клиновидными вдавлениями. Такой же декор и "сухая" передача формы свойственны посуде XXI группы, а также ее производным в I группе булгарской посуды. *Тип 4* (рис. 85, *26, 28, 29*) – глубокие, с кольцевым поддоном, держателем фитиля в центре и боковым отверстием; H:D=55%, H1:H=19%. Среди позднезолотоордынских экземпляров Болгара встречаются более высокие сосуды с конусовидной выемкой днища. Вероятна их морфологическая связь с домонгольскими светильниками-триподами Биляра с небольшим подцилиндрическим выступом (рис. 37, *27*). Эта редкая в домонгольское время форма встречается в данный период довольно часто наряду с типами 1–2. *Тип* 5 (рис. 85, *21*) – плошка с зауженным верхом с вертикальной узкой горловиной; украшенная поясами из отпечатков гребенки и резных линий. Найдена в гончарной мастерской Русско-Урматского селища конца XIV – начала XV в. [404]. Аналоги ей неизвестны. *Тип 6*

(рис. 85, *23*) – приземистое кубышкообразное тулово с узкой горловиной, красноглиняные, без лощения; H: D=64%, H1:H=28%. Светильники этого типа из Болгара и Казани появились в конце золотоордынского периода, возможно, под влиянием русских лампад. *Тип 7* (рис. 85, *18*) – в виде цилиндрического стакана с расплющенным широким дном с закраинами; D3=3,7 см, H0=5,1 см. Этот лепной без лощения экземпляр происходит из Русского Урмата.

Сковороды (рис. 86, *2*) известны в обломках (2 экз.) из Болгара; это низкие, с поднятыми вверх краями, толстостенные, нелощеные сосуды, которые выполнены в традициях сковород II группы домонгольского периода.

Котлы общебулгарского теста (рис. 82, *7–9*) в данный период известны в единичных экземплярах в раннезолотоордынском слое Русско-Урматского селища. Они повторяют формы котлов типов 1–2 XXI группы (рис. 61, *9–13*). В Болгаре и Русском Урмате в позднезолотоордынское время бытуют более широко котлы XVIII и XIX групп.

Сфероконусы (рис. 87, *1–10*) – трех типов. *Тип 1* (рис. 87, *1, 6, 9*) – округлое коническое тело, покатые плечики, широкая круглая головка, слегка нависающая над шейкой, H:D=100–112%, H1:H=29–36%, черепок ярко-красный; полосчатое лощение у ранних экземпляров, реже каннелюры по плечику; один из сфероконусов отделан глубокими фасками (рис. 87, *6*); некоторые поздние экземпляры украшены штампованным узором по тулову. Преобладают в раннезолотоордынское время и продолжают развитие привозных сероглиняных сфероконусов из Биляра (рис.39,15,16). *Тип 2* (рис. 87, *2, 3*) – длинное коническое тулово, узкая усеченно-коническая головка; H:D=125–134%, H1:H=30–37%. Этот редкий тип – чаще без лощения (ранние экземпляры) или же с лощением в виде узких полос (поздние). *Тип 3* (рис. 87, *4*) – короткое подтреугольное тулово со сплющенными боками, высокая конусовидная головка, H:D=78–100%, H1:H=19–32%, буро-серые – в ранний период и красновато-коричневые – в поздний, без лощения или с вертикальным лощением. Этот тип также распространен в Болгаре (14 экз.). На поздних экземплярам часто нанесен знак-граффити "гусиная лапка" (около 30 экз.). Редкие экземпляры из Болгара отделаны штампованным орнаментом (рис. 87, *5, 7, 8*). Из Биляра происходит редкая форма красноглиняного сфероконуса в виде рыбы (рис. 87,*10*). Отделка его длинными насечками и штампованным узором из ромбиков традиционна для золотоордынского периода. Сфероконусы всех трех типов имеют параллели в нижневолжских центрах Золотой Орды [487, табл. 51–52].

Стаканы-туваки (рис. 86, *10–14*; 18 экз.) – двух типов. *Тип 1* (рис. 86, *12, 13*) – коническое тулово, край раструбом, с приплухлым венчиком; H:D=113–150%, H1:H=12–17, 35%. *Тип 2* (рис. 86, *10, 11, 14*) – бочонкообразное тулово, край широкий раструбом, у позднезолотоордынских экземпляров с почти горизонтальным отворотом, венчик уголщенный, на дне сохраняется след среза нитью. Тип 2 (рис.86,10,11,14; 28 экз.) – H:D=80–87% (у ранних) и 73–93–120% (у поздних), H1:H=30–26–27–20–17–27% (от ранних к поздним).

Крышки представлены тремя традиционными типами (рис. 87, *16–24*). *Тип 1* – крупные, в тесте двух традиционных подтипов растительные добавки; встречаются изредка в раннезолотоордынское время. *Тип 2* – маленькие, с небольшой пуговкообразной ручкой и раздвоенным краем; двух подтипов: 2-А (рис. 87, 17, 20) – с низкой закраиной, D=9,5, 12–13, 13, 14, 15,5, 16, 16,5, 18, 19 см; наиболее многочисленный среди крышек; встречается на протяжении всего периода; 2-Б (рис,87, 16, 21, 22) – с высокой закраиной, D=7, 13, 14, 19 см, ручка в виде конического выступа; встречаются в позднезолотоордынских слоях Болгара, Русского Урмата и других памятников. *Тип 3* (рис. 87, 18, 19) – без закраин, с приостренным коническим (П=11–12 см), притупленным плоским (D=11–12 см), загнутым вверх (D=16 см) и вниз (D=5,4 см) краем. Этот тип также характерен для позднезолотоордынского времени,

Тазы-тастары (рис. 86, *4–7*) из Болгара (3 экз.) и Ага-Базара (5 экз.) состоят из крышки (низкое тулово с округлыми стенками и широким краем, отделанное перекрестным лощением и валиками с пальцевыми вмятинами) и сосуда (глубокое ко-

ническое тулово с широким краем). Края с выступами и пазами совмещаются, т.е. они использовались вместе, судя по диаметрам нижней части (около 40 см), вставлялись в отверстия очагов типа тандыров и служили для приготовления и подачи пищи (мяса, плова?). Их использование в качестве индивидуальных столиков – дастарханов представляется маловероятным из-за массивности. В этом качестве, вероятно, предпочитались деревянные столики. Тазы-тастары, судя по формам и отделке, восприняты из Средней Азии [44, рис. 2, *13–21*; 69, рис. 38; 77, рис. 44, *46–53*; 170, с. 406; 174, рис. 6, *1, 2*]. Близкое оформление и отделка перекрестным лощением есть в Отраре XII–XIII вв. на керамических закраинах тандыров [493, рис. 61, *12*], что также косвенно может указывать на связь сосудов из Болгара и Ага-Базара с очагами.

Калыбы (рис. 86, *1, 3*) – чашевидные формы – встречаются в слоях Болгара и повторяют в декоре традиции калыбов XIII–XIV вв. из Отрара [12, рис. 62–63].

Копилки (рис. 87, *11–13*) – с подшаровидным туловом, тупым коническим верхом с отверстием сбоку, уплощенным дном (19 экз.). Копилки из домонгольского слоя Болгара – серого цвета, золотоордынского – красного и буро-красного, без лощения. Одна из них – с выделенной придонной частью и двумя глубокими широкими каннелюрами. Близкие формы известны в Отраре XIII–XV вв. [12, рис. 60, *5*], где они найдены в гончарных мастерских вместе с обломками калыбов, также аналогичных болгарским С 12, с. 162].

Среди изделий гончаров Болгара и Русского Урмата есть в этот период *свистульки* и *погремушки* (рис. 88, *10, 17*).

Чернильницы (рис. 85, *30–34*; 8 экз.) – трех типов – продолжают традиции домонгольских. *Тип 1* (рис. 85, *31, 33*) – с приземистым туловом, невысокой горловиной, приостренным наружу краем; в отделке – продолговатые насечки и резные линии, зеленая полива. Происходят из окрестностей Биляра (3 экз.) и близки домонгольским образцам с этого памятника [275, рис. 4, *8*]. *Тип 2* (рис. 85, *30*) – экземпляр с Чаллынского городища – с раздутым посередине туловом, высокой зауженной горловиной и отверстием для подвешивания; отделан насечками аналогично типу 1. *Тип 3* (рис. 85, *32, 34*) – с биконическим туловом, отогнутым приостренным краем; экземпляры из Болгара и Русско-Урматского селища – красно-коричневого цвета, отделаны лощением; последний, кроме того, украшен резными линиями по верху тулова.

К редким формам относятся триподы, сосуды с фигурными украшениями.

Сосуды типа триподов с фигурными ручками (рис. 85, *20*; 3 экз.) встречены в раннезолотоордынский период на Чаллынском и Болгарском городищах. Они имеют традиционную деталь – ручку в виде петушиной головы или выступ, имитирующий подобную ручку.

Курильницы-триподы представлены целой формой из Болгара (рис. 88, *18*) и обломками из Русского Урмата и Чаллынского городища (рис. 88, *11–13*). Болгарский экземпляр, как и билярские, отделан отпечатками гребенки по уплощенному верхнему краю в виде вихревой розетки; лощение покрывает всю чашу частыми горизонтальными полосами.

Сосуды кружкообразной формы с ручками в виде стилизованной фигуры медведя (4 экз.) встречены в слоях второй половины XIII в. Русско-Урматского селища и середины XIV в. Болгара. Фигурка медведя из Русского Урмата (рис. 88, *2*) близка домонгольским из Биляра [228, рис. 1–4], но выполнена в абстрактной манере и грубее. Аналогичную отделку ручки (клиновидные вдавления по спинке) имеет кружка с молоточкообразным выступом из Русско-Урматского селища (рис. 88, *1*). Две ручки в виде медведей (рис. 88, *8*) – с черепком красного цвета, заметной примесью песка, зеленой поливой на одной из них, выполненные в схематичной манере – найдены в Болгаре в дренажно-ряжевой системе XIV в. и бане середины этого же столетия. Еще одна подобная ручка найдена на Камаевском городище (рис. 88, *3*) в яме, связанной с ремесленным производством. Черепок у нее также красного цвета и покрыт двумя тонами поливы: желтым – основной фон фигурки, а болотным выделены глаза, нос и пятна на морде.

Ручки с ушкообразными налепами (рис. 88, *7*) от кувшинов (2 экз.) найдены в Болгаре, в дренажно-ряжевой системе. Тра-

диция изготовления сосудов с аналогичными ручками, вероятно, заимствована в Средней Азии, в частности, ручки с желобком.

Среди фигурных деталей посуды из Болгара, вновь обнаруженных в дренажно-ряжевой системе, нужно отметить *птичью головку* (рис. *88*, *4*). У нее серый черепок, рельефом выделены глаза, оперение, клюв; надбровные дуги; покрыта зеленоватой поливой.

Многочисленные сосуды с *сосцевидными и пуговковидными надепами* (рис. *88*, *1*, *6*, *9*, *15*) встречены в ранне- и позднезолотоордынских слоях булгарских памятников. Несколько меньше зафиксировано их в середине этого периода.

Ручки с желобком по спинке (рис. *88*, *5*) от кувшинов, свойственных посуде кыпчаков (рис. 60, *11*, *20*), встречаются в позднезолотоордынских памятниках.

Итак, во второй половине XIII – XIV в. наряду с преобладающей I группой керамики бытуют VI, VII, XVIII – финно-угорские прикамско-приуральские, XVI – поволжская финно-угорская (марийско-чувашская), XIV – древнерусская, XIII – тюркская джукетауская юго-восточных истоков, XIX – тюркская хорезмийских истоков, XVII – тюрко-угорская суварская, XX – финно-русская, принадлежавшая отчасти тюркизированному населению Золотой Орды, XXII – поволжско-финская. Новыми для исследуемого времени являются XVIII, XIX, XX и XXII группы.

Генезис общебулгарской керамики данного периода характеризуется следующими тенденциями. После монгольского нашествия до конца XIII в. в керамике преобладают признаки, сложившиеся во второй половине домонгольского периода, однако при более низком качестве изготовления. Новым явлением в этот промежуток времени является усиление влияния на формирование местных форм и орнамента керамики традиционных групп, состав которых на каждом памятнике был своеобразен.

С рубежа XIII–XIV вв. в крупных центрах (Болгар, Биляр – Билярское 3 селище, Русско-Урматское) появляются массовые керамические серии высокого качества и стандартных форм. Часть из них близка продукции золотоордынских городов Нижнего Поволжья. При стандартизации "суше" и рациональнее становится отделка посуды: редкими являются или исчезают совсем зооморфные детали, фаски, каннелюры, перекрестное лощение, "вьющийся побег" и другие виды традиционного для булгар декора. На смену им в первой половине XIV в. приходят: крупное рифление, имитирующее оформление металлических форм, линейно-волнистый узор, отпечатки мелкой и крупной гребенки и разного рода наколы, характерные и для отделки классической неполивной керамики Золотой Орды. Эти приемы, свойственные посуде ранних кыпчаков Казахстана, придают кипчакизированный облик и керамике Волжской Булгарии. Однако именно в первой половине XIV в. происходит расцвет гончарного производства в Болгаре, являвшегося некоторое время "золотым троном" Джучидов и одним из крупных городов Золотой Орды. Политическое положение, способствовавшее развитию ремесел, включение новых этнических компонентов, влияние обширных торговых связей со Средней Азией, Кавказом, Крымом и другими странами наложили заметный отпечаток на культуру этого центра.

Таким образом, тенденции к стандартизации и кипчакизации проявились в керамике Болгара раньше и сильнее, чем в других городах Волжской Булгарии.

Во второй половине и особенно в конце XIV в. понижается качество посуды. С углублением процесса взаимодействия разных традиций в последней четверти этого века появляется новая тенденция в развитии булгаро-татарской посуды, выразившаяся в реминисценциях архаичных форм, некоторой активизации традиционных булгарских приемов отделки (перекрестное лощение, глубокие каннелюры, "вьющийся побег" и т. д.). Эти приемы часто используются в оформлении столовых форм юго-восточных истоков. В формах и орнаментике булгарской посуды происходит дальнейшее слияние традиций финно-угорского, болгаро-салтовского и огузо-кыпчакского происхождения.

Наиболее многочисленная из традиционных групп – XIII – становится более разнообразной по технологическим, морфологическим и декоративным признакам. Орнамент и форма

ее обогатились особенно под влиянием XVIII и VII групп. Широкое распространение в Закамье и Предкамье и отчасти в Предволжье (Сюкеевское городище) сопровождается воздействием этой посуды как на общебулгарскую, так и на XVIII и XIX группы, а также на внешний облик XX группы. Складываются новые типы булгаро-татарской посуды в традициях носителей керамики группы "джукетау". Сокращение керамики XIII группы к концу XIV в. свидетельствует, вероятно, об ассимиляции булгар-сакетимов другими группами населения и, главным образом, участии в формировании булгаро-татарского этноса (I группа керамики).

VI группа – древнеудмуртская прикамских истоков – становится в золотоордынский период более представительной и выразительной. Если в X–XI вв. керамика подгруппы VI–1 встречалась в единичных фрагментах в Болгаре, Биляре и в некоторых памятниках Восточного Закамья, то с освоением Предкамья в золотоордынскую эпоху древнеудмуртская посуда (особенно подгруппы VI–2 – с растительной примесью, чашевидных форм, сылвенских истоков) выделяется здесь заметной группой. В Предкамье она соседствует с I, XIII и VII группами, а также связана с аналогичной керамикой южных районов Удмуртии.

VII группа – угорская приуральских истоков – в этот период менее представительна и выразительна: тесто становится более запесоченным, деградируют формы и декор. Она сближается с посудой т.н. чияликского типа восточных районов Закамья. Полное изживание ее в Предкамье и Закамье к концу XIV в. свидетельствует о тюркизации этого угорского населения и, в частности, под воздействием носителей XXI и XIII групп.

XIV группа – древнерусская, двух подгрупп – наиболее представительна в золотоордынскую эпоху в Болгаре и Сюкееве. Кроме того, в незначительном количестве она известна и на ряде поселений Нижнего Прикамья. Керамика подгруппы XIV–1 делалась русскими гончарами, а подгруппы XIV–2 – местными, в соответствии со вкусами русского населения, или же русскими гончарами, усвоившими местную технологию.

XVI группа – поволжская финно-угорская, т.н. славяноидная – особенно заметна на поволжских поселениях и в Закамье, где она соседствует с I, XIII, XIV, XVIII, XIX, XX группами и испытывает влияние некоторых из них (XIV, XX).

XVII группа – тюрко-угорская, "суварская" – наиболее полно фиксируется в Болгаре. Заметно воздействие на ее формы не только традиций кушнаренковско-караякуповской керамики (возможно, происходившее ранее через VIII группу), но и XVI, сказавшееся в оформлении придонной части, желобке на венчике и низком широком тулове с блоковидной горловиной. Сокращение керамики XVII группы в золотоордынский период связано, вероятно, с ассимиляционными процессами в Волжской Булгарии, требующими специального изучения. Признаки этой группы (орнамент "змейка", резные линии) присущи в данный период сероглиняной и бурой посуде Чебоксар.

XVIII группа, связанная с Пермским Прикамьем – в заметном количестве представлена в Болгаре и присутствует на ряде других волго-камских поселений (чашевидные приземистые горшки и котлы с округлым дном, примесью раковины, песка, известняка, гребенчато-елочным орнаментом). Ее активные контакты с XIII группой выразились в появлении (особенно заметно в конце XIV в.) в керамике последней группы приземистых чаш, "рогатых" ручек, орнамента из крупной гребенки и ряда своеобразных форм (котлов, корчаг, сковородообразных сосудов), указывающих на тюркизацию носителей этой керамики.

XIX группа, связанная с ремесленниками и купцами хорезмийского происхождения в Болгаре, контактирует с XIII, XVIII и XXI группами, что проявилось в создании приземистых чашевидных и округло-горшковид-ных форм и восприятии орнамента группы "джукетау". Эта посуда обнаруживает также технологическую связь с группой котловидных сосудов Муромского городка домонгольского времени [87]. Разнообразие форм, своеобразие техники изготовления как круглодонной, так и плоскодонной посуды, восприятие традиций соседствующих групп тюркского населения свидетельствуют о врастании носителей XIX группы в булгарскую среду.

XX группа – примитивно-круговая, горшковидная, с шероховатым мелкопесочным черепком и орнаментом в виде

волны (джукетау), многочисленная в этот период в Болгаре, Сюкееве, а также в Предкамье – несет черты древнерусской (XIV), поволжской финно-угорской (XVI) и тюркской (XIII), однако вклад традиций этих групп взаимосвязан с географией памятников: В Болгаре и Сюкееве заметнее воздействие XIV и XVI групп, а в Русском Урмате – XIII (орнамент) и I (в обжиге). Керамика этой группы имеет сходство с посудой русских пленных на нижневолжских поселениях Золотой Орды, отличаясь лишь качеством теста и обжига.

XXI группа – кыпчакская – продолжает бытовать в небольшом количестве в центральных и восточных районах Закамья, а также в Предкамье. Керамика золотоордынского периода менее разнообразна по формам, чем домонгольская. Она имеет более архаичный облик, чем керамика домонгольского Биляра. Городища Камаевское, Чаллынское, Джукетауское, Болгарское – основные памятники, где она заметна в данный период. Наиболее ощутимо в ней воздействие VII и VIII групп керамики, связанных с населением Башкирского Приуралья. Несомненно, что она пополнялась новыми инкорпорантами из башкиро-кыпчакских групп населения Закамья.

XXII группа – поволжско-финская – примитивно-круговые с бугристой поверхностью и грубыми примесями плоскодонные банки, горшки, миски и чашки, почти без орнамента. Морфологический состав этой группы посуды отражает традиции разных этнических групп финно-угров Среднего Поволжья.

В золотоордынский период в связи с изменением состава населения формирование булгаро-татарской керамики продолжается в более сложной форме в контакте групп тюркского, финно-угорского, отчасти древнерусского населения с заметным воздействием кипчакизированной синкретичной культуры Золотой Орды.

ГЛАВА 3

ЗНАКИ НА КЕРАМИКЕ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

К настоящему времени в результате археологических исследований памятников Волжской Булгарии собран значительный фонд знаков-клейм и граффити, охватывающий период от VIII в. до начала XV в. Их накопление стало особенно активным в 60–80-е гг. в связи с раскопками в Биляре и Русском Урмате. В предшествующие годы основная масса знаков происходила из Болгара и его округи [454, рис. 18–18а; 379, рис. 3–4; 441, рис. 47, 5] и число их было сравнительно невелико. Последнее является, по-видимому, причиной того, что в специальных работах О.С. Хованской и Т.А. Хлебниковой [454; 441] знаки на керамике не получили достаточного освещения. Систематизация и этническая интерпретация знаков как домонгольского, так и золотоордынского периодов стали возможными лишь в последние десятилетия XX в. [339; 234; 236; 239; 430; 230; 231; 504–505; 507; 511].

В осмыслении клейм и граффити на булгарской посуде большое значение имеют работы по знакам и тамгам Древней Руси [349; 392; 344; 65], Золотой Орды [339; 128], сармат [292; 363; 364; 144], алан [43; 293], Хазарского каганата [22; 472; 256; 322; 324; 330; 412; 62; 314; 306–309; 52], античного и средневекового Крыма и Прикубанья [221; 13; 411; 477; 479; 138; 386; 415; 363–366; 346; 470; 471; 134; 66], Дунайской Болгарии [32; 143; 313; 276], средневековых Дагестана [279; 280], Казахстана [315; 266; 519] и Монголии [483; 75], горцев Кавказа [410; 334; 245], башкир [41; 42; 250; 254; 522], чувашей [362; 207; 208], татар [362; 339], мордвы [362; 283;

284; 339], мари [291; 484], удмуртов [93; 67], а также народов Сибири XVII в. [358; 499] и т.д. Важную роль в изучении знаков тюркских народов сыграли успехи в исследовании древнетюркской письменности [482; 277; 82–83; 259–262].

Распространение знаков и тамг у многих народов мира на определенной ступени социально-экономического развития и сложность их толкования привели к множеству точек зрения о назначении знаков [339, с. 165–172]. Вслед за М.Д. Полубояриновой, предпринявшей попытку этнической интерпретации знаков на керамике Золотой Орды [339], автор привлекает клейма и граффити как один из источников изучения этнического состава населения Волжской Булгарии и преемственности культуры домонгольского и золотоордынского периодов.

В изучении знаков на керамике как тамг я опиралась на работы Г.В. Юсупова и Г.М. Хисамутдинова в области этногенеза и общественного строя Волжской Булгарии. Исследование булгаро-татарской эпиграфики и топонимики [473–474] и пережитков общественного строя татар Среднего Поволжья [388, с. 195–215] привело их к выводам о том, что 1) в условиях оседлости основного населения сохраняются названия родоплеменной структуры эпохи военной демократии, таких архаичных, как род, племя, народ; 2) расселение кровнородственной общины-джиенаносило патронимический характер; в состав такой общины входило до 10 селений, группирующихся вокруг феодальных замков-усадеб; 3) патронимический характер семейно-родовых тамг сохраняется у казанских татар до 20-х гг. XX в. [474, с. 217–231; 388, с. 195–203, 211–215]. Важным является также исследование А.Ф. Кочкиной клейм Билярского городища [234], которое подтвердило наблюдение о том, что знаки на посуде являлись семейно-родовыми знаками-тамгами и принадлежали не только гончарам, но и более широкому кругу лиц.

В работе рассматриваются 809 знаков – 542 клейма и 267 граффити, полностью сохранивших свою графику. К сожалению, в сводку не включено свыше 200 частично сохранившихся знаков из Биляра, Болгара и Ага-Базара. Подавляющее

большинство клейм (более 500 экз.) относится к домонгольскому периоду, главным образом из Биляра. Из них более 80 экз. известны по публикациям керамики Танкеевского [188, рис. 1; 2–5], Больше-Тарханского [113, табл. 1, 6] и Кайбельского [501] могильников, Болгарского, Суварского, Хулашского [210, рис. 28], Муромского [234, рис. 5; 84, с. 191–192], Алексеевского городищ, Кайбельского, Рождественского [441, рис. 4, 7], Больше-Янгильдинского, Таутовского селищ [212, с. 146, 150]. К золотоордынскому периоду относятся 135 знаков, из них 88 из Болгара и Ага-Базара. Часть граффити опубликовал К.А. Смирнов [179, рис. 3–4], однако наиболее полно представлены и интерпретированы эти знаки М.Д. Полубояриновой [339, с. 165–212]. Кроме того, 39 знаков, преимущественно клейма, получены из раскопок Русско-Урматского селища, 3 – Чаллынского городища, 2 – Больше-Тоябинского городища и по 1 экз. – Камаевского городища, Тямтинского и Полянского селищ. В качестве сравнительного материала привлекаются знаки на сфероконусах, привезенных в Биляр из Двина и Ани [428, табл. 6]. Среди последних имеются знаки, идентичные или близкие клеймам на билярской посуде. Г.В. Юсупов [473, с. 43] и Р.М. Джанполодян [140, с. 21] считают, что они являлись родовыми знаками покупателя.

При систематизации знаков я основывалась на принципах классификации, предложенных А.Ф. Кочкиной при изучении клейм Билярского городища [234], изменив, однако, последовательность описания и группировку некоторых знаков согласно задачам изложения и отказавшись от построения эволюционных рядов из разновидностей того или иного знака, поскольку нет объективных данных для подобной процедуры. В работе выделено 57 групп (рис. 106–107), из них знаки 38 групп известны в домонгольский период и 23 – в золотоордынский. Они объединяют 240 типов знаков (рис. 105–106). Описание групп ведется от наиболее многочисленных к редким. Нумерация знаков на рис.106 отражает номенклатуру типов.

Знак "А" (рис. 106, *1–39*), напоминающий кириллическую букву, является наиболее многочисленной (41,5%) и вариа-

бельной группой (39 типов). В домонгольский период наиболее распространен в Биляре (51,1%), в золотоордынский – в Русском Урмате (60%). Несколько экземпляров известны в Болгаре, Суваре, Хулаше, а также в Кайбельском, Рождественском и Больше-Янгильдинском селищах [441, с. 152, рис. 47; 212, с. 141]. Целых клейм известно около 336, из них шесть в сочетании с другими знаками.

Наиболее ранним прототипом клейма "А" является знак (рис. 106, *1*) на кружке Больше-Тарханского могильника [113, табл. 6, 7]. Близкие знаки имеются на керамике салтово-маяцкой культуры в Саркеле [322, рис. 25, *3*], Маяцком городище [412, с. 96; 413, рис. 22, X] и позднее – в Юго-Восточном Крыму [415, с. 140; 479, рис. 42, *1–2*]. Подобный же знак выполнен на кружке из Маяцкого могильника, который датируется В.С. Флеровым второй половиной VIII – первой половиной X в. (т.е. позднее Больше-Тарханского) и связывается с верхнедонской группой алан [413, с. 197]. Большетарханский знак отличается от салтово-маяцких тем, что заключен в круг.

Среди клейм Больше-Тарханского могильника есть еще четыре знака других групп, которые заключены в круг или двойной крут со "спицами" [113, табл. 3, *2*, 14, *12*, 5, *6*]. Подобный знак известен также в Танкеевском могильнике [188, рис.1, *2*]. Техника их нанесения отличается тем, что эти знаки выполнены с металлических матриц – зеркал аланского образца [113, табл.14, *16*]. Форма клейм и техника их нанесения свидетельствуют об алано-сарматском происхождении [292, табл.16, 17, *4*, *6*, *7*, с. 83]. Учитывая, что столовая посуда Больше-Тарханского могильника имеет характерные черты аланской посуды (серый цвет, формы, декор, специфичные клейма на днищах), согласно исследованиям М.П. Абрамовой и М.Г. Магомедова [5, с. 138–139], нужно связывать эту группу керамики с берсилами*.

* Раскопки могильников и поселений в приморской части Дагестана свидетельствуют о включении тюркского компонента в среду кавказского населения уже со II-III вв. М.Г. Магомедов увязывает его с ранними берсилами, выступающими в сообщениях античных авторов как одна из групп скифов, а затем сармат [271-272].

Знаки в виде кругов не получили распространения в домонгольской посуде булгар. В Биляре встречено лишь несколько сильно фрагментированных клейм, выполненных обычным отпечатком деревянной матрицы [234, рис. 2].

В связи с сармато-аланским происхождением кругообразных клейм у ранних булгар особый интерес вызывают А-образные знаки из Биляра с закругленными концами (рис. 106, *22–30*). Графике этих клейм, выполненных с деревянных матриц, не свойственны округлые формы [234, с. 71]. Аналогичные знаки можно видеть у сармат Северного Причерноморья [144, табл. 39, *391–392*]. Появление у ранних булгар А-образного знака в круге связано, вероятно, с аланским компонентом. А-образный знак в круге с Т-образным навершием изображен как монограмма на монете боспорского правителя Рескупорида II (63–93 гг.) [19, рис. 2, 5]. Начиная с рубежа I–II вв. на монетах Боспора знаки пишутся с округлыми очертаниями.

Таким образом, билярские знаки продолжают традиции сарматского времени. А.П. Смирнов, опираясь на сведения армянских хроник [373, с. 9], вероятно, был прав, когда включал болгар до IV в. в состав сармато-аланских племен. Заключение в круг А-образного знака может указывать по аналогии со знаками боспорских царей, Рюриковичей и других династий на его особый статут у булгар.

Разнообразное сочетание знака "А" в раннебулгарский период с другими – самостоятельно существующими – знаками, например, в виде круга (тип 1), ветки (тип 37), прямоугольного треугольника (тип 38), Т-образного знака, расположенного под перекладиной знака "А" (типы 3, 6, 39), указывает на главенствующее положение этой тамги. Аналогичный знак на сосуде из Саркела с навершием в виде "головы" и в сочетании с двумя другими знаками также занимает центральное положение в надписи. Примечательно, что клеймо в виде буквы "А" с навершием в виде "головы" имеется в Русском Урмате и датируется началом золотоордынского периода (тип 19). Особый интерес вызывает кружечка из Болгара, поверхность которой покрыта знаками, вырезанными по глине, и среди них А-образный знак (рис. 111). Обращает также на себя внимание

архаичность отделки некоторых кувшинов из Биляра с этим клеймом, а именно: полосчатое лощение и горизонтальные каннелюры (рис. 27, *1*, 28, *3*).

Любопытен вариант этого клейма в виде кириллической буквы "А", встреченный на сосудах Биляра в слоях X в. и в предмонгольском (тип 4). В Русском Урмате известны 23 аналогичных знака (рис. 107), из них 21 относится к началу золотоордынского периода (вторая половина XIII в.), два – из слоя XIV в. Кроме того, такое же клеймо имеется на кувшине с Камаевского городища, вероятно, из слоя первой половины XV в. Всего в Русском Урмате и Камаеве насчитывается 10 разновидностей А-образного знака. Все они повторяют известные билярские клейма (рис. 106). Преобладание этого знака в Русском Урмате (23 из 40 экз.), как и в Биляре, свидетельствует, возможно, о преемственности их основного населения. Распространение клейма правящего рода на Русско-Урматском селище могло произойти после разрушения Биляра монголами в начале XIII в.

На принадлежность А-образного клейма правящему роду Волжской Булгарии указывают знаки на монете, чеканенной в Булгаре в 946 г. [481, с. 192, табл. 5, *6*; 414, с. 187–198], на пломбе-печати из Болгара [199, рис. 7], на княжеском парадном топорике из Биляра (ГИМ, № 34213), на серебряных браслетах, а также на навершиях богатых эпитафий из Закозанья [79, с. 140].

В основе этого знака, вероятно, лежит буква рунического орхоно-енисейского письма – "х", соответствующая букве "б ", которая обозначалась иногда в виде ромба с двумя отростками внизу [207, с. 213]. Последний знак, по данным Р.Г. Кузеева, в качестве родовой тамги употреблялся родом волка (буре) в Юго-Восточной Башкирии [250, табл. 5]. Клеймо в виде ромба с отростками в других вариациях как самостоятельный знак существовало у булгар (тип 42). Согласно Рашид-ад-Дину, волк являлся тотемом каганского рода Ашина. В тюркоязычной среде сказания о царственном Белом Волке встречаются в фольклоре различных племен и народов: гуннов, алтайцев, хакасов, огузов, хазар, булгар, половцев. Есть они и у башкир

и татар [395, с. 15–31]. Л.Н. Гумилев приводит следующий перевод с монгольского имени Ашина: "Шоно-чин" – волк, а "А" – префикс уважения в китайском языке, что вместе означает "благородный волк" [132, с. 23].

Таким образом, знак "х" воспринимался булгарами, вероятно, как знак тотема-родоначальника, знак правящего, ведущего рода.

Знак ромб (типы 40–48) представлен в различных вариантах среди билярских клейм (13 экз.) и одним экземпляром из Русского Урмата (рис. 107), найденных в слоях XI – конца XIII вв. Близкие знаки, в основе которых ромб, известны на камнях Хумаринского [256, рис. 4, *1*] и Маяцкого городищ [306, с. 98–99, рис. 8, *108–118*], на керамике Дунайской Болгарии [322, рис. 32], Южного Казахстана (городище Шаушукум-тобе [266, рис. 51, 56]). Особенно много подобных тамг зафиксировано, по Р.Г. Кузееву, у племен Юго-Восточной Башкирии – роды волка (буре) и медведя (айыу) западных башкир и айлинцев. Острый ромб с ножками – тамга рода волка, подквадратный ромб с верхними отростками – рода медведя [250, табл. 5]. Ромбы на булгарских клеймах имеют острую и реже близкую к квадрату форму. Они отличаются от башкирских тамг лишь в деталях, в количестве и форме отростков. Вероятно, эти клейма отражают общую генетическую связь с башкирскими родами. Р.Г. Кузеев относит айлинских башкир к огузскому этническому миру на Сырдарье, но не исключает их связи с Семиречьем, Алтаем и Центральной Азией [250, с. 203–204].

Любопытно в этой связи клеймо X–XI вв. из Биляра в виде соединенных одним коленом остроугольного и подквадратного ромбов (тип 48). Графикой оно напоминает две стрелы: с тупым подквадратным и острым ромбическим наконечниками с соединенными под углом древками. Единственное клеймо, напоминающее тупоугольную стрелу из Русского Урмата (тип 47), датируется стратиграфически второй половиной XIII в. Возможно, это клеймо принадлежало булгарскому роду, связанному генетически с огузами. Аналогичной формы наконечники стрел известны у кыпчаков Казахстана [178, с. 62, рис. 3].

Знаки "ветка" или "дерево" (типы 51–68) являются более распространенными, чем предыдущий – 61 экз. (рис. 107). Датируются VIII–XIV вв., но чаще встречаются в слоях XI–XII вв., когда в Биляре бытовали 12 типов этого клейма (52–55, 59–65). Из них наиболее известный – знак типа 53 в виде ветки с двумя отростками с одной стороны. Однако наиболее ранний знак "ветка", выполненный в технике граффити и усложненный дополнительными параллельными линиями (тип 66), имеется на кувшинчике из Больше-Тарханского могильника [113, табл. 6, *2*]. Наиболее простой знак с одним ответвлением из Биляра (тип 51) присутствует в качестве тамги на монете Мумина-ибн-Ахмеда, чеканенной в Суваре в 976–977 гг. [ГИМ, № В-28115). А.А. Ковалевский предполагал, что этот знак, как и знак "А" на монете из Болгара, являлся тамгой основных булгарских племен – болгар и сувазов [481, с. 192].

Известные знаки золотоордынского периода, кроме одного из Камаева, – граффити. Знаки в виде елочки (типы 69, 72) имеются в Болгаре (2 экз.), Камаевском, Чаллынском городищах и Тямтинском селище (по 1 экз.), в виде ветки с одной или двумя параллельными линиями (типы 58, 67) – с Ага-Базара (3 экз.) и Русско-Урматского селища (6 экз.). Ареал этих знаков, по М.Д. Полубояриновой [339, с. 182–183], включает Кавказ, Крым, территорию салтово-маяцкой культуры; добавим к этому Южный Казахстан [266, рис. 53, *41*], Среднюю Азию [126, рис. 2, *27*; 381, рис. 6, *1*; 318, рис. 35, *30, 58*], Минусинскую котловину [263, рис. 8, *5*] и далее на восток – вплоть до поселений чжурчжэней. Кроме того, аналогии башкирским тамгам Р.Г. Кузеев видит у некоторых финно-угорских народов [250, с. 252]. М.Д. Полубояринова предполагает, что знак ветка, елочка попал к золотоордынцам от покоренного населения лесной и лесостепной зон Восточной Европы [339, с. 183].

Вопрос о происхождении этих знаков у булгар и их семантике следует рассматривать, полагаю, исходя из того, что в первобытном искусстве различных народов в виде "ветки" (т.е. рогов) изображался олень [385, с. 65, *100*]. Более сложные знаки в виде ветки дерева, вероятно, связаны с тотемическим культом оленя у тюрко-монгольских народов Южной Сибири (Алтай, Хакассия), Средней Азии и Казахстана [177, с. 130–140], населения салтово-маяцкой культуры [324, рис. 50, *10–11*]. Широко распространены изображения оленей с рогами в виде дерева в Дунайской Болгарии [32, табл. 3–6]. В Хакассии и Горном Алтае аналогичную графику в виде ветки, дерева сохраняют изображения оленьих рогов на шаманских бубнах [177, рис. 5, *6, 9, 12*].

Знак в виде дерева (тип 72) с Тямтинского селища, вероятно, относится к золотоордынскому периоду. Близкие изображения встречаются на керамике памятников VII–VIII вв. Средней Азии [220, рис. 5, *6*] и Южного Казахстана [47, рис. 14, *32, 42*].

Знак "черта" сам по себе среди домонгольских материалов встречается редко: 6 экз. на керамике Билярского городища XI – начала XIII в., из них один на сфероконусе (типы 73–84), и один – Муромского городка [234, рис. 5]. В золотоордынский период насчитывается девять разновидностей знаков-граффити на ручках сосудов в виде различного количества черт в разных сочетаниях (рис. 106). Из них большая часть связана с Болгаром (типы 74, 75, 77–79, 81, 83, 84 – по 1 экз., тип 82 – 2 экз.), меньшая с Ага-Базаром (типы 67, 80 – по 1 экз.). Еще один знак (клеймо) найдено на Камаевском городище: две вертикальные черты и рядом одна наклонная короткая (тип 76). Большинство этих знаков находит аналогии в нижневолжских памятниках Золотой Орды [339, с. 183–184]. Хронологически наиболее близкие прототипы знаков в виде вертикальных и параллельных линий М.Д. Полубояринова указывает в Плиске, Саркеле, Маяцком городище и у чжурчжэней на Дальнем Востоке [339, с. 184]. К этому ряду следует добавить знаки Урцекского городища в Дагестане [279, рис. 2, *1, 14, 16*]. Аналогии знаков из сочетания параллельных, вертикальных, горизонтальных и наклонных линий отмечены Полубояриновой у тюрок Северного Причерноморья, ногайцев, калмыков, мордвы, свияжских татар, чувашей, а также у тюркского населения Северо-Западной Монголии [339, с. 185].

Знаки домонгольского и золотоордынского периодов в виде 1–2 параллельных черт, начиная с XI в., связаны с населением из Дешт-и-Кып-чака, представленным, вероятно, XIII

и XXI группами керамики, поскольку именно эти группы связаны с восточными районами Волжской Булгарии, западными – Башкирии и Казахстаном. Исходя из вышеприведенных данных, знаки золотоордынского периода в виде черт, по-видимому, принадлежали в основном половецко-кыпчакским подразделениям, вытесненным монголами из южнорусских и заволжских степей [406, с. 228–229]. Появление множества новых знаков половецко-кыпчакского происхождения на булгарской керамике этого времени свидетельствует о переселении части данного населения на Среднюю Волгу.

Двузубцы. Знаки группы XXIV (типы 161–164) – округлых очертаний – представлены в Биляре (14 экз.) и Муромском городке (1 экз.). Датируются X–XII вв. [234, с. 81]. Аналогичные знаки известны в Хакассии в VIII–X вв. [263, рис. 7, 28]. Знаки группы XXXI (типы 187–189) – квадратных очертаний – известны в Больше-Тарханском могильнике [113 табл. 2, 12, 5, 6, 7, 9] и Хулаше [211, рис. 37, с. 111]. Их можно сопоставить со знаками, известными в древностях салтово-маяцкой культуры [412, с. 99; 324, рис. 37, *117*; 306, с. 97–98, рис. 7]. Любопытно в связи с этими знаками клеймо из Больше-Тарханского могильника, заключенное в круг (тип 189). В золотоордынский период двузубцы известны в двух случаях на керамике из Болгара и Ага-Базара (тип 187).

Трезубцы. Знаки группы XXIX (тип 182) – округлых очертаний – представлены клеймами на посуде Биляра (2 экз.). Знаки группы XXX (типы 183–186) – клеймо и граффити из Биляра – напоминают острыми очертаниями печатную букву "Ш". Близкие по графике знаки – одиночные и в надписях – встречены на билярских сфероконусах из Ани и Двина [428, с. 83]. Р.М. Джанполадян датирует их в основном X – началом XIII в. [140, с. 16]. А.Х. Халиков считает этот знак товарной тамгой, созданной на основе арабского письма и обозначающей слова "Блгар", "Блар". Он же высказал мысль о принадлежности данного знака, встречаемого в сочетании с другими, известными в тамгах, к руническим надписям [428, с. 83].

Знаки в виде двузубца или трезубца, по мнению ряда исследователей [339, с. 169], являлись царскими тамгами династий Сиявушидов и боспорских царей, Сасанидского Ирана и Парфии, Хазарского каганата, Древнерусского государства и Золотой Орды (Джучиды). Общность этих знаков Х. Енихен объяснил заимствованием знака каждым воцаряющимся родом у предшествующих, а истоки знака связывает с геральдикой иранских народов [339, с.169].

Знак квадрат (типы 105–116) – 29 экз., из них пять золотоордынского времени. Знаки типов 105–109, 113–115 происходят из Биляра (20 экз.) и датируются X–XI – началом XIII в. Два последних знака известны уже в Больше-Тарханском могильнике [113, табл. 1, 9, 4, 5]. Тип 112 – из Русского Урмата – является более сложным, чем билярские, а именно: диагонали внутри квадрата и две перекладины между ними. Диагональное пересечение внутри и перпендикулярные ответвления (тип 110), а также лишь перпендикулярные ответвления по диагонали (тип 111) у знаков со святилища Ага-Базар. Оба граффити относятся к середине XIV – началу XV в., а урматское – ко второй половине XIII в. Знаки с других памятников (рис. 107) имеют более простую графику.

Ареал знака квадрат, включая его варианты, охватывает Подонье, Северное Причерноморье, Дунайскую Болгарию [339, с. 183], Северный Кавказ [322, рис. 32]. По сведениям Махмуда Кашгарского, квадратную тамгу имело одно из огузских племен, а в виде сдвоенного квадрата – казахское племя керей [250, с. 180–181].

Знак прямоугольник (типы 117–122) имеется на керамике из Больше-Тарханского могильника (4 экз.) [113, табл. 2, *12*, 5, *2*, *5*, 6, *4*] и городища Хулаш [211, рис. 37], а также на беспаспортном сосуде из КазАКУ. Близкие или аналогичные знаки известны на Северном Кавказе [322, с. 36, рис. 32], у башкир племени буляр [250, с. 368, табл. 1–2], среди родовых тамг чувашей [207, с. 220]. Об огузском происхождении этого знака, опираясь на Абул-Гази, пишет М.Д. Полубояринова [339, с. 189].

Знак крест известен в различных вариантах: прямой крест, заключенный в круг (тип 166) – 2 экз. на днищах сосудов X–XII вв. из Биляра и один – из Танкеевского могильника [188,

рис.1, *2*]; прямой крест (тип 152) – 4 экз., из них два из Биляра, в том числе один на сфероконусе, привезенном из Двина [428, рис. 3, *116*] и, кроме того, из Болгара и Муромского городка [84, с. 191]; прямой крест с удлиненным нижним концом (тип 151) – граффити с Ага-Базара; косой крест – 5 экз. клейм X – начала XIII в. из Биляра (типы 147–148), 5 экз. из святилища на Ага-Базаре и два из Болгара (типы 147, 149–150). Некоторые из знаков золотоордынского времени дополнены чертой в верхней части.

По Рашид-ад-Дину, косой крест являлся тамгой огузского рода Аушар, онгон его – охотничий орел [343, с. 88]. Ареал знака крест, по М.Д. Полубояриновой, включает в себя Дунайскую Болгарию, Подонье, Северный Кавказ, Заволжье, Башкирию, Чувашию, Мордовию, Южный Казахстан, Хакассию, Северо-Западную Монголию. Происхождение знака она связывает с кыпчаками [339, с. 178–180], что соответствует и материалам автора, связанными с выделением XXI группы посуды (кыпчаки-шары). Знак "косой крест" в виде граффити и оттисков известен на керамике XXI группы Камаевского городища (XV в.) (5 экз.). Этот знак на керамике кыпчаков-шаров Центрального и Южного Казахстана имел свою более древнюю предысторию на севере Средней Азии [266, рис. 3, *28*, 6, *10*, 8, *17*, 9, *125*, 33, *14*, 51, *84*, 53, *45*, 62, *83*].

Изображение прямого креста в круге у сармат связано с изображением солнца [144, с. 99].

Знак свастика или крест с лопастями (типы 153–154) известен в Биляре – три клейма на посуде XII – начала XIII в. и на 23 сфероконусах, привезенных из Ани и Двина [428, с.82, рис. 3, *1–9*, 4, *1–11*, *15*, *20*, *23*], по одному в Болгаре, Хулаше и Таутово [212, с. 150]. Этот знак распространен столь же широко, как и предыдущий, – от Дунайской Болгарии [322, рис. 32] до Южного Казахстана [266, рис. 54, *84*; 47, рис. 38], но особенно характерен для салтово-маяцкой культуры [314, с. 89, рис. 4, *14*], а в более позднее время – карачаевцам [54, табл. 8]. Знаки в виде свастики восходят в евразийских степях к культурам (андроновская, срубная, сарматская и т.д.), которые генетически связаны с индоиранцами.

Знак круг (типы 165–173) известен в домонгольский период в Больше-Тарханском (2 экз.) и Танкеевском (1 экз.) могильниках, Биляре (4 экз.). Хулаше (1 экз.). Клейма золотоордынского периода (типы 170, 173) происходят из Русского Урмата (3 экз.), Болгара и Больше-Тоябинского городища (по 1 экз.). Домонгольские знаки более разнообразны и дополнены изображениями в виде точки в центре (тип 169), еще одного круга (тип 167), прямоугольника (тип 118), знака "А" с верхним отростком.

Клейма в виде двух кругов, заключенных один в другой, соединенных между собой иногда перекладинами (тип 167), или в виде круга с крестом внутри или точкой (типы 168–169) широко известны в славянских памятниках [392, с. 149–151, рис.1], особенно часто Южной Руси, где жило смешанное население [314, с. 89, рис. 4, *11*]. И хотя эти знаки рассматриваются в качестве магических [392, с.154], аналогичные знаки на булгарской посуде могут свидетельствовать, возможно, о небольшом включении смешанного с тюрками и аланами южнорусского населения. Если бы они принадлежали в Биляре или другом булгарском городе русским людям – купцам, ремесленникам или чиновникам – то, вероятно, были бы выполнены на древнерусской посуде. Как известно, тюркское и смешанное со славянами население Черноклобуцкого союза пользовалось славянской посудой [327, с. 63–64]. Булгарские – в виде двойного круга и круга с точкой – имеют больше аналогий среди славянской посуды именно этого смешанного населения. Клейма в виде двух кругов и круга с точкой аналогичны находкам на древнерусском поселении XIII–XIV вв. Монастырщина 5 в верховьях Дона [125, с. 57–58]. Клейма в виде круга, двойного-тройного круга и круга с крестом были широко распространены в Боспоре [144, табл. 17, *4*, *6*, *7*] и у алан Северного Кавказа [36, с. 7, 10, 73, рис. 6].

Знак "половник" или "ковш" (типы 157–160) – 5 экз. из Биляра. Датируются концом X – началом XIII в. [234, рис. 3]. Знаки с прямыми или косыми отростками (типы 158–159) встречаются в виде тамг в Хакассии [263, рис. 8, *41*], у балкарцев и карачаевцев [54, табл. 9], у башкирских родов ирэкте, юрми,

байлар и табын [250, табл. 2, 5], у чувашей [207, с. 220, № 12]. Знак в виде ключа (тип 160) в отличие от древнерусских клейм [392, рис. 1] имеет три зубца с левой стороны.

Знак треугольник (типы 135–141) – 21 экз. из Биляра, два из Болгара и один из Хулаша (рис. 107). Типы 135–138 – клейма в виде равнобедренного треугольника на посуде Биляра – начала XIII в. (14 экз.) и сфероконусах, привезенных из Двина (4 экз.), а также на сосуде из Болгара (рис. 107). Типы 139–141 – клейма в виде прямоугольного треугольника из Биляра (3 экз.), Хулаша и Болгара (рис. 107).

Прототипы знака треугольник известны в памятниках I тыс. н.э. в Хакассии [263, рис. 8, *33*]. Усложненные отростками на вершинах знаки имеются в керамике каунчинской культуры Южного Казахстана [266, рис. 56, *38*, 59, 334] и памятниках VIII–IX вв. в Румынии [322, рис. 32]. М.Д. Полубояринова отмечает этот знак на черепицах из Мангупа и в Плиске, а также у тюркоязычного населения Крыма, кара-ногайцев, калмыков, чувашей, казанских татар, казахов, башкир [339, с. 187].

Знак "птичья лапка" (типы 85–95) – 21 экз. из Болгара, 10 экз. из Биляра, два с Ага-Базара и один из Полянского селища (рис. 107). Отростки этого знака напоминают гусиную лапку. К домонгольскому периоду относятся три трехпалых знака из Биляра на керамике и семь знаков четырехпалых, усложненных различными перекладинами, со сфероконусов из Двина; всего пять подтипов. Среди знаков золотоордынского времени преобладает трехпалый знак (19 экз.); всего же семь подтипов. Наиболее ранний знак "гусиная лапка" известен в Биляре. Выполнен в технике граффити на корчаге юго-восточных истоков. Датируется XII – началом XIII в. Аналогичные знаки происходят с Золотаревского городища [337, рис. 1, *37*]; много их в Болгаре (25%), на Царевском (9,2%) и Селитренном (11%) городищах [339, с.195].

Прототипы знака известны на камнях Маяцкого городища [37, с. 49, рис. 28, *2*], на керамике и кирпичах Саркела [472, табл. 3, 8, 14, 20; 306, с. 97, рис. 6, *85–87*], на поселении Джеты-Асар каунчинской культуры в "тюркском" слое [266, рис. 3, *28*], а также в других памятниках этого круга в Южном Казахстане [315, рис.12]. По данным этнографии, этот знак у башкир (ногай-бурзян) назывался "гусиная лапка" и "лапка глухаря" [250, с.189, табл. 3], у чувашей эта родовая тамга именовалась "куриная лапа" [207, с. 222, № 30], у мордвы – "куриная" или "гусиная лапа" [284, с. 155]. У удмуртов знак "гусиная" и "птичья лапка" применялся в качестве бортной тамги [93, табл. 4, *52*, *55*]. Знак "птичья лапа с четвертым пальцем" употреблялся чувашами, казахами, туркменами и кара-ногайцами [339, с. 181]. В XI в., по Махмуду Кашгарскому, трехпалый знак с добавлением двух черточек был тамгой туркменского рода (племени) салгур [339, с. 181]. Знак "гусиная лапка" наряду со знаками "ветка", "двузубец" и др. присутствует на стенах мавзолеев Западного Казахстана XIV и последующих веков [501, рис. 3–4; 519].

В связи с этим интересно исследование топонимов и этнонимов "сал". Г.В. Юсупов, опираясь на сведения Махмуда Кашгарского о существовании туркменского этнонима салор-салыр-салар, проводит сопоставление топонимов с корнем "сал" на территории Волжской Булгарии и салтово-маяцкой культуры. Он связывает их с расселением исторически известных "залов", "салов", локализуемых Менандром в VI в. в южнорусских степях [474, с. 229]. Исследователь считает, что в генеалогической связи с этнонимом "сал" находится топоним "Казан", отраженный в туркменском героическом эпосе "Куркут ат" в лице Салор-Казана [474, с. 229]. В эпосе, прославляющем Салор-Казана, сюжет борьбы со змеями и его описание совпадают с легендой об основании Казани [474, с. 230].

Г.В. Юсупов считает топонимы "сал" и "каз" этнонимическими, а этноним "каз" означающим тотемического гуся. По Фасмеру, слово "казара" означает вид диких гусей и близко турецкому "kaz" –"гусь", по Коршу [396, с. 159]. Юсупов отметил также общность территории распространения топонимов "сал" и "каз" на Украине, в Приазовье, на Кубани; добавим к этому Рязанскую, Тамбовскую, Пензенскую и Тульскую области, где насчитывается 16 гидронимов с корнем "сал" и около 30 с корнем "каз" [368, с. 65–188].

Распространение этнонимов "сал" и "каз" в Волго-Камье Г.В. Юсупов связывал с приходом из Приазовья огузских этнических групп [474, с. 230]. Они представлены в исследуемых материалах в основном IX и X группами керамики. Сюжет с гусем получил заметное воплощение в керамике Волжской Булгарии в пробках в виде гусиных голов, в сосудах для соли [405, рис. 22, *6*; 375, рис. 32, *1*], а в золотоордынское время этот сюжет отразился в керамике XIX группы в виде котлов с трехпалыми и перепончатыми ручками [452, табл. 23, *8*, 24, *5–12*]. Истоки традиций XIX группы посуды, как и сосудов с изображением гуся, уходят в Хорезм раннекангюйского времени (IV–II вв. до н.э.) [95, рис. 12, *28*, *30*, 15, *5*]. Наиболее поздние знаки происходят со стен мавзолеев Западного Устюрта (XIV в.) и Мангышлака (XVIII в.) [501, рис. 3–4].

Иное происхождение имеет знак из четырех пальцев с перекладинами на длинном заднем пальце (типы 91–94). Подобный четырехпалый знак распространен у чжурчжэней [290, рис. 45, *1*, *2*, *5*, *10*]. Похожий знак, но с крючком на заднем длинном пальце, известен в Хакассии на памятниках VIII–IX вв. [263, с.100, рис. 3]. Л.Р. Кызласов предполагает его связь с уйгурами, покровительствующими журавлям. В. Е. Медведев считает, что керамика с валиками и пролощеным орнаментом (а вместе с ней и знак "птичья лапа" – Н.К.) появляется у чжурчженей в результате включения уйгурского населения, унаследовавшего в керамике традиции гуннов [290, с. 86–87, рис. 41, *12*]. С включениями этнических групп, вероятно, того же происхождения связано наличие близких клейм у булгар, чувашей и башкир.

Знак "лук" (типы 174–176) – 14 экз., из них типы 174–175 в виде дуги или сегмента – клейма на посуде домонгольских Билярского (8 экз.) и Муромского (1 экз.) городищ. С золотоордынским слоем Болгара связан экземпляр типа 175 (рис. 106). Четыре знака со сфероконусов из Двина, найденных в Биляре [428, рис. 3, *105–105*, *119*, 4, *12*], переданы в виде овальной линии, иногда пересеченной в середине 1–2 чертами (тип 176). Близкие знаки известны на камнях Хумаринского [256, с. 299] и Маяцкого [306, с. 99, рис. 8, *120–124*] городищ, среди тамг конца I тыс. н.э. из Хакасско-Минусинской котловины [263, рис. 7, *19*], на керамике Южного Казахстана I тыс. н.э. [51, рис. 64, *4*, *9*, *13*, *20*, *30*, *66*], среди граффити в Дунайской Болгарии [32, табл. 9, *191*], а также у башкир [250, с. 290] и чувашей [208, с. 370].

Знак "стрела" (тип 69) – 8 экз., из них шесть из Биляра, в том числе четыре знака на сфероконусах, привезенных из Закавказья [428, рис. 3, *43*, *83*, *86–87*]; остальные с Муромского городка [234, с. 88, рис. 5] и Больше-Тоябинского городища (рис. 107). Наиболее древнее изображение знаков встречается у сармат Северного Причерноморья [144, табл. 20, *5–6*]. Аналоги известны в Дунайской Болгарии [32, табл. 6, *6*], на Черниговщине – сосуд из дружинного могильника у с. Шестовицы [65, табл. 5, *12*]. Знак является основной тамгой у башкир племени бурзян и ягалбай: он называется у них дербник. Р.Г. Кузеев сопоставляет бурзян с исторически известными алан-бурджанами и считает их тюрками по происхождению и родственными печенегам, но испытавшими включения ираноязычного компонента [250, с. 141–143, 433].

Знак перпендикуляр (типы 96–101) – 16 экз. Среди домонгольских – три на посуде Биляра, один оттуда же на красноглиняном сфероконусе местного производства, кроме того, по одному знаку известно на керамике Рождествена [441, рис. 47, *3*], Сувара (?) и Муромского городка [234, рис. 5; 84, с. 191]. На привозных сфероконусах в Биляре (3 экз.) также встречаются близкие вариации знака [428, рис. 3, *66*, *68*, *103*]. Знаки золотоордынского периода из Болгара (4 экз.), Ага-Базара и Чаллынского городища (рис. 107) представляют собой граффити, кроме последнего (клеймо).

Ареал знака перпендикуляр выявлен М.Д. Полубояриновой. Этот знак, кроме Болгара золотоордынского времени, известен на средневековой черепице из Мангупа и Херсонеса, а по этнографическим данным – у тюрок Причерноморья, ногайцев, кара-ногайцев, каракалпаков, казахов, киргизов, монголов, туркмен, а также у башкир (кара-ногайцев), мордвы, чувашей и казанских татар района Свияжска [339, с.185]; кроме того, он вырезан на камнях Маяцкого городища [306, с.

94, рис. 3, *14–26*]. Этот знак приводит Рашид-ад-Дин как тамгу одной ветви огузского народа (туркмен) [339, с. 185].

Знак "корабль" (типы 178–181) – 7 экз. из Биляра [234, рис. 2] и 22 – с Муромского городка [84, с.191; 234, рис. 5]. А.Ф. Кочкина отмечает, что этот знак весьма характерен для последнего памятника и определяет его локальное своеобразие [234, с. 89]. По билярским материалам датируется X–XII вв. [234, с. 89]. В Муромском городке происходит из наиболее ранней части внутреннего города [84, с.191]. Аналоги знаку известны на Северном Кавказе [218, с. 176, рис. 60, *101*], в Дунайской Болгарии [32, с. 233, рис. 191], где он был назван кораблем. В золотоордынских материалах отсутствует.

Знак "галочка" (типы 123–129) – 22 экз., из них 16 из Биляра и один из Муромского городка X–XIII вв. (типы 123–127), остальные пять – золотоордынского времени – из Болгара, Ага-Базара (2 экз.). Русского Урмата и Чаллынского городища (типы 123, 128–129). Последний, с Самарской Луки, и большинство билярских – клейма; знаки из Болгара, Ага-Базара и редкие из Биляра – граффити, причем два из них дополнены 1–2 чертами (типы 128–129). В домонгольский период наиболее распространены знаки с отрогом на вершине (типы 125–127).

Знаки "галочка" известны на керамике и кирпичах Саркела [472, табл. 20–21], на камнях и кирпичах Маяцкого городища [306, с. 96, рис. 5, *59–66*] и Плиски [339, с.189], среди надписей Хумаринского городища [256, рис. 3, 4, *4*], на черепице XII–XIII вв. из Мангупа [346, рис. 1, 7, *62*], на керамике Южного Казахстана I тыс. н.э. [51, рис. 64, *68*], а также Золотаревского [337, рис. 1, *37*], Селитренного и Царевского городищ [339, рис.1, *33*]. Наиболее древнее изображение знака происходит из Херсонеса и Неаполя скифского сарматского времени [144, табл. 25, *78*, *79*, 28, *11*, *12*; 366, табл. 30, *305*; 138, рис.18, *18–19*], а наиболее позднее – на стенах мавзолеев Западного Казахстана XIV и последующего веков [501, рис. 3–4]. Махмуд Кашгарский и другие восточные авторы приписывают этот знак и его разновидности огузским родам [339, с. 189]. В качестве тамги он употреблялся казахами,

каракалпаками, башкирами, чувашами, мари, манси [339, с. 189], в качестве бортных знаков-тамг – южно-удмуртскими родовыми группами [93, табл. 4].

Знак "щипцы" (типы 198–199) представлен 2 экз. из Биляра, относящимися к X в. и XII – началу XIII в. [234, рис. 2, *3*].

Знак вертикальная петля (типы 202–204) – 10 экз., из них девять из Биляра (клеймо на керамике XII в., а остальные на привозных сфероконусах из Закавказья [428, рис. 3, *91–98*]) и знак с загнутыми концами (тип 204) из Болгара. Аналогичный знак известен в Болгаре на жернове [339, с. 193]. Клеймо из Биляра аналогично знакам на керамике Плиски и причерноморских тюрок [339, с. 187]. Однако наиболее близкие соответствия этому знаку Р.Г. Кузеев видит среди печенежских тамг [250, с.423, табл. 2], а М.Д. Полубояринова – среди огузских [339, с. 193]. Аналогичные булгарским знаки вырублены на скале Тамга-Таш в Башкирии [41, рис. 4, *1–5*]. Р.Г. Кузеев фиксирует подобные же у родов юрматы и биляр, относя их к башкирским тамгам кыпчакской эпохи.

Знак горизонтальная петля (типы 200–201) – 4 экз. из Биляра и один из Болгара. Билярские клейма встречены в сооружениях конца XII – начала XIII в. [234, рис. 3]. Близкий знак, но без отрогов, известен у северо-западных башкир рода ирэкте [250, с. 368, табл. 2].

Знак зигзаг (типы 190–194) – 9 экз., из них восемь из домонгольского Биляра и один из золотоордынского Болгара (тип 190). Знаки типов 193–194 выявлены в Биляре на посуде XII – начала XIII в., остальные на привозных сфероконусах того же времени [428, рис. 3, *61–64*]. Клеймо типа 191 найдено на Золотаревском городище [337, рис.1, *37*]. Среди знаков в салтово-маяцких древностях Подонья [472. табл. 7; 306, рис.5, *63*, *9*, *132–133*] и надписей Хумаринского городища [256, рис. 3–4] находят параллели экземпляры из Биляра и Болгара. Кроме того, они имеют аналогии среди тамг башкирских племен кесе и дуван-табын [250, табл. 6, *2*], чувашей [207, с. 220, № 13], южных удмуртов [93, табл. 4, 8–9].

Распространение знака в виде зигзага еще в древностях сарматского времени [144, табл. 7, *439–445*, 20, *57–58*, 24,

20–21;138, рис. 14, *2–3*], вероятно, может свидетельствовать об ираноязычных корнях носителей этого знака как в салтово-маяцкой культуре, так и в дальнейшем у некоторых родов Волжской Булгарии. Любопытна в связи с этим идеограмма из трех знаков на сосуде из Саркела [322, рис. 25, *3*], имеющая, по-видимому, геральдическое значение. Зигзаг является здесь третьим среди двух основных булгарских знаков – в виде буквы "А" с навершием-головой и "птичьей лапы". Изображение знака "зигзаг" на керамике Волжской Булгарии напоминает своей графикой буквы о, у орхоно-енисейских рун [207, с. 213], а на билярских сфероконусах из Закавказья в некоторых случаях этот знак "читается" как тело двигающейся змеи [428, рис. 3, *89*]. Аналогичное графическое воплощение известно в Ани и Двине на целой серии сфероконусов: парное изображение перевитых змей встречается здесь очень часто [140, с. 19–20, табл. 16–18].

Исходя из приведенных материалов, можно предполагать, что знак в виде зигзага мог изображать тотема и, вероятно, являлся составной частью геральдики волжских булгар.

Знак "вилы" (типы 142–143) – 7 экз., из них пять на керамике Биляра. Клейма типа 142 известны в X–XI вв., а типа 143 с перекладиной на конце – с XI в. [234, с. 81]. Близкие варианты знака имеются на сфероконусах (2 экз.), привезенных в Биляр из Закавказья [428, рис. 3, *84–85*]. Аналоги знаку "вилы" встречаются на керамике городища Шаушукум-тобе в Южном Казахстане [266, рис. 51, *14*], на камнях Маяцкого городища [306, рис. 6, *67–71*], в Дунай кой Болгарии [322, рис. 32]. Известны они среди родовых тамг чувашей [207, с. 324, № 305], но особенно многочисленны среди родовых тамг юго-восточных башкир – родов сарыш-кыпчак, сары-кыпчак, кудей [250, табл. 4, 9].

Остальные знаки, описываемые ниже, относятся к числу редких. Первоначально охарактеризуем те из них, что бытовали либо только в домонгольском, либо в обоих периодах.

Знак решетка (тип 177) – 2 экз. из Биляра и один на сосуде из Больше-Тарханского могильника [113, табл. 1, *4*]. Выполнены способом граффити по всей поверхности днища. Аналогичные знаки известны на кубанских керамических плитках [365, рис.3, *87*], в памятниках Дунайской Болгарии [32, табл. 16, *290, 293*, 295], Северной Осетии [390, рис. 2, *1*] и Закавказья [479, рис. 9, *29–35*].

Знаки группы IX (типы 102–104) напоминают руническую букву "б" орхоно-енисейского алфавита – по 1 экз. из Танкеевского могильника [188, рис.1, 5], Рождественского селища [441, рис. 47, *3*], Биляра и Камаева (рис. 107). Танкеевский знак-граффити среди них наиболее ранний – вторая половина IX в. [188, с. 179–180], а граффити с Камаевского городища – наиболее поздний (XIV–XV вв.). Экземпляры домонгольского периода – клейма. Встречаются среди рунических надписей и знаков салтово-маяц-кой культуры [215, рис.1, *2*; 306, с. 98, рис. 7, *98–100*], на керамике городища Садык-ата каунчинской культуры в Южном Казахстане [266, рис. 64, *39*]. Этот знак известен также среди чувашских родовых тамг [207, с. 221, № 317, 393].

Знак крест из сдвоенных линий (типы 231–232) – два граффити из Биляра и Болгара. Параллели ему можно видеть среди многочисленных знаков в виде двойного косого креста или креста на керамике кушнаренковской группы в Башкирии [273, табл. 15–16], а по этнографическим данным – на юге Средней Азии, в Каратегине [318, рис. 35, 16].

Знак в виде трех лопастей (типы 144–146)† – 2 экз. из Биляра и один из Больше-Тарханского могильника. Аналогичные знаки известны в салтово-маяцких древно тях Подонья [322, с. 126], на керамике Шестовицкого могильника на Черниговщине [65, табл. 34, *6*], среди бортных знаков удмуртов [93, рис. 4].

Знак овал или овал, пересеченный чертой (типы 155–156) – семь клейм на керамике Биляра XI – начала XIII в. [234, рис. 2, *3*]. Параллели им известны на керамике средневековых поселений Крыма [479, рис. 47, *6*], Кубани [365, рис. 2, *58*, 3, *65–66*]. Аналогичные знаки Р.Г. Кузеев отмечает у дунайских болгар, печенегов, башкир-юрматы [250, с. 423, табл. 2], сходные тамги известны и у чувашей [207, с. 224, № 341].

Знак в виде двух полуовалов, обращенных друг к другу (типы 195–197) – 5 экз. из Биляра, а также одно близкое клеймо из

Больше-Тархан-ского могильника [113, табл. 2, 5]. Знак этот напоминает букву "б " орхоно-енисейских рун [207, с. 213]. Известен среди чувашских родовых тамг [207, с. 225, № 414].

Знак "песочные часы" (типы 175, 234–236) – 2 экз. типа 175 на керамике Биляра XII – начала XIII в. [234, рис. 2–3] и 5 экз. типов 234–236 из Болгара и Ага-Базара (рис. 107). Близкие аналоги билярским клеймам неизвестны. Все же фигура внутри круга в упрощенном виде напоминает знак "песочные часы", рассматриваемый М.Д. Полубояриновой среди золотоордынских [339, с. 187]. Аналогии полному и неполному знакам "песочные часы" известны на Царевском и Селитренном городищах. Полубоярinова отмечаеттакже параллели болгарскому неполному знаку в Саркеле, Плиске, Херсонесе, у крымских татар. Полный знак "песочные часы" был распространен у кара-ногайцев, уйгур и монголов [339, с. 187], а кроме того, в средневековых древностях Южного Казахстана [315, рис. 12] и салтово-маяцких [412, с. 99, № 74].

Знак "ворота" (типы 132–134) – 3 экз., из них тамга из Больше-Тар-ханского могильника сочетается со знаком в виде прямоугольника [113, табл. 2, *2*]. Экземпляры из Биляра и Болгара датируются соответственно XI в. и второй половиной XIV в. Этот знак известен на керамике дунайских болгар [250, с. 423, табл. 2], на черепицах Таврики [479, рис. 39, *1–5*, 41, *57*]. У башкирских родов дуван и дуван-табын он применялся в качестве тамги и назывался "ворота" [250, с. 297, табл. 6, 5]. Р.Г. Кузеев относит родоплеменное образование дуван к кыпчакским и кипчакизированным родам Северо-Восточной Башкирии [250, с. 289]. Аналогичные знаки известны также среди тамг чувашей [207, с. 222, №№ 140, 148] и бортных знаков удмуртов [93, рис. 4].

Знак "палатка" (типы 130–131) – 3 экз. из Биляра из комплексов XII в. [234, рис. 3]. Близкий знак служил удмуртам бортной тамгой [93, рис. 4].

Знак типа 214 известен на керамике Биляра X–XI вв. Аналогичный знак имеется на керамике городища Ак-тобе 2 каунчинской культуры [266, рис. 39, *14*].

Знак в виде фигурки соболя (?) (тип 215) – экземпляр из Биляра, из слоя X–XI вв.

Знак "псалий" (тип 216) – 2 экз. из Кайбельского могильника (VIII–IX вв). и Биляра (X в.).

Знак типа 217 – экземпляр из Больше-Тарханского могильника VIII–IX вв. [113, табл. 6, 8].

Знак в виде кружков, соединенных коленами (типы 205–208) – 3 экз. на сфероконусах из Биляра и один – на чашке из Болгара. Подобные тамги известны в Хакасии [263, рис.14, *3*], в салтово-маяцких памятниках низовьев Дона [322, рис. 32, *8*], на черепицах средневекового Крыма [479, рис.10, *251*]. Аналогичная булгарским тамга из двух кружков, соединенных одним коленом, была у башкирского родоплеменного объединения тархан [250, с. 423, табл. 2]. Ранее этот знак использовался сарматскими племенами и населением Боспора [144, табл. 11, *879–880*, *884–888*, *22*, *49*, *94*].

Знак "конь" (тип 219) известен на сосуде из Больше-Тарханского могильника в сочетании со знаком, напоминающим перевернутую букву "П" [113, табл. 1, 8]. Композиционно он напоминает граффити на сосуде из Дмитриевского могильника с изображением животного и повозки [329, рис. 21; 330, рис. 80]. Клейма в виде коня известны на керамике салтово-маяцкой культуры на Среднем Дону [322, рис. 32, *1*], а также в Дунайской Болгарии [32, табл. 39]. Многочисленны сходные изображения на стенах Неаполя скифского [138, рис. 2–3, 7–8], Маяцкой крепости [329, рис. 3–8, 18] и в Северо-Западной Болгарии [32, рис. 1, а–б]. В настенных рисунках хвосты часто передаются в виде ветки или дерева. Не является ли это признаком тотемности животного? В XII–XIII вв. изображение коня становится популярным на черепицах Юго-Западной Таврики [479, рис. 38, 40, *1*, 41, *1–3*, 58, *1–3*, *7–10*]. Подобный знак изображен на кирпиче Наровчатского селища (Пензенская обл.; сборы В.А. Винничека).

Знак типа 233 представлен клеймом с городища Хулаш [211, рис. 37, *10*]. Композиция состоит из четырех фигур знаков, в которых угадываются зооморфные мотивы.

Знаки группы XXXIX (типы 212–213) – 3 экз. из Танкеевского могильника [188, рис. 1, *3*], Биляра и Ага-Базара. Датируются соответственно раннебулгарским, домонгольским и зо-

лотоордынским периодами. Близкий знак, но без бокового отростка, известен на черепицах XII–XIII вв. из Мангупа [479, рис. 99, *12*].

Опишем далее единичные знаки золотоордынского периода (рис. 106–107).

Знак "весы" (тип 233) происходит с Русско-Урматского селища (начало XV в.). Аналогичный знак известен у башкирского рода карагай-кып-чак как основная родовая тамга и называется "весы" [250, с. 192, табл. 9, № 4]. Эта же тамга, по Р.Г. Кузееву, была у башкирских родов гэрэй и суун-кыпчак, у казахского племени кунграт. Появление гэрэй-кыпчаков и других кыпчакских родов с этой тамгой в Башкирии Кузеев объясняет смешением в период Золотой Орды кыпчаков Дешт-и-Кыпчака с киреями и кунгратами [250, с. 180–182].

Знак в виде буквы "Н" (тип 220) обнаружен в Болгаре, известен на керамике Царевского, Водянского, Селитренного городищ (5 экз.). Аналоги им М.Д. Полубояринова указывает среди знаков на черепицах Херсонеса и других памятников Крыма, в керамике Саркела, у тюрок Северного Причерноморья, кара-ногайцев, казанских татар, казахов племени найман [339, с. 188].

Знак в виде буквы "Э" (тип 221) найден в Болгаре. Аналогичные знаки отмечены на кирпичах Саркела [339, с. 193] и Наровчата [335, рис. 39, *1*], на камнях Маяцкого [306, рис. 8, *123–124*] и Хумаринского [256, рис. 3, *1*] городищ, на черепицах средневекового Крыма [479, рис. 67, *15*; 346, рис. 4, *43*]. Близкие тамги отмечены у крымских татар [339, с. 193].

Знак группы XXXVIII (типы 209–211) происходит из Болгара. М.Д. Полубояринова отмечает близость этого знака к изображениям на кирпичах и керамике Саркела, однако наибольшее сходство обнаруживается со знаками монголов и ногайцев племени канглы [339, с. 193].

Знак типа 222 известен на Ага-Базаре (конец XIV – начало XV в.). Близкие знаки в виде дуг, обращенных друг к другу и соединенных перекладиной, известны в Хакасско-Минусинской котловине [263, рис. 9, *15–17*].

ГЛАВА 4

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ БУЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДОМОНГОЛЬСКОГО И ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДОВ

Изучение керамики Волжской Булгарии второй половины домонгольского и золотоордынского периодов позволяет обратиться к вопросу о преемственности культуры волжских булгар и татар Поволжья и Приуралья. Проведем сопоставление керамических групп, исследованных в главах I и II, по этим двум периодам.

1. Традиционная керамика

При определяющем наличии керамики булгарской I группы в тот и другой периоды состав т.н. традиционных групп, сохраняясь в значительной мере, является все же несколько различным (табл. 6). В домонгольский период (со второй половины X в.) бытуют группы II (горшки, крышки) – тюркская гузо-печенежская, постепенно исчезая в этот период, VII – угорская приуральско-нижнекамская, VIII – тюрко-угорская приуральско-нижнекамская, XIII – тюркская "джукетауская", XIV – древнерусская, XVI – т.н. "славяноидная" поволжская финно-угорская (марийско-чувашская), XVII – тюрко-угорская "суварская", XXI–1, 2 – тюркская нижнекамская.

В золотоордынское время продолжают бытовать VII, VIII, XIII, XIV, XVI, XVII группы. Вновь проявляются VI–1 – финно-угорская чепецкая (выделенная на памятниках VIII–IX, X – начала XI вв., но отсутствующая в XI – начале XIII в.), а также родствен-

ная ей VI–2 – угорская сылвенская; появляются новые группы: XVIII – финно-угорская верхнекамская, XIX – тюркская хорезмийско-поволжская. Во второй половине этого периода складывается XX группа (финно-русско-тюркская), принадлежавшая зависимому от ордынцев населению Поволжья. В Восточном Закамье и в Предкамье фиксируется керамика, которая сопоставляется мною с XXI группой, принадлежавшей кыпчакам. В Нижнем Прикамье и в Заказанье распространяется XXII группа, носителями которой, по-видимому, были поволжские финны (мари, мордва, возможно, северные удмурты, чуваши-анатри).

Несколько изменилось и количественное содержание керамических групп (табл. 2). На поселениях Закамья и Предкамья среди традиционных групп по-прежнему заметной является XIII (Джукетау – 60%, Чаллынское – 13%). Невелико количество этой керамики в Биляре золотоордынского времени (Билярское 3 селище – 3,6%), Сюкееве (до 2%) и в других памятниках. Центром локализации этой группы остается Джукетау (Сакетим-Жукотин) на левом берегу Камы. На поволжских памятниках заметно увеличилось количество древнерусской керамики (XIV группа) – до 16,9–19% на Сюкеевском городище. Столь же значительно присутствие на них западно-финской, или т.н. "славяноидной", керамики (Сюкеевское – 11,5%, Русско-Урматское – 2–5%). В результате контактов и ассимиляции носителей XIII и XIV, XVI групп стала складываться в конце золотоордынского периода на этих же памятниках XX группа керамики.

Новое население представляют XIX (поволжско-хорезмийская) и XVIII (верхнекамская) группы, контактировавшие между собой и с носителями XIII группы. В районах Предкамья (восточнее р. Меши) продолжаются в это время взаимосвязи между носителями VI–1 и VI–2 (северные и южные удмурты) и XIII групп. Население VI группы с домонгольского периода взаимодействует в восточных районах Волжской Булгарии также с носителями керамики т.н. чияликского типа, этническая принадлежность которых Е. П. Казаковым определяется как угорская [183, с. 84–93]. На Остолоповском и других поселениях

левобережья Нижнего Прикамья так же, как и в домонгольское время, заметно присутствие посуды VII группы (угры), связанной с тюркоязычным населением этих районов. Столь же значительно, особенно в Заказанье, включение керамики XXI группы (поволжско-фин-ское население). Своеобразная группа "суварской" керамики (XVII) встречена пока что только в отложениях золотоордынского Болгара, что, возможно, связано с переселением этого населения из района Сувара.

В восточных районах Закамья появляется керамика, которая идентифицируется мною с группой XXI–1 и, вероятно, принадлежала кыпчакам золотоордынского времени. Последняя вместе с керамикой XIII группы бытовала в домонгольский период в Биляре и на левом берегу Камы и отнесена мною к кыпчакам-шарам. Какая-то часть населения группы XXI–1 продолжала проживать в районе Биляра и в золотоордынский период (Билярское 3 селище), придавая своеобразие его керамическому комплексу. Заметна эта группа на Джукетауском, Чаллынском, Болгарском и Муромском городищах.

Таким образом, население Волжской Булгарии – при значительном сохранении своего состава – пополняется в золотоордынский период за счет небольшого тюрко-кыпчакского включения (XIX, XXI группы) и более значительного – поволжско-финского (XVI), финно-угорского (VI–1, 2, XVIII, XXII), смешанного финно-русско-тюркского (XX) и древнерусского (XIV) населения. Значительный тюркский компонент составляет распространившаяся в Предволжье и Закамье XIII группа. В этих районах продолжались активные контакты носителей керамики вышеперечисленных групп, что, естественно, отразилось на формировании булгаро-золотоордынской и булгаро–татарской посуды.

Попытаемся на примере общебулгарской керамики рассмотреть процесс преемственности традиций различных этнических групп.

2. Обшебулгарская керамика

Содержание I группы в золотоордынское время, как и в домонгольское, зависит от местонахождения и размеров посе-

лений: в крупных городах до 96–99%, т.е. несколько ниже, чем в домонгольский период (99%, табл. 1, 4). На поселениях различных регионов (Билярское 3, Чакма, Джукетауское, Чаллынское, Сюкеевское) доля этой группы составляет 42–75%, т.е. меньше, чем на домонгольских памятниках (60–100%). Несколько понижается количество керамики I группы в крупных городах к концу XIV – началу XV в. (94–96%), что связано с неблагоприятной политической обстановкой.

Для фактуры булгаро-золотоордынской посуды характерна та же тенденция к запесочиванию теста, особенно заметная к концу периода. Керамика второй половины XIII в. и конца XIV – начала XV в. – в неблагоприятные периоды истории Волжской Булгарии – содержит больше примесей (табл. 1, 4), тесто и отделка ее грубее, хуже обжиг. Больше всего это заметно на материалах Болгара и Русско-Урматского селища [452, с. 10–15]. Керамика первой половины и середины XIV в. отличается лучшим качеством, что связано с успехами в гончарстве при благоприятной политической обстановке в Золотой Орде. В это время внедряются новые типы обжигательных печей и совершенствуется технология гончарства в целом [454, с. 349–368; 226, с. 50–67; 229, с. 61–72; 86, с. 103–149; 87].

Для цветовой гаммы керамики I группы характерно преобладание красной и красно-коричневой. К концу периода (конец XIV – начало XV в.) увеличивается количество желтой и серой, появляется черная (табл. 4). В центральных районах Закамья и Предкамья (Биляр, Русский Урмат, Чаллынское, Чакма) заметно количественное преобладание светло-коричневой и красно-коричневой, а в Болгаре и на близлежащих поселениях – красной (красно-коричневой). При закономерных изменениях в цветовой гамме в связи с технологией производства в целом керамике I группы золотоордынского периода, как и домонгольского, свойственны локальные особенности, обусловленные уровнем гончарства, особенностями сырья и этническими традициями населения какого-либо региона.

В золотоордынское время сохраняются все виды лощения: сплошное (в начале периода), перекрестное и полосчатое (т.е. орнаментальное) о преобладанием последнего (с широкими

промежутками). В отделке булгарской посуды первой половины и середины XIV в. заметно меньше признаков оформления раннебулгарской и домонгольской и в то же время много общего с керамикой золотоордынских памятников Нижнего Поволжья. Характерное для раннебулгарской посуды I группы перекрестное и полосчатое лощение вновь используется с середины XIV в.

Среди местной поливной посуды преобладают желтоватые и зеленоватые тона, известные в Биляре уже со второй половины X в. [226, с. 66; 275, с. 59]. Среди поливной посуды преобладает, однако, привезенная из других центров Золотой Орды. К концу периода появляется поливная керамика местного производства малинового, бордового и светло-зеленого цветов на ангобах (Камаевское городище), связанная в основном с последующей эпохой Казанского ханства.

Ассортимент посуды и керамических изделий в золотоордынский период значительно расширился по сравнению с предшествующим временем. Это относится к таким крупным центрам гончарного производства как Болгарское городище и Русско-Урматское селище. Наряду с известными с домонгольского периода формами появляются новые: кумганы, тазы-тастары (Болгар). Формы столовой, кухонной, тарной посуды стали многообразнее. Типы золотоордынского периода можно подразделить на переходные, непереходные, новые, новации и реминисценции.

Горшкообразные. В золотоордынский период продолжают бытовать восемь типов (рис. 90). Лишь в конце его появляются горшки типа 9 (с ушками). Все типы горшков являются переходными от домонгольских, кроме последнего (рис. 91).

Типы горшков домонгольского и золотоордынского периодов продолжают линию развития форм традиционной керамики и связаны с включением в состав населения Волжской Булгарии разных этнических групп. В золотоордынский период продолжают появляться подтипы, комбинирующие формы одних истоков, а также симбиозные – сочетающие в себе признаки разных истоков. Так, типы 1–2 имеют салтовские (юго-западные) истоки и продолжают традиции горшковидных форм

II, III и XI групп. В то же время некоторые сосуды типа 2-Б несут признаки (форма горла, орнамент) XIX группы хорезмийского происхождения и II – салтовских истоков. Этот симбиозный подтип возник в конце золотоордынского периода и, вероятно, на близкой этнической основе (гузо-печенеги?). Появление среди горшков типа 2 форм (рис. 63, *8–9*), сочетавших признаки сосудов II группы гузо-печенежского облика и шаровидных форм с подцилиндрической горловиной и желобчатым оформлением горла, свойственных посуде кыпчаков, является примером кипчакизации.

Сосуды типа 3 (столовые горшки, корчажки) продолжают традиции домонгольской керамики как юго-западных истоков, так и юго-восточных. Если в домонгольский период большинство горшков делалось в традициях салтовских групп населения (типы 1–2 и отчасти 3 – от 68 до 79% в Биляре; табл. 5, рис. 19–20), то в золотоордынский период значительно возрастает число сосудов типа 4 юго-восточных истоков (до 30–40%; рис. 92). Этот тип, появившийся в XI в. в Биляре, в домонгольский период составляет сначала 32%, а к концу его (20% (табл. 5), т.е. значительно меньше, чем в золотоордынское время. Он связан с XXI группой керамики, наиболее известной по Биляру (кыпчаки-шары) и испытавшей воздействие VIII группы - угорской приуральско-нижнекамской. Сосудам типа 4 в золотоордынский период свойственно наибольшее разнообразие подтипов (рис. 21, 65).

Братинообразные сосуды типа 5 связаны истоками с формами, известными в Дагестанской Хазарии. Они с X в. встречаются в южных и центральных районах Западного Закамья и также бытуют у населения золотоордынского периода, однако часто без характерных деталей оформления (ручек в виде головы петуха, трех ножек, орнамента в виде колоса; рис. 64). Последним характерен орнаментальный пояс из пролощеных полей, столь свойственный подобным сосудам земледельцев Средней Азии. Сосуды типа 6, вобравшие признаки I, IV (угры) и XXI (кыпчаки-шары) групп, встречаются в небольшом количестве и в золотоордынский период (рис. 64, 92). Сосуды типа 7 продолжают развитие VIII группы (угорской), но встречаются

в этот период реже (рис. 66, 92). Только в Русском Урмате встречены горшки типа 8 (рис. 66, 92), связанные с XXI группой (кыпчаки-шары). Единичные сосуды типа 9 (с ушками и биконическим туловом, рис. 66) из золотоордынского Болгара, вероятно, генетически связаны с сармато-аланским населением Нижнего Поволжья с истоками в культурах правобережья Сырдарьи [493, рис. 108, *12*].

Кувшинообразные формы отличаются в золотоордынский период наибольшим разнообразием: 31 тип вместо 19 в домонгольский (рис. 97). Из этих 19 типов преемственны все, кроме 5-Б, 8-А, 17 (рис. 96).

Кувшины типов 1–10 наиболее стойко сохраняют характерные для них признаки. Сосуды типа 1, сформировавшиеся на основе традиций салтово-маяцких металлических тарных и столовых форм, сохраняются в ассортименте крупных городов и в золотоордынское время. На некоторых из них клейма в виде рунической буквы "А", особенно часто в домонгольском Биляре и на золотоордынском Русско-Урматском селище. Наиболее поздний сосуд с Камаевского городища с этим знаком датируется началом XV в. (рис. 96, тип 16). Кувшинчики типа 10 продолжают развитие салтовских кувшинов, появившихся еще у населения, оставившего Кайбельский могильник, и присутствуют среди столовых форм эпохи Казанского ханства. На одном из сосудов Болгарского городища (рис. 73, *11*) имеется клеймо "гусиная лапка". Разновидностью этих кувшинчиков являются сосуды без утолщенного венчика (тип 10-А), порой асимметричной формы, один из них (Биляр) с клеймом "А" (рис. 28, *8*).

Вероятно, этот тип кувшинов связан схазаро-огузами и собственно болгаро-аланским компонентом, унаследовавшим основные типы кувшинов Хазарского каганата.

Кувшины типов 2–3, 6, 12 известны уже в Танкеевском могильнике. В небольшом количестве они продолжают бытовать и в золотоордынский период. Корни их в керамике предгорий Кавказа, в основном Дагестанской Хазарии. Население Танкеевского могильника, вероятно, включало известные по письменным источникам начала X в. этнические группы: болгар, эсегель, сувар, барсил. Сосуды типа 4 (с воронкообраз-

ной горловиной и сливом), появившиеся в XI в., вероятно, под влиянием восточнокавказских форм кувшинов, популярны и в домонгольский, и в золотоордынский периоды (рис. 98).

Редкие типы кувшинов (5, 8, 11, 14, 17, 19) были восприняты из западных районов Прикаспия, Восточного Закавказья и с территории салтово-маяцкой культуры. Ручки с остатками зооморфности, слив "свиное рыльце" и орнамент (резные линии, глубокое рифление по горлу, "зубчики" у основания шейки, острый зигзаг под венчиком, зигзаг из нескольких линий по плечикам, наколы, насечки) – эти признаки характеризуют сако-сармато-аланскую, индоиранскую по происхождению, керамику населения Средней Азии и Кавказа [266, рис. 5–13; 4а, табл. 109; 218, рис. 63]. Однако слив "свиное рыльце" и "ушки", связанные с культом кабана, свойственны аланским кувшинам Северного Кавказа, и эти признаки известны в болгаро-аланских кувшинах VII–IX вв. и Волжской Булгарии [488, табл. 31, *14*].

Среди типов, появившихся в золотоордынский период, типы 20 (с валиком и уступами по горловине, иногда с носиком), 22–23, 26, 28 связаны с влиянием традиций различных областей Приаралья и Кавказа, а сосуды типа 23, возможно, и с Крымом (рис. 76, *7–10*). В домонгольский период появляются типы 7, 9-А, Б, 13-А, Б, В, 18, связанные с юго-восточным компонентом из областей Центрального и Южного Казахстана и городских центров Хорезма. Они проникли в Прикамье в X в. с носителями IX и X групп (гузо-куманы) и в X–XI вв. – с носителями XXI группы (кыпчаки-шары) и бытовали и позднее. Тип 15 – редкая вытянуто-овоидная форма кувшинов из Биляра – унаследован от огузо-печенежской керамики салтово-маяцкой культуры, сделанной в подражание металлическим кувшинам Семиречья и Согда (рис. 29, *б*, 74, *9–10*). В золотоордынский период встречается в Болгаре и Русском Урмате и выполнен в традициях кувшинов Хорезма. В этих же традициях выполнены кувшины типов 21, 25-А, 27, 29–31 (рис. 76–77), у которых горло с округлым сливом, в отделке – валики по горлу, рифление и отпечатки гребенки по краю.

Таким образом, большая часть типов кувшинов имеет юго-западные истоки: 1–5, 6, 8, 10–12, 19–20, 22–24, 26–28; меньшая – юго-восточные: 7, 9, 13, 21, 25, 29–31; типы 16–18 сочетают традиции разных истоков и отнесены к синкретичным. Количественно также преобладают кувшины юго-западных истоков (рис. 98). Из 32 типов являются переходными – 1–16, 18–19, непереходными – 17, новыми – 20–32, т.е. тринадцать типов. К новациям данного периода относятся типы 13-В, 14-Б (рис. 75, *5, 8*), внутри отдельных типов наблюдается заметное разнообразие. В домонгольский период наиболее многочисленны типы 1, 4, 9–10, 13–14, в золотоордынский их дополняют новые – 20, 24, 26.

Прослеженные морфологические изменения кувшинов, связаны как с развитием старых форм, так и с влиянием новых. Вариабельность внутри типов складывалась сложно: это и воздействие новых, проникших извне, типов, и комбинации признаков разных типов одних истоков, а иногда и типов разных истоков.

Кружкообразные представлены 11 типами в домонгольский период и 12 – в золотоордынский (рис. 99–100).

Кружки типов 1–3 (с подцилиндрической горловиной, без орнамента или с рифлением горла) сложились под влиянием кружек IX, X и XXI групп керамики и традиций населения юго-восточных истоков. Эти же истоки имеют, возможно, кружки типа 4 (с высокой подцилиндрической горловиной и низким биконическим туловом, налепами на ручках и с орнаментом "плетенка" на тулове). Аналогично оформлены и кружки типа 5 (при более округлых формах тулова). На кружках последних двух типов и в золотоордынский период встречается клеймо "А", одно из них на кружке из раннезолотоордынского слоя гончарной мастерской Русско-Урматского селища. Кружки конической формы (тип 6-А) связаны с I, X и XXI группами и передают алано-болгарские традиции (рис. 80, *1–2*).

Кружки с более круглыми боками и перекрестным лощением по тулову типа 6-А (рис. 80, *1*) имеют аланские традиции [15, табл. 366, *3*]. Эта форма выделывалась еще раннебулгарским населением [113, табл. 6, *9*]. У кружек типа 6-А – рифление или валиковое оформление на горловине, что свойственно посуде среднесарматской культуры [297, табл. 76, *13, 27*].

Аналогичное оформление у кружек типа10 (рис. 80, 8). Кружкам типа 8 (рис. 80, *4*) также свойственны признаки (форма, отделка фасками) сосудов сарматского времени Северного Кавказа [15, табл. 17а, *7*].

Кружкообразные сосуды типа 9 (рис. 80, *6*) с рифленой горловиной и приземистым туловом, отделанным фасками, несут традиции прикамско-приуральской и сарматской посуды и могут быть связаны с юго-восточным компонентом. Кружки типа 11 (рис. 80, *11*) – украшенные "запятыми", юго-западных истоков, связанные с населением салтово-маяцкой культуры – являются наследием печенежского компонента в культуре волжских булгар. Кружки типа 7 (рис. 80, *3*) со сплошным лощением, но без орнамента или с двумя резными линиями вдоль края, принадлежали типам, распространенным в южных районах Булгарии (Самарская Лука). На одном из сосудов этого типа из Биляра – граффити "зигзаг". Тип кубковидных кружек (12) возник в конце золотоордынского периода под влиянием традиций XXI группы (кыпчаки).

Таким образом, новациями золотоордынского периода являются кружки типов 9-Б и 12, возникшие на основе развития традиций домонгольского населения юго-восточных истоков и прикамско-приуральского. Трудно определить: формы каких истоков преобладали у булгар, так как это связано еще и с их функциональным своеобразием (рис. 101). Однако на кружкообразных сосудах юго-западных и юго-восточных истоков заметно проявился генетический код, восходящий и к сарматской посуде.

Кринкообразные становятся более разнообразными в золотоордынский период (рис. 99). На смену типам, характерным для домонгольского периода (1, 2-А, 3–4), появляются новые (2-В, 2-Г, 10, 12) и новации (9, 11); исчезают типы 3–5 (рис. 100).

Кринки типов 1, 6, 8–10 имеют юго-восточные истоки. У них округлая или подшаровидная форма тулова, орнамент – гребенчатый или наколы, линейно-волнистый или резной (волюты, запятые) (рис. 81, *1, 5, 7–9*, 82, *1–3*). Традиционные для домонгольского периода кринки с высокой горловиной и сплющенным туловом (тип 1) становятся более округлыми и широкими, а две ручки крепятся в верхней части тулова, как на сосудах близкой формы из Южного Казахстана и Семиречья [47, рис. 101]. Типы 6, 8–9 выполнены в традициях форм XXI группы. Кринки типа 10 воплощают вкусы населения XIX группы – выходцев из Хорезма.

Кринки типа 2 (с биконической формой тулова), связанные в истоках с формами Дагестанской Хазарии, становятся более разнообразными в золотоордынский период. Кринки типа 7 продолжают, вероятно, развитие горшков типа 6, корни которых у угорских групп населения южных районов Булгарии и Самарской Луки (рис. 81, *6*). Развитием форм VIII группы является редкий тип кринок (тип 11; рис. 82, *4*). Кринки с маленьким дном и реповидным (тип 12; рис. 82, *5–6*) и биконическим (тип 2; рис. 81, *4*) туловом сохраняют традиции посуды среднесарматской культуры [297, табл. 76, *4–5, 26*] и являются, вероятно, реминисценцией южно-уральских форм.

Корчаги (рис. 93–94) представлены традиционными шестью типами.

Сосуды типов 1-А и 2-А продолжают формы булгарских корчаг салтово-маяцких истоков и бытуют до начала XIV в., когда они видоизменяются (1-Б и 2-Б) и количественно вытесняются типами юго-восточных истоков (рис. 95). Тех же корней сосуды типа 3, которые не столь распространены, как корчаги типов 1-Б и 2-Б, однако являются классическими для золотоордынского периода. Экземпляры конца этого периода вбирают черты (оформление) керамики XIX группы хорезмийских истоков. Корчаги типа 4-А продолжают развитие баклагообразных сосудов, появившихся во второй половине домонгольского периода. Они встречены лишь в начале золотоордынского времени в Русском Урмате и в Болгаре и в дальнейшем заменяются типом 4-Б, изготовляемым в юго-восточных традициях. Корчаги типа 5-А хумовидной формы известны лишь в слоях Чаллынского городища и Русско-Урматского селища. Новая их модификация известна в Болгаре с XIV в. Корчаги типа 6, ведущие начало от сосудов XXI группы, продолжают встречаться в небольшом количестве и в золотоордынский период.

Итак, на протяжении домонгольского и золотоордынского периодов наблюдается слияние разных традиций и преемственность почти всех типов тарных сосудов. Основная масса корчаг делалась в середине и в конце золотоордынского периода в традициях керамики юго-восточных истоков (рис. 93, 95). На примере корчаг особенно четко можно наблюдать "кипчакизацию" форм тарной посуды. Эти же формы получили распространение и в южных центрах Золотой Орды.

Блюдообразные (рис. 83–85, 86, *8–9*, *15*, 102) золотоордынского периода характеризуются появлением новых типов и модификаций, бытовавших ранее (рис. 103). Плошки имеют четыре, блюдца – два и блюда – три переходных типа. Новые типы появляются в двух последних категориях (рис. 84, *6–15*, *21–24*, 103) под влиянием традиций Отрара и Чача. Среди плошек, блюдец, блюд, чашек, пиал (рис. 84–86) распространяются кольцевой поддон и декор из ложков, фасок в придонной части, каннелюр, а также радиальное и перекрестное лощение, подражающее узорам на поливной посуде из этих среднеазиатских центров [12, рис. 73, *1*, *6*, 76, *1*, *4*]. Блюдца всех трех типов – юго-восточных истоков (рис. 84, *16–24*). Один из сосудов из Болгара помечен граффити "ветка". Среди блюд типы 1–2 являются преемственными с домонгольского времени, типы 3–5 – тагорообразные блюда (рис. 84, *9–15*), известные в Хорезме – распространяются в золотоордынский период. Тагоры типа 5-Б (рис. 84, *14–15*) восходят к формам XXI группы домонгольского периода, связанных истоками также с Хорезмом.

Большое разнообразие чашек характеризует раннезолотоордынский слой Русско-Урматского селища (рис. 85, *35–45*). Многие из них повторяют типы домонгольских билярских (рис. 37, *1–11*). В посуде Болгара редкой формой являются чашки типа 9 (рис. 85, *42*), кружкообразные (рис. 32, *9*). Чашки типа 8 (рис. 85, *43*) сложились в позднезолотоордынский период и несут характерные признаки мисок этого времени. Пиалы подражают формам из Хорезма и встречаются чаще, чем в домонгольский период.

Для категории блюдообразных необходимо отметить преобладание типов юго-восточных истоков, кроме плошек, а также блюд и блюдец с перегибом, имеющих, вероятно, сармато-аланские прототипы. Широкие хорезмийские аналогии блюдообразных форм связаны, возможно, с приходом ремесленников в составе посольства Ибн-Фадлана в начале X в. (об этом писал еще А. П. Смирнов [373, с. 134–135]), а также с включением населения из Южного Казахстана и северных районов Средней Азии (IX, X, XIII, XXI, XIX группы).

Миски (рис. 83, 102–103) пополнились в золотоордынский период еще одним – типом 6. Исчезли миски типов 2 и 5.

Типы 1–3 мискообразных формируются в домонгольский период под влиянием групп керамики прикамско-приуральских истоков (VI, VII, VIII) и отчасти общебулгарской и XXI, а типы 4–5 – под влиянием как юго-восточ-ных (IX, X, XIII), так и прикамско-приуральских. Миски типа 6 появляются в раннезолотоордынском комплексе керамики Русско-Урматского селища. В целом эта форма посуды также является синкретичной. Если в раннезолотоордынском слое преобладают миски, в которых заметнее юго-восточные традиции (1–2, 6), то в конце периода возрастает количество мисок верхнекамских (3) и южноказахстанских (4)традиций. Вероятно, это объясняется заметным пополнением населения Предкамья и других областей Волжской Булгарии в золотоордынский период финно-угорскими, угорскими и смешанными тюрко-угорскими группами населения из Прикамья и Приуралья.

Керамика специального назначения в золотоордынский период по сравнению с домонгольским стала значительно разнообразнее.

Светильники вместо четырех представлены семью типами (рис. 37, *20–27*, 85, *16–29*), из них тип 1 – переходный. Среди новых тип 2 несет признаки XIX группы, тип 3 – XXI, тип 4 имеет черты керамики Южного Казахстана и Хорезма. Новому типу 5 аналоги неизвестны, однако декор его типичен для булгаро-татарской посуды. Типы 6–7, появившиеся в золотоордынское время, ранее известны у кыпчаков [281, рис. 13, *1*].

Сосуды с зооморфными украшениями (триподы с головой петуха, кружки с ручками в виде медведей и т.д.) в этот период встречаются реже (Болгар и Русский Урмат первой половины

ны основные композиции (их 76) декора булгарской посуды XI – начала XV в. и их распределение по периодам. Статистика этих изменений получена в результате изучения материалов из гончарных мастерских Биляра, Болгара и Русского Урмата.

Номенклатура типов, характерных для обоих периодов, различна. В домонгольский период существуют композиции 1–6, 8–9, 11–13, 19, 23–26, 29–39, 48–51, 53, 56–57, 62–68, 70–73 (рис. 104). Из них наиболее характерными являются линейный орнамент в сочетании с "запятыми" (48–49), перекрестное лощение (66), линейно-гребенчатый узор (1–6, 8–9, 11–13, 19) в различных комбинациях, в частности, с волнами и наколами; последний – самый многочисленный (рис. 105). В золотоордынский период существуют композиции 7, 10, 14–17, 20, 22–33, 38, 40–43, 46, 49–53, 55–56, 58–60, 65–69, 71–75 (рис. 104). Из них преобладает линейный и линейно-зонный орнамент(23–28), линейно-волнистый (29–34, 37–38, 40–47), редкими остаются ложки и каннелюры (65–69), перекрестное лощение (66), наколы разных форм (50–56, 58–64). Большое количество одних и тех же композиций орнамента присутствует на керамике обоих периодов (рис.105). Преемственность особенно заметна в орнаментации конца домонгольского и начала золотоордынского периода. Она выразилась в появлении в раннезолотоордынское время (например, в Русском Урмате) новых композиций из сочетаний линейного и других элементов, явившихся переходными к зонной орнаментации, распространившейся с начала XIV в. (рис. 104).

Многие типы орнамента I группы повторяют узоры керамики традиционных групп (рис.104). Например, в отделке мискообразных форм появляются элементы, характерные для посуды прикамско-приуральских групп (IV–VIII), а чашевидных – групп юго-восточных истоков (IX, X, XIII). В отделке кувшинообразных I группы отразились, прежде всего, традиции болгаро-алан Северного Кавказа (орнаментальное лощение, разделение тулова горизонтальными желобками-каннелюрами). Подобная отделка глиняной посуды складывается в эпоху Великого переселения народов под влиянием гуннских традиций и на данном этапе отражает ранний культурно-исторический

пласт в формировании болгаро-аланского населения Северного Предкавказья и Волжской Булгарии. Среди кувшинообразных I группы имеются также узоры, испытавшие воздействие посуды Согда и Хорезма, городов Северного Причерноморья, сложившейся под влиянием античных традиций (декор кринок с двумя ручками; рис. 33, 5, 81, *1*).

Значительная группа кувшинов сочетает в отделке острую волну, налепы-ушки, приподнятый слив "свиное рыльце", сплошное лощение, ангоб, а также композиции из вертикальных фасок, каннелюр, треугольных зубцов-наколов, зигзагообразных и прямых линий, пуговкообразных налепов, характерных для кувшинов Согда и Дагестанской Хазарии. Выходцами из этих районов Хазарии являются раннебулгарские племена барсил, суван (суваз), баранджар (?), хазар [99, с. 38].

Кувшины юго-восточных истоков декорированы или скупо(валик, украшенный отпечатками гребенки, резные желобчатые линии по горловине), или имеют орнаментальный пояс у основания шейки и изредка в верхней части тулова; в отделке присутствуют частая волна (джукетау), наколы, а также ангоб. Аналогии отделке кувшинов этих истоков – в Центральном и Южном Казахстане, Семиречье и Хорезме. Их параллели с формами нижневолжских центров Золотой Орды связаны главным образом с сарматскими традициями у населения этих областей. Кувшины юго-восточных традиций пополнялись с X в. под воздействии ремесленных центров юго-востока Средней Азии и Семиречья (Отрар) – в традициях огузов, с XI в. – под воздействии огузо-кыпчакского населения Приаралья и Центрального Казахстана. Этот пласт традиций связан с эпохой Кимакского каганата.

В домонгольский период (вторая половина XI – начало XIII в.) распространяется штампованный декор в виде различных форм ямочного узора, гребенки, кружков, жгутов, волют – под влиянием привозных форм, главным образом, сфероконусов из Закавказья и Средней Азии. Но только эти виды штампованной отделки получили развитие в золотоордынский период у булгар на кувшинах и других формах.

Наличие колыб из Болгара XIV в. свидетельствует о попытках булгарских ремесленников наладить производство штам-

пованной посуды, столь характерной для мусульманского Востока (кувшины, сфероконусы, блюда). Кувшины со штампованным орнаментом (композиции 74–75) появились во второй половине золотоордынского периода под влиянием производства этой посуды на Кавказе и в Средней Азии. Декор блюдообразных развивался под влиянием в большей мере хорезмийских образцов.

Линейно-гребенчатый и гребенчатый орнамент в булгарской посуде получил заметное распространение благодаря влиянию и включению прикамско-приуральских групп, которые особенно активно смешивались с группами юго-восточных истоков. В этой связи в домонгольское (с XI в.) и золотоордынское время заметны многозонные композиции (1, 3, 9, 11–16, 19, 21 и т.д.), сочетавшие резные линии и идущие поверх отпечатки гребенки разных вариаций и наколы (XXI группа), острая и плавная (IX, X) и частая (XIII) волны. Сходные орнаменты (52–55, 58–61, 64, 69) известны и во второй половине золотоордынского периода. Упомянутые узоры связаны с традициями керамики ранних кыпчаков и близкого им населения юго-вос-точных истоков [21, рис. 8, *1–8, 10, 14, 17, 19–24*].

Во второй половине домонгольского периода появляются композиции узоров под влиянием орнамента IV и XXI (11–16, 39–41) и VIII (44–45) групп керамики, связанных истоками с населением Башкирского Приуралья. На раннезолотоордынской посуде под влиянием группы VI–2 возникли, вероятно, композиции (58, 60), имитирующие орнамент в виде елочки керамики южных удмуртов.

С начала X в. самым распространенным орнаментом на кухонных горшках являются "запятые", порой в сочетании с линейным узором (48–49). Заметен он и в раннезолотоордынский период (рис. 104–105). Возможно это связано с включением групп болгар, пришедших из районов Среднего Подонья в IX – начале X в., а именно: народа а. с. к. л., контактировавшего с прикамским населением и получившим в восточных источниках IX–X вв. название булгарских а. с. к. л. (зсегель) [113, с. 173; 431, с. 21–22; 155, с. 28–29].

Насечки, ямочки, "запятые", защипы и гирлянды, свойственные посуде II группы, относимой к болгарским печенегам южных районов Волжской Булгарии [79, с. 75–76], в домонгольский период вошли в декор XXI и I групп. В золотоордынское время эти традиции в орнаментике были подкреплены воздействием XIX группы хорезмийских истоков (рис. 105, *2–3*).

Многозонный орнамент из поясов арочных, волнистых и прямых линий, нанесенных гребнем с тонкими зубцами, или широкой одинарной волны, нанесенной широким зубцом, характерен для керамики золотоордынского периода. Эта орнаментация наряду с широким рифлением горловин (28) распространилась в Средней Азии (каунчинская культура) [266, рис. 41, *11*, 42, *12*, 43] и связана, вероятно, с расселением огузских племен. Появление этой отделки, а также рифление горловин в посуде Южного Дагестана в III–V и VIII вв. М.С. Гаджиев связывает с позднеантичной и раннесредневековой керамикой Переднего Востока, Средней Азии и Закавказья [98, с. 50, табл. 2, *8*, *12*]. Эти узоры распространяются в V–VII вв. в Крыму, позднее – на территории салтово-маяцкой культуры. Композиции среднеазиатских истоков особенно присущи керамике памятников Золотой Орды от Нижнего Поволжья [294, с. 120–121] до Днестровско-Прутского междуречья [222, рис. 4, *10*; 240, рис. 17–18].

Орнамент из отвесных отпечатков редкой гребенки в сочетании с широким рифлением, арочной волной, наколами, вдавлениями равных форм (типы 1–5, 7–9, 11–12, 20–21, 32, 35 и др.) передает вкусы населения, представленного XXI группой (кыпчаки-шары) и гуннского компонента в формировании традиций керамики Центрального Казахстана и Приаралья. С этой же группой населения из Центрального и Южного Казахстана проникает к булгарам в XI в., кроме того, "кружковый" узор, выполненный пуансоном на чашевидных формах (рис. 104, *62*). Его истоки восходят через согдийское серебро, вероятно, к сарматской посуде [380, табл. *72*, *12–13*, *18*, *21*, *31*, *46*, *54–55*; 298, табл. 74, *3*, *11*, *37*, 76, *1*, *4*, *7*, 77, *11*]. Появление кружкового орнамента в керамике Тохаристана раннего средневековья, по-видимому, того же происхождения [361, с. 212–218].

Распространение керамики со штампованным узором в XI–XII вв. в мусульманском мире Г.А. Федоров-Давыдов связывает с крупными центрами Средней Азии (Мерв) и Ирана [407, с. 152]. На основе штампованного кружкового и резного растительного орнамента в золотоордынский период у булгар создается растительно-цветочный узор (типы 73, 75), распространившийся в изделиях из дерева, камня и металла [79, рис. 18, *5–6, 11, 14–16*, 19, *1, 3*, 47, *4*, 55–56, 64]. Он формировался в Золотой Орде под влиянием дорогой металлической посуды и выполнялся в т.н. среднеазиатско-иран-ском стиле [407, с. 131–132]. Этому декору свойственны композиции в розетках и картушах, асимметрия цветочного узора, заполнение фона мелким кружковым орнаментом. Примером тому чашевидный сосуд из Русского Урмата (рис. 84, *11*). Оформление этого декора произошло еще на серебряной посуде Согда и сасанидском металле [518].

Среднеазиатско-иранское влияние испытывает в золотоордынский период и растительный орнамент из завитков, волют и побегов [407, с. 135–136]. Мотив "вьющегося стебля" появляется в декоре булгарской посуды под влиянием традиций, сложившихся в эпоху Тюркского каганата, когда в искусстве кочевников-тюрок эти элементы были распространены в металле и кости [18, рис. 4а, *18*; 246, рис. 6, *17*]. Прорезной растительный орнамент из побегов и завитков в керамике имеет более древние, еще гуннские традиции [135, рис. 14, *5*]. В Средней Азии эти элементы декора появляются в памятниках VII–IX вв. (Кескен-Куюк-кала, Джеты-асар 3). Л.М. Левина истоки данного вида орнаментации выводит из гуннских памятников Монголии и Алтая [266, с. 80–85]. Стратиграфические наблюдения на крупных памятниках Волжской Булгарии показали, что растительный орнамент встречается не только в домонгольский период, но и в начале золотоордынского, а также в конце XIV в. (рис. 104–105). Растительный узор и "плетенка" использовались также на кружках и триподах-братинах, имевших, по-видимому, ритуальное назначение. В этой связи следует осторожнее привлекать данные композиции (наряду с каннелюрами и налепами) как бесспорные датирующие признаки [401, с. 152] при датировке керамики памятников.

Орнамент "плетенка", нанесенный в шахматном порядке "расчесами" поверхности, отмечается на домонгольской посуде Сувара [370, с. 161] и нижневолжских золотоордынских памятников [294, с. 120, рис. 1, *12*]. Орнамент из заштрихованных фигур наряду с орнаментальным лощением характерен также для посуды с зооморфными ручками и восходит к сармато-аланской керамике [373, с. 20; 4а, табл. 109, *2, 6, 8, 23, 29*], но в большей степени свойственен столовым формам салтово-маяцкой культуры [324, рис. 46, *11, 18, 22, 24, 33*]. Появление геометрического орнамента в виде фигур из прочерченно-вдавленных пролощеных полос или расчесов в Отраре VII–VIII вв. связывается с появлением посуды с красно-коричневым ангобом и сплошным лощением [493, с. 171]. Вероятно, правы те исследователи, что видят в этих традициях включение асского компонента из Приаралья и Центрального Казахстана в состав огузов [493, с. 189–190].

Орнамент "змейка", распространенный на керамике XVII группы из Сувара, Болгара, Рождествена и других памятников, появляется и на общебулгарской посуде и сочетается с характерным серым цветом черепка (рис. 10, 52). "Змейка" преобладает в керамике населения Чувашского Поволжья X–XV вв. наряду с валиками, присущими гуннской посуде, братинами с ручками в виде петушиных голов, отделанными штрихованными треугольниками [210, рис. 26–27; 241, рис. 32, *1–16*, 34, *11*, 37, *4*, 42, *2*]. Корни этого узора, на мой взгляд, в орнаментике сосудов хунну Забайкалья [135, рис. 14, *6, 10*; 462, рис. *8*, 14, *9*, 16, *2*, 26, *4, 6*; 145, рис. 2, *2*]. Наблюдаемое своеобразие и сходство керамики памятников Чувашии и XVII группы с сосудами I группы Волжской Булгарии нуждается в сопоставлении их технологии, чтобы подтвердить или отвергнуть гипотезу [209, с. 200–217] о генетической связи булгар и чувашей. Вопрос этот, однако, требует специального изучения.

Керамика XII–XIII вв. уже имела полиэтничный декор, формирование и развитие которого продолжалось и в золотоордынский период (рис. 7). Поскольку развитие булгарской культуры в начале этого периода и в конце XIV – начале XV в. подавляется, сложившиеся в прошлом традиции активизируют-

ся, как это ни парадоксально, именно в эти периоды, когда острее ощущалась потребность самовыражения черт традиционной культуры. Иллюстрацией тому является сохранение типичных для булгарской посуды узоров в золотоордынский период (рис. 105).

В первой половине и середине XIV в. расцвет золотоордынской культуры возрождает моду на все степное. "Кипчакизируется", становится общим орнамент посуды. Это явление особенно заметно в крупных ордынских центрах, где существовало массовое производство поливной и неполивной посуды. Синкретический характер керамики Золотой Орды влиял на вкусы знатных и зажиточных слоев населения Волжской Булгарии. Это отразилось в распространении золотоордынской полихромной поливной и штампованной посуды, производство которой было налажено в Болгаре и на Русско-Урматском селище. Изготовление местной поливной посуды сократилось, и лишь в конце XIV в. – под воздействием внешних импульсов (Восточное Предкавказье и др.) – появляются новые виды местных поливных изделий [510, с. 85–86].

Как уже отмечалось, в результате сопоставления керамики домонгольского и золотоордынского периодов наблюдается преемственность основных типов посуды наряду с небольшим количеством новаций, реминисценций и заимствований общекультурного порядка. Наблюдаемые изменения в формах и декоре булгарской посуды связаны с усилением юго-восточного компонента (XIII, XIX, XXI группы) и включением новых групп прикамско-приуральского населения. Укрепляются традиционные связи носителей этих групп керамики с ремесленными центрами Средней Азии. В меньшей степени проявились в булгарской посуде связи с Кавказом, Крымом и другими областями.

Сильные морфологические изменения посуды, прослеженные, в частности, среди кувшинообразных, связаны также с совершенствованием техники изготовления гончарных форм и приспособлением их к новым экономическим условиям, к новой технике, а в парадных редких формах – отчасти с влиянием вкусов, господствовавших в Золотой Орде. Отсутствие порой постепенности в развитии типов от раннебулгарского

времени до начала XII в. объясняется именно этими причинами. Наблюдаемое большее постоянство орнаментальных композиций кувшинообразных присуще также отделке и остальных форм посуды.

Таким образом, формы и декор булгарской посуды наследовали традиции многочисленных групп, составивших народ Волжской Булгарии (рис. 89). Формы и декор булгарской посуды складывались на протяжении столетий, задолго до возникновения Волжской Булгарии – на основе сармато-аланских, гуннских, огузо-печенежских, кыпчакских традиций с учетом вклада прикамско-приуральского населения (предков башкир, удмуртов, пермских татар). В меньшей степени изучено взаимодействие булгарского гончарства с поволжско-финским (марийско-чувашским, мордовским) и древнерусским. Недостаточно изученным остается взаимодействие посуды булгар, буртасов и древней мордвы, обитавших в Предволжье, Посурье и на Самарской Луке. Однако опубликованные материалы [60, табл. 8–9; 92, рис. 11–21а; 130, с. 44–62; 131а, с. 32–46; 150, с. 148–150; 285, с. 80–100; 336, рис. 2, 5, с. 208, 214–216; 461, с. 49, рис. 7] достаточно ясно свидетельствуют о том, что эти народы не внесли сколько-нибудь заметного вклада в формирование булгарской посуды данного периода, поскольку отчасти сами включают компоненты, вошедшие в состав основного населения Волжской Булгарии. Более заметным этот вклад будет в период Казанского ханства.

4. Этническая интерпретация знаков на керамике Волжской Булгарии

В результате систематизации знаков домонгольского и золотоордынского периодов выделено 57 групп из 236 типов (рис. 106–107). Наиболее многочисленными и вариабельными являются знаки групп "А" (39 типов), "ветка" (19), квадрат (13), "птичья лапка" (11), ромб (9), круг (9); уступают им "галочка" (7), треугольник (7), прямоугольник (6), косой крест(6), перпендикуляр (6), зигзаг (5), "половник" (4), двузубец округлый (4), двузубец прямоугольный (3), трезубец (4), горизонтальная петля (9), вертикальная петля (3), "корабль" (4), "лук" (3), "на-

тянутый лук" (3), "стрела" (3), овал (2), х-образный знак (3), знак "тарханн" (4), "вилы" (2); остальные знаки единичны и представлены 1–2 типами (рис. 106).

Интерпретация выделенных групп клейм и граффити позволяет связать некоторые наиболее многочисленные из них с известными по письменным источникам этническими группами.

Самая представительная группа (41,5%) – ***"А"-образные клейма***, встреченные на памятниках X–XV вв. (рис. 107). Вероятно, наиболее ранний знак этой группы происходит из Больше-Тарханского могильника. В домонгольском Биляре знаки группы "А" составляют 51,1% от общего количества учтенных, в золотоордынском Русском Урмате – 60% (рис. 107, 110). Наличие этого знака-тамги на монетах X в., чеканенных в Булгаре, на пломбе-печати с Болгарского городища (X в.), княжеском парадном топорике из Биляра, серебряных браслетах и богатых надгробиях первой половины XVI в. из Заказанья указывают на его принадлежность правящему булгарскому роду. Этот знак зафиксирован в качестве клейм на кувшинах и кружках I группы, связанных истоками со столовыми формами салтово-маяцкой культуры (кувшины типов 1, 10, 16, кружки – 5 и 6-Б). Истоки этих форм прослеживаются в бассейне Сырдарьи среди кувшинов VIII–IX вв. Каунчи-тепе [266, рис. 25, *20*, 30, 32, *9*, *12*, с. 106], в катакомбных могильниках и поселениях Ташкентского оазиса (Шаукум-тобе, Пскент [266, рис. 56, *29*, 58, *43*]), а наиболее ранние из них – на городище Кескен-Куюк-кала [266, рис. 21, *6–7*, *9*]. Последние имеют все признаки кувшинов типов 1, 9–10, 16 и ряда других форм.

Поскольку подавляющее количество этих сосудов и клейм происходит из гончарных мастерских Биляра (X – начало XIII в.) и Русско-Урматского селища (вторая половина XIII – начало XV в.), принадлежавших, как я предполагаю, правящему роду или государственных по своему статусу, клеймо "А" являлось тамгой основной группы булгар – собственно болгар, оставивших Больше-Тарханский могильник [113, с. 85] и пришедших из западных районов Хазарии [113, с. 66], т.е. с территории бывшей Великой Болгарии. Именно с этими районами связан ареал знака "А" [231, с. 91–93].

Значительная вариабельность А-образного знака и наличие клейм, дополненных знаками из других групп (рис. 106, *3*, *6*, *37–39*), указывают, вероятно, на различные компоненты в формировании основной группы булгар и принадлежность разным ветвям этого разветвленного рода. Девять типов знаков с закругленными концами из Биляра (рис. 106, *22–30*) и знак в круге из Больше-Тарханского могильника, по-видимому, связаны с болгаро-аланским компонентом в основной группе булгар. Два знака из Хулаша, дополненные Т-образным знаком под перекладиной (типы 3, 6, 39; рис. 106) являются, возможно, его разновидностью с символом власти – топориком. Знак с круглым навершием (тип 19) из Русского Урмата, вероятно, отражает символику правящего рода у тюрок, так как аналогичный знак как главный изображен на сосуде из Саркела, выполненном в тюркских традициях и имеющим "геральдическое" сочетание знаков. Предложенная интерпретация знаков типов 3, 6, 39, 19 остается гипотетической, поскольку требует более глубокого изучения.

В начале золотоордынского периода произошло резкое сокращение знаков группы "А" (от 39 до 11 типов, причем пять из них новых; рис. 106–107, 110) в результате разрушения родовой целостности правящего рода и основной группы булгар после монгольского нашествия и походов ордынских правителей [231, с. 89–96]. Однако преемственность традиций клеймения посуды основной группой булгар сохраняется до начала XV в. В дальнейшем она прервалась.

Второй по значимости (7,5%, рис. 106, 51–68) является ***группа знаков "ветка"*** – клейм и граффити, распространенных в Биляре (X – начало XIII в.), Болгаре, Русском Урмате (вторая половина XIII – начало XIV в.). Наиболее ранний из них – знак на кружке из Больше-Тарханского могильника (рис. 106, *66*). Знак типа 52 известен как тамга на монетах X в. с чеканом правителя Сувара. А.А. Ковалевский предположительно относил его к булгарскому племени – суазам. Знак типа 54 в сочетании со знаком "А" изображен на бараньих лопатках из Биляра [236, рис. 2, *1*] и Болгара [153, рис. 103, *17*], на камне с руническими надписями из села Сарабиккулово [416, с. 12–13] и Билярско-

го музея [525, с. 9] (в последнем случае, вероятно, строительная тамга). Аналогичный знак есть в надписи на надгробии середины XVIII в. (д. Клемтэль Альметьевского р-на РТ) [525, с. 36].

Ареал знаков "ветка" до VIII в. включает Фергану и Южный Казахстан, а с IX в. – территорию памятников салтово-маяцкой куль уры. Изредка знаки этой группы встречаются в Минусинской котловине и в Приамурье (чжурчжэни).

Знак "дерево" распространен в Южном Казахстане, Хазарии (Саркел, Урцекское городище). Учитывая территорию и время распространения этого знака, А. М. Щербак связывал его с расселением печенегов [472, с. 365]. Поскольку клеймо "ветка" присутствует на горшках типов 1–3 и корчагах типа 5 общебулгарской I группы, воплотивших огузо-печенежские традиции кухонной керамики салтово-маяцкой куль уры, можно предположить, что этот знак мог принадлежать разным этническим группам Волжской Булгарии, включившим в свой состав огузо-печенежский компонент или основу (болгары, билеры, суазы, баранджары, бажджарды) [155, с. 26].

Наиболее ранние горшки с орнаментом "запятые" с растительной примесью появляются в Танкеевском могильнике в IX–X вв. [184, рис. 1, *28*]. Этот тип горшков распространяется затем в X–XIII вв. по всей территории Волжской Булгарии, но особенно в большом количестве в Биляре (около 60% среди горшковидных I группы) (типы 1–2; табл. 5). На этих сосудах в Биляре в X в. появляются первые клейма в виде знака "А" и "ветка" [225, рис. 98, *12*, 99, *13*].

Этническая группа баранджар, локализуемая исследователями в центре Закамья к северо-западу от Биляра по р. Баранке [179, с. 76; 424, с. 57], вероятно, представлена шамотной керамикой с добавлением органики (навоз?), орнаментированной рифлением и волной по улову (XI группа). Эта керамика в обилии встречается на поселениях по рр. Баранке и Малому Черемшану (до 30% и более в слое X–XI вв. Билярского 3 селища); на одном из сосудов – клеймо "ветка" [225, рис. 98, *1–2*]. Традиции ее воплотились в горшках типа 1 с аналогичной отделкой, технически упростившейся в массовом исполнении.

Линию развития серо- и красноглиняных круговых кувшинов Танкеевского могильника продолжает значительная часть кувшинов I группы, истоки которых в Дагестанской Хазарии и Центральном Предкавказье [113, с. 81]. С этими же районами связана, по-видимому, основная часть тюркоязычного компонента Танкеевского могильника, на что указывают единичные клейма [188, с. 178–185].

Однако группировке, оставившей Танкеевский могильник, не характерны клейма и граффити – в отличие от большетарханской. Не свойственны они и тем формам кувшинов танкеевских типов, что продолжают развитие в домонгольский и последующий периоды. Это, вероятно, объясняется, не только ручной техникой формовки танкеевских кувшинов, "размытыми" традициями танкеевского населения, смешанного в основной массе в VIII–IX вв. с прикамскими племенами, но и сосредоточением гончарства с X в. в "государственных" или княжеских мастерских, принадлежавших представителям основной этнической группы – болгарам. Например, в Биляре клеймо "ветка" составляет всего лишь 7,4% от всех знаков (рис. 110).

Учитывая политическое соперничество Булгара и Сувара, проявившееся в самостоятельной чеканке монет от имени своих правителей и с разными тамгами "А" и "ветка", а также политическую оппозицию царю Алмушу южной группировки племен, согласно сведениям Ибн-Фадлана, я считаю, что производство и торговля общебулгарской посудой сосредотачиваются в X–XI вв. в руках правящего рода Булгарии. Примером "государственных" мастерских являются, вероятнее всего, гончарные мастерские Биляра, где прослежено гончарное производство на протяжении X – первой половины XIII в. с основными ведущими клеймами "А" и "ветка" [231, с. 89–97].

Третьей значительной группой клейм является ***"птичья лапка"*** (рис. 106, *85–95*), в которой преобладает знак "гусиная лапка" (Биляр, Русский Урмат, Ага-Базар, золотоордынский Болгар – 26,1%; рис. 110). Аналогичные знаки встречаются в нижневолжских памятниках Золотой Орды. Знак "гусиная лапка", вероятно, связан с огузским компонентом у булгар и, ве-

роятно, у хазар: изображение гуся встречается в керамике раннекангюйского периода Хорезма [95, рис. 12, *28*, *30*, 15, 5]. Учитывая связь знака с этнонимами хазар (дикий гусь-казара), можно предположить, что в составе населения Волжской Булгарии он принадлежал роду, связанному с огузами и хазарами, выходцами из Хорезма [507].

Широкое распространение изображение гуся получило у булгар в керамике (пробки, сосуды для соли), на пломбе-печати из Болгара, на височных кольцах из золота и серебра и других украшениях, а также на зеркале и костяном навершии рукояти плети или бурдюка (раскопки М.Д. Полубояриновой, 1990 г.) из Болгара. Эти материалы, возможно, подтверждают связь правящего рода Болгара в золотоордынское время с хазарами. Вышеназванные изделия и находки многочисленных сфероконусов местного производства с процарапанным по сырой глине этим знаком в позднезолотоордынском слое Болгара, а также ручки котлов XIX группы хорезмийских истоков с перепончатым оформлением (рис. 56, *1–8*), вероятно, являются продукцией гончарных мастерских, принадлежавших правителям Булгара. В связи с вышеизложенным необходимо вспомнить, что по данным фольклора и нумизматики, на которые опирался Г.В. Юсупов, Казань – продолжательница Булгара – обязана своим названием тотемическому гусю – "каз", что не противоречит толкованию топонима как пограничного, охраняемого пункта.

С огузами связаны булгарские *клейма в виде квадрата* (типы 105–116), *прямоугольника* (117–122), *перпендикуляра* (96–101), *"галочки"* (123–129) и *косого креста* (147–150). Клейма прямоугольник, квадрат есть уже на кувшинах VIII в. Больше-Тарханского могильника. Клеймо квадрат чаще встречается в Биляре (20 экз.) и уже значительно реже – в золотоордынское время (Болгар, Ага-Базар – по 2 экз., Русский Урмат – 1 экз.; табл. 107). Знак перпендикуляр появился в Биляре в X в. (7 экз.). В золотоордынский период он столь же немногочисленен (рис.107, 110). Источники (Рашид-ад-Дин) относят этот знак к огузо-туркменам. Тамга с опущенным вниз перпендикуляром имеется в составе тувинских знаков [499, рис. 98, *1*]. Знак "галочка" наиболее распространен в Биляре в X – начале XIII в. (рис. 107, *XII*). Знак косой крест (рис. 107, *XVIII*) также известен в это время в Биляре (0,8%), но чаще встречается в золотоордынскую эпоху (Ага-Базар – 21,7%; рис. 110). По Рашид-ад-Дину, он принадлежал огузскому роду Аушар (онгон – охотничий орел). Вероятно, знаки "галочка" и косой крест, появившиеся у булгар с X в. в керамике I группы, принадлежали этническим группам Волжской Булгарии, генетически связанными с огузо-кыпчакским населением Казахстана (I, IX, X, XXI–2 группы керамики). Знаки-тамги косой и прямой крест, квадрат, черта, трезубец, гусиная лапка изображены на стенах мавзолея Касмола первой половины XIV в. в западной части Устюрта [519, с. 60]. Находки керамики с клеймом косой крест (группа I–2, 3) на Камаевском городище относятся к XV в. Она передает черты керамики Южного и Восточного Приаралья и, вероятно, связана с притоком нового населения из этих районов (мангыт-кыпчаки?).

Знак ромб (40–48; рис. 106) распространен с X в. в Биляре (2,2%). Всего лишь один экземпляр известен в Русском Урмате (рис. 107). Знаки из Биляра близки башкирским тамгам рода волка Юго-Восточной Башкирии и отражают, вероятно, генетическую связь булгар и башкир с огузским этническим миром, а также, возможно, с тюрками Алтая и Центральной Азии. В связи с этим интересны изображения знаков в виде ромба и А-образной фигуры на долбленых сосудах юго-восточных и зауральских башкир [6, рис. 52, *22–28*, *31–32*, 66, *2–3*, 75, *1*, 76, *2*].

Истоки тамг "корабль" (178–181; рис. 106), распространенных в Биляре и особенно в Муромском городке, остаются неясными. Аналогии им известны на Северном Кавказе и в Дунайской Болгарии.

С сармато-аланским и сармато-асским компонентами связаны довольно редкие *знаки в виде кругов, круга с крестом, свастики* (рис. 106, *153–154*, 165–173, 107).

Знаки *двузубцы* (XXIV, XXXI; рис.106–107) встречены в Биляре, Болгаре, на Ага-Базаре и в Муромском городке. Знаки в виде прямоугольного двузубца (190–193; рис. 106–107)

занимают заметное место, хотя и немногочисленны (Больше-Тарханский могильник – 3 экз., Биляр – 5 экз. и по одному из Болгара и Ага-Базара). Р.Г. Кузеев считает его по происхождению печенежским [250, с. 423]. Близкий знак был тамгой Джучидов и использовался в монетном чекане [480, с. 26]. Очевидно правы исследователи, которые считают, что этот знак заимствовался различными крупными государственными объединениями как главный царский знак, начиная с сармат [339, с. 173–175]. Знаки в виде округлого двузубца (161–164; рис. 106) известны в Биляре (14 экз.) и один на Больше-Тоябинском селище. На джучидских монетах присутствует аналогичный знак с округлыми очертаниями как тамга дома Бату. Одна из них имеет чекан Биляра [480, с. 403, № 106].

Возможно, эта тамга в домонгольских материалах Волжской Булгарии принадлежала потомкам правящего хазарского рода, проживавшего в Биляре. В связи с этим интересна символика на монетах Сарая-ал-Джадида в виде гуся-казары в геральдической позе [480, с. 411, № 115а] и шестиконечной звезды. Эта же символика присутствует на керамических флягах из Кой-Крылган-калы в Хорезме в раннекангюйское время [95, рис. 15, 5, 16] – исходной, на мой взгляд, территории хазар. Не случайно в этой связи изображение гуся в искусстве волжских булгар: оно отражает, вероятнее всего, генетическую связь хазар и булгар.

Знак треугольник (135–141; рис. 106), выявленный в Биляре (3,5%) и в нескольких экземплярах в Болгаре, известен у кара-ногаев, башкир, чувашей и т.д.

Знак "вилы" (142–143; рис. 106) известен в Биляре (7 экз.) и мог принадлежать сары-кыпчакам.

Знак черта (73–84; рис. 106) с XI в. появился в Биляре (6 экз.), но более распространен в золотоордынское время (Болгар – 10 экз., Ага-Базар – 2 экз., города Нижнего Поволжья). Знаки этой группы, согласно ареалу, выявленному М.Д. Полубояриновой, принадлежали половецко-кыпчакским родам. Разгром и вытеснение их монголами из южнорусских степей и Заволжья [406, с. 266], вероятно, способствовали распространению знака в золотоордынскую эпоху.

К кыпчакам относят исследователи *знак "ворота"* (132–134; рис. 106), известный как тамга башкирских родов Дуван, Каршин, Гайна, а также у чувашей и удмуртов.

С башкирским родом Карагай-Кыпчак, возможно, связана единственная *тамга "весы"* (223; рис. 106), из гончарной мастерской конца XIV – первой половины XV в. Русско-Урматского селища. Появление этой тамги и ее связь со знаком "стремя", принадлежавшими родам Гзрзй-Карагай и Суун-Кыпчак, казахскому племени кунграт и тамгам ханов Золотой Орды [250, с. 180], возможно, связано со сменой власти и возникновением Казанского ханства.

Обращает на себя внимание характерный орнамент "елочка" из 2–3 встречных поясов гребенки у основания горла кувшинов, корчаг, распространившийся в этот период, особенно в Русском Урмате. Он подобен своеобразной орнаментации керамики групп VI–2 и VIII–2 приуральских истоков, выполненных, однако, в технике резьбы. Этот орнамент и техника его выполнения характерны, как уже отмечалось, для древней керамики Приуралья и сохранились в деревянной посуде башкир горных районов для кумыса и молока. Последняя изготавливалась бурзянами, карагай-кыпчаками, гирей-кыпчаками, юрматинцами [6, с. 149]. Параллели своеобразной орнаментации посуды этого района известны среди алтайцев, хакасов.

Своеобразие это заключается в преобладании узора "елочка", характерного для тюрко-угорского населения Приуралья. Узор композиционно и графически передает обвившееся вокруг горла сосуда тело змеи. Культ змеи известен у прикамско-приуральского населения, у татар и башкир [252, с. 362–363]. Вероятно, изображение тотема змеи передают тамги на булгарской керамике *в виде зигзага* (194–198; рис. 106) из Биляра и других городов. Они могли принадлежать населению, оставившему керамику групп VI–2 и VIII–2. Любопытна находка булгарского сосуда на Кыласовом городище в Пермском Прикамье с таким же клеймом (ПАКУ, № 293–784). Аналогичные знаки распространены среди бортных тамг южных удмуртов.

Вышеотмеченное сходство орнамента и семантики орнаментации керамики VI–2 (южные удмурты) и VIII (башкиры) групп может объясняться, вероятно, общностью их истоков (сылвенская культура) и культовых представлений. Появление керамики группы VIII–2 на Кыласовом городище во второй половине домонгольского периода, выявленной в слоях Биляра, вероятно, связано с известным по легендам переселением этой этнической группы башкир в Пермское Прикамье. Согласно преданию пермских башкир Екатеринбургского уезда, их предки переселились в 1119 г. из области булгарской и города, "называемого Шатер-Булгар" [171, с. 7]. Генетическое родство угорских групп – VI–2 и тюркизирующейся VIII – проявилось, по-видимому, в общности тамг XVII в. южноудмуртских родов, северо-западных башкир, татар и остяков Сылвенско-Иренского междуречья и хантов, отмеченной Д.М. Исаковым [173, с. 119].

К башкирскому роду тархан, очевидно, имеет отношение ***знак в виде двух кругов, соединенных "осью"*** (208; рис. 106), из Болгара (XIV в.). Он вырезан на чаше прикамской формы, свойственной керамике XVIII группы Болгара (рис.48, *12*), но "джукетоидной" по тесту и отделке. Возможно, этот род упоминается в преданиях о происхождении башкир и татар Пермского и Осинского уездов от поколения Тарханова [171, с. 6].

С башкирскими же родами связаны, вероятно, отчасти знаки-граффити на стенках сосудов из Биляра и Болгара ***в виде двойных скрещивающихся полос*** (231–232; рис. 106), характерные для декора посуды кушнаренковской группы населения Башкирского Приуралья [273, табл. 16, *1*]. На днищах кушнаренковских сосудов этот знак, вероятно, также является частью декора [273, табл. 15, *2–3, 8, 11*].

Знаки из Биляра ***в виде горизонтальной петли*** (200–201; рис. 106) сопоставимы с аналогичными у племени ирэк е в Северо-Западной Башкирии, бывшими, по Р.Г. Кузееву, в XII в. табынцами [250, с. 319–320]. Учитывая, что ирэктинцы служили в охране крепостей в Казанском ханстве, вероятно, можно соотносить с ними находки крупных сосудов с веревочно-гребенчатым орнаментом на Чаллынском [232, с. 152], Чертовом [175, с. 22, рис. 3, *8–10*] и других позднезолотоордынских городищах.

Клейма в виде вертикальной петли (202–204; рис. 106) из Биляра (XI в.) и Болгара имеют аналогии у юрматынцев Юго-Восточной Башкирии. В домонгольских материалах Биляра (I группа) эти знаки могли принадлежать носителям VIII группы керамики, сохранившей кушнаренковско-караякуповские традиции.

Возможна генетическая связь с западными башкирами-айлинцами, обладателями редкого клейма из Биляра (XII в.) ***в виде тупого ромба с ответвлениями*** (рис. 106, *43*), являющегося у айлинцев тамгой рода медведя, связанного с кыпчаками. Изображения медведя в керамике (кружки юго-восточных истоков) и в металле (ювелирный молоточек из Биляра) свидетельствуют о сохранении тотемических представлений, связанных с медведем, у населения Волжской Булгарии. Их отголоски зафиксированы этнографами у татар-мишарей Аксубаевского района РТ, у которых среди других молений отмечено и моление медведя.

Можно назвать еще несколько редких клейм, имеющих параллели в башкирских тамгах: ***"ковш"*** (157–160) – роды Ирэкте, Юрми, Байлар, ***"галочка"*** (123–129) – роды Гэрз, Елан, Каннлы и т.д. Единичными тамгами из Биляра и Болгара являются знаки ***"песочные часы"*** (кара-ногайцы, уйгуры, монголы), ***в виде буквы "Н"*** (казахи-найманы, крымские и казанские татары, кара-ногайцы), ***в виде буквы "Э"*** (крымские татары); ***знаки типов 224–225*** (рис. 106) известны в Крыму, ***типа 222*** – в Хакассии. Происхождение единичных знаков различно и не всегда поддается расшифровке. Некоторые из знаков причерноморских истоков (220–221) были обнаружены на ручках привозных тарных сосудов из золотоордынского слоя Болгара.

Рассмотрим распределение групп знаков по двум периодам: VIII – начало XIII в. и вторая половина XIII – начало XV в. Наблюдается преемственность в основных группах знаков "А" (с93 до 7%), ромб (93–7%), "ветка" (75,4–24,6%), черта (30,3–70,3%), "птичья лапка" (29,4–70,6%), перпендикуляр (50,3–50,3%), квадрат (76–24%), "галочка" (77,3–22,7%), треугольник (91,7–

8,3%), косой крест (41,7–58,3%), круг (69,2–30,8%), двузубец (82–18%) (табл. 8). Среди малочисленных групп тамг преемственность просле-живается у знаков "ворота", "треножник", прямой крест, свастика, "лук", зигзаг, горизонтальная и вертикальная петли, " тархан", XXXIX, LII, LIV групп, "песочные часы". Вероятно, они в основном связаны с местным прикамско-приуральским компонентом или более редкими пришлыми (табл. 8).

Однако имеется серия знаков из раннебулгарских могильников, которые отсутствуют на керамике домонгольского периода, а именно: прямоугольник, связанный, как я предполагаю, с огузским компонентом (рис. 106, *117–122*). Эти знаки зафиксированы среди чувашских и мордовско-эрзян-ских родовых тамг. Не получил распространения у булгар знак группы LVI (рис.106–107). Этот многофигурный знак из Больше-Тарханского могильника, вероятно, нужно отнести к чувашским тамгам, среди которых ему есть параллели. К этой же серии ранних знаков, не получивших распространение у булгар, относятся знаки групп XLIII, XLV из Больше-Тарханского могильника (рис. 106).

Значительный ряд знаков, встреченный в домонгольских материалах Биляра, отсутствует на золотоордынской керамике, а именно: "клещи" (XXXIV), "корабль" (XXVIII), "стрела" (V), "палатка"(XXIII), "ухват" (XXIV), "натянутый лук" (XXXVIII), знаки в виде сепоя, животного (собака, бобр?), буквы "х" и "ш", а также группы III, XXIX, XL, XLI (табл. 8). Часть этих знаков, вероятно, являлась семейно-родовыми тамгами купцов и ремесленников, деятельность которых прервалась с монгольским нашествием.

Новыми знаками, появившимися в золотоордынский период, являются единичные тамги XVI, XLVII, XLIII, XLIX (весы), L, LI групп (табл. 8). Какая-то доля этих знаков на импортной посуде, вероятно, связана с пребыванием иноземных купцов на Ага-Базаре и в Болгаре. Знак крест с удлиненным концом из Болгара (рис. 106, *151*) и некоторые другие на привозной посуде оставлены, возможно, выходцами из Северо-Восточного Прикаспия [279, рис. 2, *54, 57, 59*]. Ряд знаков, вероятно, появился благодаря включению тюркского населения из Северного Причерноморья.

Итак, большинство знаков золотоордынского периода продолжает развитие домонгольских, т.е. демонстрирует преемственность культуры тюркоязычного населения Волжской Булгарии (рис. 109–110). В то же время, судя по новым группам знаков, наблюдается приток тюркоязычных групп из Нижнего Поволжья, Дешт-и-Кыпчака, Хорезма. Часть знаков, кроме того, связана с включением прикамско-приуральского финно-угорского и угорско-тюркского населения.

Предложенная этническая интерпретация знаков-тамг не претендует на безошибочность и тем более полноту. Дальнейшие исследования керамики и знаков на ней внесут соответствующие коррективы.

В завершение главы отмечу, что изучение археолого-этнических групп керамики по комплексу признаков (техника, морфология, декор, знаки) показало преемственность и синкретизм их формирования. Эти процессы происходили на уровне как государственном, так и брачно-родственных отношений. Государственность волжских булгар в значительной мере определила повсеместное распространение высококачественной общебулгарской посуды, изготовлявшейся как в государственных, так и в частных мастерских. Выполняясь в традициях заказчиков, она постепенно становилась синкретичной и полиэтничной. Прослеженные в динамике, эти процессы проявили зависимость от исторического развития Волжской Булгарии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Массовая неполивная керамика – едва ли не самый благодатный источник для изучения этнической истории Волжской Булгарии. Использовавшаяся автором методика исследования керамики XI – начала XV в. позволила выявить ее этнокультурное содержание и представить в виде археолого-этнических групп различных истоков. Именно в этот хронологический отрезок завершается формирование булгарской и протекает сложение булгаро-татарской культуры.

Изучение керамики XI – начала XV в. позволяет утвердительно ответить на поставленный в начале работы вопрос о преемственности булгарской и булгаро-татарской культур и конкретно проследить сложные этнокультурные процессы взаимодействия, консолидации и ассимиляции, протекавшие в XI – начале XV в. и отразившиеся в керамике.

И булгарской, и булгаро-татарской керамике свойственна полиэтничность. Она формировалась в раннебулгарский и домонгольский периоды на основе посуды традиционных групп (I–XVII, XXI), представлявших различные этнокультурные компоненты: с VIII в. – болгаро-салтовский (I–III, XI, XII, XV), финно-угорский (V–VII), угорский (IV), а с X–XI вв. – огузо-кыпчакский (IX, X, XIII, XXI), тюрко-угорский (VIII, XVII) при участии поволжско-финского (XVI) и древнерусского (XIV).

Оформление основных черт булгарской культуры в домонгольский период обусловило ее преемственность и создало предпосылки для последующего включения близких этнических компонентов в золотоордынский период и образования новых групп керамики (VI–2, XVIII, XIX, XX, XXII).

Особенно заметное развитие получили в золотоордынскую эпоху традиции юго-восточных истоков, усилившиеся в это время благодаря XIX группе, связанной с выходцами из Хорезма. Эти традиции определили несколько иной, нежели в домонгольский период, облик булгаро-татарской посуды и ее взаимосвязь с развитием гончарства в Золотой Орде. Однако булгаро-татарская керамика отличается от нижневолжской золотоордынской заметным своеобразием, определяющимся наследием болгаро-салтовского, финно-угорского, угорского, угорско-тюркского этнокультурных компонентов, формировавших культуру предшествующего времени и сохраняющих свою роль в золотоордынский период.

В посуде Болгара XIV в. особенно заметно проявилось влияние традиций (формы и декор) неполивной и поливной посуды Отрарского оазиса и Отрара. Оно заметно в формах кувшинов с валиком по горловине (типы 6, 9, 24–25), т.н. дастарханах, мисках (типы 4–5), плошках, отделанных перекрестным лощением, кружках с рифленой или подчеркнутой двумя резными линиями горловиной, горшках с "ушками" (тип 9) и т.д. Воздействие этих традиций переходит из домонгольского периода в золотоордынский и активно продолжается в позднезолотоордынское время наряду с заметным влиянием Хорезма.

В золотоордынский период, хотя и не столь активно как в домонгольский, продолжается синтез признаков традиционных групп в общебулгарской посуде. Так, в XIII–XIV вв. продолжающееся взаимодействие носителей I, XIII и XVIII групп привело, вероятно, к сложению этнической основы пермских татар. Контакты XIII и VII групп, по-видимому, повлияли на формирование северо-западных башкир, а XIII с XVIII и XIX – в какой-то мере отразились в XIX (кипчакской) группе, придав ей местное своеобразие (котлы из Болгара). В результате взаимодействия XIII, XIV и XVI групп в Среднем Поволжье, особенно в Заказанье, возникает XX группа керамики, принадлежавшая, вероятно, финно-русско-тюркскому не мусульманизированному и зависимому от ордынцев населению. Однако последние процессы протекали главным образом за пределами изучаемой территории и требуют специального исследования. Недостаточно также изучено взаимодействие XVII и XVI групп. Возможна вероятность их участия в формировании древнечу-

вашской посуды. Обращение к VIII, XIII, XVII группам керамики привело меня к несколько иной этнической интерпретации, чем предложила Т. А. Хлебникова [451–452].

Преемственность культуры и этнического состава населения Волжской Булгарии домонгольского и золотоордынского периодов удалось проследить при изучении знаков на булгарской посуде. На основе выявленных групп тамг (с учетом джиенного устройства территориального деления и общественного строя у булгар) наметились локальные группы, связанные с определенными этнокультурными компонентами. Исследование керамики и общих групп тамг ("А", "ветка", квадрат, "стрела") Биляра и Русско-Урматского селища подтвердило гипотезу Н. Ф. Калинина о культурной и этнической преемственности населения этих городов.

Изучение наиболее многочисленных тамг группы "А", распространенных главным образом в Биляре и Русском Урмате, привело к выводу о принадлежности этих знаков основной этнической группе – болгарам-салтовцам и правящему роду. Резкое сокращение разновидностей тамг группы "А" в раннезолотоордынский период и во второй половине XIV в. и почти полное исчезновение их в XV в. свидетельствует об угасании правящего рода вследствие монгольского завоевания, ордынской политики и похода Тамерлана. Этот вывод согласуется с данными булгаро-татарской эпиграфики [473–474].

Новые немногочисленные знаки, появившиеся в середине – второй половине XIV и в начале XV в. (круг, черта, "весы" и др.), имеют огузо-кыпчакские параллели. С хазарскими этническими группами, вероятно, связаны знаки "гусиная лапка" в Биляре и особенно в Болгаре, отмеченные также на керамике нижневолжских центров Золотой Орды. Часть граффити на привозной тарной посуде из Болгара и Ага-Базара свидетельствуют о контактах с тюркоязычным населением Северного Причерноморья. Часть знаков связана с включением в состав населения Волжской Булгарии финно-угорских и угорско-тюркских этнических групп.

В керамике Волжской Булгарии нашли отражение "периоды угнетения" булгарской культуры: вторая половина XIII в. и

конец XIV в. Регрессивные тенденции в ее развитии проявились в более низком качестве общебулгарской керамики, в большем разнообразии форм и несложных узоров. Это связано, с одной стороны, с активным взаимодействием, смешением различных этнических групп с булгарами, а с другой – с возвратом собственно "булгарских" черт керамики. Последние проявились в виде реминисценций и реплик ранних форм и отделки (перекрестное лощение, горизонтальные каннелюры, валики, "плетенка", "вьющийся побег", фаски, налепы, зооморфные сюжеты). Многообразие в орнаментике и формах в "периоды угнетения" связано также с включением в сферу булгарского керамического производства гончаров разного происхождения.

В декоре булгарской посуды обоих периодов сочетаются геометрический, растительный и зооморфный стили, но каждый из них специфичен в композициях, исполнении и распространении во времени. Сочетание всех стилей на одном сосуде характерно для посуды XII – начала XIII в., т.е. периода расцвета булгарской домонгольской культуры, а также проявляется и в золотоордынский период. Зооморфные изображения в домонгольской ритуальной посуде в виде дикого гуся (казары), беркута, медведя, коня, барана, козла, петуха, совы сохраняются в посуде золотоордынской поры, хотя сюжеты менее разнообразны (гусь, беркут, медведь, петух).

Традиционность декора булгарской посуды домонгольского и золотоордынского периодов соответствуют тому, что в целом наблюдается в декоративно-прикладном искусстве булгар [79, с. 104, 126, 127].

Итак, изучение керамики Волжской Булгарии в этногенетическом аспекте позволяет реконструировать генезис булгарской культуры второй половины домонгольского и золотордынского периодов, а также оценить вклад различных этнокультурных компонентов в формирование булгарского и булгаро-татарского этносов. На протяжении этих двух периодов решающую роль в этом процессе играли традиции болгаро-салтовского и огуэо-кыпчакского населения в тесном контакте с финно-угорским миром Поволжья и Приуралья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамова М. П. О керамике с зооморфными ручками // СА. 1969. № 2. С.69–84.
2. Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА. 1979. № 2. С.31–50.
3. Абрамова М. П. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С.15–20.
4. Абрамова М. П. Подкумский могильник. М.: Наука, 1987. 181 с.

4а. Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР. М.: Наука, 1989. С.268–281.

5. Абрамова М. П., Магомедов М. Г. О происхождении культуры Андрей–аульского городища // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980. С.123–141.
6. Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г. Декоративно–прикладное искусство башкир. Уфа, 1964. 260 с.
7. Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 294 с.
8. Акбулатов И. М. Керамика Таптыковского городища эпохи раннего средневековья // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С.31–54.
9. Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 119 с.
10. Акишев К. А., Байпаков К. М. Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата: Мектеп, 1979. 159 с.
11. Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Позднесредневековый Отрар (XVI–XVIII вв.). Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. 343с.
12. Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата: Наука АзССР, 1987. 255 с.
13. Акчокраклы О. Татарские тамги в Крыму // ИКрымПИ. 1927. Кн.1. Отд.1. С.32–47.
14. Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 324 с.
15. Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии: (Вопросы этнического и социально–экономического развития). М.: Наука, 1971. 293 с.
16. Алексеева Е. П. Зооморфные ручки Дружбинского городища 2 // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С.196–200.
17. Алишев С. Х. К вопросу об образовании булгаро-татарской народности // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1985. Вып.3. С.109–117.
18. Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья: Археология СССР. М.: Наука, 1981. С.10–23.
19. Анисимов А. И. Неопубликованная монета и некоторые вопросы чеканки Рискупорида II (68–93 гг.) // ВДИ. 1989. № 1. С.93–97.
20. Арсланов Л. Ш. Топонимия финно-угорского происхождения в районах западного и восточного Закамья Татарской АССР // ВМО. 1987. Вып.6. С.78–88.
21. Арсланова Ф. Х. Керамика раннесредневековых курганов Казахстанского Прииртышья // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С.79–104.
22. Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону: (По материалам Северо–Кавказской экспедиции) // ИГАИМК. 1935. Вып.131. 148 с.
23. Артамонов М. И. История хазар. Под ред. и с примеч. Л. Н. Гумилева. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 524 с.
24. Археологическая карта Татарской АССР: Предкамье. М.: Наука, 1981. 211 с.
25. Археологическая карта Татарской АССР: Предволжье. Казань, 1985. 116 с.
26. Археологическая карта Татарской АССР: Западное Закамье. Казань, 1986. Ч.1. 111 с.
27. Археологические памятники бассейна р.Черемшан. Казань, 1990. 112 с.
28. Архипов Г.А. Марийцы IX–XI вв.: (К вопросу о происхождении народа). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. 199 с.
29. Архипов Г.А. Марийцы XII–XIII веков: (К этнокультурной истории

Поветлужья). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986. 115 с.
30. Архипов Г.А. Проблемы ранней этнической истории марийцев // АЭМК. 1988. Вып.14. С.56–78.
31. Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья: (По материалам погребений). Новосибирск: Наука, 1984. 152 с.
32. Аспарухов М. Средневековни графити от Северозападна България // ИИ. 1984. Т.XI–XII. 314 с.
33. Атагаррыев Е. Материальная культура Шехр-Ислама. Ашхабад: Ылым, 1973. 101 с.
34. Атаманов М.Г. Расселение удмуртов по данным этнотопонимики // Проблемы этногенеза удмуртов. Ижевск, 1987. С.80–103.
35. Атаманов М.Г. Удмуртская ономастика. Ижевск: Удмуртия, 1988. 168 с.
36. Афанасьев Г. Е. Керамика Мокрой Балки // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С.57–78.
37. Афанасьев Г. Е. Исследования южного угла Маяцкой крепости в 1977–1979 гг. // Маяцкое городище: (Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). М.: Наука, 1984. С.26–56.
38. Ахинжанов С. М. Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. С.46–53.
39. Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. 293 с.
40. Ахмедов Г. М. Неполивная керамика Орен-Кала: (По материалам раскопок 1953–1955 гг.) // МИА. 1959. № 67. С.186–226.
41. Ахмеров Р. Б. Скала Тамга-Таш в Башкирии // СА. 1968. № 4. С.199–208.
42. Ахмеров Р. Б. О генезисе башкирских тамг // Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа, 1969. С.117–119.
43. Ахмеров Р. Б. Уфимские погребения IV–VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. М.: Наука, 1970. С.161–193.
44. Бабаев А. Средневековый жилой дом на Ярты-депе // ПАТ. Ашхабад: Ылым, 1984. С.128–135.
45. Бадер О. Н. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947–1952) // УЗПермГУ. 1953. Т.9. Вып.3. С.3–87.
46. Байпаков К. М. Раскопки усадьбы на городище Талгар // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. С.71–80.
47. Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). Алма-Ата: Наука КазССР, 1986. 255 с.
48. Байпаков К. М. Город и степь в эпоху средневековья: (По материалам Южного Казахстана и Семиречья) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. С.336–345.
49. Байпаков К. М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата: Наука КазССР, 1990. 207 с.
50. Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Некоторые итоги раскопок городища Жаксалык // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. С.22–41.
51. Байпаков К. М., Подушкин А. Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тысячелетие н.э.). Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. 158 с.
52. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
53. Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период: (По поводу семиреченских надписей) // Соч. М.: Наука, 1964. Т.2(2). С.265–302.
54. Батчаев В. М. Сармато-аланские элементы в традиционной культуре балкарцев // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986. С.154–172.
55. Башкиров А. С. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 г.: (Краткие отчетные сведения) // МОРРП. 1929. Вып.3. С.27–36.
56. Баязитова Ф. С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М.: Наука, 1986. 248 с.
57. Белавин А. М. Городищенское городище на р. Усолке // Приуралье в древности и в средние века. Ижевск, 1986. С.130–142.
58. Белавин А. М. О раннем этапе болгаро-пермских контактов // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С.125–130.
59. Белавин А. М., Оборин В. А. Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в

X–XIII вв. // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань, 1986. С.63–75.
60. Беляев Я. В. Погребальный памятник XI–XIV вв. у с. Старое Бадиково (раскопки 1981–1982 гг.) // ТМордНИИ. 1988. Вып.85. С.104–117.
61. Бетрозов Р. Ж. Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980. С.113–122.
62. Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983. 169 с.
63. Биджиев Х. Х. Поселения древних болгар Северного Кавказа VIII–X вв.: (По материалам Карачаево-Черкесии и Ставропольской возвышенности) // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С.34–45.
64. Биджиев Х. Х., Саволайнен Н. П. Керамика Хумаринского городища VIII–X вв. н.э. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1982. С.113–133.
65. Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Киев: Наукова думка, 1977. 234 с.
66. Богданова Н. А. Могильник первых веков нашей эры у с. Завет-ное // ТГИМ. 1989. С.17–70.
67. Болотов М. К. Бадзим куала в д. Новая Монья в Южной Удмуртии // ВАУ. 1967. Вып.7. С.182–191.
68. Брусенко Л. Г. Глазурованная керамика Чача IX–XII веков. Ташкент: ФАН, 1986. 91 с.
69. Брыкина Г. А. Карабулак. М.: Наука, 1974. 128 с.
70. Булатов А. Б. Топонимы и этнонимы Волго-Камья у Ибн-Фадлана, Идриси, на карте Каталонского атласа, Фра Мауро и на картах XVI–XVII вв. // ОП. 1969. Вып.1. С.42–47.
71. Булатов А. Б. Среднее Поволжье на трех картах мира, составленных в XIV–XV вв. венецианцами и испанцем // ИКЧувАССР. 1972. Вып.2. С.396–399.
72. Бурганова Н. Б. О системе народного праздника джиен у казанских татар: (Исследование и приложение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1982. С.20–67.
73. Бурганова Н. Б. О формировании татарских говоров Заказанья// К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985. С.3–31.
73а. Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент: Фан, 1982. 212 с.
74. Бяшимова Н. С. Поливная керамика Южного Туркменистана (IX–XIV вв.). Ашхабад: Ылым, 1989. 224 с.
75. Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии: (Древность и средние века). М.: Наука, 1976. С.66–74.
76. Вайнштейн С. И. Некоторые закономерности генезиса компонентов этнических культур (орнаментика) // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986. С.130–142.
77. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.)//ТХАЭЭ. 1959. Т.4. С.261–342.
78. Валеев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1975. 214 с.
79. Валеев Ф. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф. Древнее искусство Татарии. Казань: Тат. кн. изд-во, 1987. 166 с.
80. Валеева-Сулейманова Г. Ф., Шагеева Р. Г. Декоративно-прикладное искусство казанских татар. М.: Сов. художник, 1990. 215 с.
81. Васильев В. И., Шитова С. Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенеза башкир)// Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982. С.18–40.
82. Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской руническ-ой письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М.: Наука, 1983. 142 с.
83. Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.: Наука, 1983. 126 с.
84. Васильев И. Б., Матвеева Г. И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйб. кн. изд-во, 1986. 231 с.
85. Васильева И.Н. Теплотехническая характеристика гончарных горнов Волжской Болгарии // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987. С.120–135
86. Васильева И. Н. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С.103–150.
87. Васильева И. Н. Технология гончарного производства населения Волжской Болгарии в X–XIV вв.: АКД. М.: МГУ, 1989. 27 с.
88. Васильева И. Н. Сравнительный анализ сельского и городского гончарства Волжской Болгарии в золотоордынский период // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытнообщинного строя: (Информационные материалы). Свердловск, 1989. С.71–

74.
89. Викторова В. Д., Генинг В. Ф., Стоянов В. Е. Археологическая экспедиция Уральского университета // АЭБ. 1964. Т.2. С.191–197.
90. Виноградов В. Б. К вопросу об изображении животных на сарматской керамике // Археологический сборник. М.: Изд-во МГУ, 1961. С.32–46.
91. Виноградов З. Сфероконические сосуды с узким горловым отверстием // КМВ. 1922. № 2. С.75–119.
92. Вихляев В. И. Древняя мордва Посурья и Примокшанья: (Учеб. пособие). Саранск, 1977. 98 с.
93. Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Очерк этнографии удмуртов: (Учеб. пособие). Ижевск, 1984. 54 с.
94. Водолаго Н. В. Материалы к археологической карте неволинской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. Вып.2. С.35–55.
95. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного времени // ТХАЭЭ. 1959. Т.4. С.63–220.
96. Воскресенский А. С., Смирнов А. П. Археологическое исследование Соборной мечети (четырехугольника) в Великих Болгарах // СА. 1966. № 1. С.244–257.
97. Гаврилина Л. М. Прикладное искусство кочевников Восточной Европы X–XIV веков: АКД. М.: ИА АН СССР, 1986. 19 с.
98. Гаджиев М. С. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С.47–72.
99. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 215 с.
100. Гамзатов Г. Г. Неполивная керамика Дербента XIII–XVI вв. // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С.118–140.
101. Гарипова Ф. Г. Этнолингвистические пласты в гидронимии Заказанья // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978. С.50–58.
102. Гарипова Ф. Г. Некоторые параллели в топонимии Среднего Поволжья // Нормативность и вариативность в татарском языке. Казань, 1987. С.90–107.
103. Гарустович Г. Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников западной и центральной Башкирии // Проблемы древних угров на южном Урале. Уфа, 1980. С.130–139.

104. Гемуев И. Н. Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-Алтаистика: (Археология, этнография, язык). Новосибирск: Наука, 1985. С.137–143.
105. Генинг В. Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // ТКФАН, сер. гуманит. наук. 1959. Т.2. С.157–220.
106. Генинг В. Ф. Памятники неволинского типа и их место в истории уральского населения // АА. 1965. Т.17. С.335–342.
107. Генинг В. Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // ВФУЯ. 1967. Вып.4. С.271–278.
108. Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э.: (Проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С.221–295.
109. Генинг В. Ф. Могильник чепецкой культуры у дер. Весьякар (IX–XII вв.) // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. Ижевск, 1979. С.87–106.
110. Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры: Пьяноборская эпоха (III в. до н. э. – II в. н.э.). М.: Наука, 1988. 240 с.
111. Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // ВАУ. 1969. Вып.9. С.30–56.
112. Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., Хлебникова Т. А., Вайнер И. С., Казаков Е. П., Валеев Р. П. Археологические памятники у села Рождествено. Казань: Изд-во КГУ, 1962. 127 с.
113. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге: (Большетарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.
114. Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.: Наука, 1987. 253 с.
115. Гмыря Л. Б. Глиняные котлы Андрейаульского городища I тысячелетия н.э. // СА. 1979. № 3. С.269–275.
116. Гмыря Л. Б. Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия.) // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С.105–134.
117. Гмыря Л. Б. Кухонные горшки Андрейаульского городища // СА. 1980. № 1. С.306–313.
118. Гмыря Л. Б. Из истории ремесленного производства в раннесредневековом Дагестане: (По материалам раскопок Агачкалинского поселения) // Древние промыслы, ремесло и торговля в Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала,

1984. С.73–90.
119. Голдина Р. Д. Подкаменное городище – памятник неволинской культуры в бассейне р. Сылвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. Вып.2. С.56–71.
120. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1985. 280 с.
121. Голдина Р. Д. Жертвенное место Чумойтло в Южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С.84–106.
122. Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники неволинской культуры Приуралья. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1988. 203 с.
123. Голдина Р. Д., Кананин В. Д. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 214 с.
124. Гольмстен В. В. Материалы по археологии Самарской губернии, II. Керамика древних поселений Самарской Луки // БОАИЭ. 1925. № 3. С.6–11.
125. Гоняный М. И., Мошинский А. П., Недошивина Н. Г. Исследования в районе Куликова поля // АО-1986. М.: Наука, 1988. С.57–58.
126. Горбунова Н. Г. Кугайско-карабулакская культура Ферганы // СА. 1983. № 3. С.23–46.
127. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 478 с.
128. Григорьев А. П. Тамги на золотоордынской керамике // ВЛУ. 1981. Вып.4. С.98–99.
129. Григорьева Г. В., Терехина Л.С., Терехина Н. А., Халиков А. Х. Гончарная керамика Билярского городища: (По материалам раскопок 1967–1972 гг.) // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976. С.186–211.
130. Гришаков В. В. Керамика Абрамовского могильника // ТМордНИИ. 1988. Вып.93. С.44–62.
131. Гришаков В. В. К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тыс. н. з. // ТМордНИИ. 1988. Вып.85. С.71–103.
131а. Гришаков В. В. Керамика среднецнинской мордвы // ТМордНИИ. 1990. Вып.99. С.32–46.
132. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 504 с.
133. Гущина И. И. Некоторые формы сарматской керамики из Пантикапея // ТГИМ. 1960. Вып.37. С.105–110.
134. Гущина И. И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.з. //ТГИМ. 1982. Вып.54. С.20–30.
135. Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник – памятник хунну в Забайкалье). Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 111 с.
136. Давлетшин Г. М. Духовная культура населения Волжской Булгарии домонгольского периода (X – начала XIII в.): АКД. Казань: КГУ, 1982. 19 с.
137. Давлетшин Г. М., Кокорина Н. А., Халиков А. Х., Хузин Ф. Ш. Работы в Биляре // АО-1974. М.: Наука, 1975. С.152–154.
138. Дашевская О. Д. Граффити на стенах здания в Неаполе скифском // СА. 1962. № 1. С.173–194.
139. Джанполадян Р. М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани // СА. 1958. № 1. С.201–213.
140. Джанполадян Р. М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982. 50 с.
141. Диакону П. К. К вопросу о глиняных котлах на территории РНР// Dacia. 1964. T.8. S.249–263.
142. Динес Е. И. Традиционная пища и домашняя утварь мордвы // ТИЭ, нов. серия. 1963. Т.86. С.104–126.
143. Дончева-Петкова А. Знаци върху археологически паметници от средневековиа България VII–X. София, 1980. 187 с.
144. Драчук В. С. Система знаков Северного Причерноморья: Тамгообразные знаки северо-понтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев: Наукова думка, 1975. 176 с.
145. Дьякова О. В., Коновалов П. Б. Хуннские традиции в средневековом гончарстве Дальнего Востока СССР // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока СССР в средние века. Владивосток, 1988. С.16–32.
146. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
147. Ерзакович Л. Б. О южноказахстанском компоненте в материальной культуре городов Золотой Орды // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1970. С.60–68.
148. Ефимова А. М. Черная металлургия города Болгара // МИА. 1958. № 61. С.292–315
149. Ефимова А. М. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымеры // МИА. 1962. № 111. С.25–48.
150. Жиганов М. Ф. Из истории ремесла, домашнего производства и

торговых связей мордвы в XIII–XVI вв. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1959. С.138–168.
151. Закиев М. З. Татар халкы теленен барлыкка килуе. Казань: Тат. кн. изд-во, 1977. 207 с.
152. Закиев М. З. Об истоках языка основных компонентов казанских татар: (К этногенезу тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья) // УЗКазанГПИ. 1978. Вып.186. С.3–65.
153. Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С.220–243.
154. Заляй Л. З. К вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка) // Происхождение казанских татар. Казань: Татгосиздат, 1948. С.81–89.
155. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX–X вв. М.: ИВЛ, 1962. 279 с.
156. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М.: Наука, 1967. Т.2. 211 с.
157. Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. 328 с.
158. Иванов В. А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII–XIV вв. н.э.: АДД. М.: ИААН СССР, 1990. 45 с.
159. Иванов В.А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 92 с.
160. Иванов В. В., Топоров В. Н. Медведь // Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т.2. С.128–130.
161. Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX вв.) // ТИЭ, нов. серия. 1963. Т.81. 500с.
162. Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX вв.). Л.: Наука, 1979. 194 с.
163. Иванова М. Г. Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976. С.93–106.
164. Иванова М. Г. Хозяйство северных удмуртов в конце IX – начале XIII в. н.э. // Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э. Ижевск, 1979. С.6–68.
165. Иванова М. Г. Городище Гурья-кар // Средневековые памятники бассейна р.Чепцы. Ижевск, 1982. С.3–26.

166. Иванова М. Г. Городище Идна-кар: (Результаты исследований 1975–1977 гг.) // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск, 1985. С.3–36.
167. Иванова М. Г. Некоторые проблемы этнокультурной истории удмуртов в конце I – начале II тысячелетия н. э. // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С.70–83.
168. Иванова М. Г. Основные этапы этнической истории северных удмуртов // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С.5–19.
169. Иванова М. Г. Удмуртско-болгарские связи в конце I – начале II н.э. // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990. С.117–124.
170. История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). Алма-Ата: Наука КазССР, 1977. Т.1. 478 с.
171. Исхаков Д. М. Из истории изучения формирования тюркоязычного населения Пермского края // Пермские татары. Казань, 1983. С.6–18.
172. Исхаков Д. М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С.36–64.
173. Исхаков Д. М. К вопросу об "истяцком" компоненте пермских татар и его связи с носителями сылвенской культуры // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1986. С.114–121.
174. Кабанов С. К., Филанович М. И., Урманова М. Х. Раскопки части жилого массива IX–XI вв. // Афрасиаб. Ташкент: ФАН, 1974. Вып.3. С.63–83.
175. Кавеев М. М. Исследование Елабужского городища // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984. С.18–26.
176. Кадырбаев А. Ш. Тюрки в монгольской империи Чингисхана и его преемников (XIII–XIV вв.): Науч. аналит. обзор. Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. 37 с.
177. Кадырбаев М. К. Зооморфные костяные пластины из Северного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1975. С.130–140.
178. Кадыров З. Б. Новые материалы к изучению культуры древних скотоводов Ферганы: (По материалам раскопок могильника Гурмирон в 1973 г.) // УСА. 1975. Вып.3. С.33–36.

179. Казаков Е. П. К вопросу об этническом составе и локализации населения раннебулгарского государства // ТД науч. конф. мол. ученых. Казань, 1967. С.75–78.
180. Казаков Е. П. О башкиро-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Болгарии: (По материалам керамики)// АЭБ. 1971. Т.4. С.122–128.
181. Казаков Е. П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника// Вопросы этногенеза тюркоязычных нардов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С.94–155.
182. Казаков Е. П. Танкеевский могильник: (К вопросу об этнокультурных компонентах ранней Волжской Болгарии): АКД. М.: МГУ, 1972. 22 с.
183. Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 129 с.
184. Казаков Е. П. О болгаро-салтовском компоненте в погребальных инвентарях ранней Волжской Булгарии // Плиска – Преслав. София, 1981. Т.2. С.127–132.
185. Казаков Е. П. Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981. С.115–135.
186. Казаков Е. П. Об археологическом изучении раннебулгарского периода // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982. С.29–37.
187. Казаков Е. П. О некоторых вопросах истории ранней Волжской Болгарии (VIII–X) по новым археологическим данным // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984. С.125–128.
188. Казаков Е. П. Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным // СА. 1985. № 4. С.178–185.
189. Казаков Е. П. Новые исследования средневековых памятников со шнуровой керамикой в восточных районах Татарии // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987. С.25–32.
190. Казаков Е. П. О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. С.67–75.
191. Казаков Е. П. О хронологической типологии и этнокультурных контактах кушнаренковских памятников Татарии // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С.18–30.

192. Казаков Е. П. О взаимодействии болгаро-салтовского и приуральского населения (по материалам керамики Волжской Болгарии) // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С.122–133.
193. Казаков Е. П. О поломской керамике Волго-Камья //Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С.34–42.
194. Казаков Е.П. О взаимодействии волжских болгар с населением Верхнего и Среднего Поволжья в X–XI вв. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: ТД. Горький, 1990. С.218–225.
195. Казаков Е. П., Халикова Е. А. Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника // Из истории ранних булгар. Казань, 1981. С.21–35.
196. Казанцева О. А., Ютина Т. К. Керамика кушнаренковского типа Благодатского I городища // Приуралье в древности и в средние века. Ижевск, 1986. С.110–129.
197. Казиев С. М. Археологические раскопки в Мингечауре: Альбом кувшинных погребений. Баку: Изд-во АН АзССР, 1960. 27 с.
198. Калинин Н. Ф. Золотоордынская керамика в историко-археологическом отделе Центр. музея Т. Р. // МЦМ. 1927. № 1. С.10–13.
199. Калинин Н. Ф. Булгарское искусство в металле: К вопросу о происхождении татарского народного искусства. Казань: ГМТР, 1945. 12 с.
200. Калинин Н. Ф. К вопросу о происхождении казанских татар // Происхождение казанских татар. Казань: Татгосиадат, 1948. С.90–107.
201. Калинин Н. Ф. Казань: Исторический очерк (2-е, исправл. и дополн. изд.). Казань: Таткнигоиздат, 1955. 415 с.
202. Калинин Н. Ф. К итогам археологической экспедиции КФАН СССР 1955 года // ИКФАН, сер.гуманит.наук. 1957. Вып.2. С.201–204.
203. Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 128 с.
204. Капошина С. И. Одна из групп керамики с Кобякова городища // КСИА. 1963. Вып.94. С.37–46.
205. Кастанян Е. Г. Сарматские сосуды из Тиритаки с ручками в виде животных //СА. 1951. Т.XV. С.247–255.
206. Кастанян Е. Г. Художественные элементы в лепной керамике Боспора // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т.1. С. 392–405.

207. Каховский В. Ф. Была ли письменность у чувашей в древности? // УЗЧувНИИ. 1962. Вып.21. С.201–225.
208. Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1963. 492 с.
209. Каховский В. Ф. Сувары и чуваши // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972. С.200–217.
210. Каховский В. Ф., Смирнов А. П. Хулаш // Там же. С.3–73.
211. Каховский В. Ф., Смирнов А.П. О взаимосвязях булгарских и суварских племен с местным населением Среднего Поволжья // Там же. С.74–114.
212. Каховский В. Ф., Смирнов А. П. Памятники средневековья Чувашского Поволжья // Там же. С.115–166.
213. Кдырниязов М. Ш. Культурные связи золотоордынских городов Хорезма // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата: Наука КазССР, 1983. С.103–109.
214. Керефов Б. М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988. 216 с.
215. Кляшторный С. Г. Хазарская надпись на амфоре с городища Маяки // СА. 1979. № 1. С.270–275.
216. Ковалевский А. П. Чуваши и булгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1954. 64 с.
217. Ковалевская В. Б. Древние болгары на Северном Кавказе // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: ТД. Махачкала, 1975. С.78–80.
218. Ковалевская В. Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья: Археология СССР. М.: Наука, 1981. С.83–97.
219. Ковалевская В. Б. Северный Кавказ в X–XIII вв. // Там же. С.224–228.
220. Козенкова В. И. Гайрат-Тепе: (К истории населения Ферганы первой половины I тысячелетия) // СА. 1964. № 3. С.218–237.
221. Козин С. А. Тамги у крымских татар // ЭИ. 1921. № 1. С.25–29.
222. Козлов В. И. Гончарная керамика поселений балкано-дунайской культуры VIII–X вв. в приморской части Днестровско-Дунайского междуречья // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца, 1988. С.28–54.
223. Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во МГУ, 1978. 345 с.

224. Кокорина Н. А. Раскопки в гончарном районе Билярского городища // Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание: ТД. Казань, 1974. С.41–42.
225. Кокорина Н. А. Лепная и близкая к ней керамика Билярского городища (по материалам 1967–1971 гг.) // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976. С.212–227.
226. Кокорина Н. А. Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983. С.50–67.
227. Кокорина Н. А. Работы в окрестностях Биляра // АО-1982. М.: Наука, 1984. С.152.
228. Кокорина Н. А. Булгарская керамика с зооморфными ручками в виде медведей // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1986. С.146–150.
229. Кокорина Н. А. О технике билярского гончарства // Посуда Биляра. Казань, 1986. С.61–72.
230. Кокорина Н. А. Знаки на керамике Волжской Булгарии // Ранние болгары в Восточной Европе: ТД. Казань, 1988. С.7.
231. Кокорина Н.А. Об одной группе знаков на керамике Волжской Булгарии // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С.89–97.
232. Кокорина Н. А., Кузьминых С. В. Работы на Чаллынском городище // АО-1983. М.: Наука, 1985. С.152–153.
233. Коновалов П. Г. Хунну в Забайкалье: (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 220 с.
234. Кочкина А. Ф. Гончарные клейма Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983. С.69–91.
235. Кочкина А. Ф. Некоторые вопросы изучения гончарной керамики Билярского городища: (К разработке методики типологического анализа) // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1983. С.53–61.
236. Кочкина А. Ф. Рунические знаки на керамике Биляра // СТ. 1985. № 4. С.75–80.
237. Кочкина А. Ф. Гончарная посуда // Посуда Биляра. Казань, 1986. С.24–53.
238. Кочкина А. Ф. Находки древнерусской керамики на Билярском городище // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань, 1986. С.117–122.

239. Кочкина А. Ф. Знаки и рисунки на керамике Биляра // Ранние булгары в Восточной Европе. Казань. 1989. С.97–107.
240. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев: Наукова думка, 1986. 127 с.
241. Краснов Ю. А., Каховский В. Ф. Средневековые Чебоксары: (Материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг.). М.: Наука, 1978. 192 с.
242. Кригер В. А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X–XIV вв.): АКД. М.: МГУ, 1985. 26 с.
243. Кригер В. А. Средневековые кочевники Заволжья: (Обзор источников)// Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во СГУ, 1986. С.114–131.
244. Кругликова И. Т. Погребение IV–V вв. н. э. в дер. Айвазовское // СА. 1957. № 2. С.253–257.
245. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М.: Наука, 1971. 208 с.
246. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
247. Кубарев В. Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С.101–119.
248. Кудрявцев А. А. Раскопки богатого здания VIII–XIII вв. в жилом квартале средневекового Дербента // МАД. 1977. № 7. С.74–103.
249. Кузеев Р. Г. К этнической истории башкир в конце I – начале II тыс. н.э. // АЭБ. 1968. Т.3. С.228–248.
250. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: (Этнический состав, история расселения). М.: Наука, 1974. 571 с.
251. Кузеев Р. Г. Проблемы этнической истории народов Среднего Поволжья и Южного Урала с середины второй половины I тысячелетия н.э. до XVI в.: Препринт. Уфа, 1987. 67 с.
252. Кузеев Р. Г., Гарипов Т. М., Иванов В. А., Моисеева Н. Н. Об истории этнокультурных контактов индоевропейских, уральских и алтайских народов в Урало-Поволжье // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982. С.3–17.
253. Кузеев Р. Г., Иванов В. А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V–XVI веках и проблема происхождения чувашского народа // Болгары и чуваши. Чебоксары, 1984. С.3–22.
254. Кузеев Р.Г., Кузеев Н. Р., Гарипов Т. М. Тамги на намогильных памятниках башкирских кладбищ // Бирюковские чтения – 4: ТД. Челябинск, 1977. С.79–82.
255. Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. № 106. 137 с.
256. Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища // СА. 1963. № 1. С.298–305.
257. Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука КазССР, 1972. 156 с.
258. Кураева Л. А. Средневековая привозная каменная утварь из Мерва и Нисы // ТЮТАКЭ. 1969. Т.14. С.217–226.
259. Кызласов И. Л. Новая руническая письменность Южной Сибири // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С.108–144.
260. Кызласов И. Л. Рунические надписи Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс: (Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). М., 1990. С.10–40.
261. Кызласов И. Л. Древнетюркские рунические надписи Евразии: Опыт палеографического анализа. М., 1990.
262. Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М.: ИФВЛ, 1994. 328 с.
263. Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960. № 3. С.93–120.
263а. Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
264. Кызласов Л. Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья: Археология СССР. М.: Наука, 1981. С.54-59.
265. Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Наука, 1990. 216 с.
266. Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. // ТХАЭЭ. 1971. Т.7. 250 с.
267. Ленц Г. Т. Влияние волжских болгар на развитие косторезного производства у древних коми-пермяков // Ранние болгары в Восточной Европе: ТД. Казань, 1988. С.18–19.
268. Лихачев А. Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II Археологического съезда. СПб., 1876. Т.I. С.1–50 (оттиск).
269. Лобачева Н. П. К истории календарных обрядов у земледельцев Средней Азии // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии: (Историко-этнографические очерки). М.: Наука, 1986. С.6–30.

270. Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата: (По материалам археологических исследований и письменным данным). М.: Наука, 1983. 214 с.
271. Магомедов М. Г. Ранние кочевники в Прикаспии // Ранние болгары в Восточной Европе: ТД. Казань, 1988. С.8–9.
272. Магомедов М. Г. Дагестан и страна Берсилия // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С.24–34.
273. Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
274. Мажитов Н. А. Историческая Башкирия по данным письменных источников и археологии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С.88–101.
275. Макарова В. Н., Халиков А. Х. Поливная или глазурованная керамика билярского производства // Посуда Биляра. Казань, 1986. С.53–60.
276. Макарова Т. И., Плетнева С.А. Типология и топография знаков мастеров на стенах внутреннего города Плиски // Сборник в памет на проф. Станко Ваклинов. София, 1984. С.83–97.
277. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: (Тексты и исследования). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
278. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков: (Тексты и переводы). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 116 с.
279. Маммаев М. М. Знаки на керамике Урцекского городища // МАД. 1973. Т.3. С.88–99.
280. Маммаев М. М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала, 1989. 346 с.
281. Маргулан А. Х. Джезказган – древний металлургический центр: (Городище Милыкудук) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. С.3–42.
282. Маргулан А. Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1978. С.3–37.
283. Мартьянов В. Н. Памятники прикладного искусства мордвы. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1971. 123 с.
284. Мартьянов В. Н. Пиктографические изображения на парях – свадебных сундуках мордвы Горьковской области // ТМордНИИ. 1974. Вып.45. С.138–157.
285. Мартьянов В. Н. Могильник Красное I // ТМордНИИ. 1988. Вып.93. С.80–100.
286. Махмугова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов: (Мишарский диалект татарского языка). М.: Наука, 1978. 168 с.
287. Махмутова Л. Т. О некоторых татарско-куманских параллелях (по материалам фонетики и грамматики) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1985. Вып.3. С.117–142.
288. Махмутова Л. Т. Татарское языкознание в ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФАН СССР за 25 лет (1961–1986): Краткий обзор // Исследования по лексике и грамматике татарского языка. Казань, 1986. С.3–13.
289. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. 1966. Вые.Е1-36. 184 с.
290. Медведев В. Е. Приамурье в конце I – начале II тысячелетия: (Чжурчжэньская эпоха). Новосибирск: Наука, 1986. 205 с.
291. Мендиаров [?]. О черемисах Уфимской губернии // ЭО. 1894. № 3. С.34–53.
292. Мещанинов И. И. Загадочные знаки Причерноморья // ИГАИМК. 1933. Вып.62. С.3–88.
293. Милорадович О. В. Знаки на керамике Верхнего Джулата // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С.231–235.
294. Михальченко С. Е. Систематизация массовой неполивной керамики золотоордынских городов Поволжья // СА. 1973. № 3. С.118–132.
295. Михальченко С. Е. Сфероконусы Поволжья // КСИА. 1974. Вып.140. С.46–50.
296. Мошкова М. Г. К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики // КСИА. 1980. Вып.162. С.45–52.
297. Мошкова М. Г. Среднесарматская культура // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР. М.: Наука, 1989. С.177–191.
298. Мошкова М. Г. Позднесарматская культура // Там же. С.191–202.
299. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
300. Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 189 с.
301. Мухамедова Р. Г. Татары-мишари: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1972. 248 с.

302. Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань: Тат. кн. изд-во, 1987. 128 с.
303. Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшины: Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1977. 184 с.
304. Мухаметшин Ю. Г. Типы сельских жилищ (конец XIX – начало XX в.) // Пермские татары. Казань, 1983. С.67–94.
305. Мухиддинов И. Обряды и обычаи припамирских народностей, связанные с циклом сельскохозяйственных работ // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.: Наука, 1986. С.70–93.
306. Нахапетян В. Е. Знаки строителей на камнях Маяцкого городища // СА. 1988. № 3. С.91–105.
307. Нахапетян В. Е. О назначении знаков на астрагалах (салтово-маяцкая культура) // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С.73–89.
308. Нахапетян В. Е. Граффити Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс: (Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). М., 1990. С.41–91.
309. Нахапетян В.Е. Раннесредневековые граффити Юго-Восточной Европы (VIII–X вв.): АКД. М.: ИА АН СССР, 1990. 21 с.
310. Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб // Афрасиаб. Ташкент: ФАН, 1969. Вып.1. С.153–205.
310а. Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.): Из истории жилища и семьи: (Археолого-этнографические очерки) // ТХАЭЭ. 1976. Т.9. 256 с.
311. Оборин В.А. Некоторые проблемы изучения родановской культуры // УЗПермГУ. 1956. Т.11. Вып.3. С.84–103.
312. Оборин В. А., Балашенко Л. А. Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // УЭПермГУ. 1968. № 191. С.28–48.
313. Овчаров Д. Български средневековни рисунки-графити. София: Дьржавно изд-во Септември, 1982. 367 с.
314. Пархоменко О. В. Поселения салтовской культуры у с. Жовтневое // Земли Южной Руси в IX–XIV вв.: (История и археология). Киев: Наукова думка, 1985. С.84–95.
315. Пацевич Г. И. Городище Шаушукумтобе // Древности Чардары: (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. С.80–92.

316. Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 175 с.
317. Петренко В. А. Ручки сосудов в виде животных на Ханкальском 2-м городище // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С.33–37.
318. Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии // ТИЭ, нов. серия. 1959. Т.52. 395 с.
319. Пилипко В. Н. О некоторых станциях на средневековом торговом пути из Термеза в Бухару // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1984. С.158–171.
320. Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62. С.151–226.
321. Плетнева С. А. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. 1959. № 75. С.212–272.
322. Плетнева С. А. От кочевий к городам: (Салтово-маяцкая культура) // МИА. 1967. № 142. 199 с.
323. Плетнева С. А. Сосуды с зооморфными чертами в салтово-маяцких древностях // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С.205–211.
324. Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья: Археология СССР. М.: Наука, 1981. С.62–75.
325. Плетнева С. А. Ранние болгары на Волге // Там же. С.77–80.
326. Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы // Там же. С.213–222.
327. Плетнева С. А. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 188 с.
328. Плетнева С. А. Маяцкое городище // Маяцкое городище: (Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). М.: Наука, 1984. С.1–19.
329. Плетнева С. А. Рисунки на стенах Маяцкого городища // Там же. С.57–94.
330. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье: (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 287 с.
331. Плетнева С. А. Половцы. М.: Наука, 1990. 206 с.
332. Плетнева С. А., Красильников К. И. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс: (Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). М., 1990. С.92–139.

333. Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.: Наука, 1977. 184 с.
334. Пожидаев В. П. Кабардино-Черкесская тамга и кавказский орнамент // УЗКабНИИ. 1948. Т.4. С.28–34.
335. Полесских М. Р. В недрах времен: (Археологические памятники в Пензенской области). Пенза: Пенз. кн. изд-во, 1956. 103 с.
336. Полесских М. Р. Исследование памятников типа Золотаревского городища // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С.202–216.
337. Полесских М. Р. О культуре и некоторых ремеслах обулгаризованных буртас // Из истории ранних булгар. Казань, 1981. С.56–68.
338. Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978. 133 с.
339. Полубояринова М. Д. Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980. С.165–212.
340. Постикэ Г. И. Глиняные котлы на территории Молдавии в раннесредневековый период // СА. 1985. № 3. С.227–239.
341. Постикэ Г. И. Глиняная посуда Центральной Молдавии конца I – начала II тысячелетия н. э. как исторический источник: АКД. М.: МГУ, 1988. 17с.
342. Пугешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Пер. и комм. под ред. акад. И.Ю. Крачковского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. 212 с.
343. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т.I. Кн.1. 221 с.
344. Розенфельдт Р. Л. К вопросу о гончарных клеймах // СА. 1963. № 2. С.121–130.
345. Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. 1968. Вып. Е1-39. 75 с.
346. Романчук А. И. Черепицы со знаками из раскопок на Мангупе // СА. 1977. № 2. С.181–192.
347. Русанова И. П. Славянские древности VI–IX вв. между Днепром и Западным Бугом // САИ. 1973. Вып.Е1-25. 100 с.
348. Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв.: Культура пражского типа. М.: Наука, 1976. 216 с.
349. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.

350. Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кипчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С.53–72.
351. Самойлович Н. Г. Керамика Поповского городища // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья: (Материалы работ Волго-Окской экспедиции). М., 1989. С.106–126.
352. Седов В. В. Раскопки в Гороховце // КСИИМК. 1959. Вып.77. С.84–89.
353. Седов В. В. Из полевых исследований 1961 г.: (К изучению оборонительных сооружений Владимира) // КСИА. 1963. Вып.96. С.37–43.
354. Седова М. В. Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978. 158 с.
355. Семенов В. А. Маловенижское городище Пор-кар // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982. С.27–51.
356. Семенов В. А. Городище Весья-кар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск, 1985. С.48–77.
357. Семенов В. А. Тольенский могильник IX – начала X в. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С.25–58.
357а. Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука КазССР, 1972. 218 с.
358. Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века. М.: Наука, 1965. 227 с.
359. Сингатуллина А. З. Денежное дело и денежное обращение Золотой Орды XIII века (поволжские города): АКД. М.: МГУ, 1985. 24 с.
360. Скалон К. М. Изображение животных на керамике сарматского периода // Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. Л., 1941. Т.I. С.173–218.
361. Соловьев В. С. К характеристике искусства раннесредневекового Тохаристана (Кафыркала) // СА. 1985. № 1. С.212–218.
362. Соловьев Е. Т. О тамгах и знаках собственности на некоторых предметах древнего быта: (Знаки собственности в России). Казань, 1885.
363. Соломоник Э. И. О таврении скота в Северном Причерноморье: (По поводу некоторых загадочных знаков) // История и археология древнего Крыма. Киев: Изд-во АН УССР. 1957. С.210–218.
364. Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Изд-во АН УССР, 1959. 178 с.

365. Соломоник Э.И. Кубанские керамические плитки // СА. 1979. № 4. С.167–179.
366. Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1984. 143 с.
367. Смагулов Е. А. "Тимуридский керамический стиль" как отражение интеграционных межкультурных процессов // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. С.438–451.
368. Смолицкая.Г. П. Гидронимия бассейна Оки: (Список рек и озер). М.: Наука, 1976. 187 с.
369. Смирнов А. П. Очерки по истории волжских булгар // ТГИМ. 1940. Вып.11. С.55–136.
370. Смирнов А.П. Сувар: (Итоги раскопок 1933–1937 гг.) // ТГИМ. 1941. Вып.16. С.135–171.
371. Смирнов А. П. Русский элемент в культуре волжских булгар // Историко-археологический сборник. М., 1948. С.93–110.
372. Смирнов А. П. К вопросу о происхождении татар Поволжья // Происхождение казанских татар. Казань: Татгосиздат, 1948. С.5–26.
373. Смирнов А. П. Волжские булгары //ТГИМ. 1951. Вып.19. 275 с.
374. Смирнов А. П. Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань, 1957. 36 с.
375а. Смирнов А. П. Археологические исследования Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А.Гончарова в 1957 году. Ульяновск, 1958. 31 с.
375. Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. 1961. № 95. 171 с.
376. Смирнов А. П. К вопросу о гуннских племенах на Средней Волге и Прикаспии //Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974. С.65–71.
377. Смирнов А. П., Каховский В. Ф. Булгарское селище близ деревни Большое Янгильдино в Чувашской АССР // УЗЧувНИИ. 1964. Вып.25. С.223–263.
378. Смирнов А. П., Федоров-Давыдов Г. А. Задачи археологического изучения Золотой Орды // СА. 1959. № 4. С.128–134.
379. Смирнов К. А. Святилище в урочище Ага-Базар // МИА. 1958. № 61. С.451–458.
380. Смирнов К. Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР. М.: Наука, 1989. С.165–177.

381. Ставиский Б. Я. Раскопки городища Кулдор-Тепе в 1956–1957 гг. // СА. 1960. № 4. С.113–121.
382. Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры // САИ. 1967. Вып.Д1-32. 100 с.
383. Старостин П. Н., Казаков Е. П., Габяшев Р.С. Игимский могильник // СА. 1973. № 1. С.260–264.
384. Старостин П. Н., Халикова Е. А., Халиков А. Х. Работы в зоне Куйбышевского водохранилища// АО-1970. М.: Наука, 1971. С.142–143.
385. Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. 298 с.
386. Талис Д. Л. Черепица с метками из раскопок Баклинского городища // СА. 1968. № 2. С.184–195.
387. ТалисД. Л. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Крыма в IV–IX вв. // ТГИМ. 1982. Вып.54. С.55–67.
388. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967. 538 с.
389. Татищев В. Н. История Российская. М.; Л.: Наука, 1964. Т.4. 555 с.
390. Тменов В. Х. Два склепа из селения Уакац // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе, 1986. С.142–153.
391. Трубникова Н. В. Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 г. // УЗЧувНИИ. 1960. Вып.19. С.38–81.
392. Тухтина Н. В. Средневековые славянские гончарные клейма // ТГИМ. 1960. Вып.37. С.148–155.
393. Тухтина Н. В. Раскопки 1957 года близ села Криуши Ульяновской области // МИА. 1960. № 80. С.145–154.
394. Уразманова Р. К. Годовой цикл традиционных обрядов и праздников татар // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982. С.95–104.
395. Урманчеев Ф. И. Эпические сказания татарского народа: (Сравнительно-исторические очерки). Казань: Изд-во КГУ, 1980. 120 с.
396. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в четырех томах. М.: Прогресс, 1986. Т.2. 671 с.
397. Фахрутдинов Р. Г. Новые археологические памятники Волжской Булгарии в Закамской Татарии // СА. 1969. № 1. С.224–236.

398. Фахрутдинов Р. Г. Задачи археологического изучения Казанского ханства // СА. 1973. № 4. С.113–122.
399. Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Тат. кн. изд-во, 1975. 219 с.
400. Фахрутдинов Р. Г. Исследования булгарских городищ в Татарии и Ульяновской области (по разведкам 1967, 1970, 1971 гг.) // СА. 1981. № 1. С.242–259.
401. Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.
402. Фахрутдинов Р. Г. Исследования Старой Казани (итоги раскопок 1970-х годов) // СА. 1984. № 4. С.90–108.
403. Фахрутдинов Р. Г. Мелодия камней. Казань: Тат. кн. изд-во, 1986. 224 с.
404. Фахрутдинов Р. Г., Кокорина Н. А. Исследования Старой Казани / АО-1983. М.: Наука, 1985. С.181–182.
405. Федоров-Давыдов Г. А. Тигашевское городище: (Археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // МИА. 1962. № 111. С.49–89.
406. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: (Археологические памятники). М.: Изд-во МГУ, 1966. 274 с.
407. Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 227 с.
408. Федоров-Давыдов Г. А. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // СА. 1984. № 3. С.83–95.
409. Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987. С.158–204.
410. Фелицин Е. Сборник тамг или фамильных знаков западно-кавказских горцев и племен Адыгского народа // Записки Одесского Общества древностей. 1889. № 3.
411. Филоненко В.И. Тамги татарских кладбищ г. Евпатории // ТКрымПИ. 1928. Т.2. С.89–108.
412. Флеров В.С. О клеймах салтово-маяцкой лощеной керамики // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С.94–102.
413. Флеров В. С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище: (Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). М.: Наука, 1984. С.142–199.

414. Фомин А. В. Рунические знаки и тамги на подражаниях куфическим монетам X в. // СА. 1988. № 4. С.187–198.
415. Фронджуло М. А. О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1968. С.133–151.
416. Хаков В. Х. Камень с рунической надписью из деревни Сарабикулово Лениногорского района Татарии // Истоки татарского литературного языка. Казань, 1988. С.12–13.
417. Хакимзянов Ф. С. Следы диалектов в языке памятников Волжской Булгарии // СТ. 1974. № 4. С.25–31.
418. Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар. М.: Наука, 1978. 208 с.
419. Хакимзянов Ф. С. О языке межэтнического общения в Волжской Булгарии // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985. С.76–89.
420. Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М.: Наука, 1987. 192 с.
421. Халиков А. Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976. С.5–56.
422. Халиков А. Х Усадьба ремесленников-металлургов // Там же. С.64–74.
423. Халиков А. Х. О времени, месте возникновения и названии города Казани // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С.3–19.
424. Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: Тат. кн. изд-во, 1978. 160 с.
425. Халиков А. Х. Кирпичное здание на XVII раскопе // Новое в археологии Поволжья: (Археологическое изучение центра Билярского городища). Казань, 1979. С.11–20.
426. Халиков А. Х. Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар. Казань, 1984. С.5–20.
427. Халиков А. Х. Проблемы этногенеза пермских финнов: Препринт. Казань, 1985. 16 с.
428. Халиков А. Х. Сфероконические сосуды // Посуда Биляра. Казань, 1986. С.72–83.
429. Халиков А. Х. Новые данные о пребывании древних венгров меж-

ду Камой и Уралом // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С.67–78.
430. Халиков А. Х. Българска руника в Среднем Поволжье // Археология (София). 1988. № 2. С.36–48.
431. Халиков А. Х. Основные этапы археологии и истории ранних болгар в Среднем Поволжье и Приуралье // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С.16–24.
432. Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. Казань: Тат. кн. изд-во, 1989. 197 с.
433. Халиков А. Х., Хузин Ф. Ш. Взаимодействие кочевого и оседлого мира в становлении и развитии Волжской Булгарии // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке: ТД. М.: Наука, 1988. Т.2. С.41–43.
434. Халиков А. Х., Шарифуллин Р. Ф. Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976. С.75–100.
435. Халикова Е. А. К вопросу об этнической принадлежности ломоватовских и раннеродановских памятников Верхнего Прикамья // ВФУ.1970. Вып.5. С.296–301.
436. Халикова Е. А. Билярские некрополи // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976. С.113–168.
437. Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2. С.158–178.
438. Халикова Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья // СА. 1976. № 3. С.141–156.
439. Халикова Е. А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII вв. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.
440. Хлебникова Т. А. Пальцинские селища X – начала XIII вв. // МИА. 1958. № 61. С.203–220/
441. Хлебникова Т. А. Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII вв. // МИА. 1962. № 111. С.93–152.
442. Хлебникова Т. А. Результаты исследования Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 гг. //ТМарНИИ. 1967. Вып.22. С.148–169.
443. Хлебникова Т. А. Археологические памятники XIII–XV вв. в Горно-марийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. С.85–92.
444. Хлебникова Т. А. Алексеевское городище: (К вопросу о своеобразии раннеболгарской культуры района Нижнего Прикамья) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С.156–174.
445. Хлебникова Т. А. Некоторые итоги исследования булгарских памятников Нижнего Прикамья // СА. 1974. № 1. С.58–68.
446. Хлебникова Т. А. Исследование некоторых поселений волжских булгар в 1973–1974 гг. в связи с темой о локальных вариантах их культуры // Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание: ТД. Казань, 1974. С.43–44.
447. Хлебникова Т. А. К истории г. Жукотина (Джуке-Тау) домонгольской поры: (По работам 1970–1972 гг.) // СА. 1975. № 1. С.234–251.
448. Хлебникова Т. А. Ранний Булгар // СА. 1975. № 2. С.120–132.
449. Хлебникова Т. А. Работы 1974 года на Суваре // Средневолжская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977. С.134–155.
450. Хлебникова Т. А. О третьем слое и поздней керамике городища Великие Болгары // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С.223–228.
451. Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии: (К вопросу об этнокультурном составе населения). М.: Наука, 1984. 240 с.
452. Хлебникова Т. А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С.7–102.
453. Хлебникова Т. А., Казаков Е. П. К археологической карте ранней Волжской Болгарии на территории ТАССР // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С.109–136.
454. Хованская О. С. Гончарное дело Болгара // МИА. 1954. № 42. С.340–368.
455. Худяков М. Г. Разведки в Билярске летом 1915 года // ИОАИЭ. 1919. Т.30, вып.1. С.59–66.
455а. Худяков Ю. С. К истории гончарной керамики в Южной Сибири и Центральной Азии // Керамика как исторический источник. Новосибирск: Наука, 1989. С.134–152.
456. Хузин Ф. Ш. Исследования в пригороде Биляра // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983. С.20–47.
457. Хузин Ф. Ш. Лепная керамика // Посуда Биляра. Казань, 1986. С.4–23.
458. Хузин Ф. Ш. Билярское городище: (Стратиграфия, хронология): АКД. Л: ЛОИА, 1987. 18 с.
459. Хузин Ф. Ш. Салтовский компонент в культуре населения ранне-

го Булгара (Билярского городища) // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989. С.64–73.
460. Хуэин Ф. Ш., Дроздова Г. И. Каменные котлы и металлическая посуда // Посуда Биляра. Казань, 1986. С.84–93.
461. Циркин А. В. Культурные связи мордвы с прикамскими племенами во II–X вв. //ТМордНИИ. 1975. Вып.48. С.46–57.
462. Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) //Древние культуры Монголии. Новосибирск: Наука, 1985. С.51–87.
463. Шавохин Л. С. О местонахождении первоначальной Казани // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С.20–38.
464. Шавохин Л. С. Средневековая Казань дорусского времени в историко-археологическом отношении: АКД. М.: МГУ, 1988. 20 с.
465. Швецов М. Л. Половецкие святилища // СА. 1979. № 1. С.199–201.
466. Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. 585 с.
467. Шутова Н. И. К вопросу о расселении аров в конце I – первой половине II тысячелетия н.э.// Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С.114–132.
468. Чернышев Е. И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С.272–292.
469. Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. 192 с.
470. Чореф М. Я. Адыгские тамги средневекового укрепления Кыз-Кулле в Крыму // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980. Вып.1. С.112–120.
471. Чореф М. Я. К вопросу об аланах в средневековом Крыму: (Знаки над входом в городище Чуфут-Кале) // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С.67–77.
472. Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи: (К вопросу о языке и письменности печенегов) // МИА. 1959. № 75. С.362–389.
473. Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л.:Изд-во АН СССР, 1960. 332 с.
474. Юсупов Г. В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С.217–231.
475. Юсупов Р. М. Краниология башкир. Л.: Наука, 1989. 198 с.
476. Яблонский Л. Т. Некрополи Болгара // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1987. С.124–142.
477. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. 258 с.
478. Якобсон А. Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала): (По материалам раскопок 1953–1955 гг.) // МИА. 1959. № 67. С.228–302.
479. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
480. Янина С. А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА. 1958. № 42. С.424–484.
481. Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // МИА. 1962. № 111. С.179–204.
482. Appelgren-Kivalo H. Altaltaische Kunstdenkmaler: Briefe urid Bildermaterial von J.R.Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931. 47 s.
483. Grano J.G. Uber die geographische Verbreitung und die Formen der Altertumer in der №ordwestmongolei // JSFO. 1912. T.28. S.I–55.
484. Hamalainen A. Tseremissien mehilaisviljelyksesta // JSFO. 1909. T.26. S.I–16.
485. Fodor I. Der Ursprung der in Ungarn gefundenen Tonkessel // AA. 1977. Bd.29 (3–4). S.323–349.
486. Fodor I. Archaeological Traces of the Wolga Bulgars in Hungary of theArpad Period // AO. 1979. T.33(3). PP.315–325.
487. Fyodorov-Davydov G. A. The Culture of the Golden Horde Cities // BAR. 1984. Vol.198. 278 p.
488. Khalikova E. A., Kazakov E. P. Le Cimetiere de Tankeevka // Les anciens Hongrois et les etnies voisines a 1'Est. Budapest, 1977. PP.21–174.
489. Калинин Н. Ф. История Казани с древнейших времен до XVIII века: Рукопись, Т.1 // АИИ, ф.8, оп.1,дд.202,203,207А,208А, 209–212.
490. Калинин Н. Ф. Классификация керамики (посуда): Из раскопок в Казанском Кремле (двор Татнаркомпроса и ТатЦИКа) // АИИ, ф.8, оп.1, д.288.

491. Калинин Н.Ф. Отчет по археологической экспедиции 1955 г. Татарская АССР – раскопки булгаро-татарских памятников // АИА, Р-1, № 1146.
492. Калинин Н. Ф. Отчет об археологических работах в Старой Казани в 1956 г. // АИА, Р-1, № 1333.
493. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар: (Топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: Наука КазССР, 1972. 215 с.
494. Археологические памятники Центрального Закамья. Казань, 1988. 98 с.
495. Археологические памятники Восточного Закамья. Казань, 1989. 100 с.
496. Беляев Я.В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В., Шитов В.Н. Кельгинский могильник (раскопки 1990-х гг.). Саранск: Типография "Красный Октябрь", 1998. 168 с.
497. [Бернштам А.Н.] Опыт классификации археологических находок // МИА. 1950. № 14. С.104–143.
498. Бурханов А.А., Касимов Х.М. Памятники Иске-Казанского государственного музея-заповедника (проблемы изучения, сохранения и использования) // Заказанье: Проблемы истории и культуры. Казань: Заман, 1995. С.44–49.
499. Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.
500. Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIVвв. Екатеринбург: УИФ "Наука", 1993. 247 с.
501. Галкин Л.Л. О роли экологических факторов в истории населения Волго-Уральского междуречья в эпоху бронзы // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара: Диалог, 1996. Вып.1. С.56–82.
502. Жиромский Б.Б. Ага-Базар // МИА.1954. № 42. С.325–339.
503. [Кабанов С.К.] Освоение западных районов города [Афрасиаба] на ранних этапах его жизни // К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент: ФАН, 1981. С.23–59.
504. Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв.: (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур): АКД. М.: ИА РАН, 1991. 24 с.
505. Кокорина Н.А. Керамика Биляра и Иски Казани: (К вопросу о преемственности булгарской и булгаро-татарской культур) // Культура, искусство татарского народа: Истоки, традиции, взаимосвязи. Казань: Заман, 1995. С.55–63.
506. Кокорина Н.А. О финно-угорском компоненте в булгарской и булгаро-татарской культурах (по материалам керамики) // АЭМК. 1994. Вып.23. С.185–213.
507. Кокорина Н.А. О знаке "гусиная лапка" на булгарской керамике // Город Болгар и его округа: ТД. Болгар, 1994. С.27–29.
508. Кокорина Н.А. Керамика Камаевского городища (культурно-хронологическое соотношение) // Заказанье: Проблемы истории и культуры. Казань, 1995. С.28–32.
509. Кокорина Н.А. Основные тенденции развития культуры Волжской Булгарии в золотоордынский период (по данным керамики) // ТА. 1997. № 1. С.78–87.
510. Кокорина Н.А. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // ТА. 1999. № 1–2. С.77–102.
511. Кокорина Н.А. Керамика Казанского ханства (XV – первая половина XVI в.): Рукопись. М., 1998.
512. Кокорина Н.А., Хлебникова Т.А. Керамика тюркоязычного населения Волжской Булгарии X–XIII вв. // Археология Волжской Булгарии: Проблемы, поиски, решения. Казань, 1993. С.106–116.
513. Кокорина Н.А., Останина Т.И. Исследование Чаллынского городка (раскопки 1983, 1989 гг.) // В печати.
514. Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // ТА. 1999. № 1–2. С.103–134.
515. Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Керамика Камаевского городища // ТА. В печати.
516. Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн: (К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе: Дониш, 1968. 119 с.
517. Манылов Ю.П., Кдырниязов М.Ш. Городище Джанпыс-кала // Археология Приаралья. Ташкент: ФАН, 1984. Вып.2. С.67–80.
518. Маршак Б.И. Согдийское серебро: очерки по восточной торевтике. М.: ГРВЛ, 1971. 191 с.
519. Мендикулов М. Памятники народного зодчества Западного Казахстана Алма-Ата: Омер, 1987. 157 с.
520. [Неразик Е.Е.] Некоторые вопросы истории городов и истории культуры древнего Хорезма в свете раскопок городища Топрак-кала // ТХАЭЭ. 1981. Т.12. С.136–148.
521. Руденко К.А. Алексеевское селище и могильник "У дамбы" в Та-

тарии // АЭМК. 1994. Вып.24. С.121–139.
522. Соколов Д.Н. О башкирских тамгах // ТОУАК. 1904. Т.13. 118 с.
523. Старостин П.Н. О нижней дате городов Булгара и Биляра // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков: ММС. Казань, 1999. С.270–272.
524. Старостин П.Н., Казаков Е.П. Булгарское поселение в урочище "Чакма" // АЭМК. 1992. Вып. С.125–142.
525. Трофимов А.А. Древнечувашская руническая письменность. Чебоксары, 1993. 50 с.
526. Халиков А.Х., Шавохин Л.С. Древнейшая Казань // Древняя Казань глазами современников и историков. Казань: Фест, 1996. С.298–350.
527. Хлебникова Т.А. Керамика Казанского Кремля: Рукопись. Казань, 1997.
528. Хлебникова Т.А. Керамика V слоя Казанского Кремля // Средневековая Казань: возникновение и развитие: ММНК. Казань: Мастер Лайн, 2000. С.41–53.
529. Хожаниязов Г., Кдырниязов М.Ш., Доспанов О. Раскопки жилого квартала XII–XIV вв. в западной части Джанпык-кала // Археология Приаралья. Ташкент: ФАН, 1990. Вып.4. С.132–146.
530. Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане: (Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра – Булгара). Казань, 1995. 223 с.
531. Хузин Ф.Ш. Древняя Казань и проблемы ее возникновения (в свете археологических исследований 1994–1998 гг.) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков: ММС. Казань: Мастер Лайн, 1999. С.196–223.
532. Хузин Ф.Ш., Шарифуллин Р.Ф., Хлебникова Т.А., Набиуллин Н.Г., Ситдиков А.Г. Древняя Казань: некоторые итоги и перспективы археологических исследований. Казань, 1995. 40 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИА - Архив Института археологии РАН
АИЯЛИ - Архив Института истории АНТ
АДД - Автореферат кандидатской диссертации
АКД - Автореферат докторской диссертации
АО - Археологические открытия
АЭБ - Археология и этнография Башкирии. Уфа.
АЭМК - Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
БГИАЗ - Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
БОАИЭЕ - Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии и естествознания. Самара.
ВАУ - Вопросы археологии Урала. Свердловск.
ВДИ - Вестник древней истории. М.
ВЛУ - Вестник Ленинградского университета
ВМО - Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола.
ВФУ - Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола.
ВФУЯ - Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск.
ГМТР - Государственный музей Татарской республики
ГОМРТ - Государственный объединенный музей Республики Татарстан
ИА - Институт археологии Российской Академии наук
ИВЛ - Издательство восточной литературы
ИГАИМК - Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ИГУ - Иркутский государственный университет
ИИ - Интердисциплинарни изследования. София.
ИФВЛ - Издательская фирма "Восточная литература"
ИКрымПИ - Известия Крымского педагогического института. Симферополь.
ИКФАН - Известия Казанского филиала АН СССР. Казань.
ИКЧувАССР - История и культура Чувашской АССР.

ИОАИЭ - Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете. Казань.

КазАКУ - Археологический кабинет Казанского университета

КГУ - Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина

КМВ - Казанский музейный вестник. Казань.

КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.

КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.

ЛГУ - Ленинградский государственный университет

ЛОИА - Ленинградское отделение Института археологии АН СССР

МАД - Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.

МГУ - Московский государственный университет

МОРРП - Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников Татарской АССР. Казань.

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

ММНК - Материалы международной научной конференции ММС Материалы международного совещания

МЦМ - Материалы Центрального музея Татарской АССР. Казань.

ОП - Ономастика Поволжья. Ульяновск.

ПАКУ - Археологический кабинет Пермского университета

СА - Советская археология. М.

САИ - Свод археологических источников. М.; Л.

СГУ - Саратовский государственный университет

СТ - Советская тюркология. Баку.

ТА - Татарская археология. Казань.

ТГИМ - Труды Государственного Исторического музея

ТГУ - Томский государственный университет

ТД - Тезисы докладов

ТИЭ - Труды Института этнографии АН СССР

ТКрымПИ - Труды Крымского педагогического института. Симферополь.

ТКФАН - Труды Казанского филиала АН СССР. Казань.

ТМарНИИ - Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Йошкар-Ола.

ТМордНИИ - Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Саранск.

ТХАЭЭ - Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции. М.

ТЮТАКЭ - Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.

УЗКабНИИ - Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик.

УЗКазанПИ - Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Казань.

УЗПермГУ - Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь.

УЗЧувНИИ - Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Чебоксары.

УИФ - Уральская издательская фирма “Наука”

УрГУ - Уральский государственный университет

УСА - Успехи среднеазиатской археологии. Л.

ЭИ - Этнограф-исследователь

ЭО - Этнографическое обозрение. М.

AA - Acta Archaeologica. Budapest.

AO - Acta Orientalia. Budapest.

BAR - British Archaeological Report. Oxford.

JSFU - Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki.

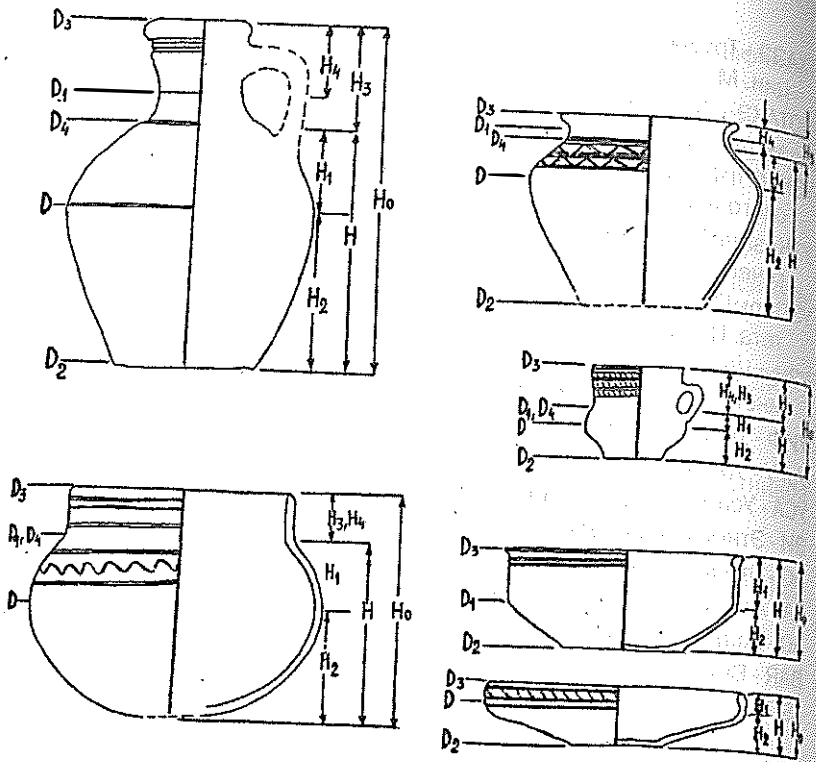


Рис.1. Обозначение измерений сосудов.

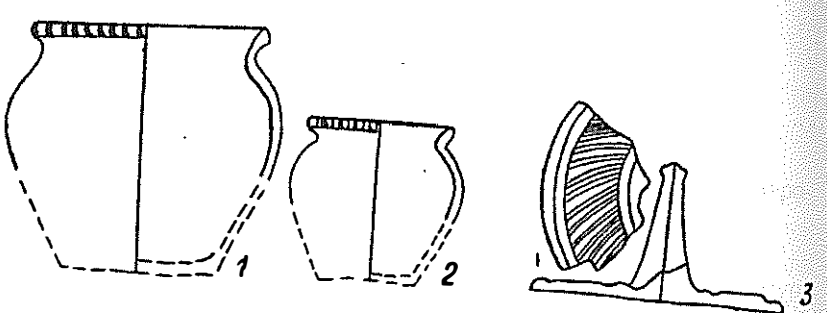


Рис.2. Керамика II группы второй половины XI – начала XIII в.
1,2 – Биляр, 3 – Болгар.

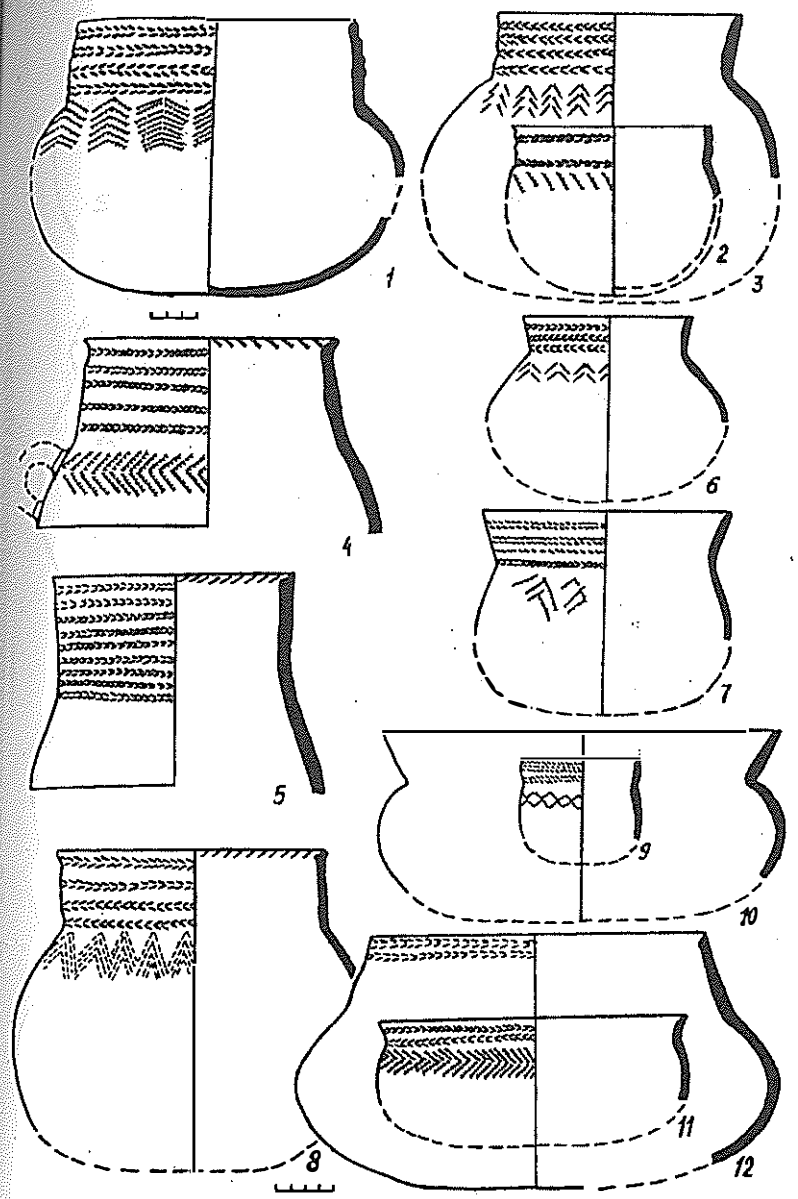


Рис.3. Керамика VII группы. (Биляр).

Рис.4. Распределение пропорций сосудов VII группы.

Рис.5. Керамика группы VIII–1 (Биляр).

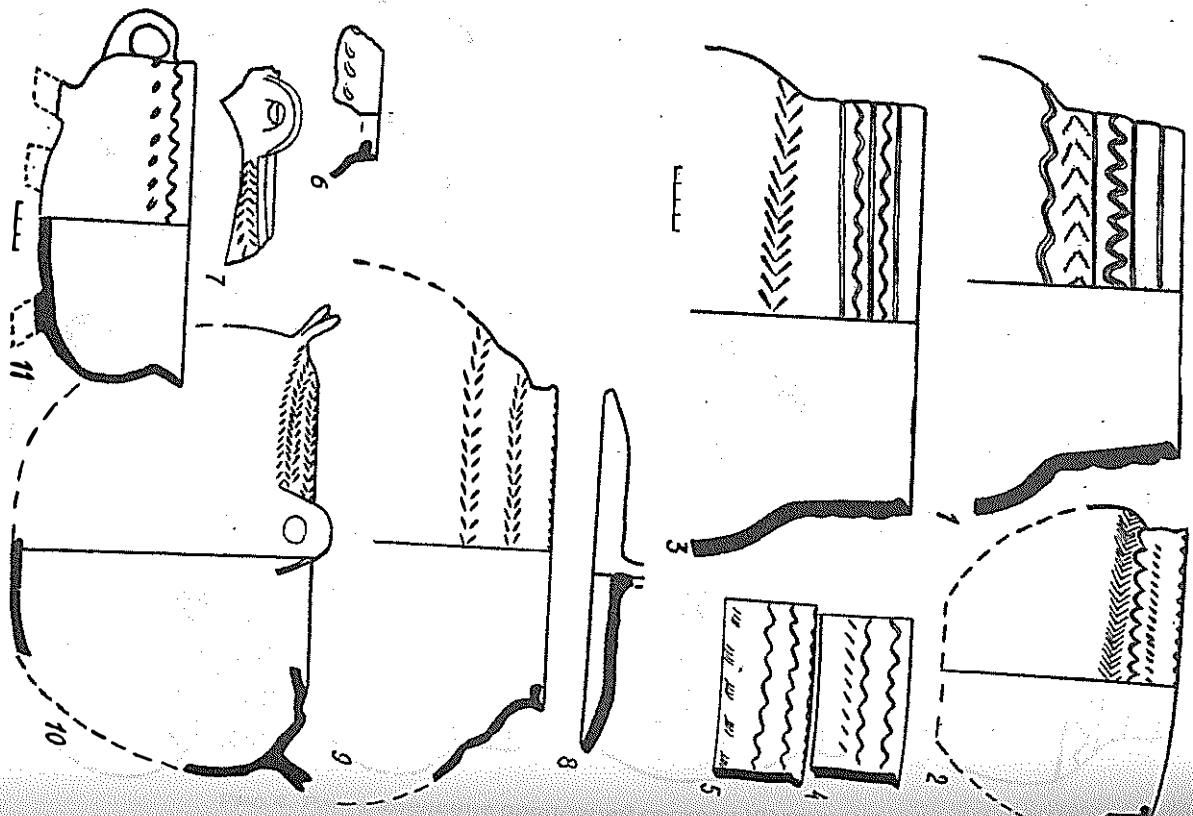


Рис.6. Керамика группы VIII–2 (Биляр).

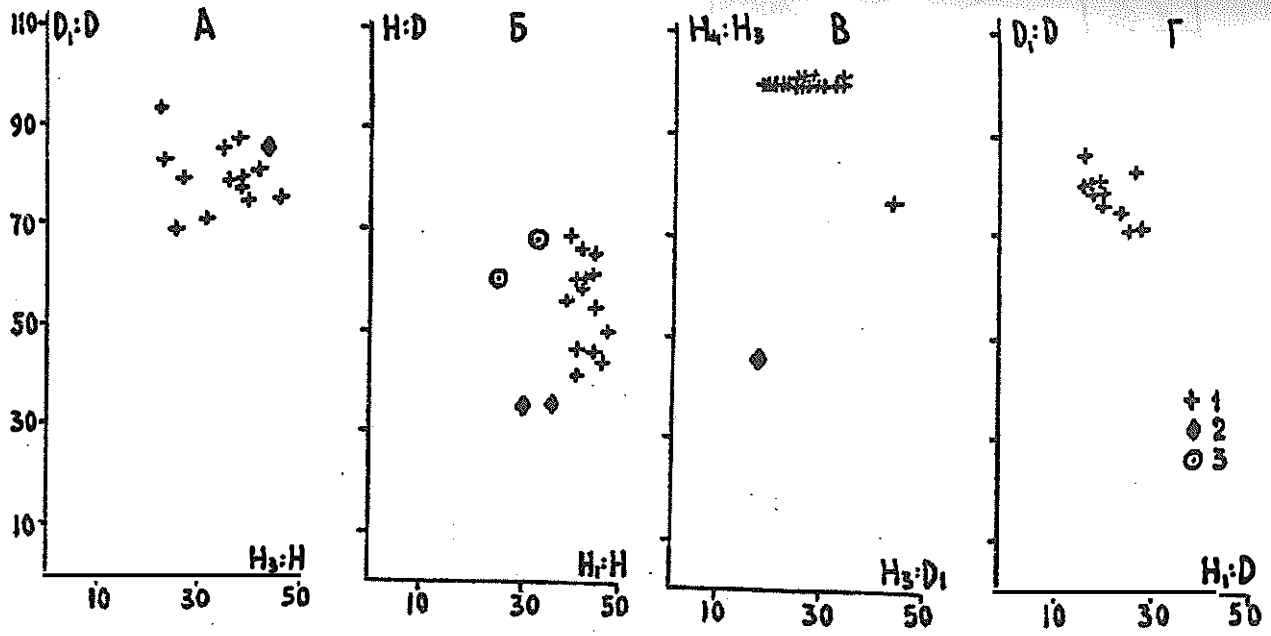


Рис.7. Распределение пропорций сосудов VIII группы.

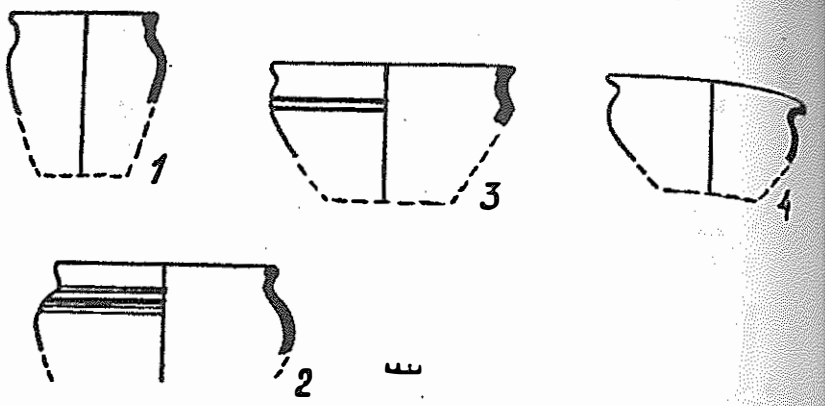


Рис.8. Керамика XIV группы (Болгар).

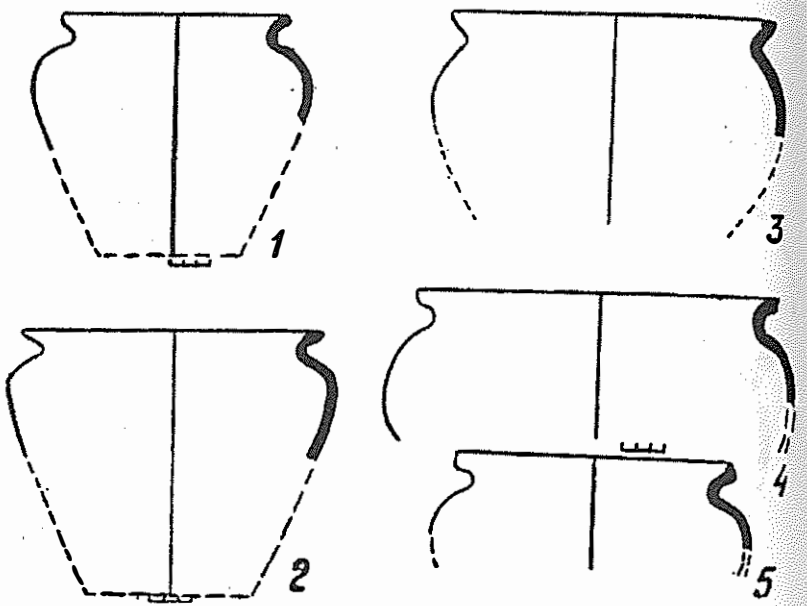


Рис.9. Керамика XVI группы: 1,3–5 – Джукетау, 2 – Кайбельское с-ще.

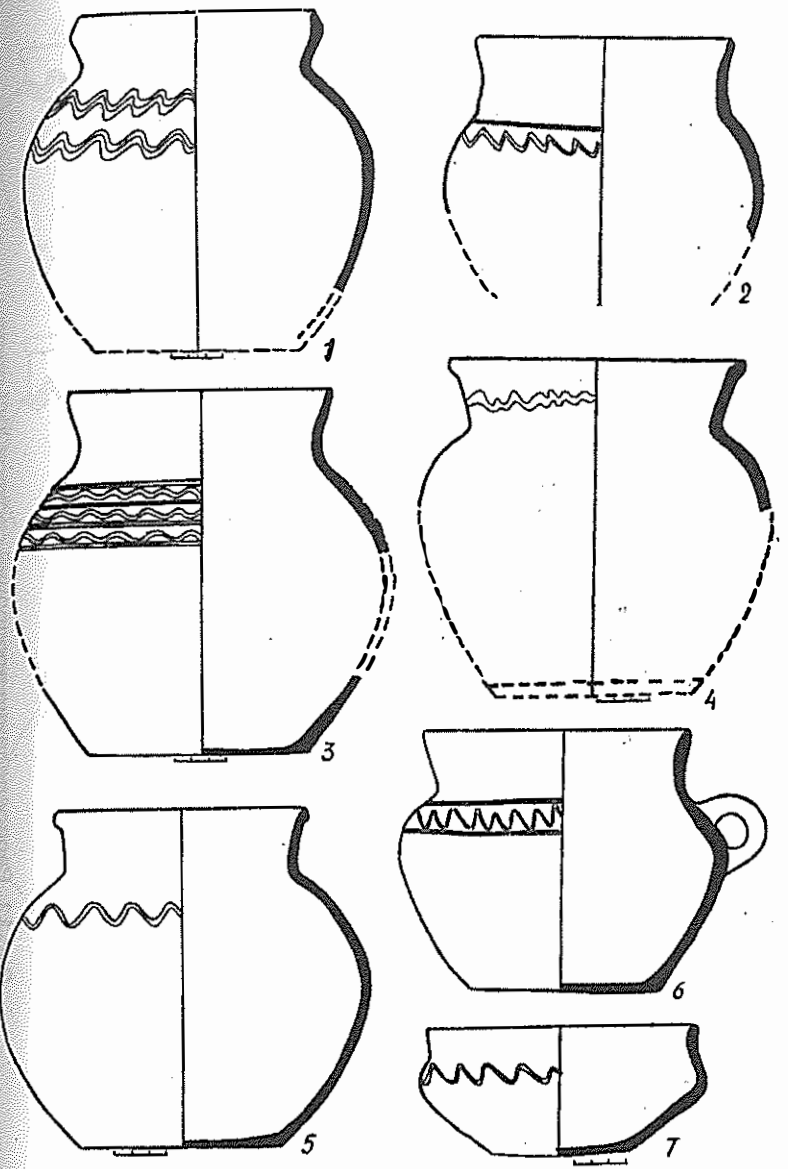


Рис.10. Керамика XVII группы: 1,3,5 – Сувар, 2,6,7 – Биляр, 4 – Рождественское с-ще.

Рис.11. Распределение пропорций сосудов XVII группы.

Рис.12. Керамика XIII группы; горшки (1–4) и чашки (5–8):
1-6,8 – Джукетау, 7 – Рождественское.

Рис.13. Керамика XIII группы (Джукетау); кувшинообразные (1,4) и чаши (2,3,5–9).

Рис.14. Распределение пропорций сосудов.

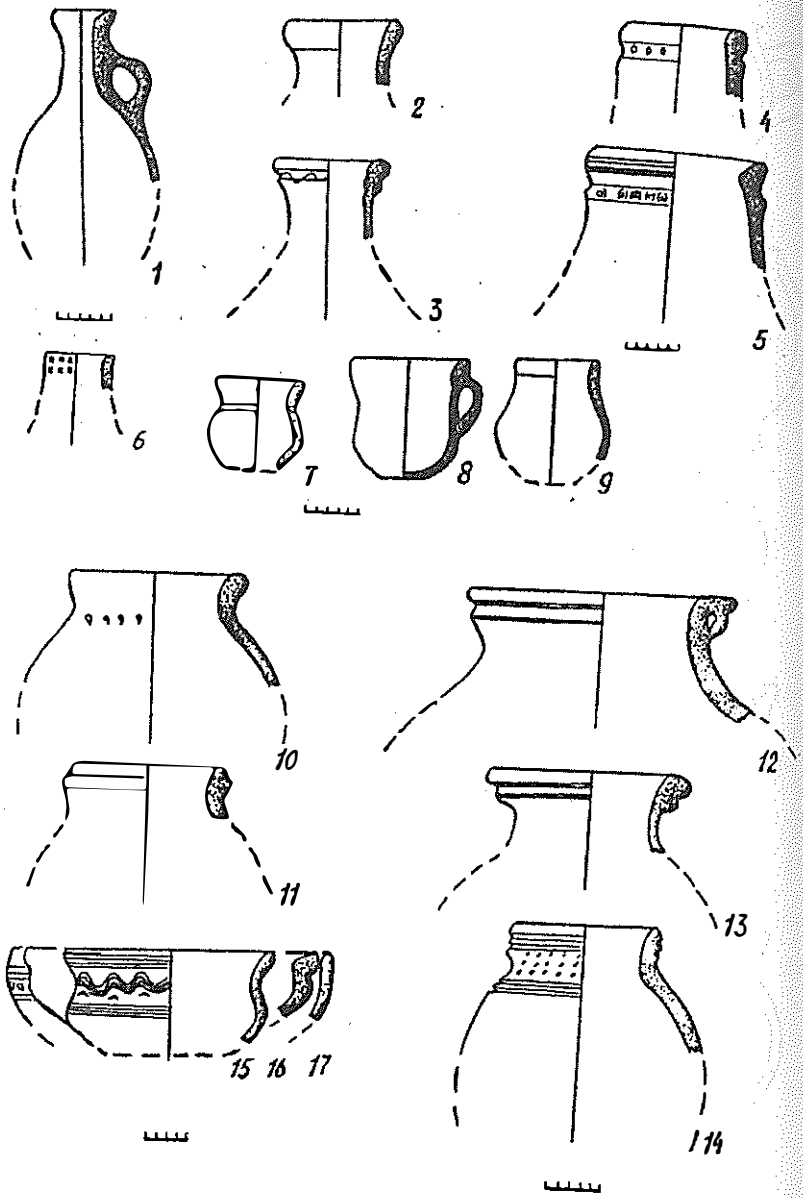


Рис.15. Керамика группы XXI–1 (Биляр).

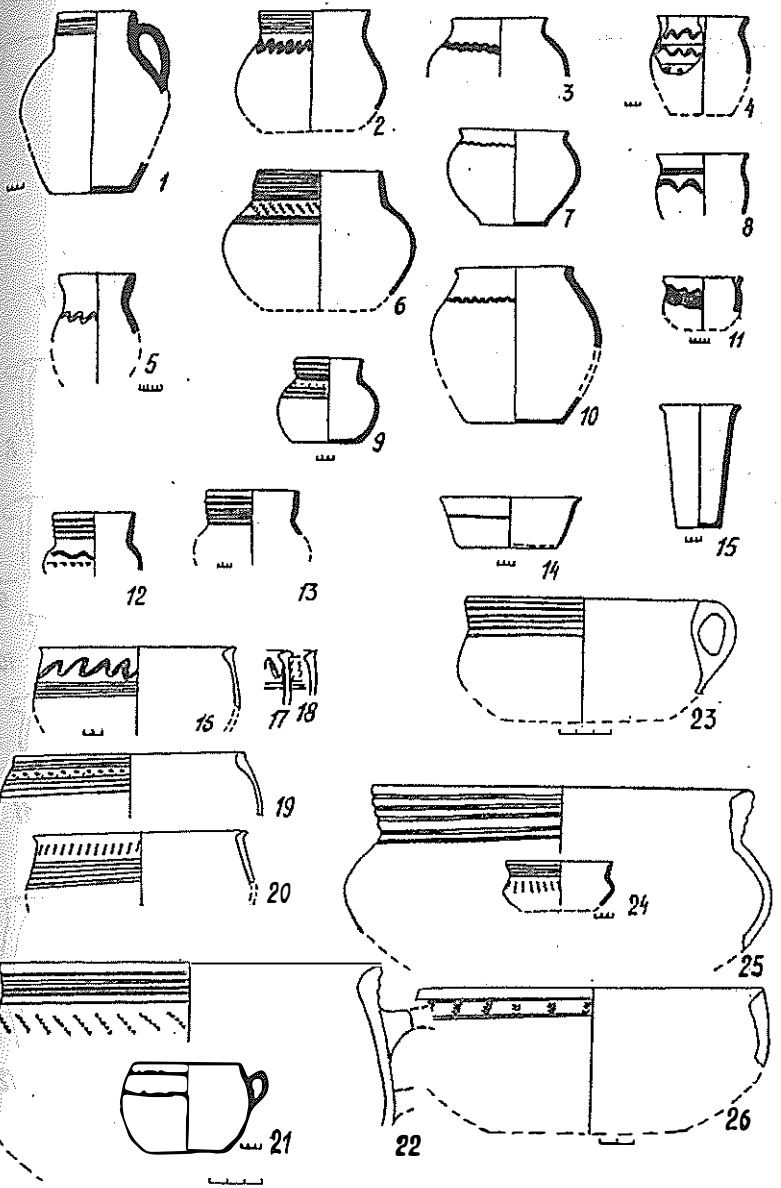


Рис.16. Керамика группы XXI–2 (Биляр).

Рис.17. Керамика группы XXI–2 (Биляр); котлы.

Рис.18. Распределение пропорций сосудов группы XXI–2.

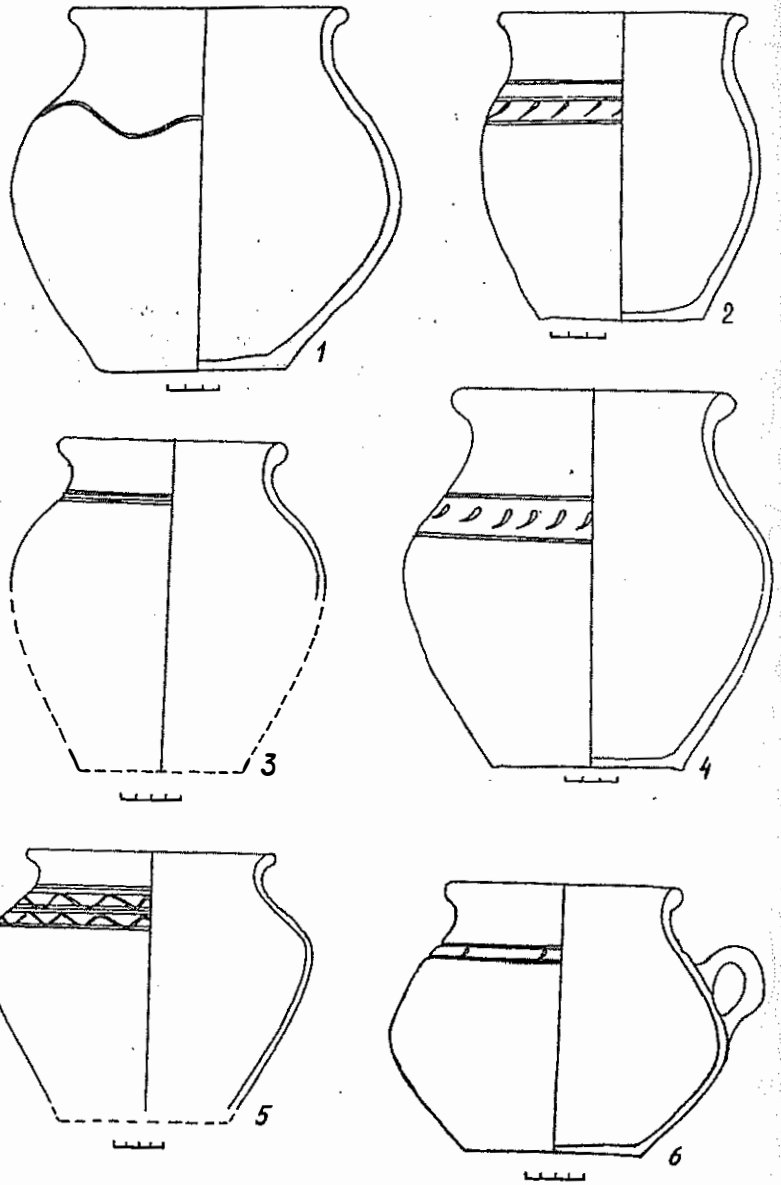


Рис.19. Горшки I группы (тип 1): 1,2,4,5 – Биляр, 3 – Сувар, 6 – Рождественское.

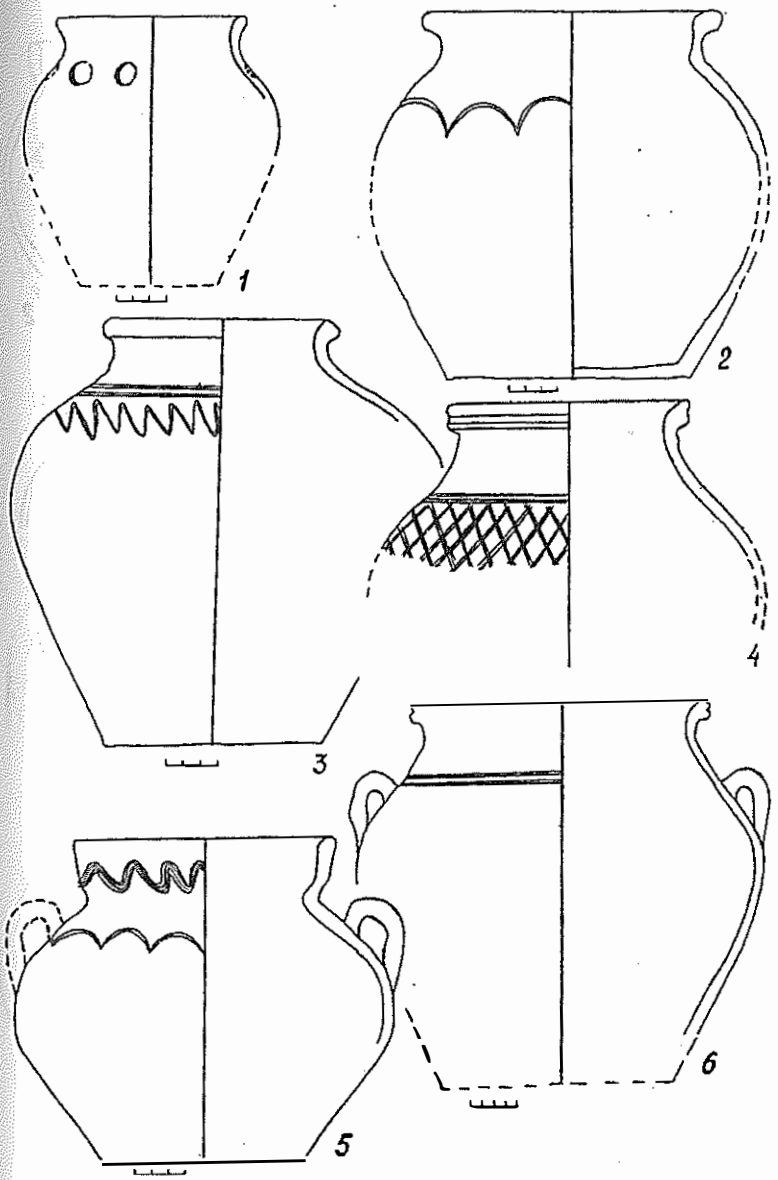


Рис.20. Горшки I группы; типы 2 (1,2)и 3 (3–6): 1 – Сувар, 2–6 – Биляр.

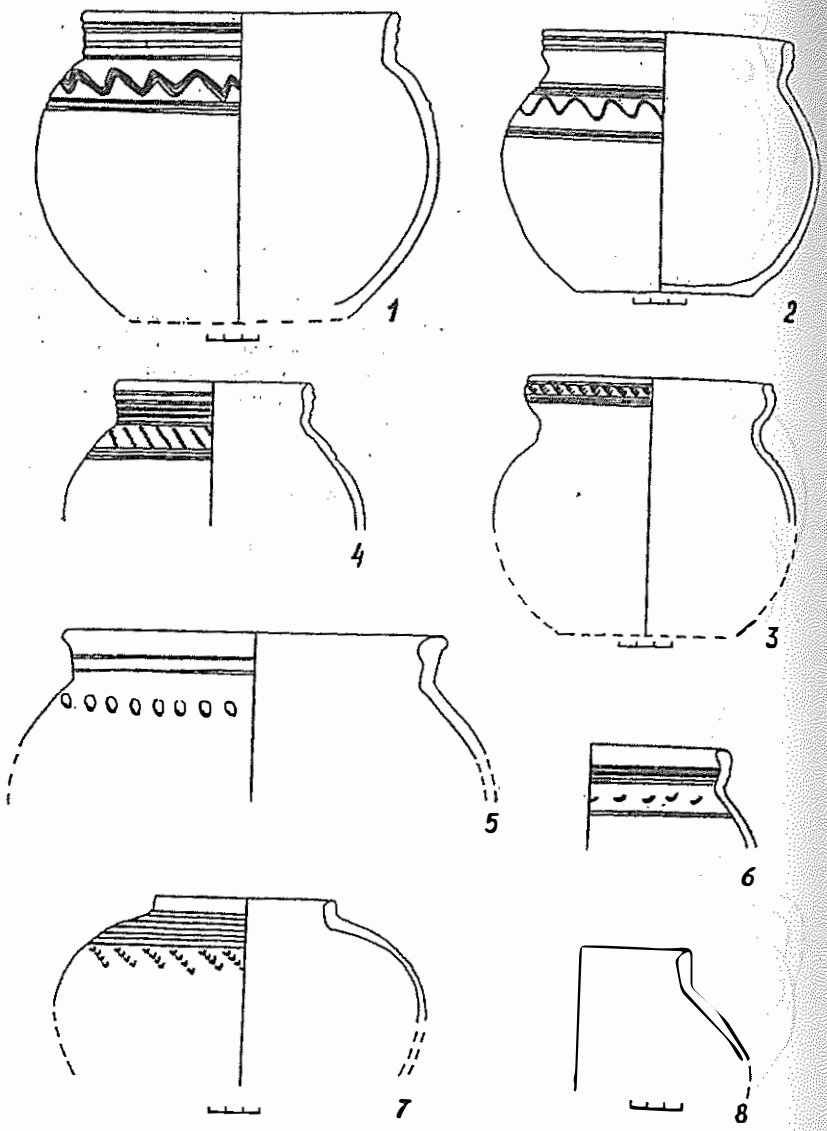


Рис.21. Горшки I группы (Биляр); тип 4.

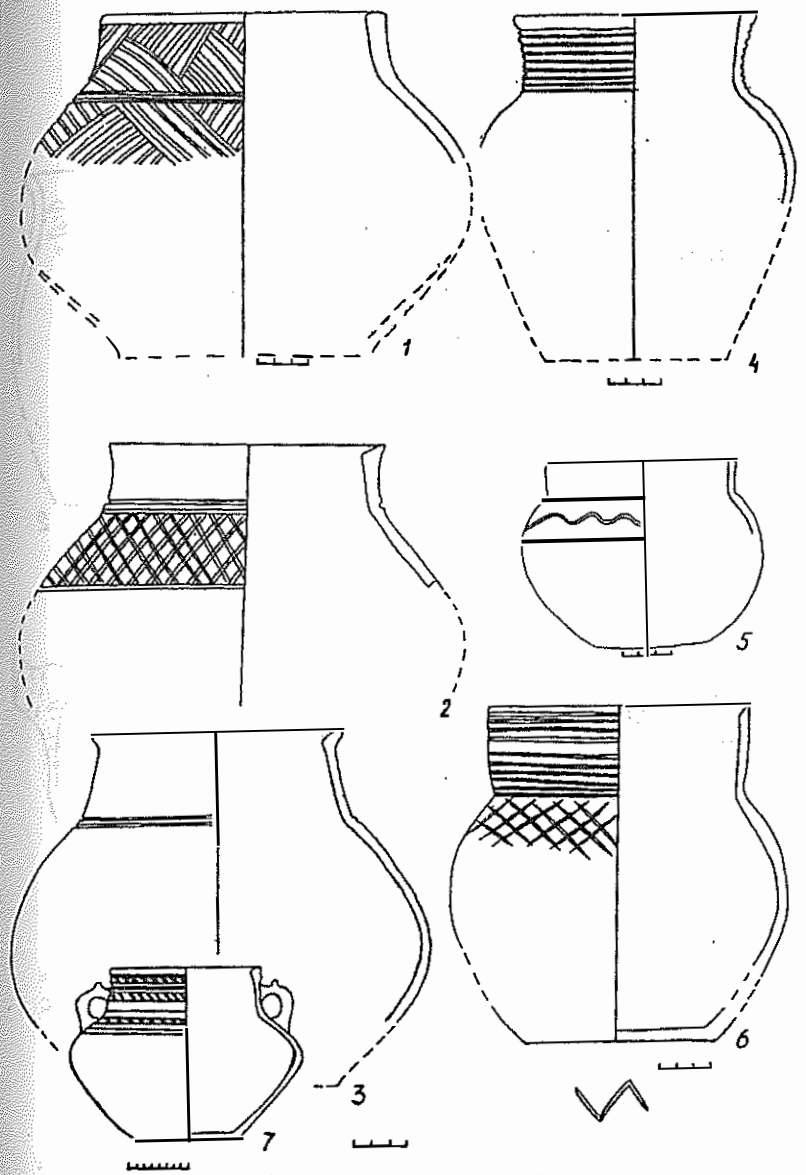


Рис.22. Горшки I группы; типы 5 (1–3,7), 6 (4), 7 (5,6):
1,2,5,7 – Биляр, 3 – Алексеевское г-ще, 4 – Ундорское г-ще.

Рис.23. Горшки (1,2) и котлы (3,4) I группы (Биляр).

Рис.24. Распределение пропорций горшков и корчаг I группы.

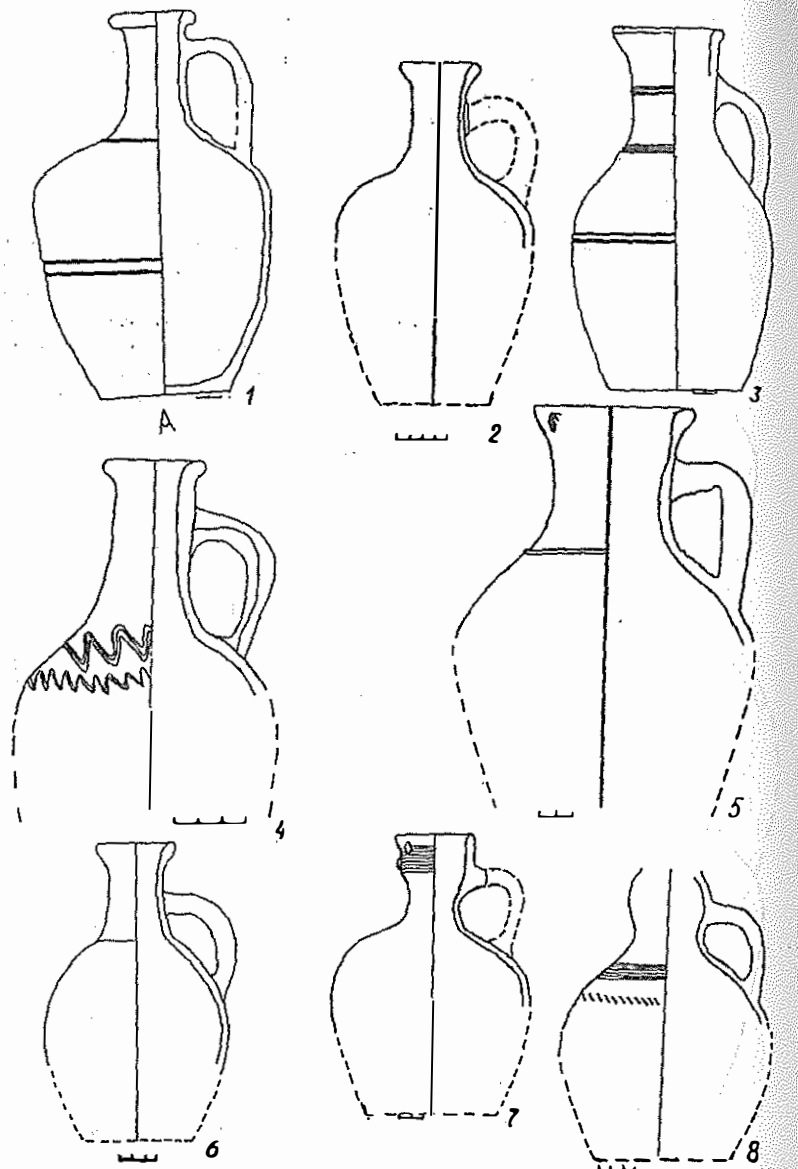


Рис.27. Кувшины I группы; типы 1 (1,2), 2 (3), 3 (5), 4 (7,8), 5 (4,6); 1,4,5,7,8 – Биляр, 2 – Сувар, 3,6 – Болгар.

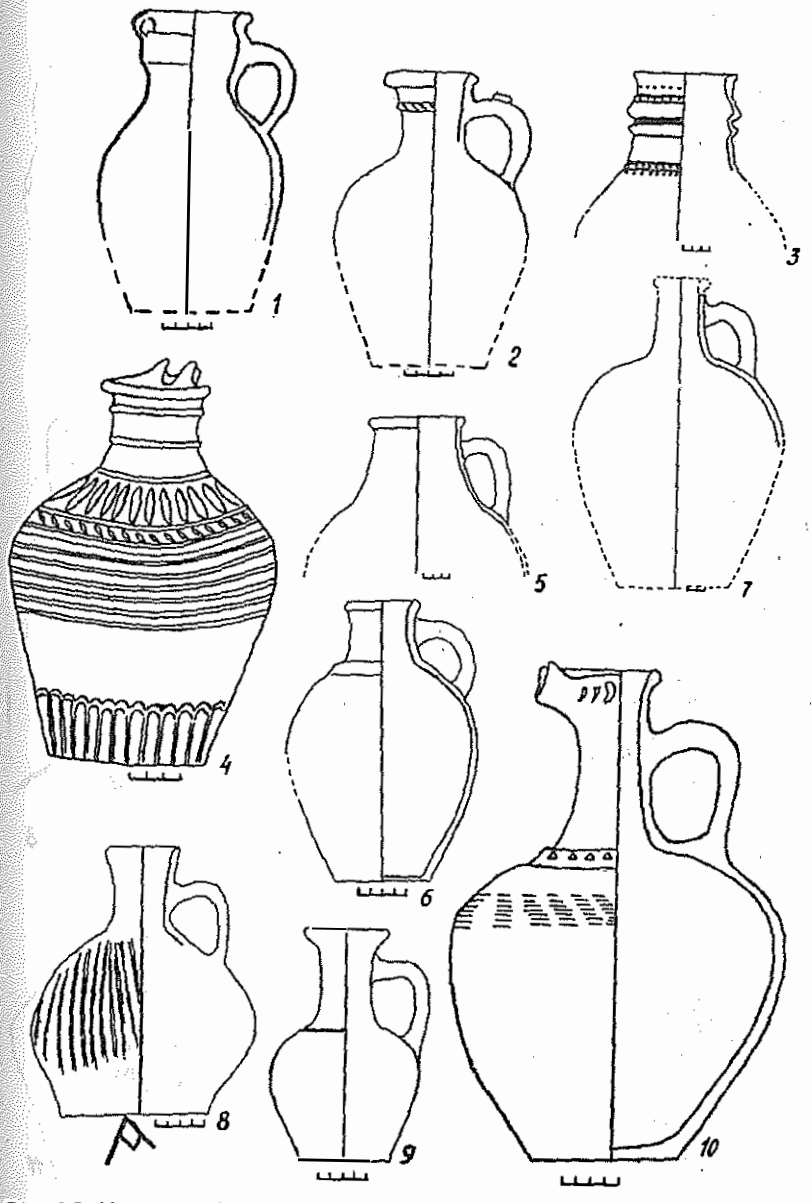


Рис.28. Кувшины I группы; типы 6 (1), 7 (2), 8 (3), 9 (4–7), 10 (8,9), 11 (10): 1–4,7,9,10 – Биляр, 5,8 – Сувар, 6 – Болгар.

Рис.29. Кувшины I группы; типы 12(1),13(2,3), 14(4,5), 15(6),16 (7), 17(8), 18(9,10),19(11): 1 – Болгар, 2–11 – Биляр.

Рис.30(а). Распределение пропорций кувшинообразных I группы; А – по общим очертаниям, Б – по тулову, Г – по верхней части тулова.

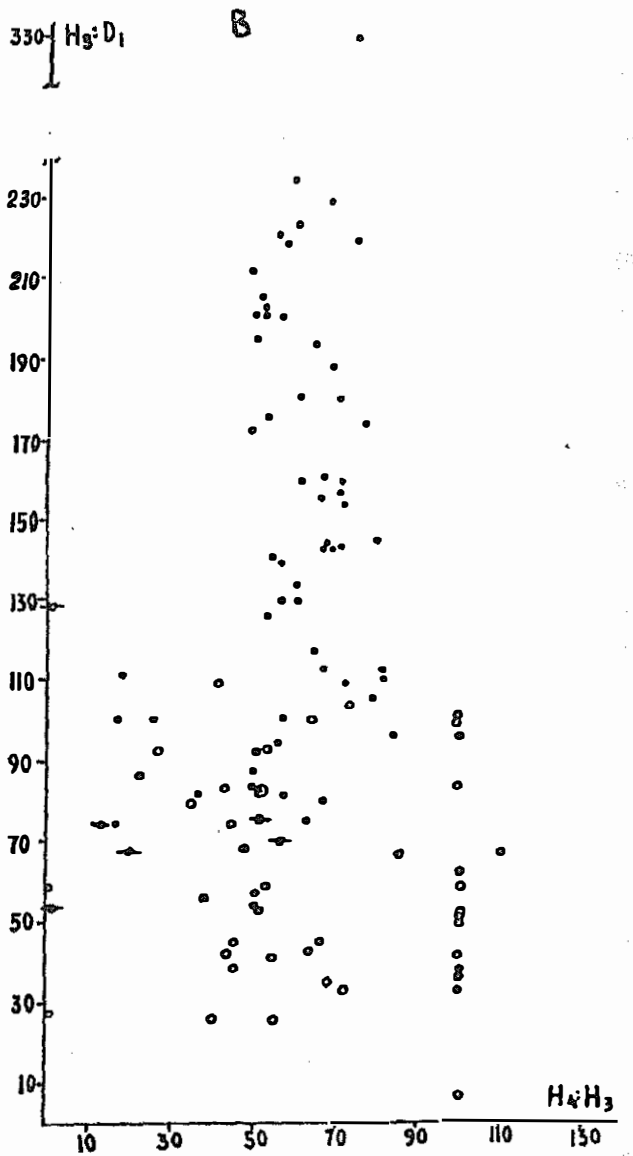


Рис.30(б). Распределение пропорций кувшинообразных I группы; В – по горловине.

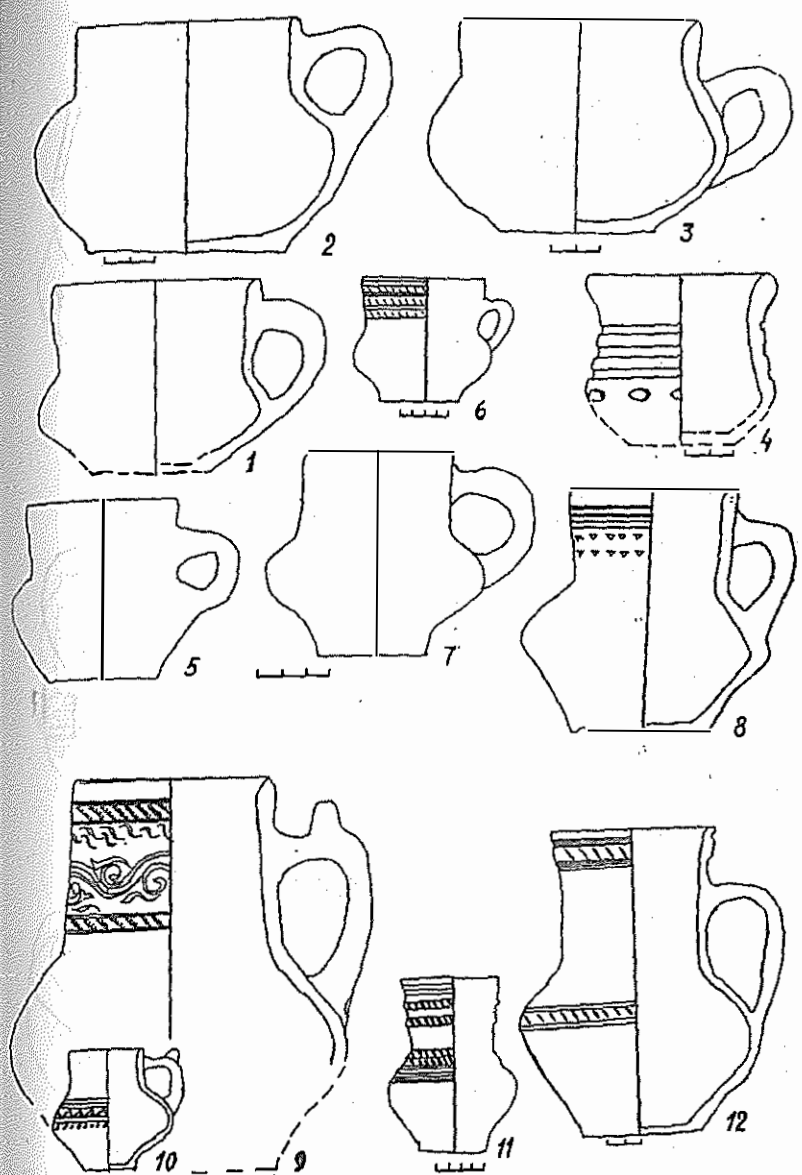


Рис.31. Кружки I группы; типы 1 (1), 2 (2), 3 (3,4), 4 (5–8), 5 (9–12): 1–3, 5—12 – Биляр, 4 – Болгар.

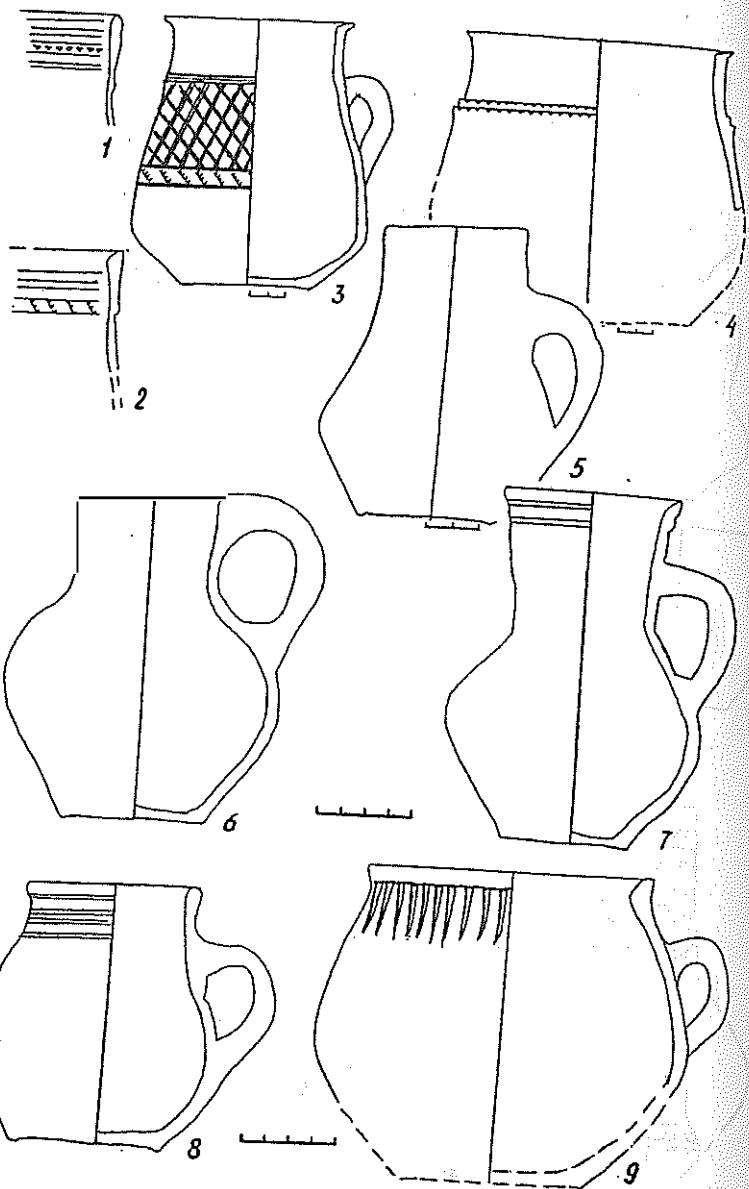


Рис.32. Кружки I группы (Биляр); типы 6 (1–5), 7 (6,7), 8 (8), 9 (9).

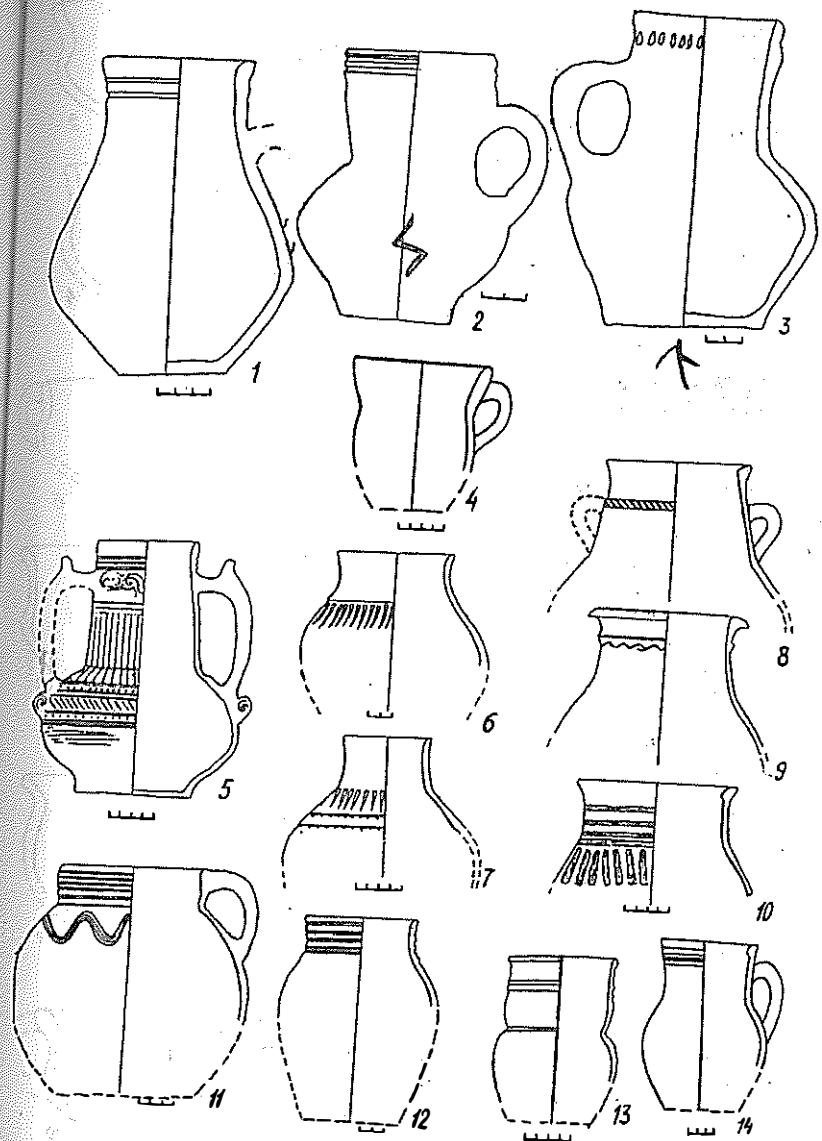


Рис.33. Кружки типов 10 (1), 11 (2,3), 12 (4) и кринки типов 1 (5), 2 (6,7), 3 (8), 4 (9), 5 (10), 6 (11), 7 (12), 8 (13,14) I группы: 1,2,4–13 – Биляр, 3 – Ново–Мордовское с-ще, 14 – Болгар.

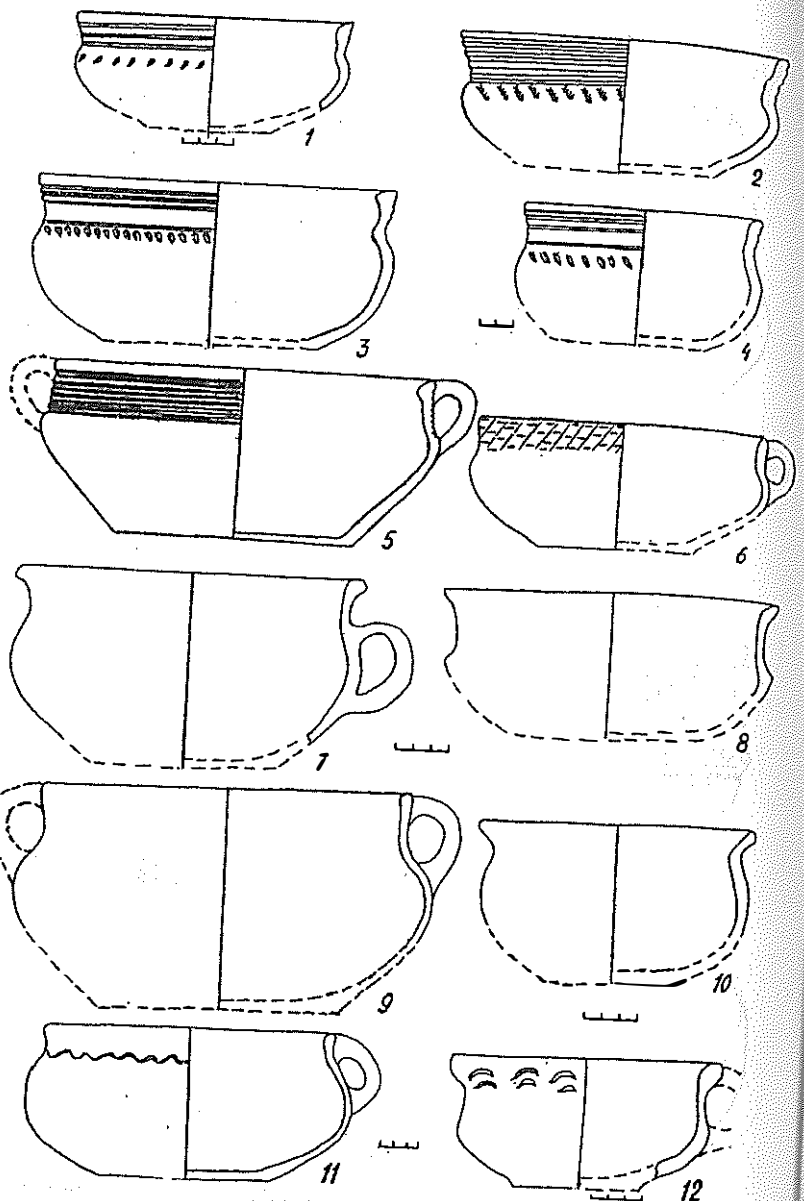


Рис.34. Миски I группы; типы 1 (1–6), 2 (7,8), 3 (10), 4 (9), 5 (11,12): 1,2,6–8 – Биляр, 3,4,10,12 – Болгар, 5,9,11 – Рождественское.

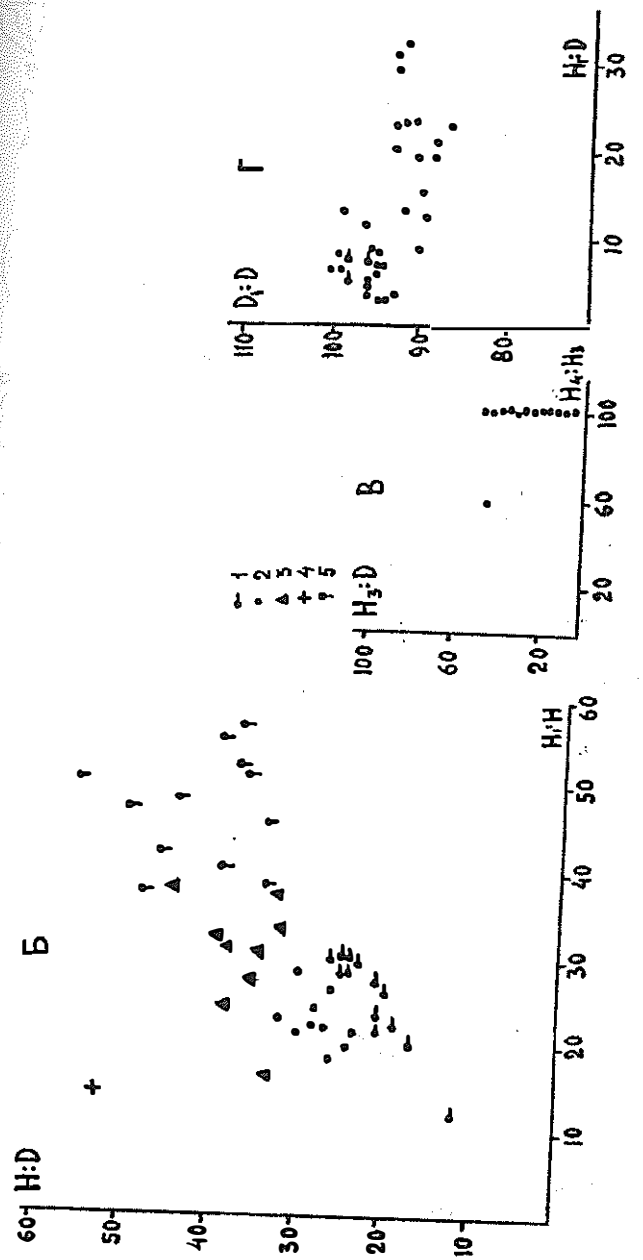


Рис.35. Распределение пропорций мисок I группы; Б – по тулову, В – по горловине, Г – по верхней части тулова.

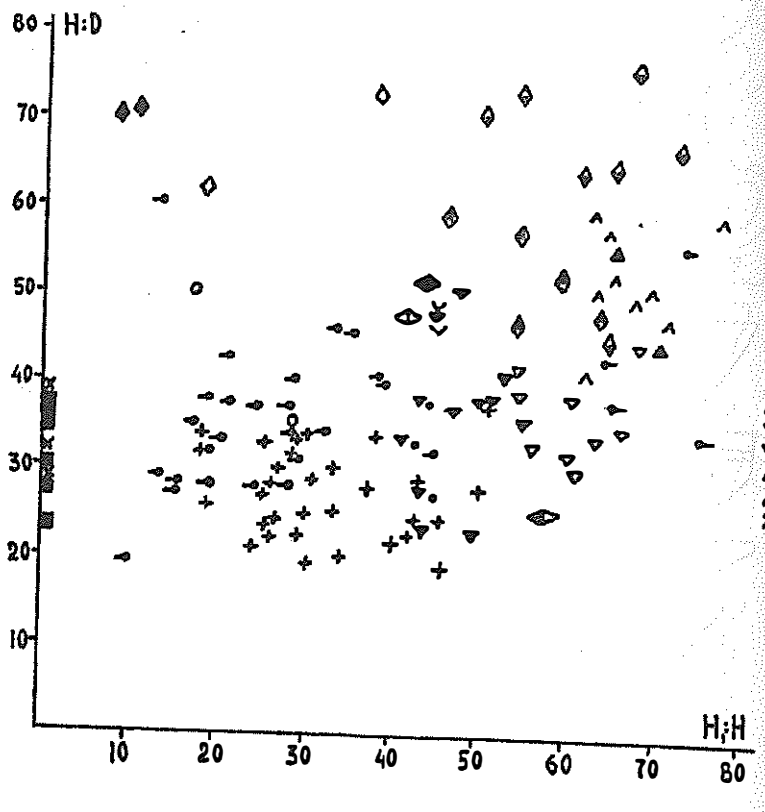


Рис.38. Распределение пропорций блюдообразных I группы.

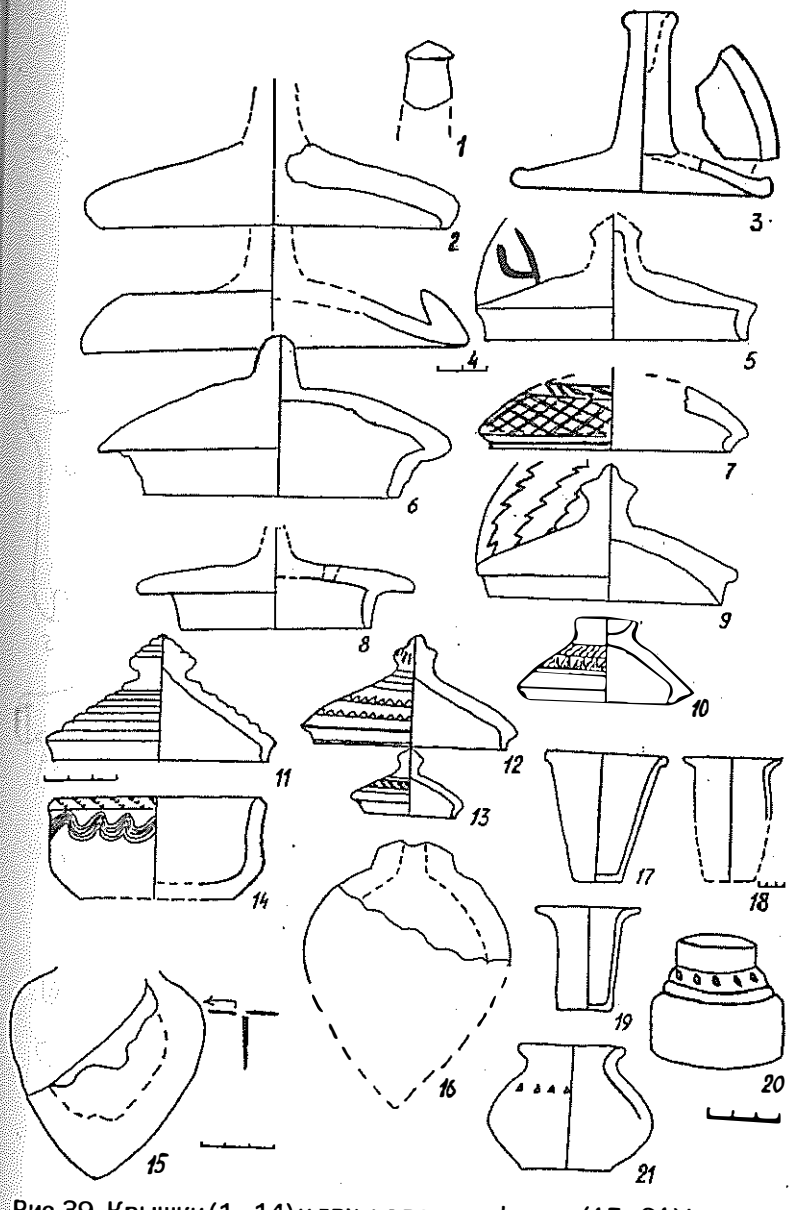


Рис.39. Крышки (1–14) и другие редкие формы (15–21) I группы: 1,2,4–18,20,21 – Биляр, 3,19 – Сувар.

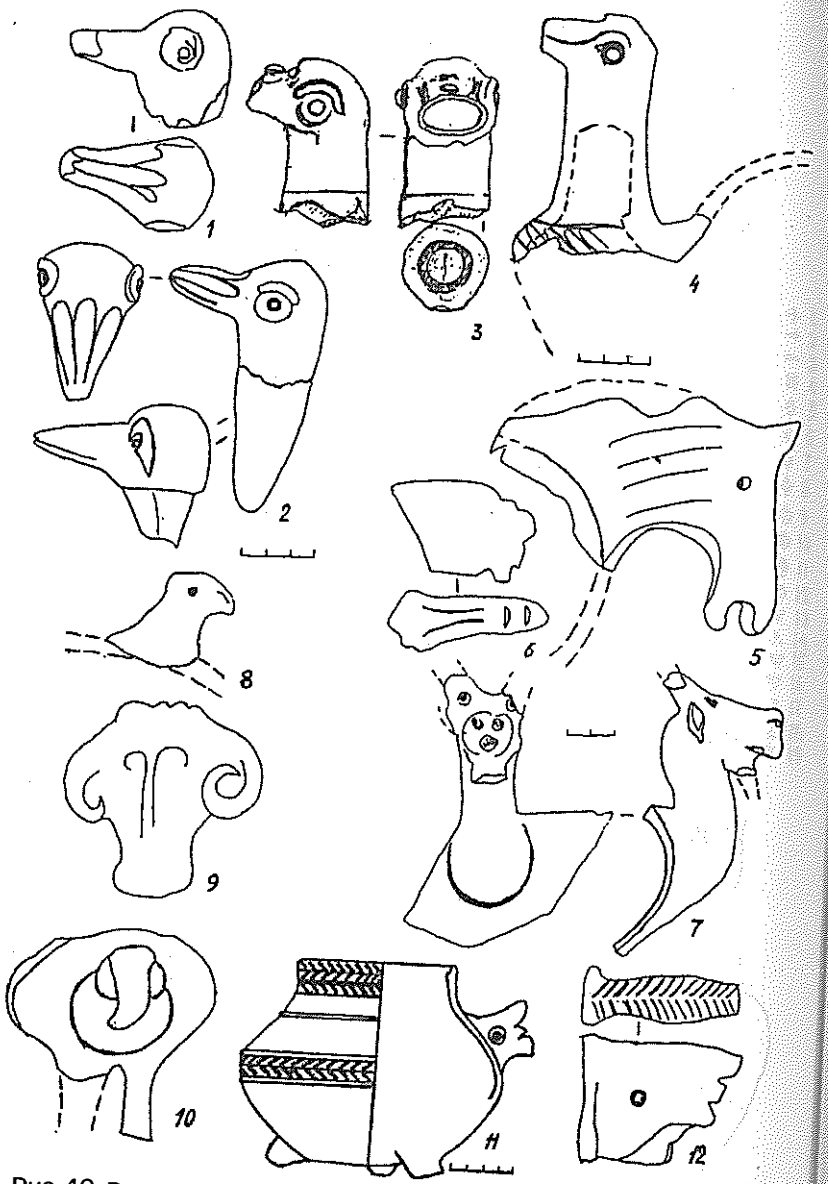


Рис.40. Редкие формы I группы с зооморфным оформлением: 1–4,6, 8–12 – Биляр, 5 – Муромский городок, 7 – Тетюшское.

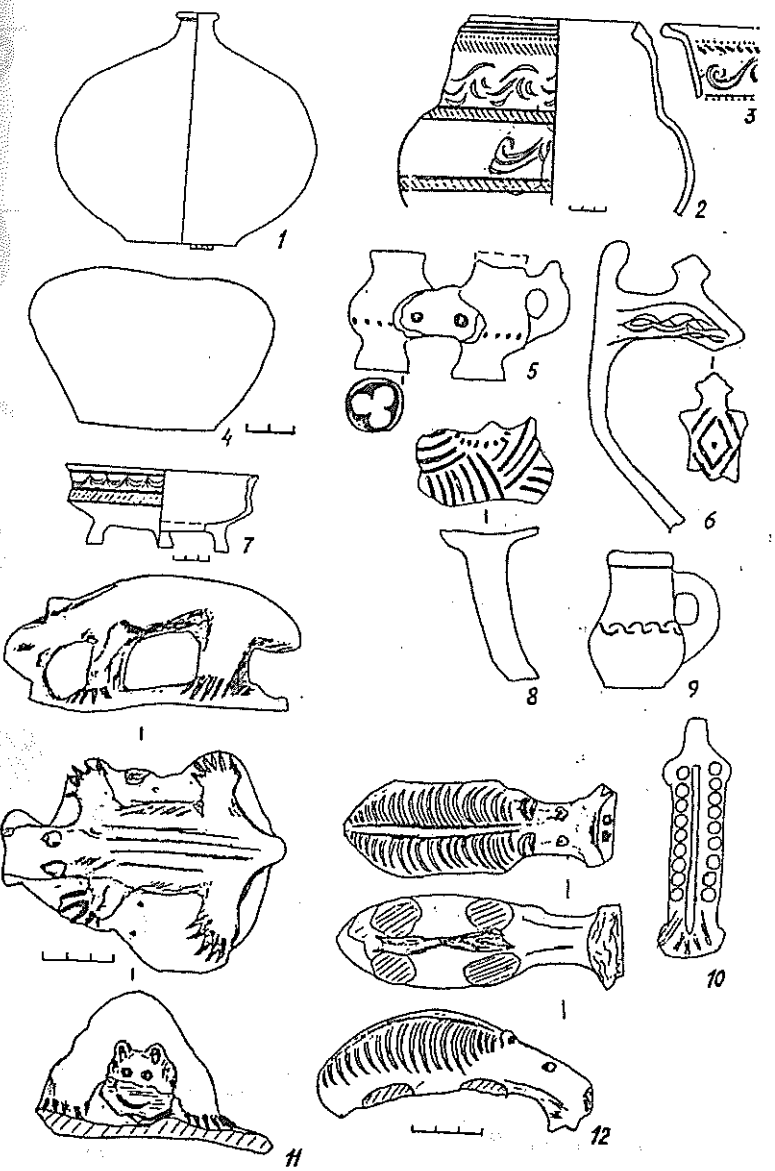


Рис.41. Редкие формы и сосуды с зооморфным оформлением I группы (Билярское).

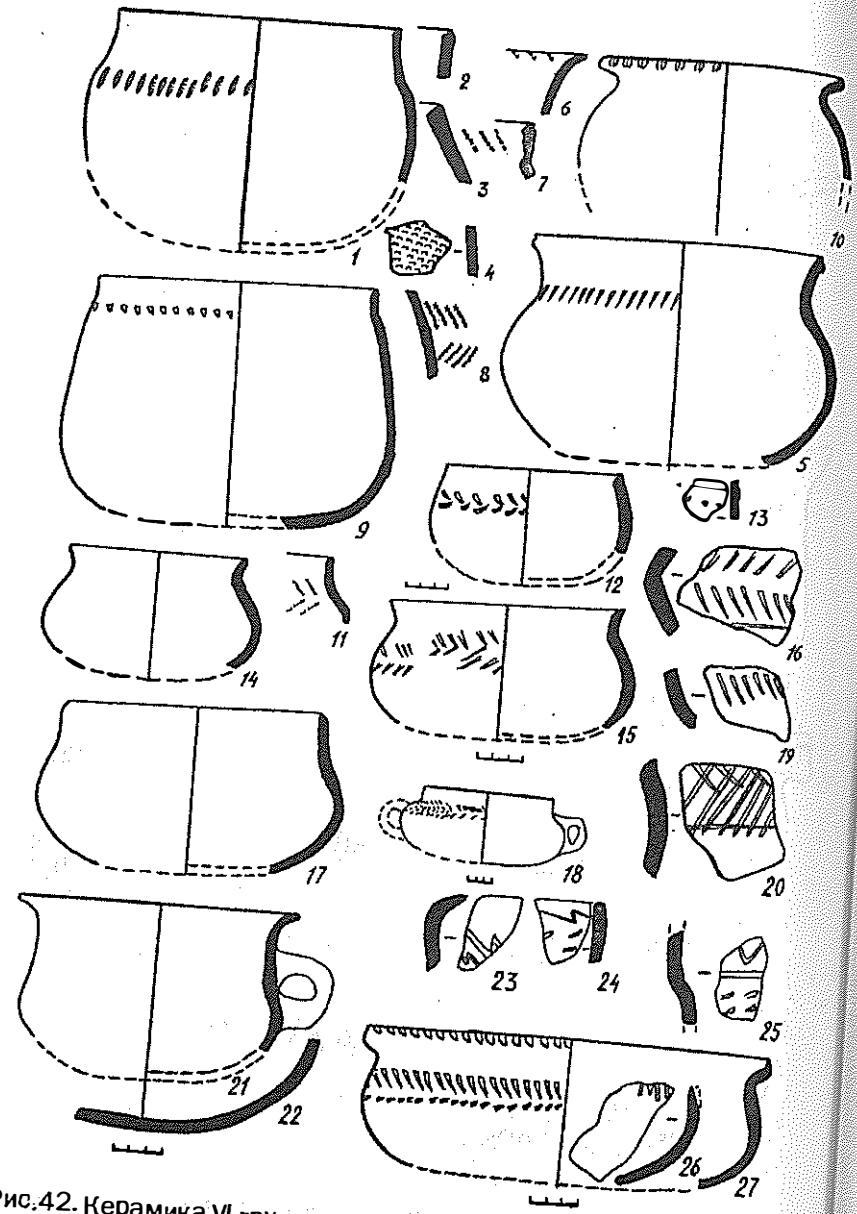


Рис.42. Керамика VI группы второй половины XIII–XIV в.: 1–4, 6–8, 11 – Русско-Урматское, 5,12–27 – Чаллынское, 9,10 – Болгар.

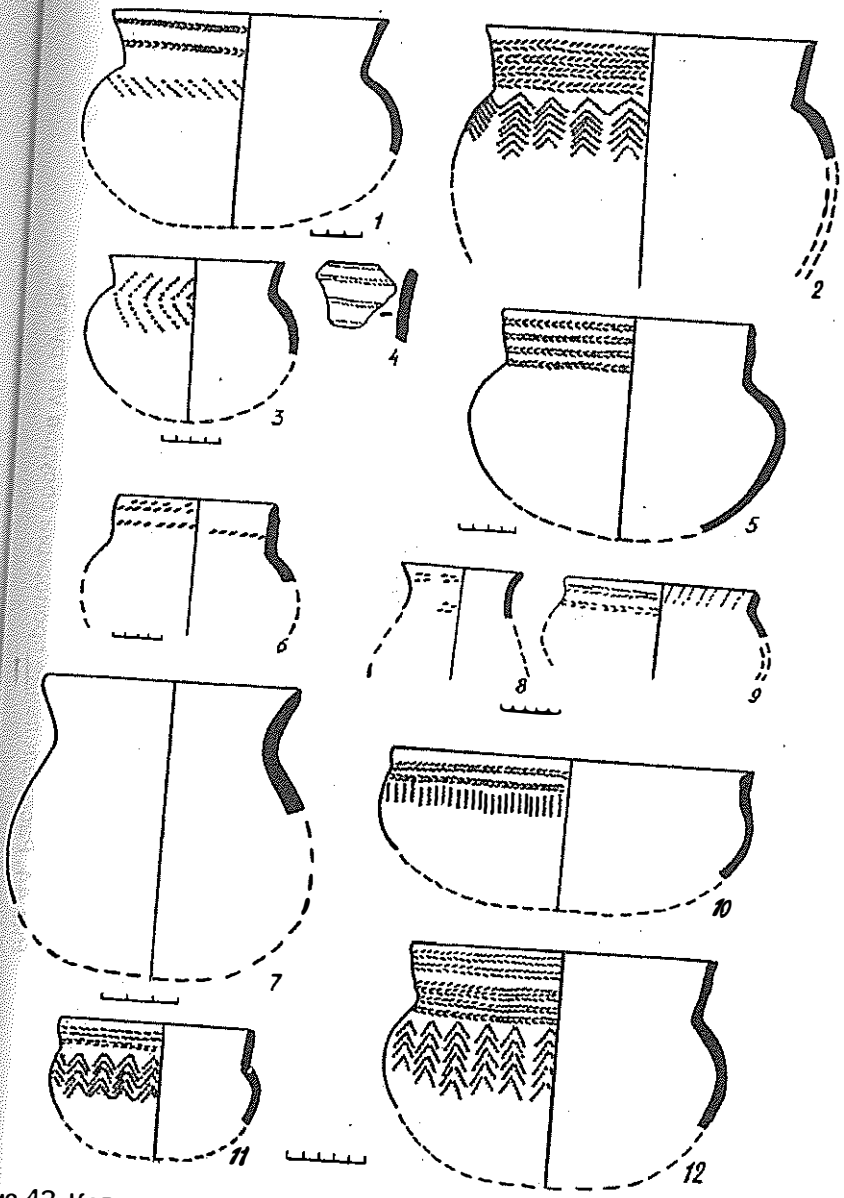


Рис.43. Керамика VII группы: 1,3,5,10 – Болгар, 2,6–9 – Чаллынское, 4 – Балынгузское, 11,12 – Березовогривское.

Рис.44. Распределение пропорций сосудов VII группы.

Рис.45. Керамика VIII (1–7) и котлы XIII (8–12) групп: 1 – Биляр, 2,4–6,11,12 – Болгар, 3,7 – Балынгузское, 8 – Болгарское 1 с-ще, 9 – Чаллынское, 10 – Русско-Урматское.

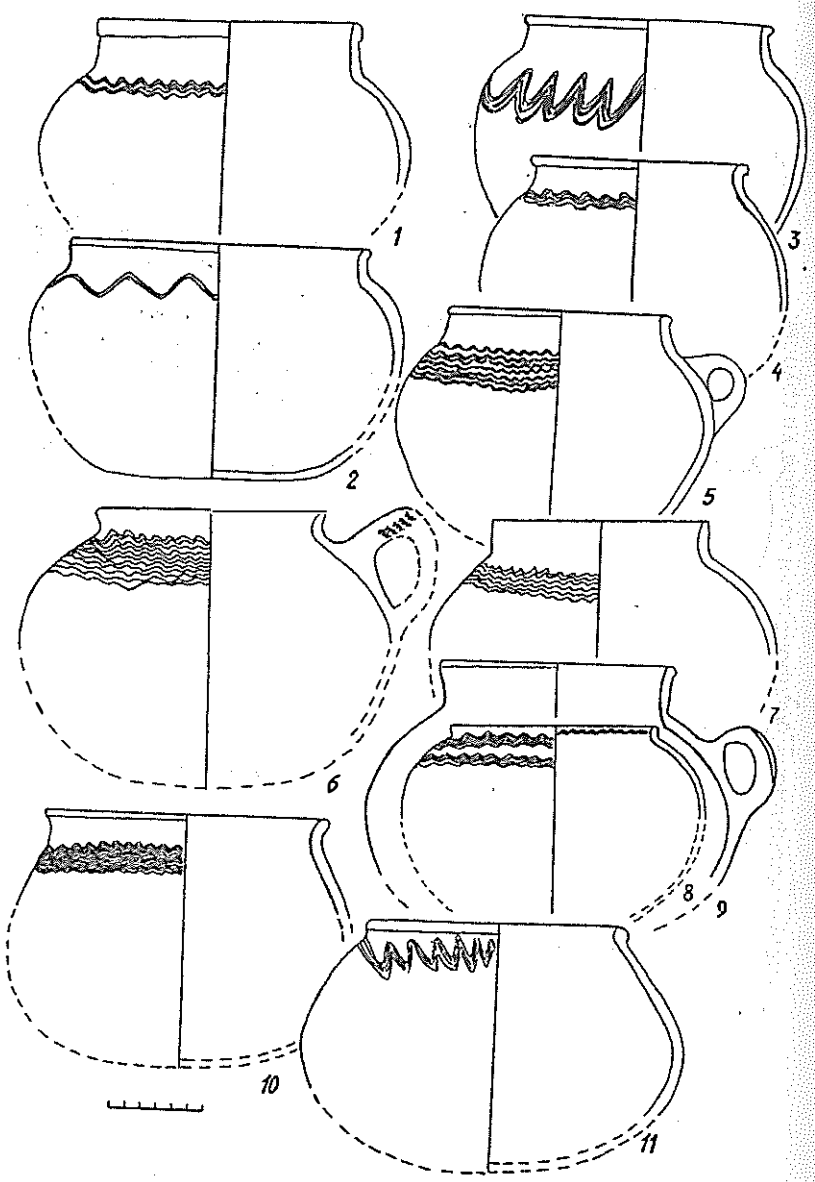


Рис.46. Горшки XIII группы: 1–3 – Русско-Урматское, 4,5,7,8,11 – Болгар, 6,9,10 – Чаллынское.

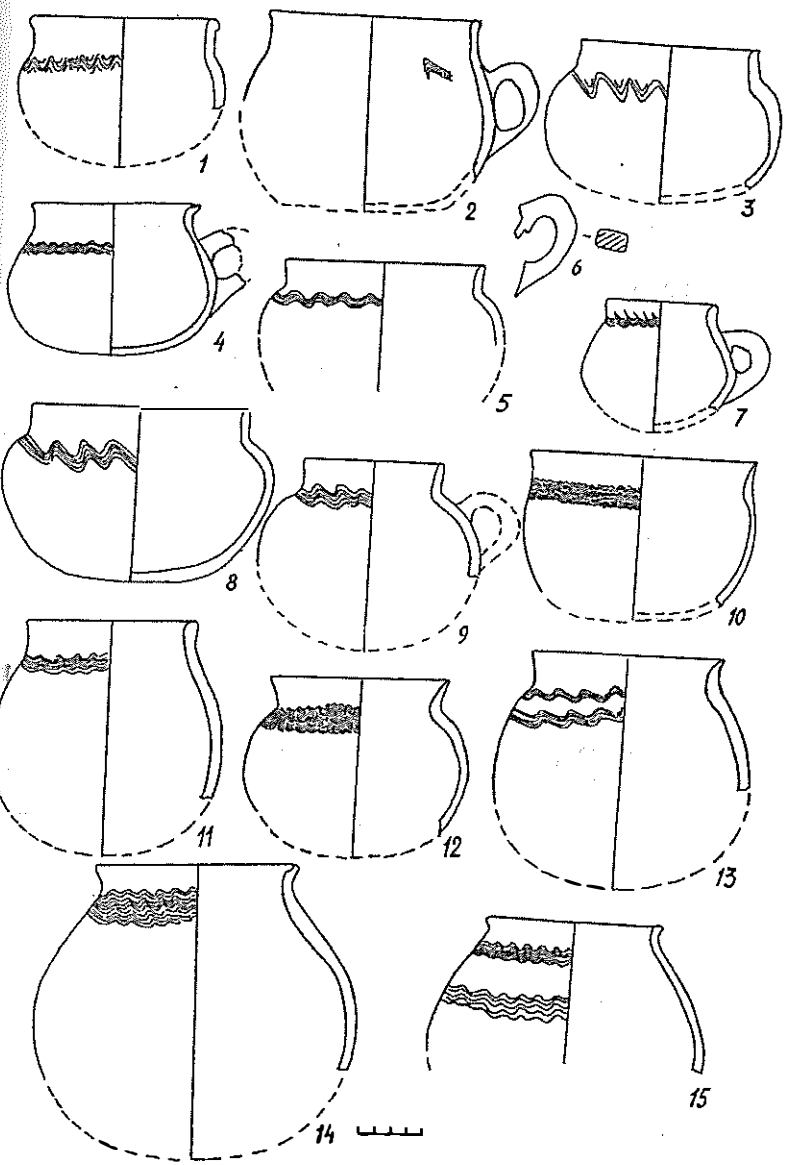


Рис.47. Чашки XIII группы: 1–4 – Русско-Урматское, 5,7,9,11, 13–15 – Болгар, 8,12 – Чаллынское, 10 – Чаллынское 1 с-ще.

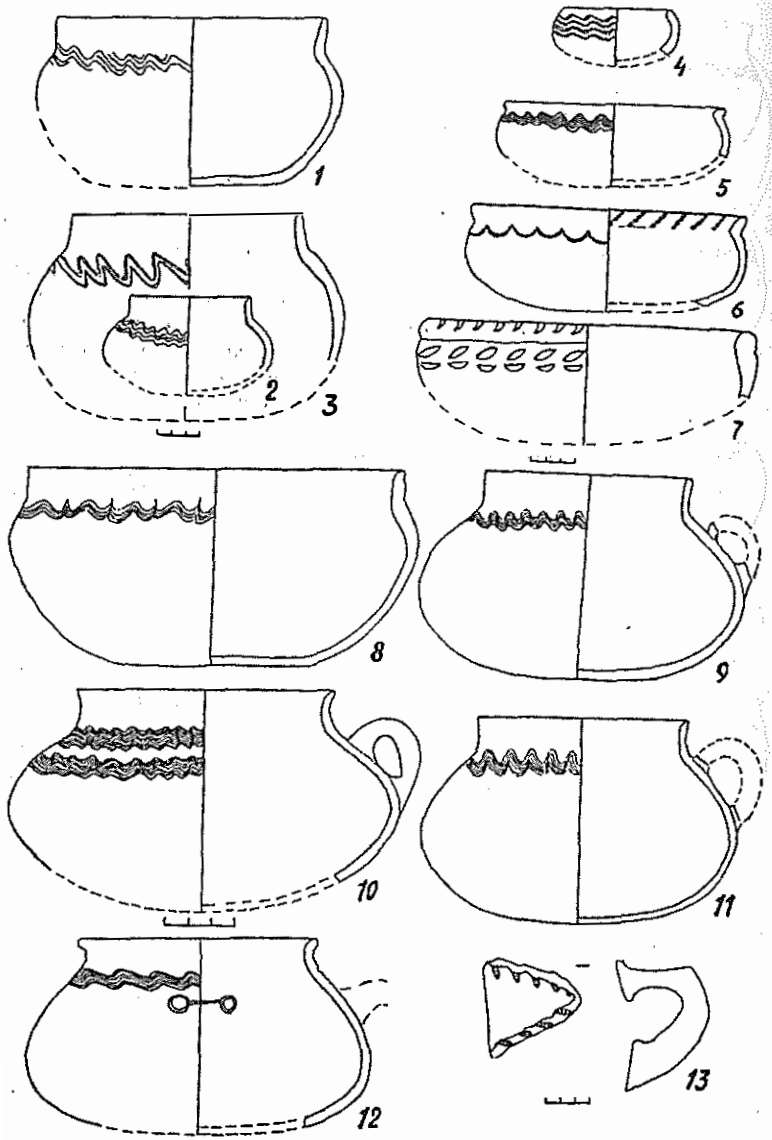


Рис.48. Миски (1–3,8), плошки (4–7), чашки (9–13) XIII группы:
1,3,6,13 – Русско-Урматское, 2,8 – Чаллынское,
4,5,9–12 – Болгар, 7 – Сюкеевское.

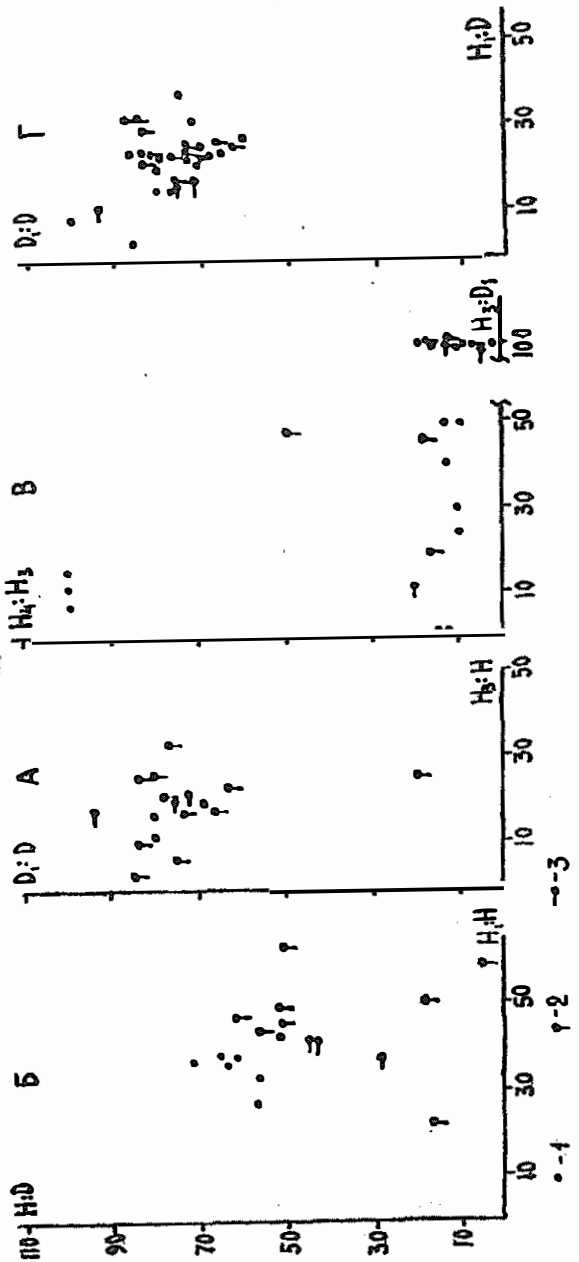


Рис.49. Распределение пропорций посуды XIII группы.

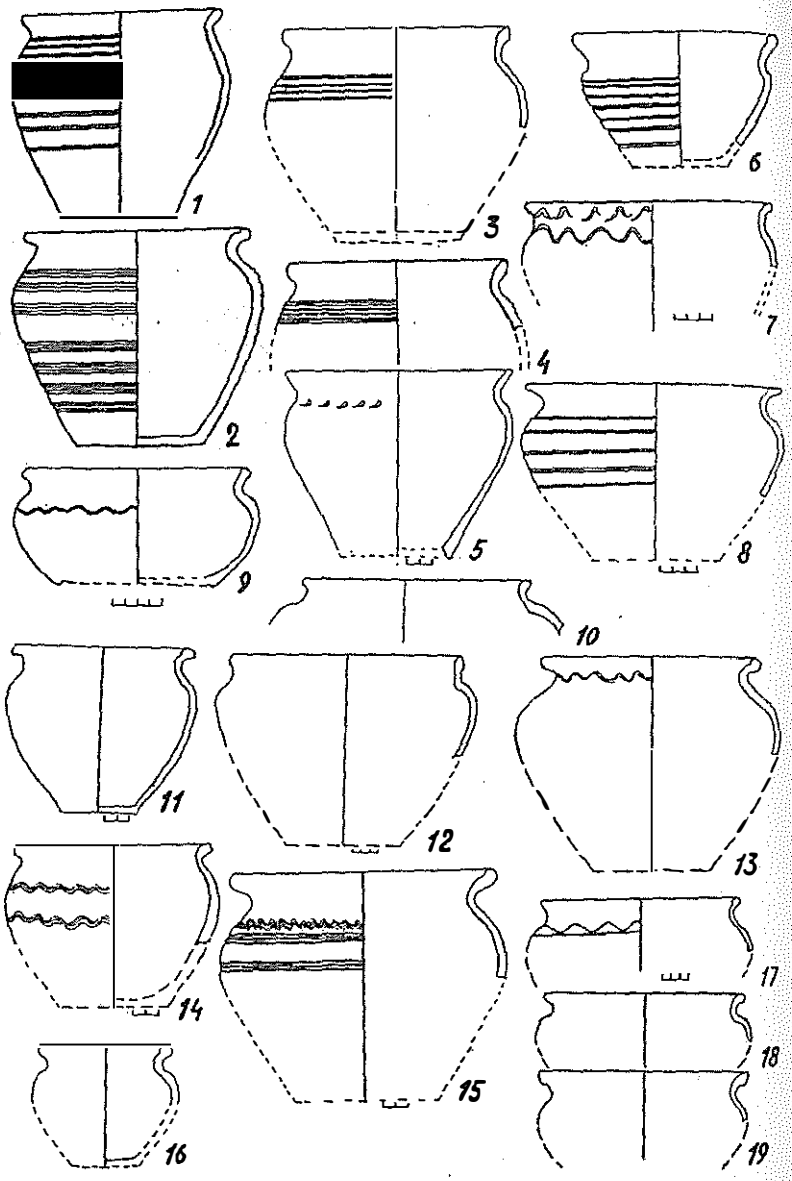


Рис.50. Керамика групп XIV–1 (1–9) и XIV–2 (10–19): 1–8,11–19 – Болгар, 9 – Сюкеевское, 10 – Русско-Урматское.

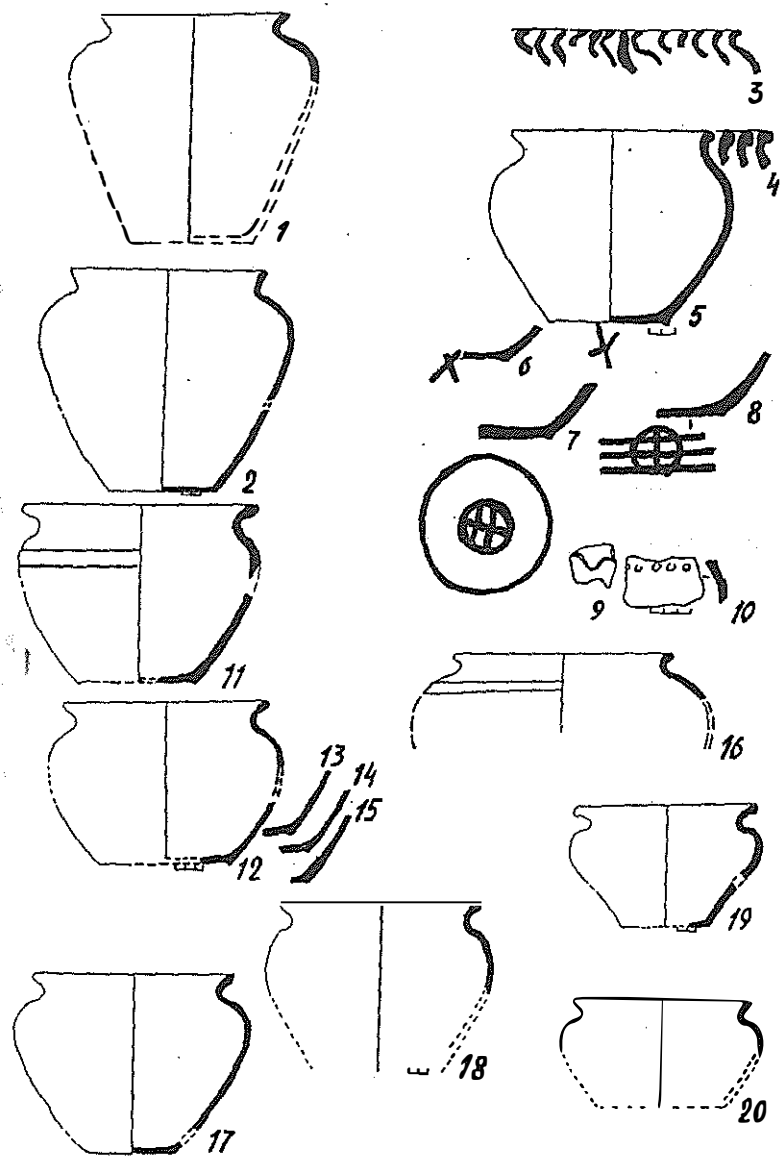


Рис.51. Керамика XVI группы: 1,3,4,12–17 – Русско-Урматское, 5–8,11,18–20 – Болгар, 9,10 – Сюкеевское.

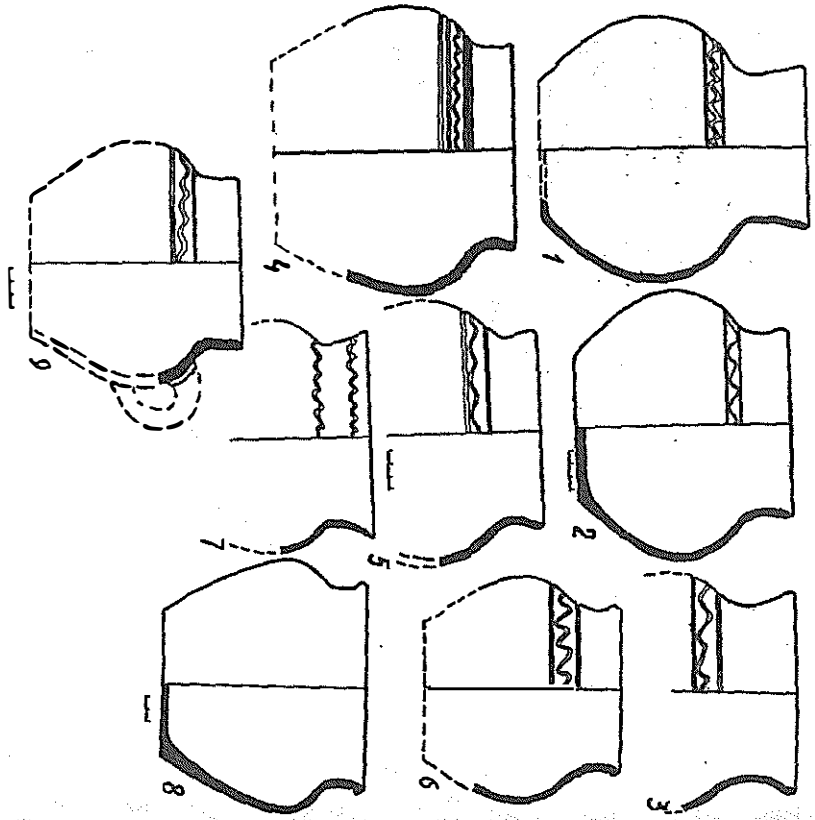


Рис.52. Керамика XVII группы (Болгар).

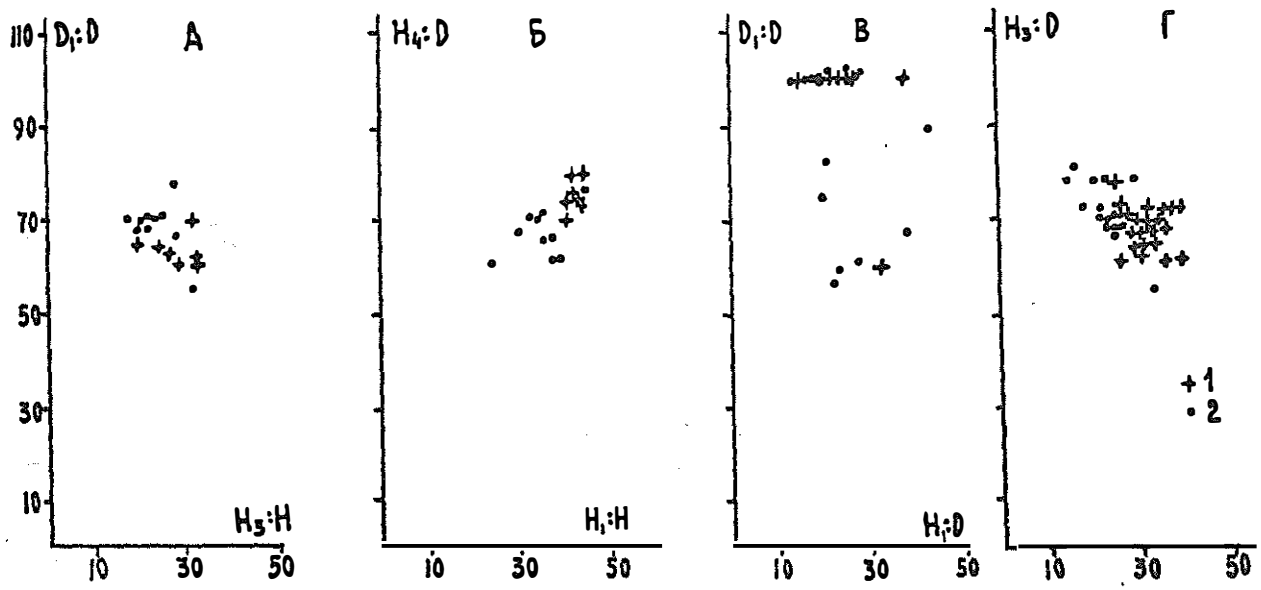


Рис.53. Сравнение пропорций посуды XVII группы второй половины XII – начала XIII в. (Сувар) и второй половины XIII–XIV в. (Болгар).

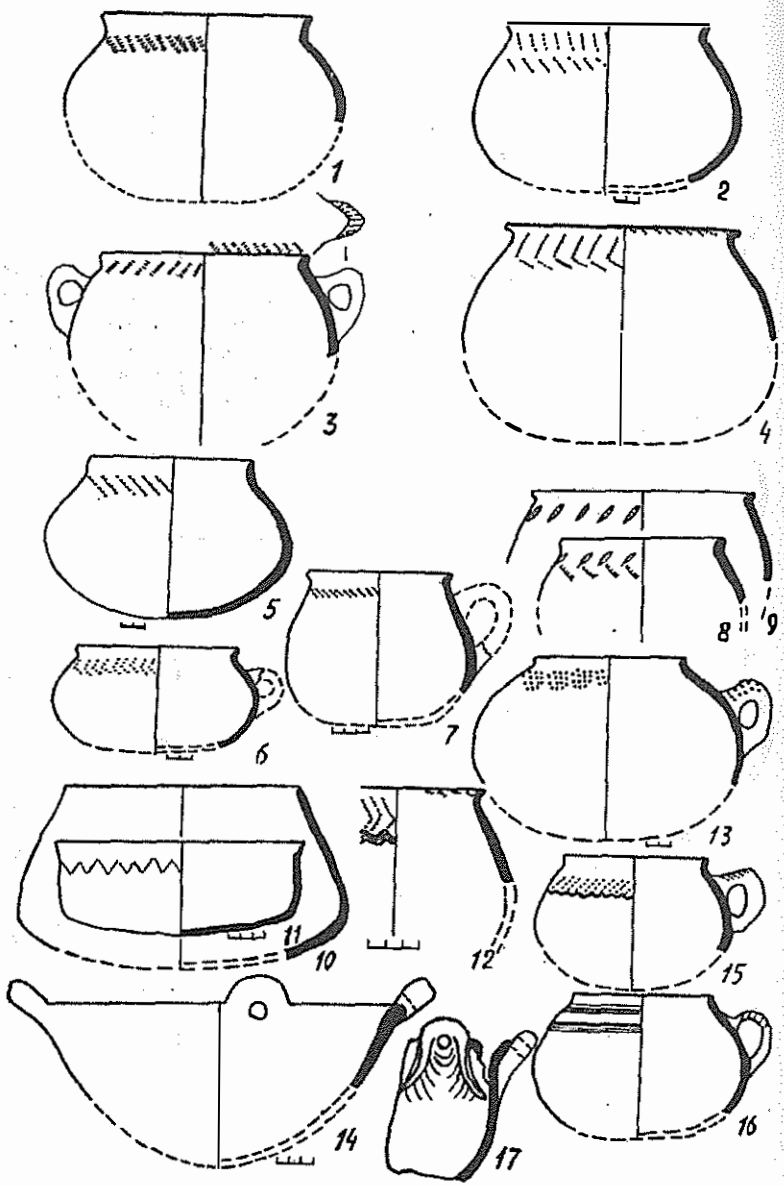


Рис.54. Керамика XVIII группы: 1–6,8,10–12,14,15 – Болгар, 7,9,13,16 – Русско-Урматское.

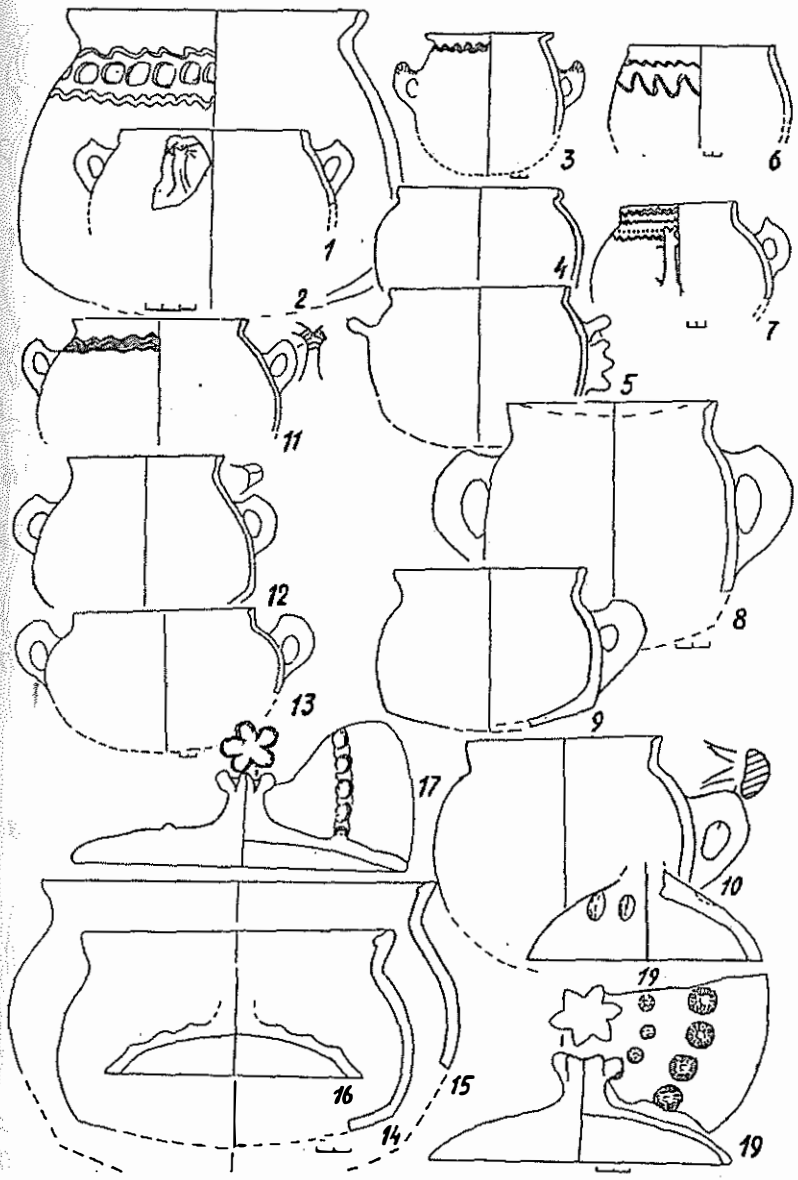


Рис.55. Керамика XIX группы – котлообразные горшки и крышки (Болгар).

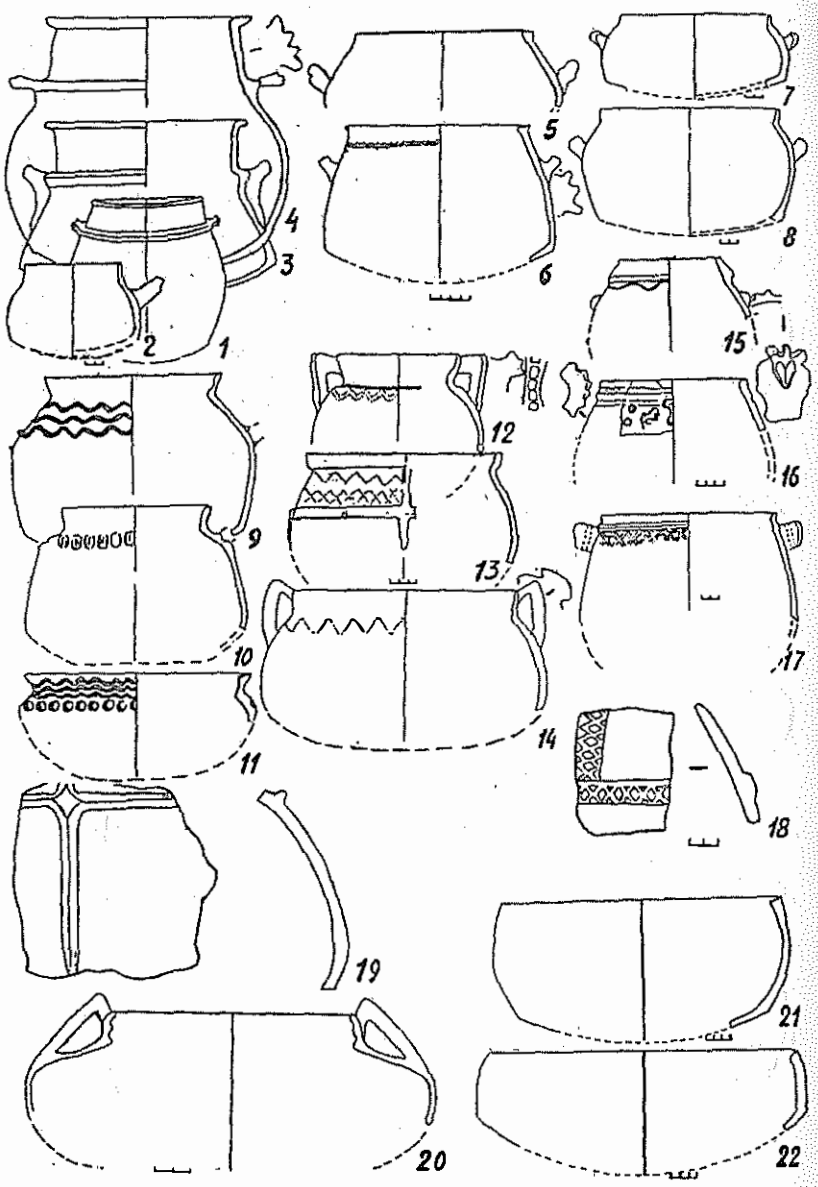


Рис.56. Керамика XIX группы – котлы (Болгар).

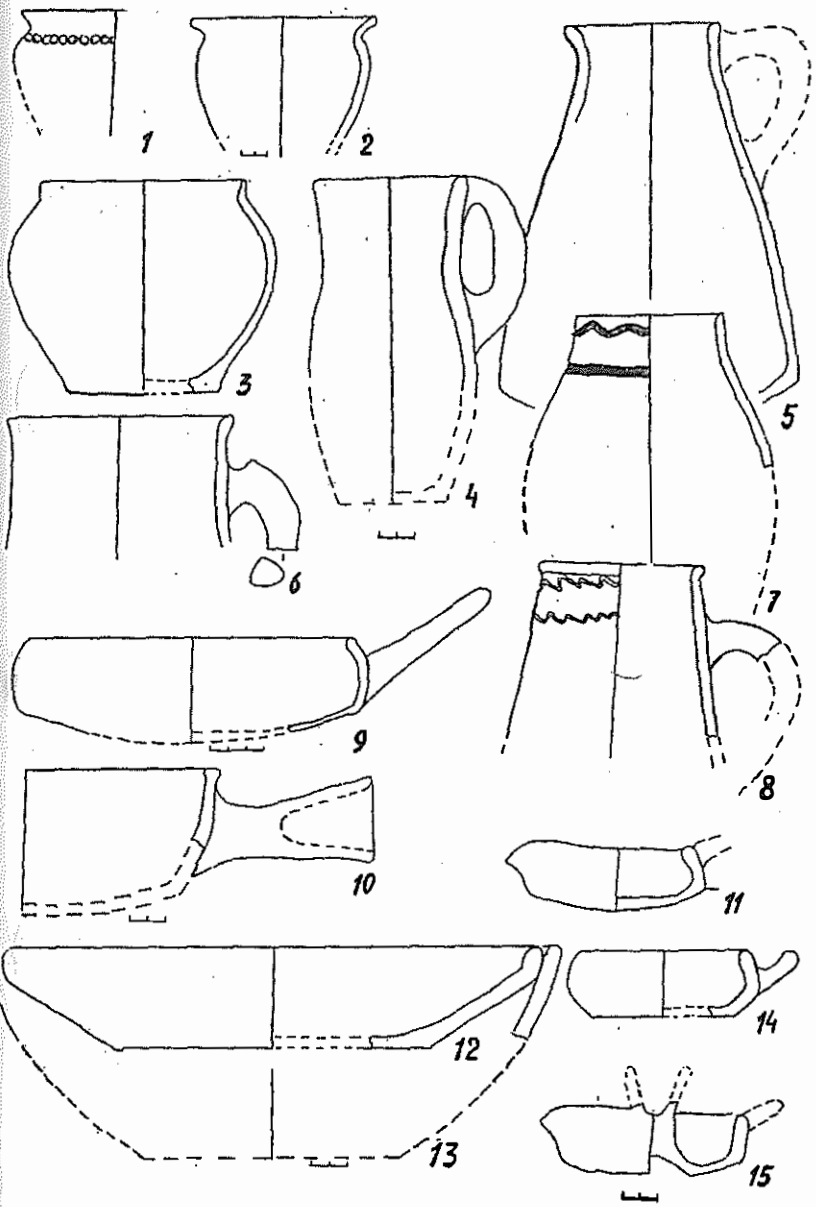


Рис.57. Керамика XIX группы – плоскодонная посуда (Болгар).

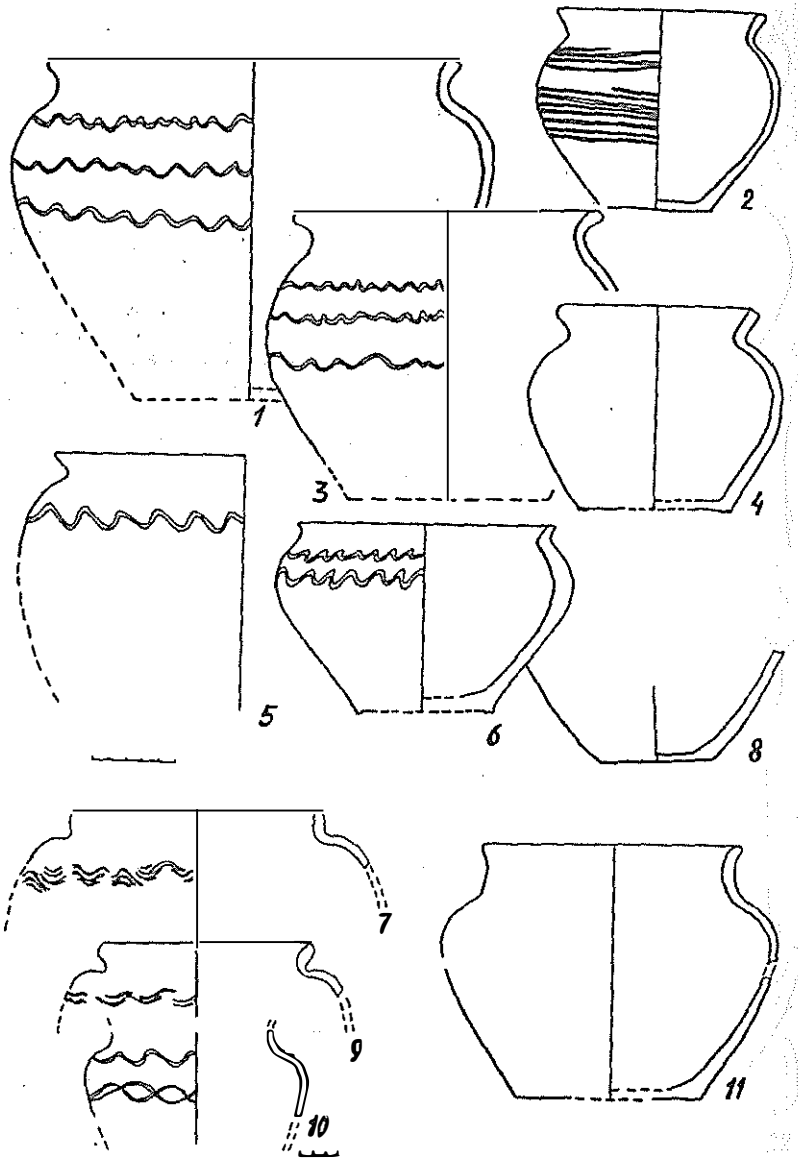


Рис.58. Керамика XX группы: 1–8,11 – Болгар, 7–10 – Русско-Урматское.

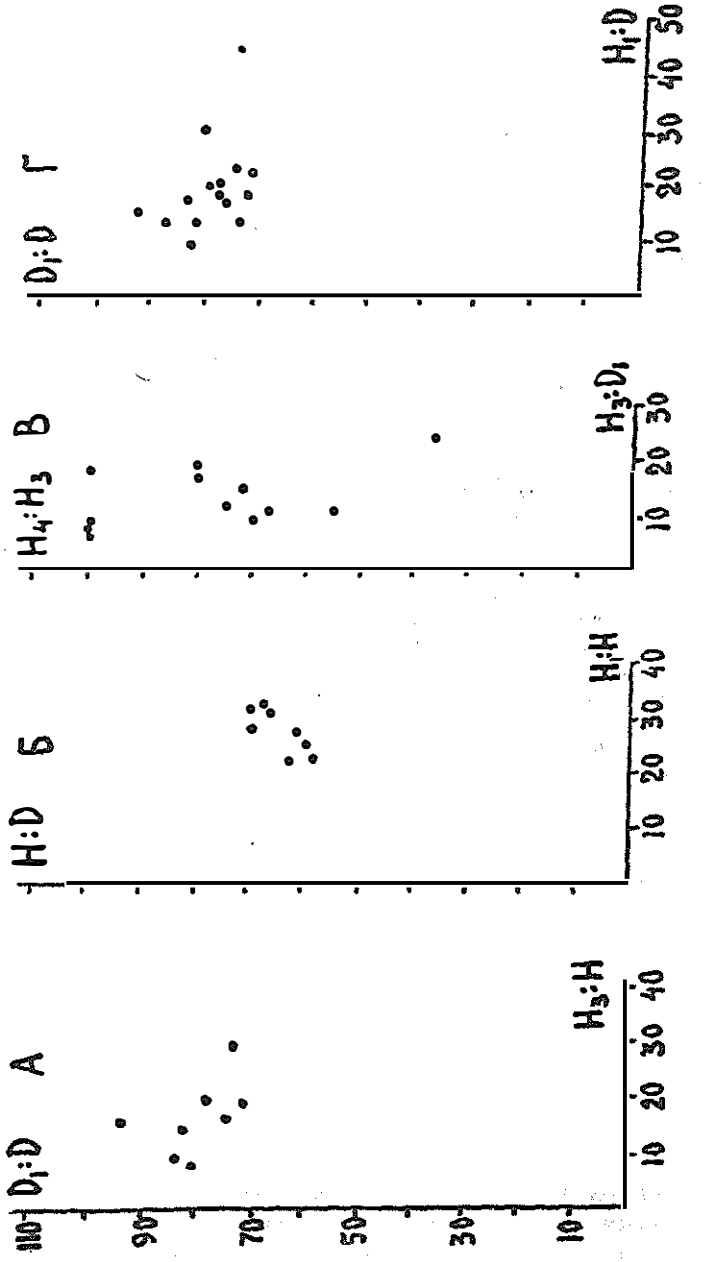


Рис.59. Распределение пропорций посуды XX группы.

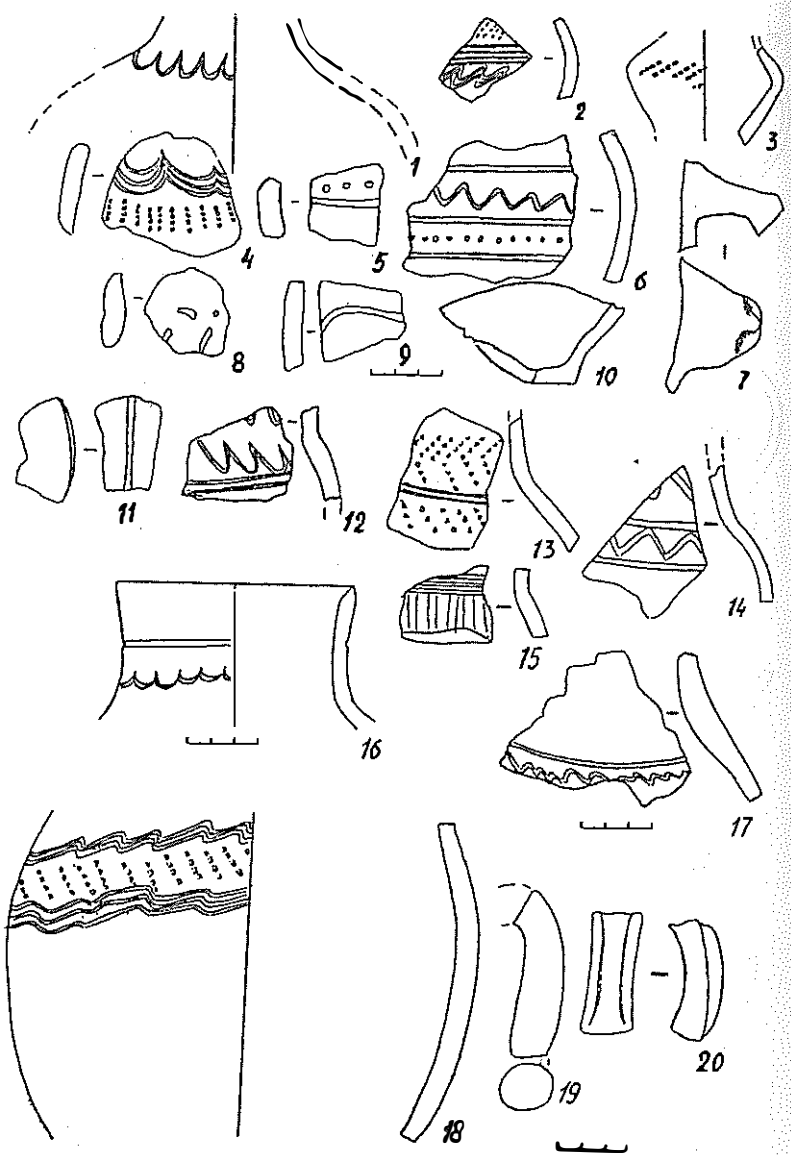


Рис.60. Керамика XXI группы – кувшинообразные): 1–3,13,14,16 – Чал-лынское, 4,5,8,9 – Билярское 3 с-ще, 6,7,10,11,15,18 – Камаевское, 17 – Русско-Урматское, 19,20 – Балынгузское.

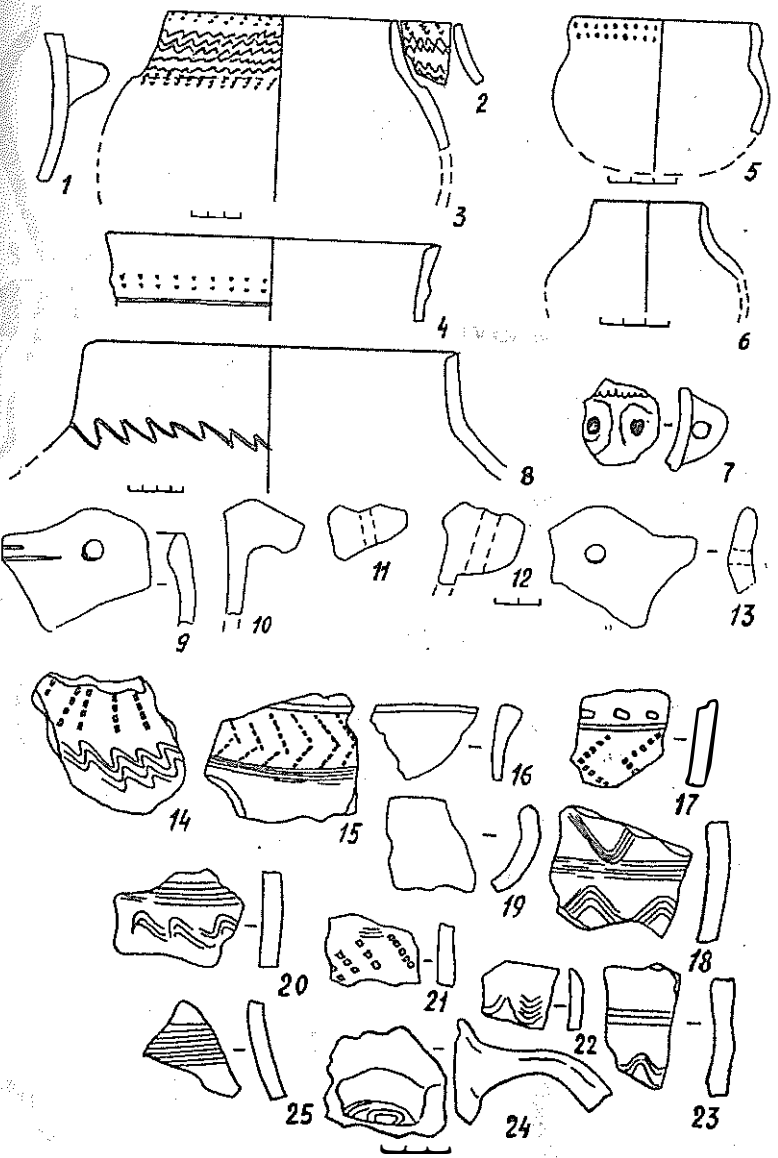


Рис.61. Керамика XXI группы: 1,5,6,8 – Чаллынское, 2–4,7 – Камаев-ское, 9–13 – Русско-Урматское, 14,15,17,18,23 – Бикбуловское с-ще, 16,19–21,24,25 – Меллятамакское 1 с-ще.

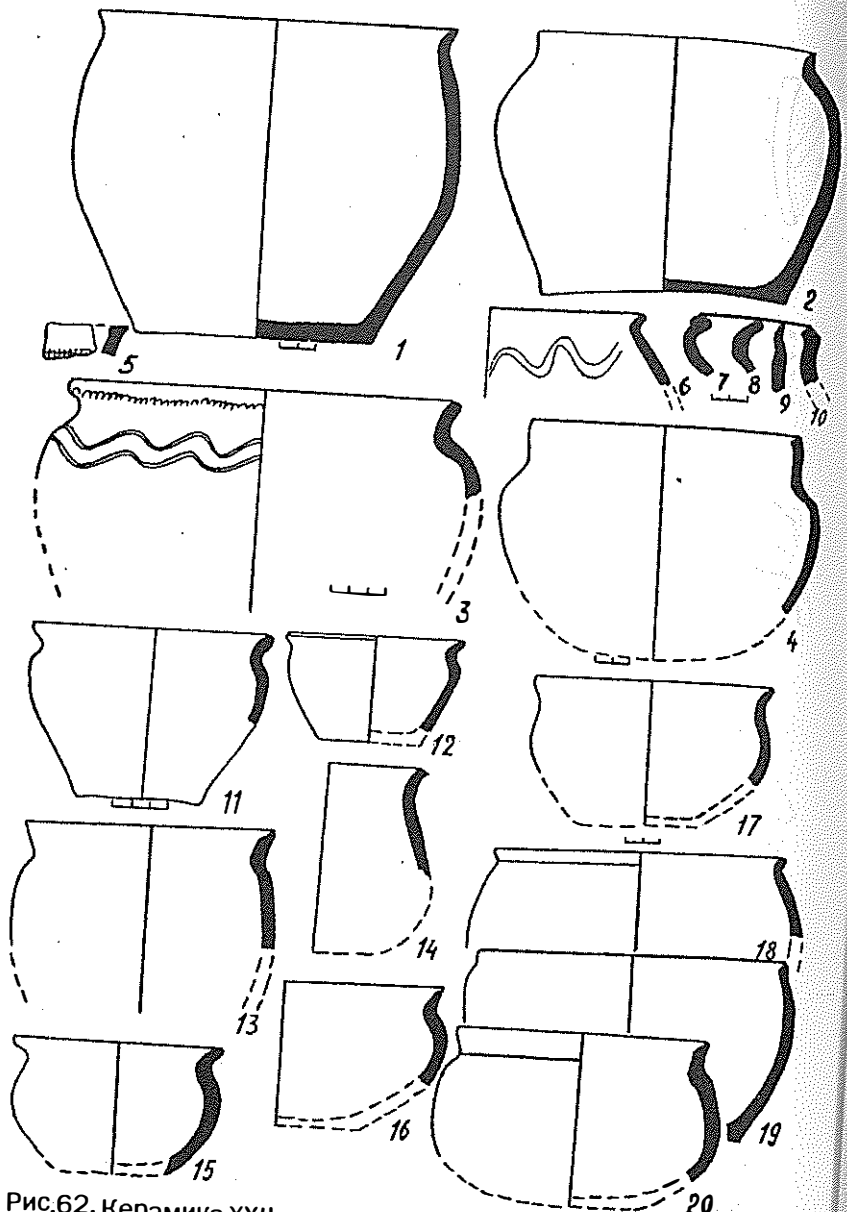


Рис.62. Керамика XXII группы: 1–3,5,6,11,14–20 – Камаевское, 4,7,10,12,13 – Русско-Урматское.

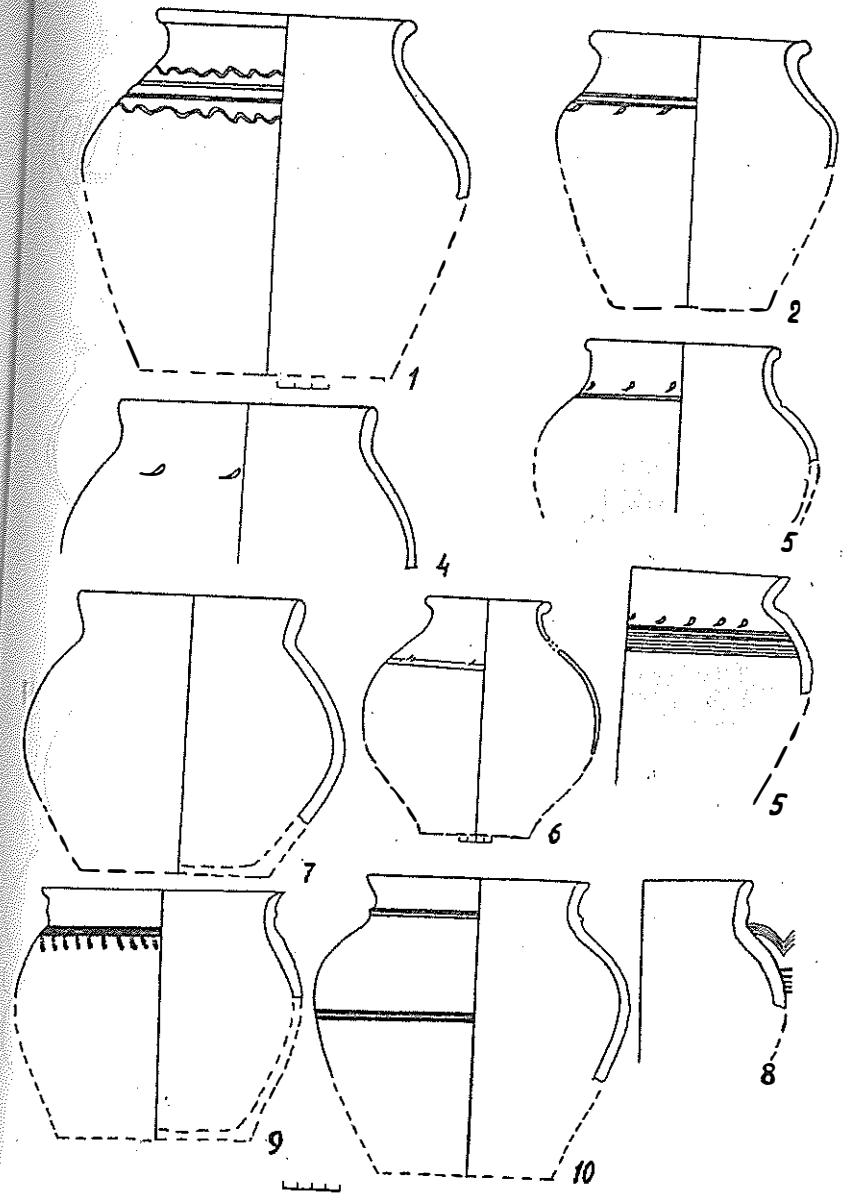


Рис.63. Горшки I группы; типы 1 (1–5), 2 (6–10): 1,3,4,9 – Русско-Урматское, 2,5,7,8,10 – Болгар, 6 – Чаллынское 1 с-ще.

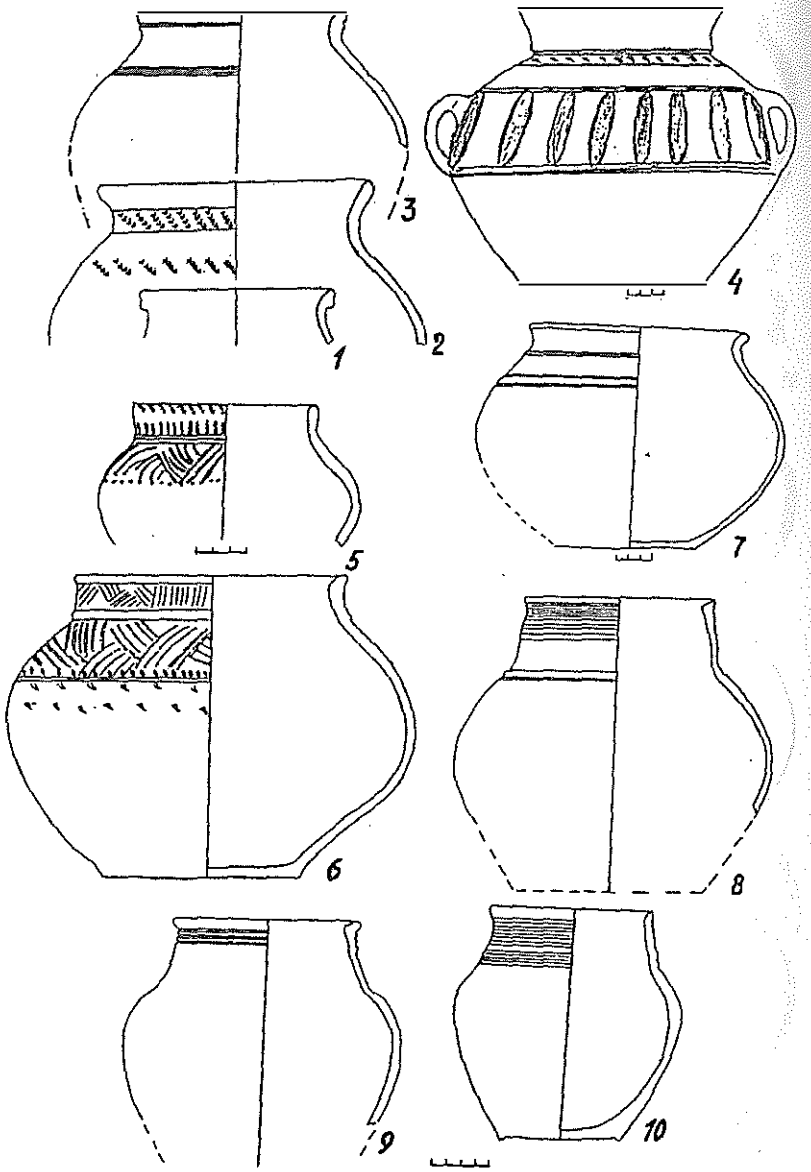


Рис.64. Горшки I группы; типы 3 (1–4), 5 (5–7), 6 (8–10: 1,3,5,6,8 – Русско-Урматское, 2,4,7,9,10 – Болгар.

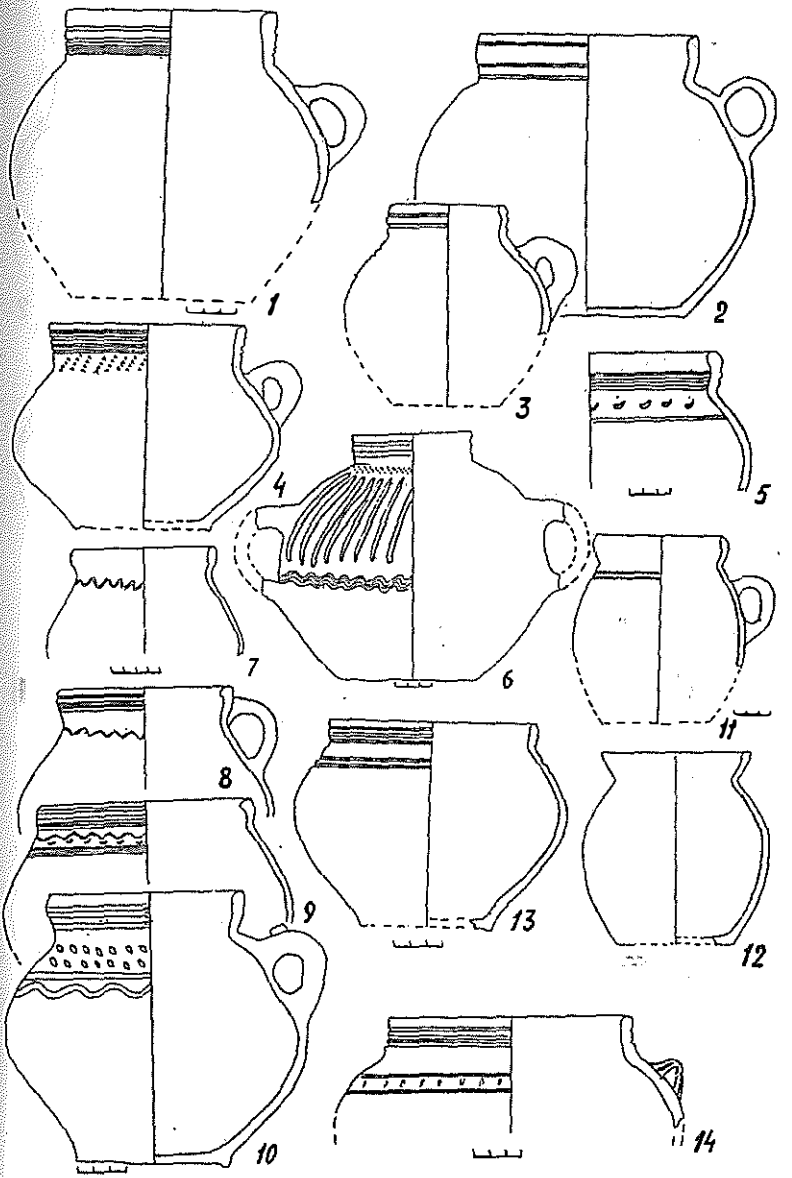


Рис.65. Горшки I группы (тип 4): 1,2,5,7–9 – Русско-Урматское, 3,4,10–14 – Болгар, 6 – Сувар.

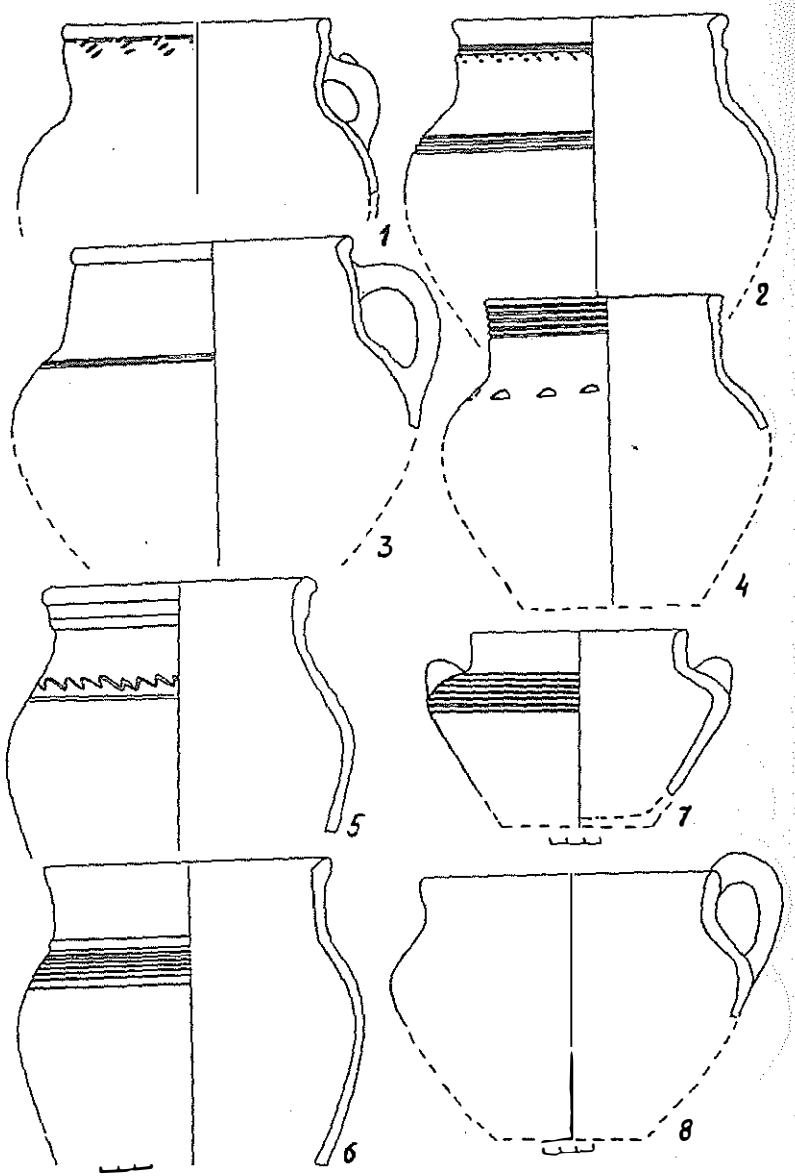


Рис.66. Горшки I группы; типы 7 (1–4), 8 (5,6), 9 (7,8): 1–4,7,8 – Болгар, 5,6 – Русско-Урматское.

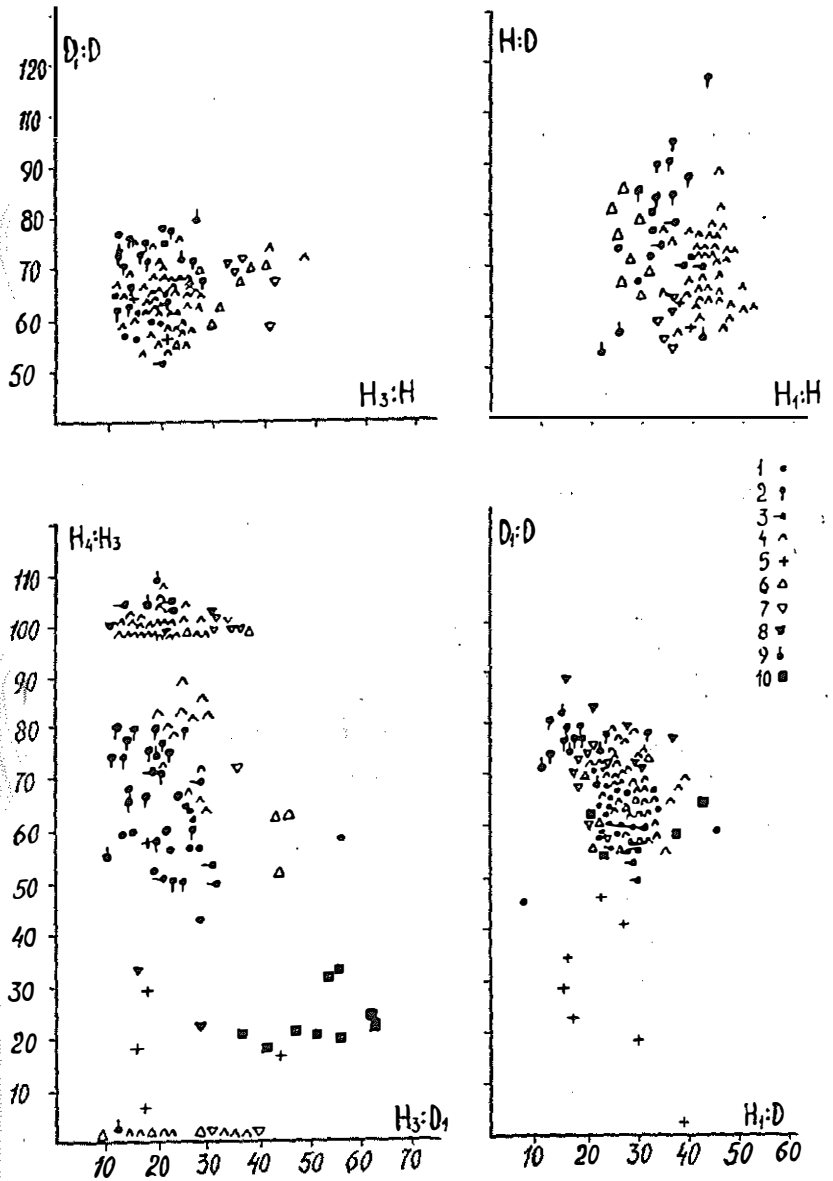


Рис.67. Распределение пропорций горшков и корчаг.

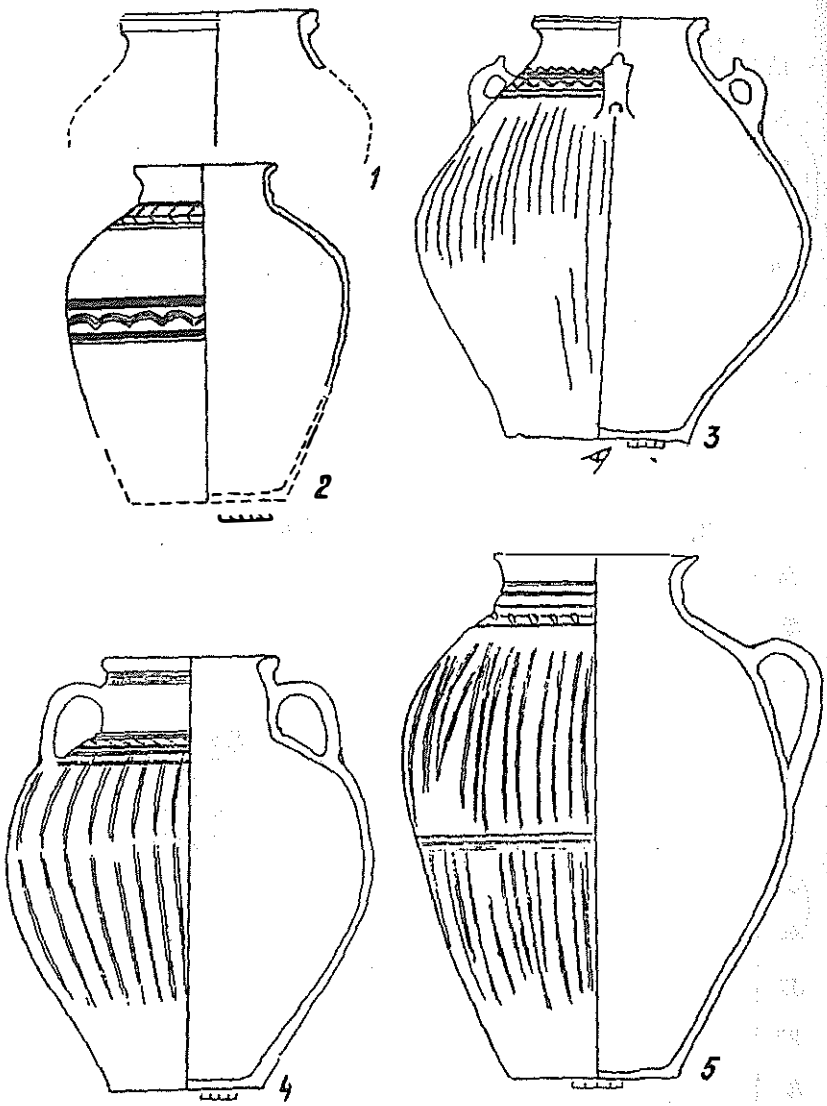


Рис.68. Корчаги; типы 1 (1–3), 6 (4,5): 1,3,4 – Русско-Урматское, 2,5 – Блгар.

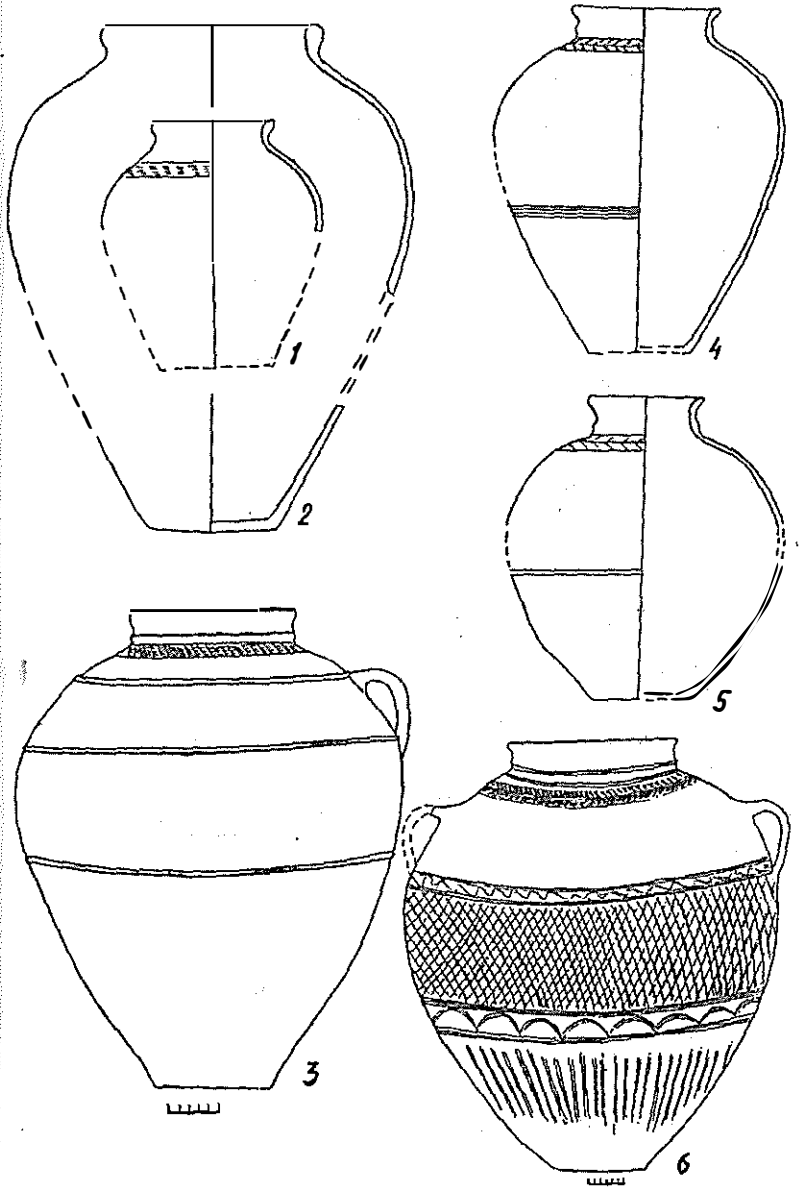


Рис.69. Корчаги; тип 2 (Болгар).

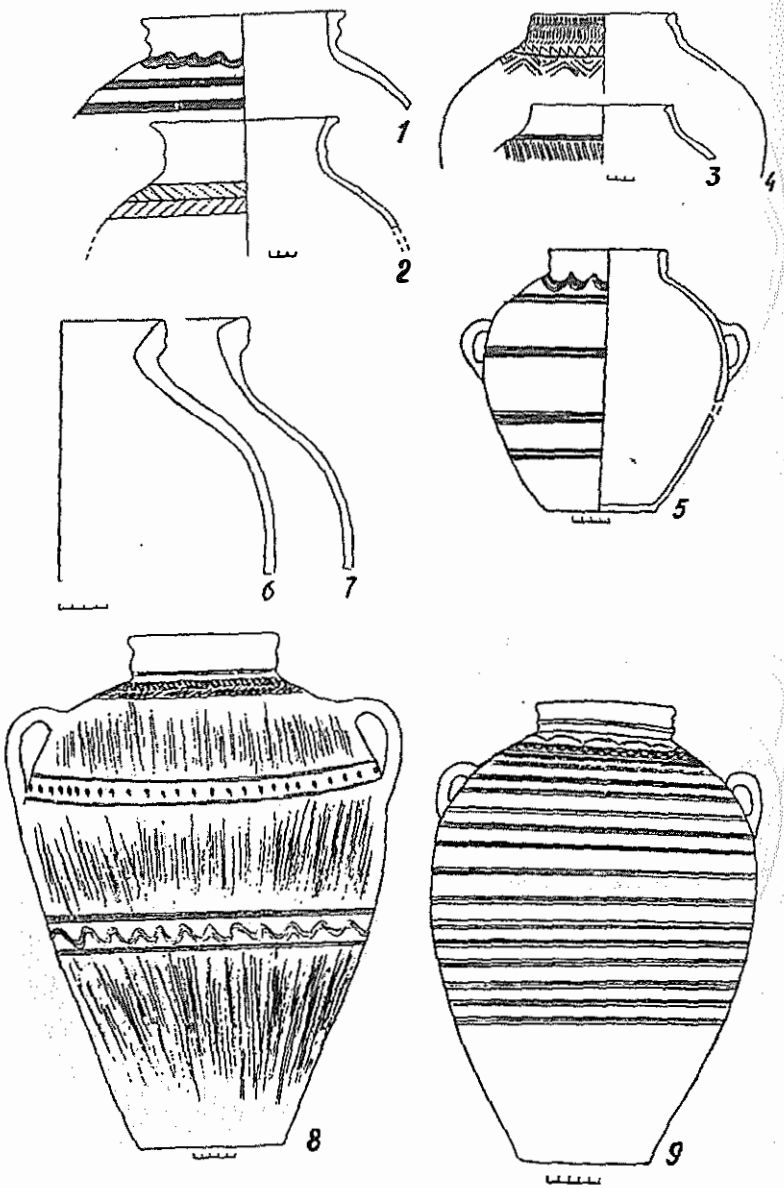


Рис.70. Корчаги; типы 3 (1,2), 4 (3–5), 5 (8,9): 1–3,5,8,9 – Болгар, 4,6 – Русско-Урматское, 7 – Чаллынское 2 с-ще.

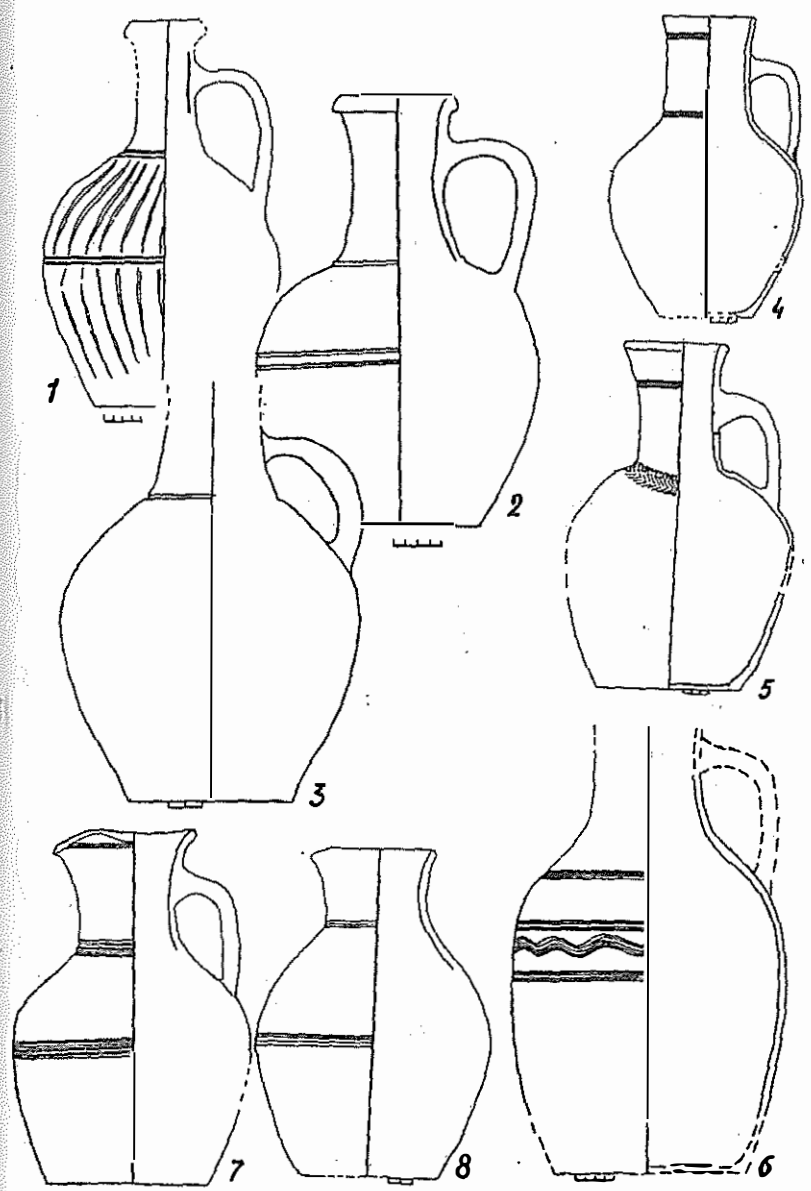


Рис.71. Кувшины; типы 1 (1–3), 2 (4–6), 3 (7,8): 1–4,6–8 – Болгар, 5 – Русско-Урматское.

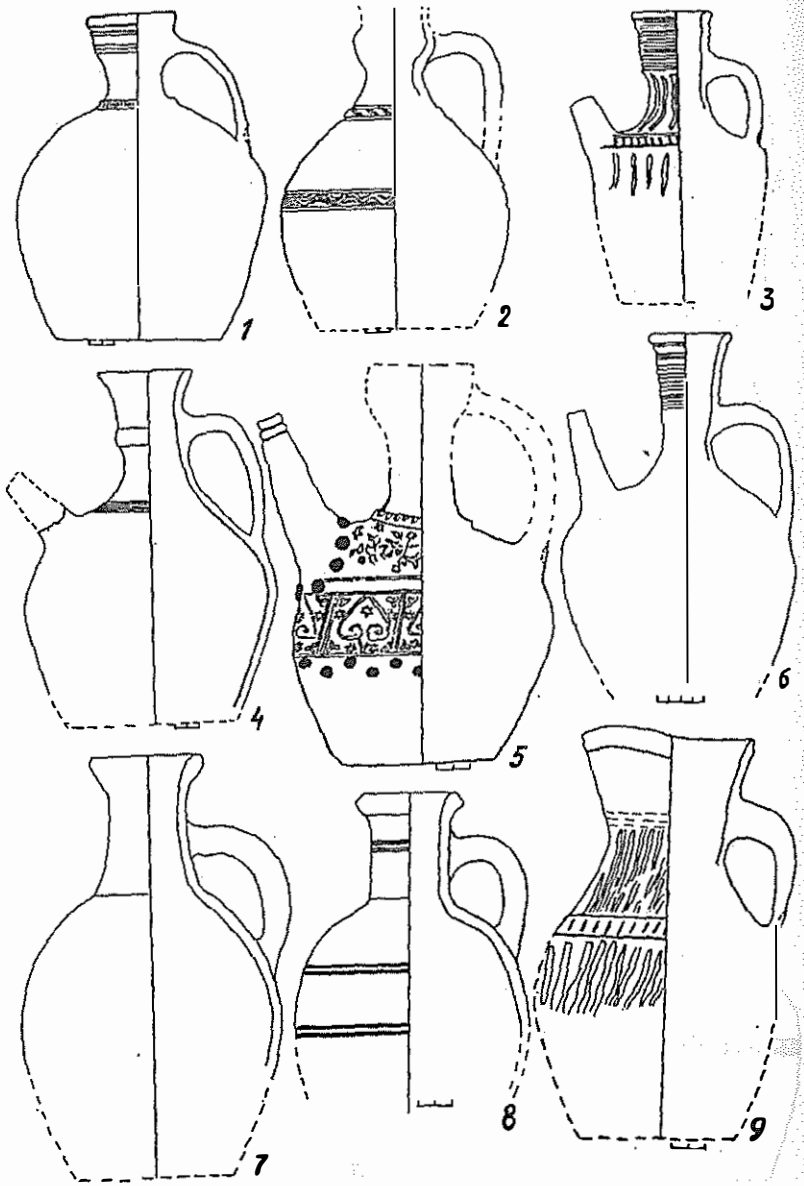


Рис.72. Кувшины; типы 4 (1–6), 5 (7,8), 6 (9): 1,2,4,5,7,8 – Болгар, 3,6,9 – Русско-Урматское.

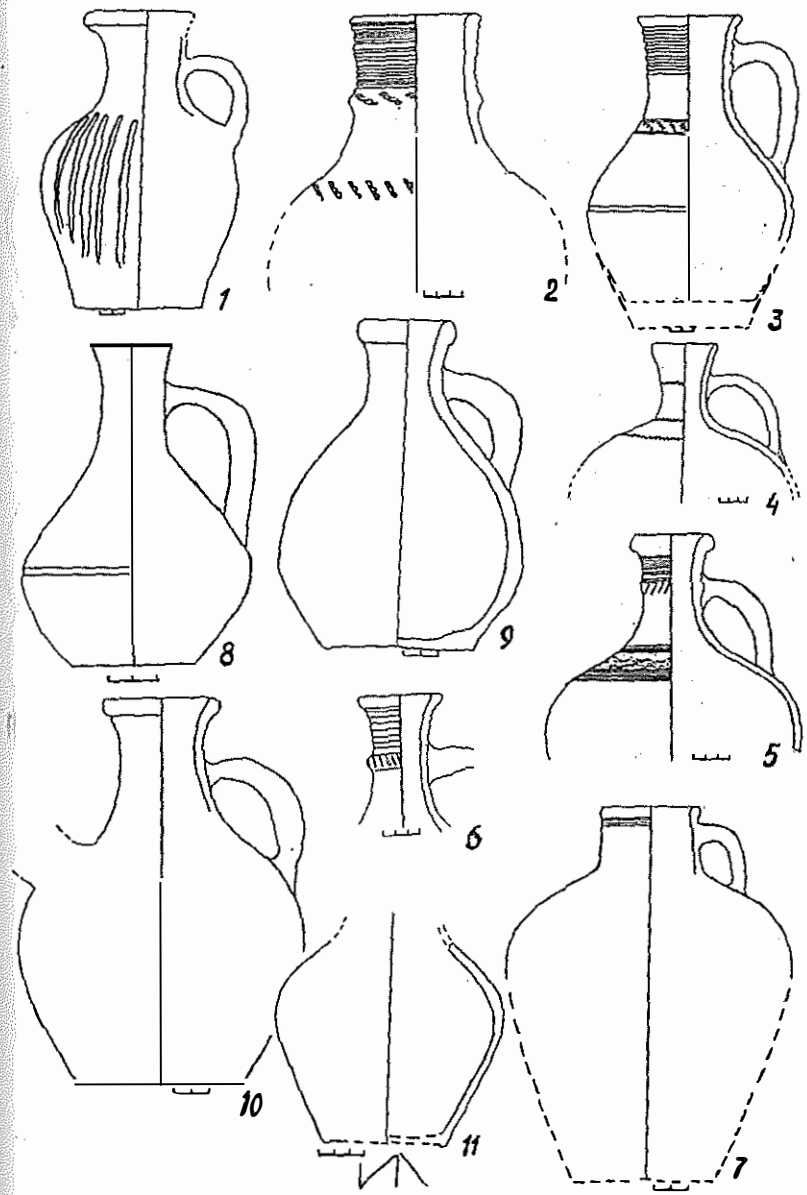


Рис.73. Кувшины; типы 7(1), 8 (2,3), 9 (4–7), 10 (8–11); Болгар.

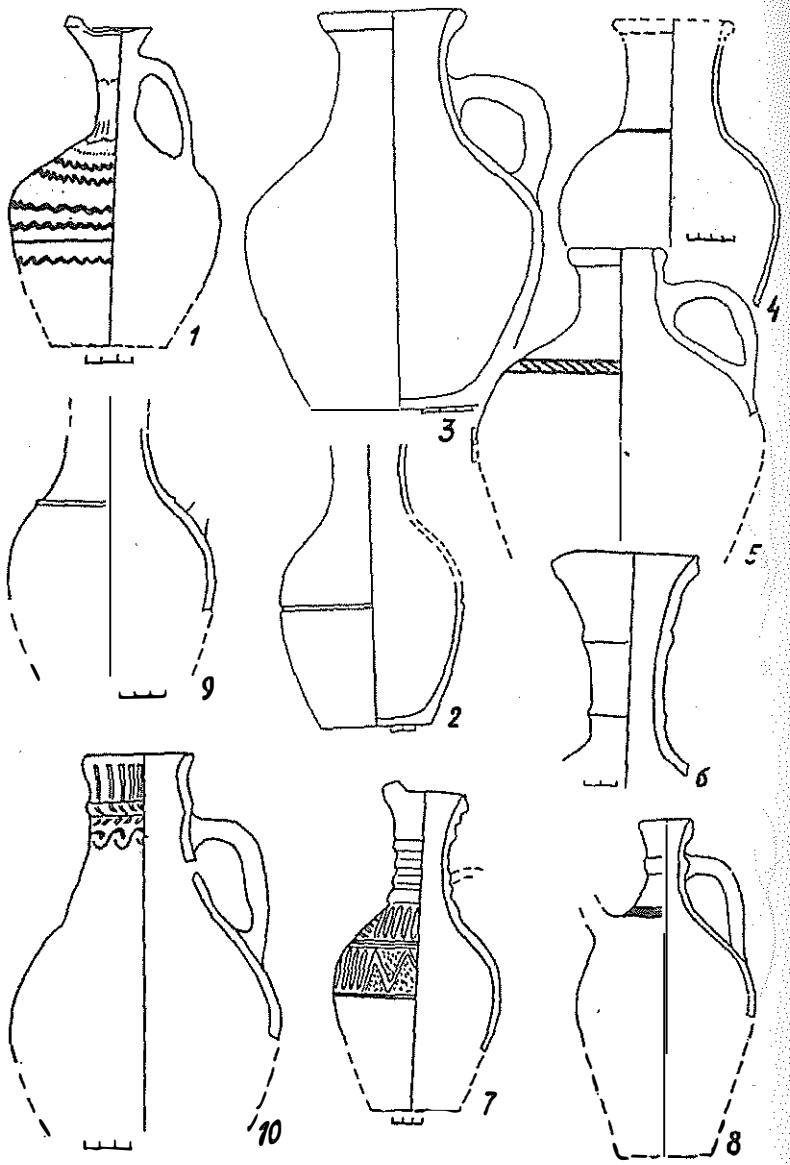


Рис.74. Кувшины; типы 11 (1,6), 12 (2), 13 (3–5), 14 (7,8), 15 (9,10): 1–4,6–9 – Болгар, 5,10 – Русско-Урматское.

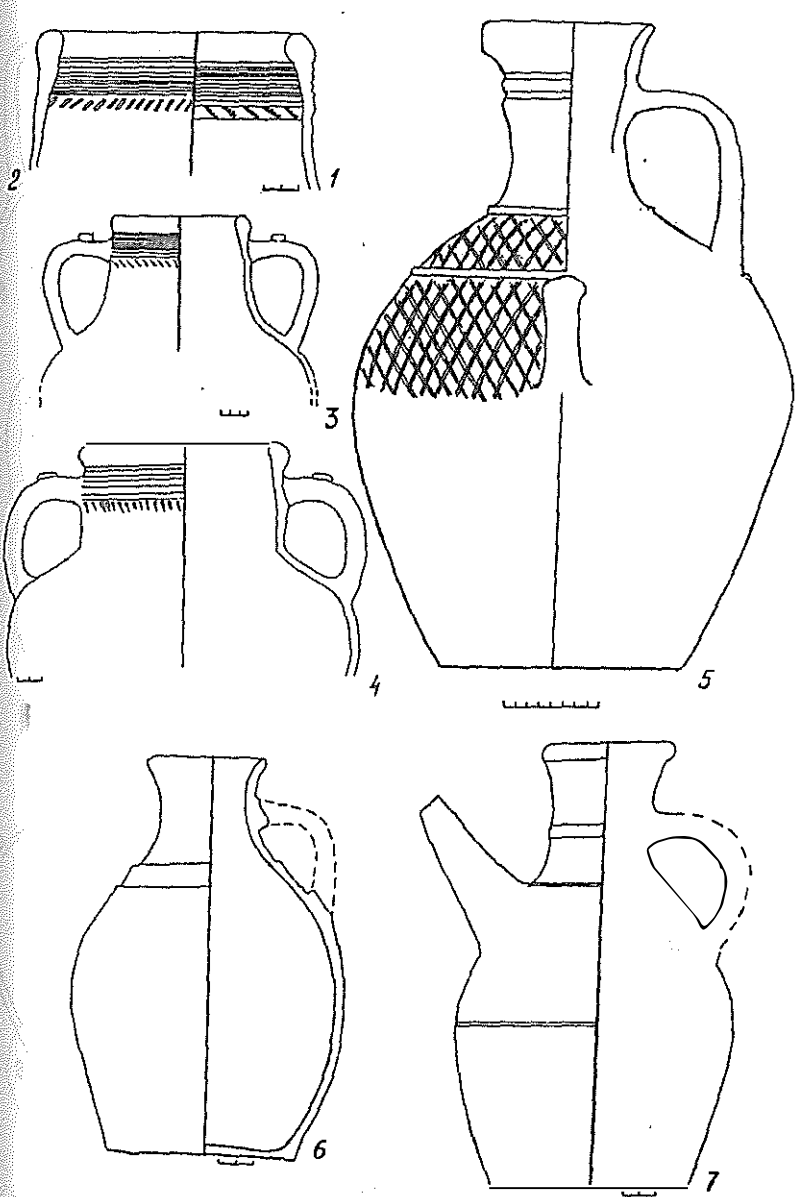


Рис.75. Кувшины; типы 16 (14), 19 (5), 20 (6,7): 1–5 – Русско-Урматское, 6,7 – Болгар.

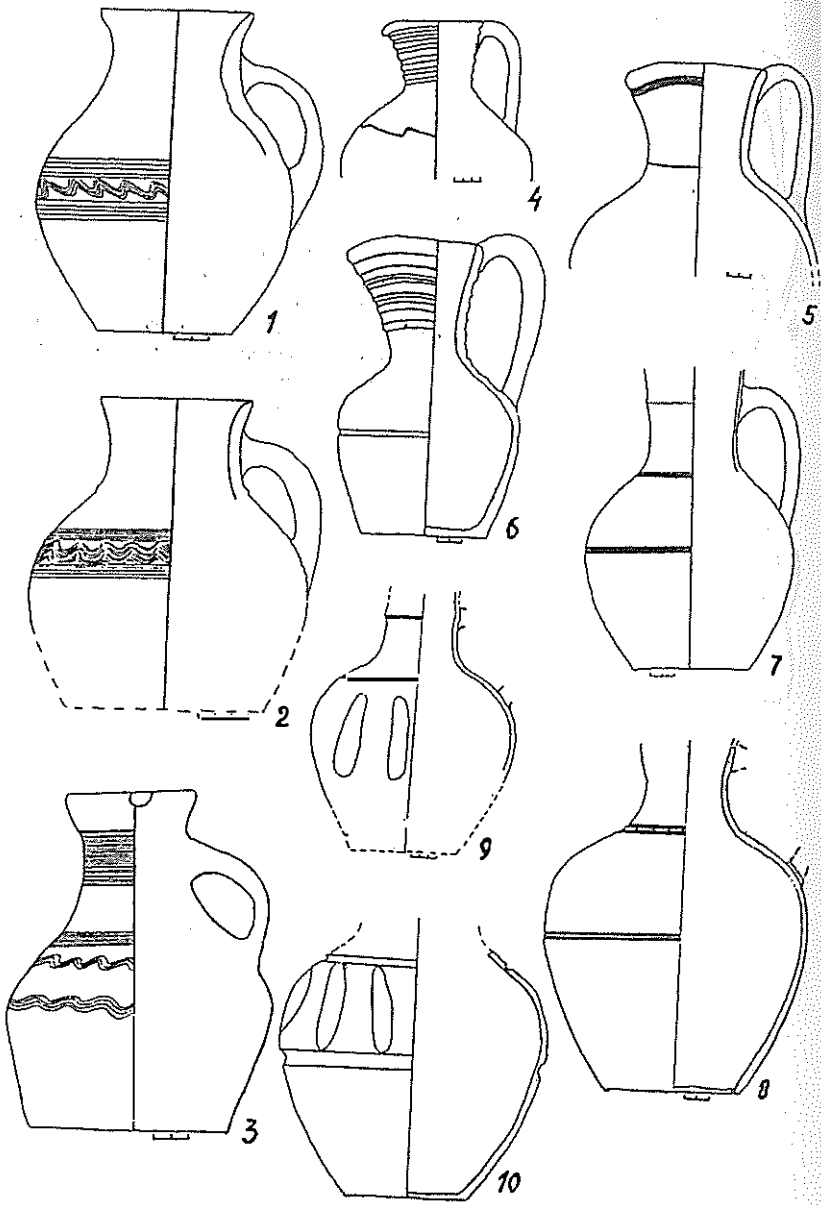


Рис. 76. Кувшины; типы 21 (1–3), 22 (4–6), 23 (7–10); Болгар.

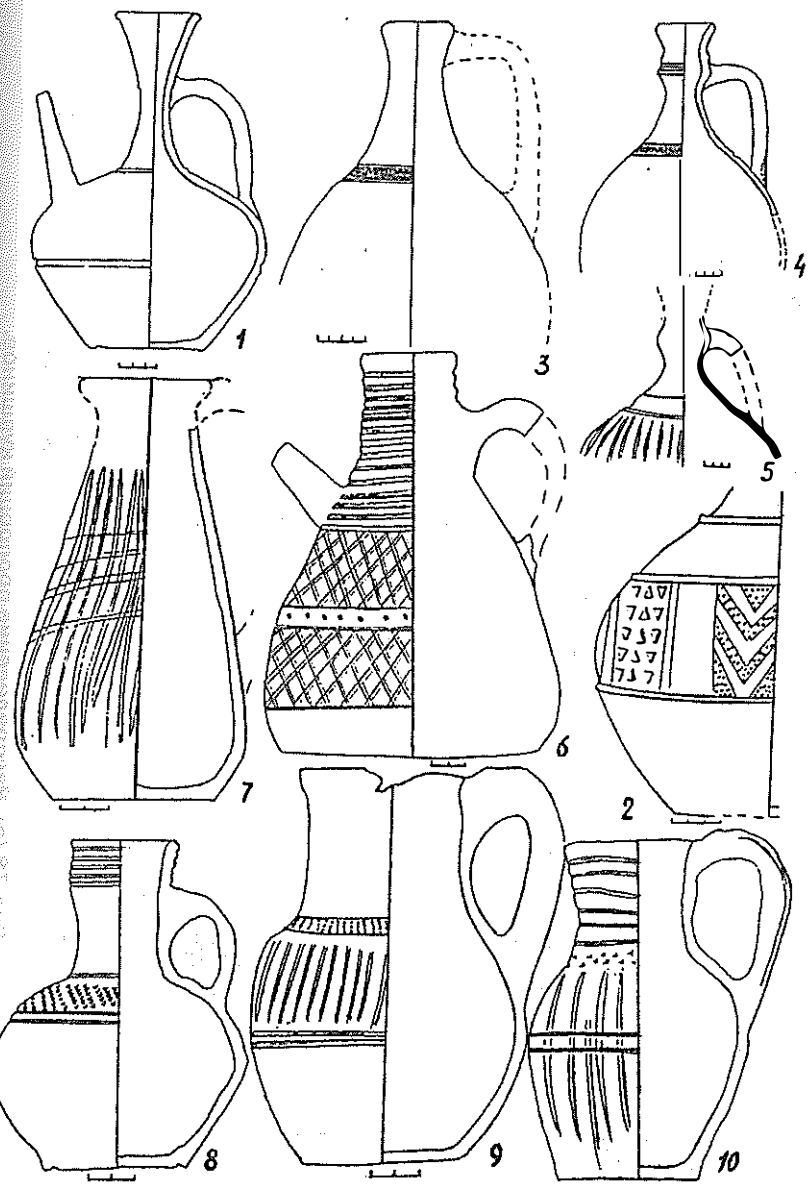


Рис. 77. Кувшины; типы 24 (1,2), 25 (3,4), 26 (5), 27 (6), 28 (7), 29 (8), 30 (9), 31 (10); Болгар.

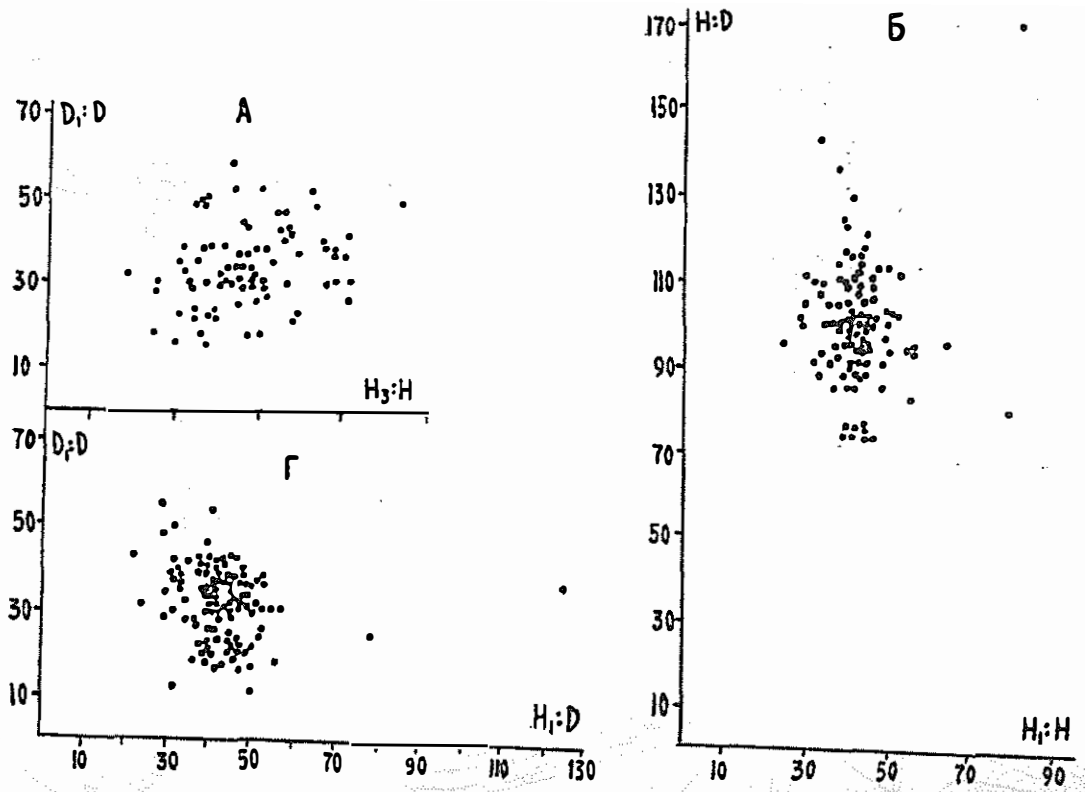


Рис.78(а). Распределение пропорций кувшинов.

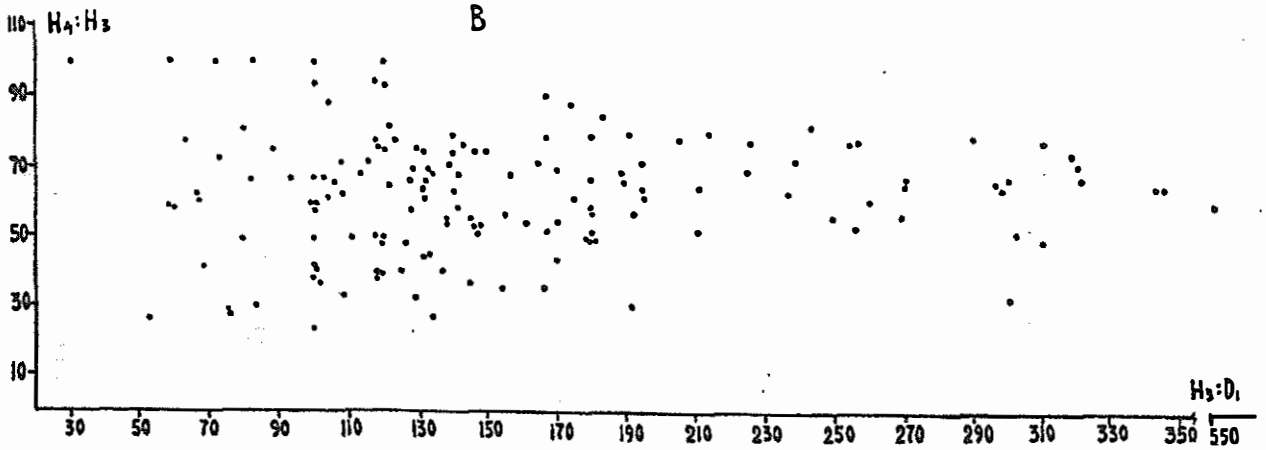


Рис.78 (б). Распределение пропорций кувшинов.

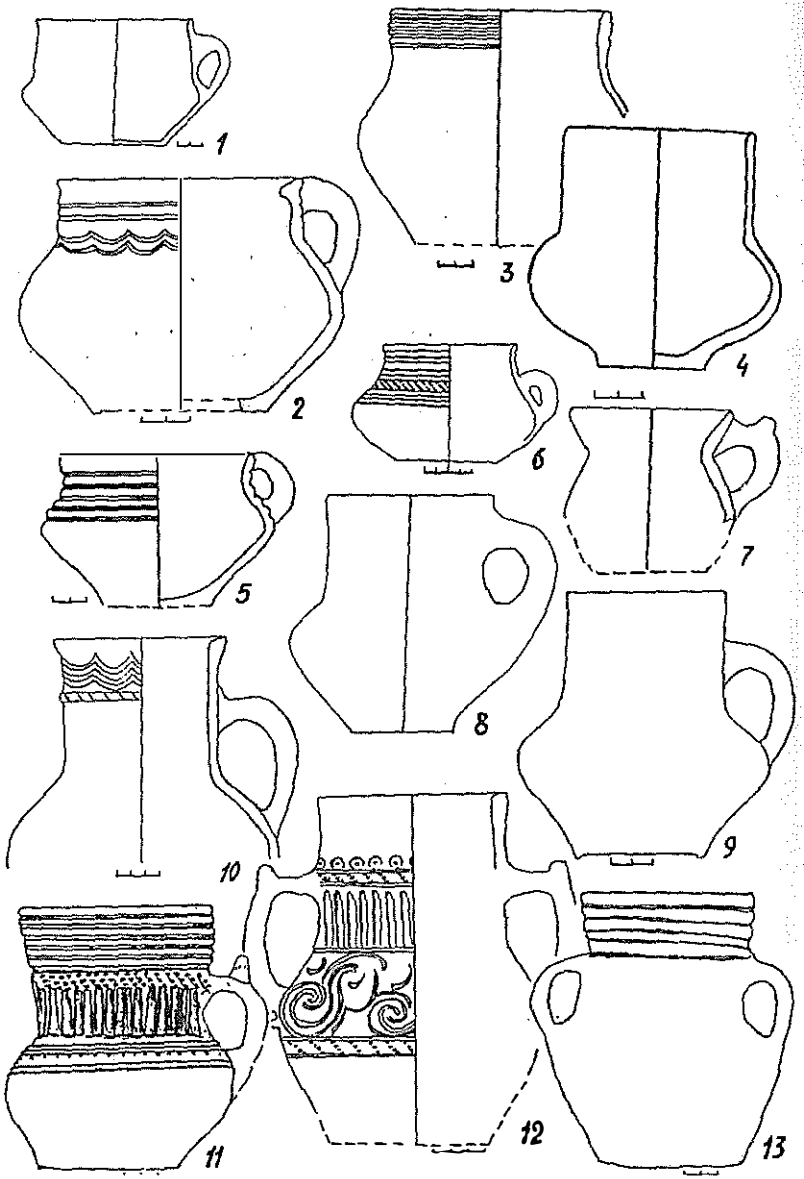


Рис.79. Кружки; типы 1 (1,2), 2(3,4), 3 (5–7), 4 (8,9), 5 (10–13): 1,2,4–9 – Болгар, 3 – Русско-Урматское.

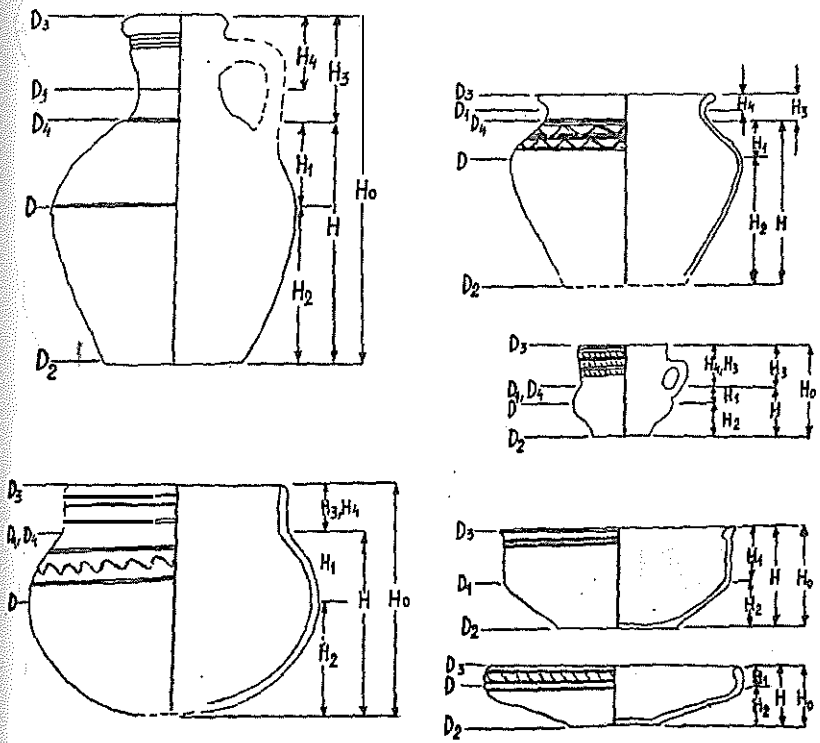


Рис.80. Кружки; типы 6 (1,2), 7 (3), 8 (4,7), 9 (5,6), 10 (8),11 (9), 12 (10): 1–3,9 – Русско–Урматское, 4,7,8,10 – Болгар, 5 – Чакма.

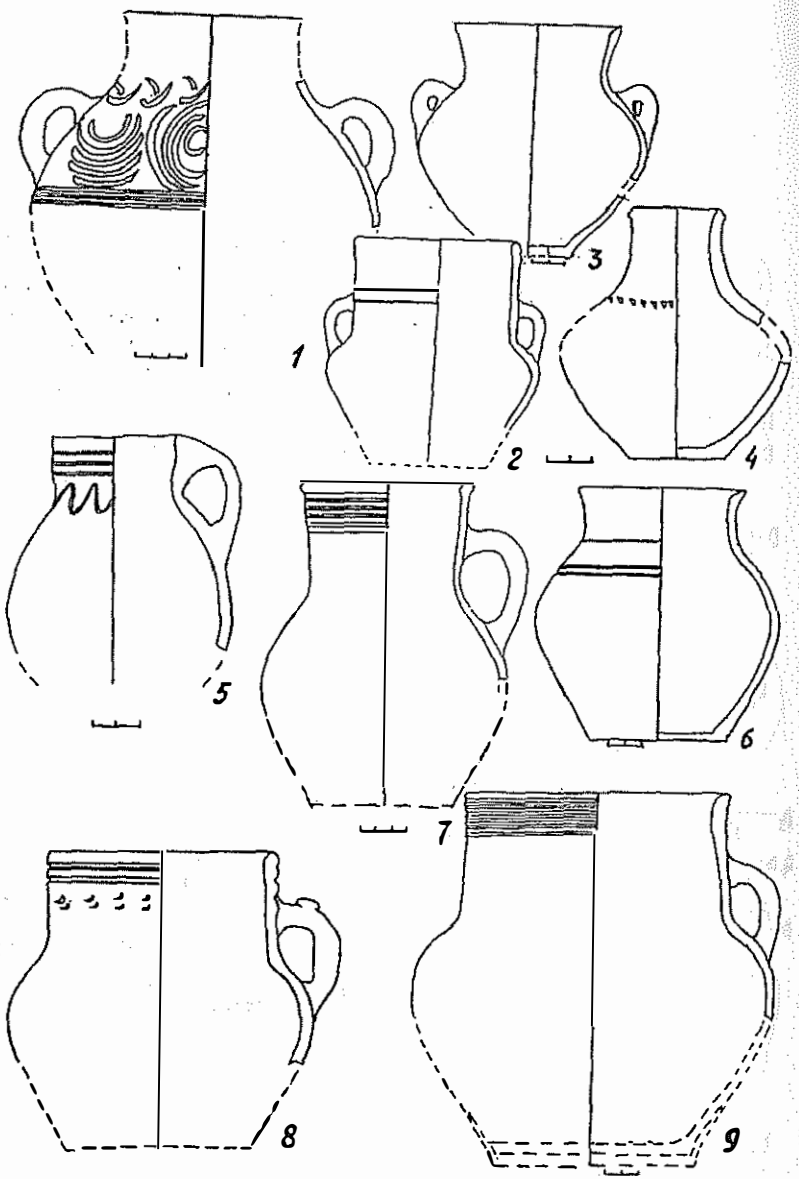


Рис.81. Кринки; типы 1 (1), 2 (2–4), 6 (5), 7 (6), 8 (7–9): 1–3,6–9 – Болгар, 4,5 – Русско-Урматское.

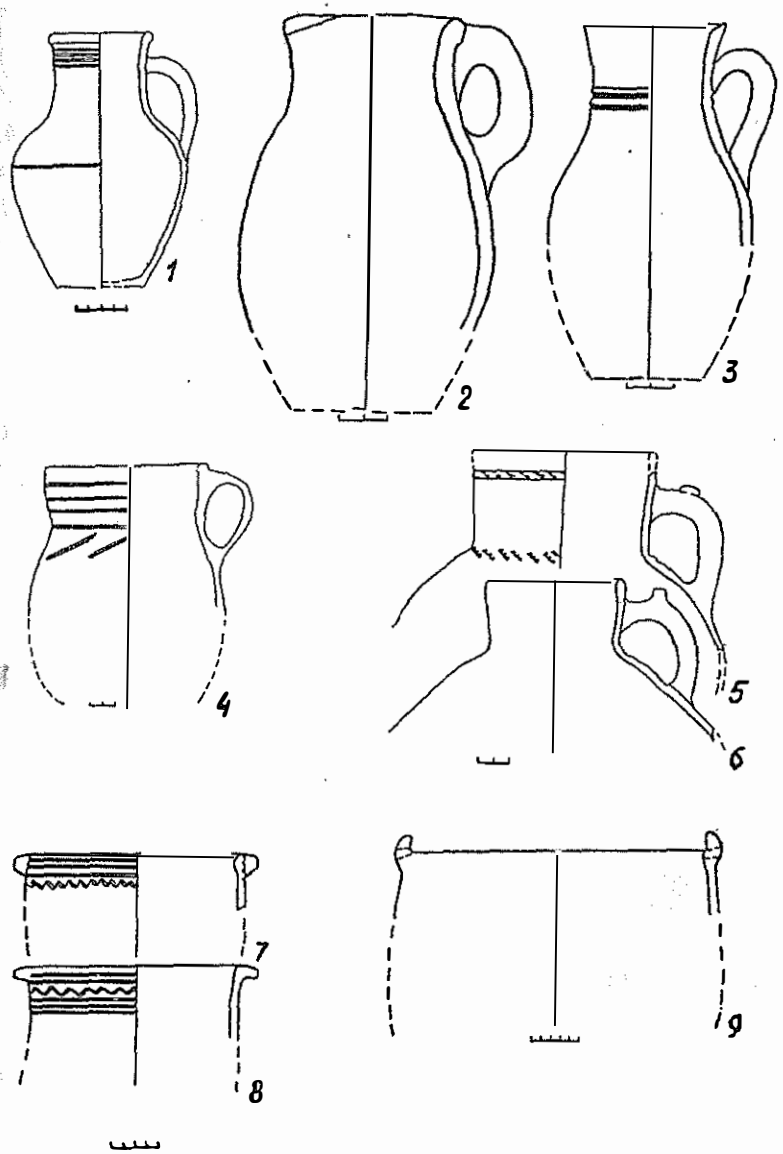


Рис.82. Кринки второй половины XIII – XIV в. – типы 9 (1), 10 (2,3), 11 (4), 12 (5,6) и котлы I группы второй половины XIII в. (7–9): 1–6 – Болгар, 7–9 – Русско-Урматское.

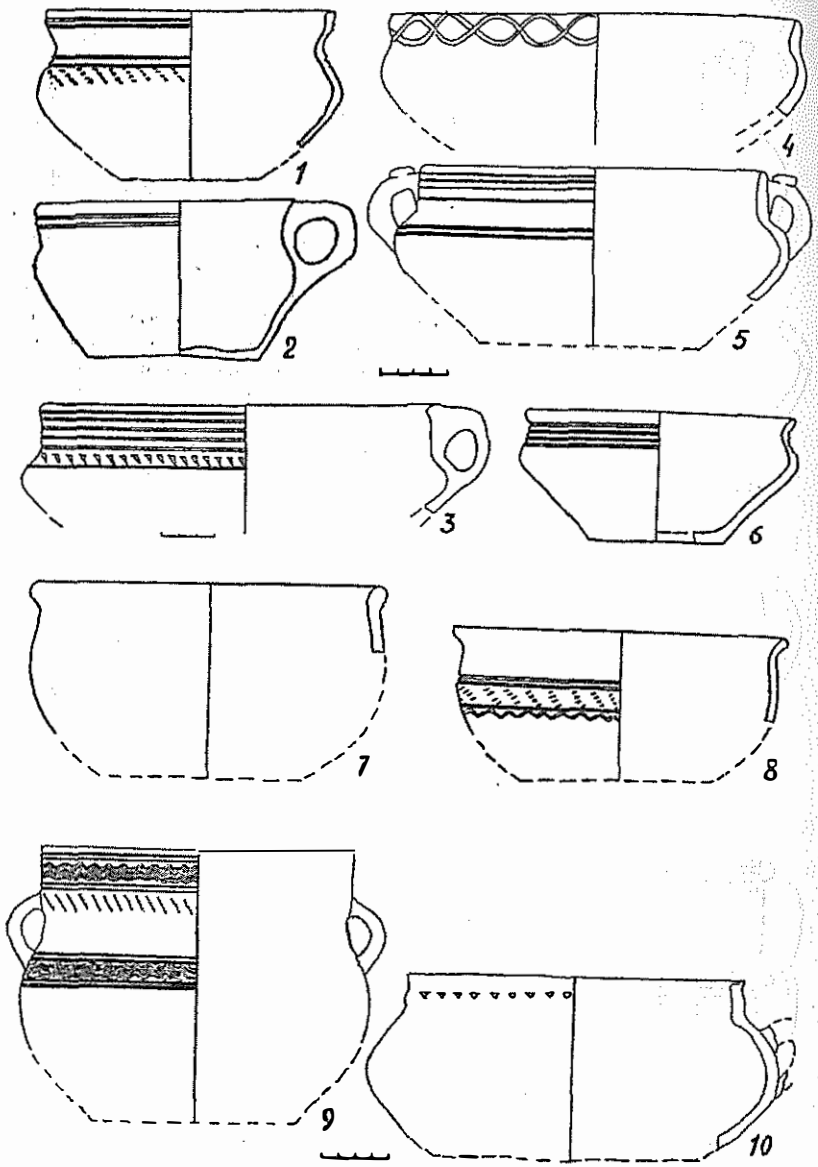


Рис.83. Миски; типы 1 (1–6), 3 (7,8), 4 (9), 6 (10): 1,2,4–9 – Болгар, 3,10 – Русско-Урматское.

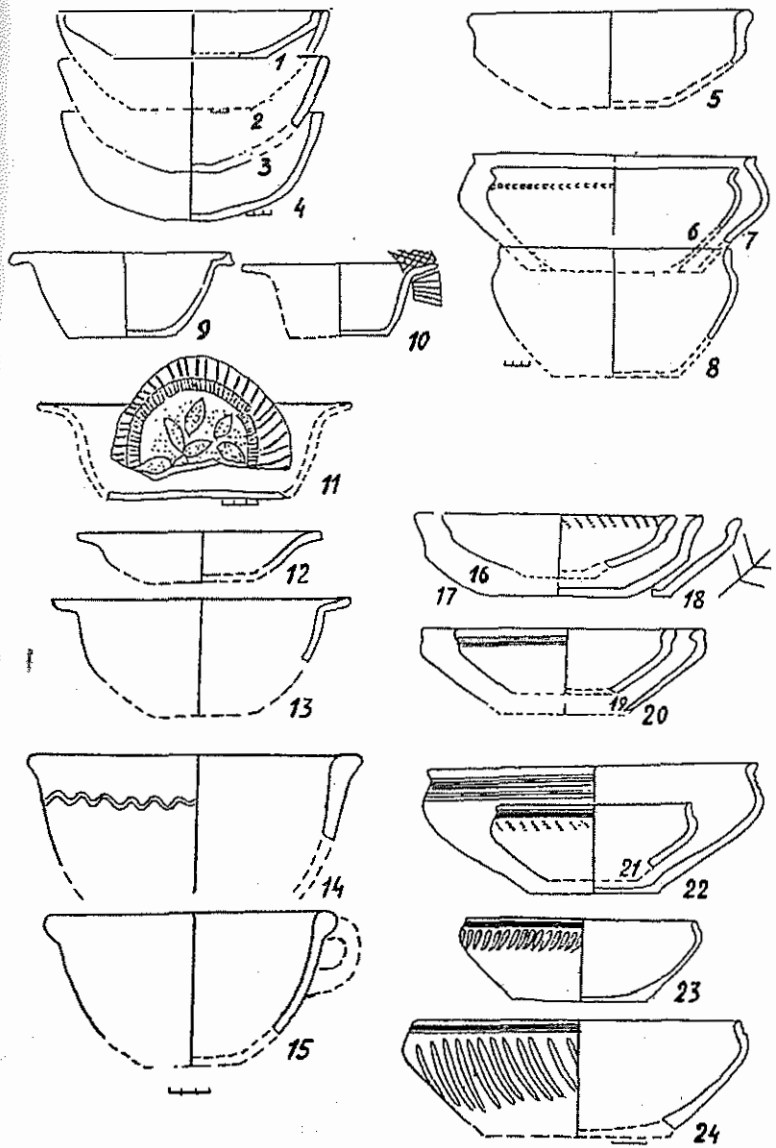


Рис.84. Блюда – типы 1 (1,5), 2 (6–8), 3 (2–4), 4 (9–11), 5 (12–15) и блюдца – типы 1 (16,17), 2 (18–20), 3 (21–24): 1,2,5–9,12–22,24 – Болгар, 3,4,10,11 – Русско-Урматское, 23 – Чаллынское.

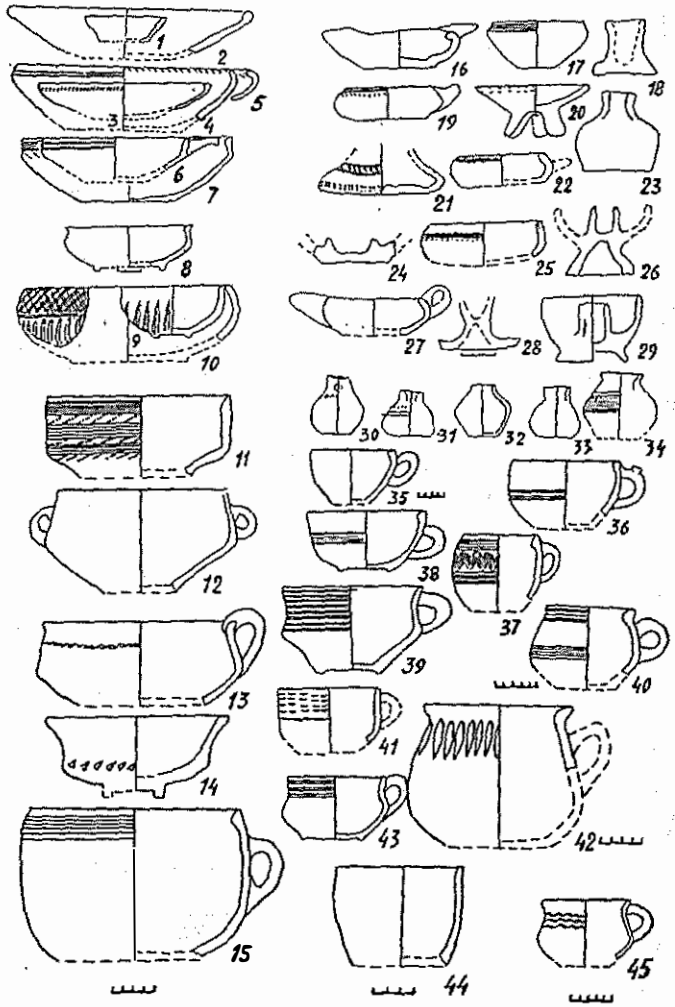


Рис.85. Плошки – типы 1 (1,2), 2 (3–5), 3 (6,7), 4 (8–10), чаши – типы 1 (11), 2 (13), 3 (14), 4 (12), 5 (15), светильники – типы 1 (16, 17,27), 2 (22,25), 3 (19), 4 (26,28,29), 5 (21), 6 (23), 7 (18), пиалы – типы 1 (8,9), 2 (15), триоды (20), чернильницы – типы 1 (31,33), 2 (30), 3 (32,34), чашки (типы 1 (35,38), 2 (36,37), 3 (40), 4 (39), 5 (41), 6 (44), 7 (45), 8 (42), 9 (43): 1,2,4–10,12–14,16,19,20,22–29,41,42 – Болгар, 3, 11, 15, 17, 18, 21, 34–37,40,44 – Русско-Урматское, 30,42 – Чаллынское, 31,33 – Билярское 3 с-ще.

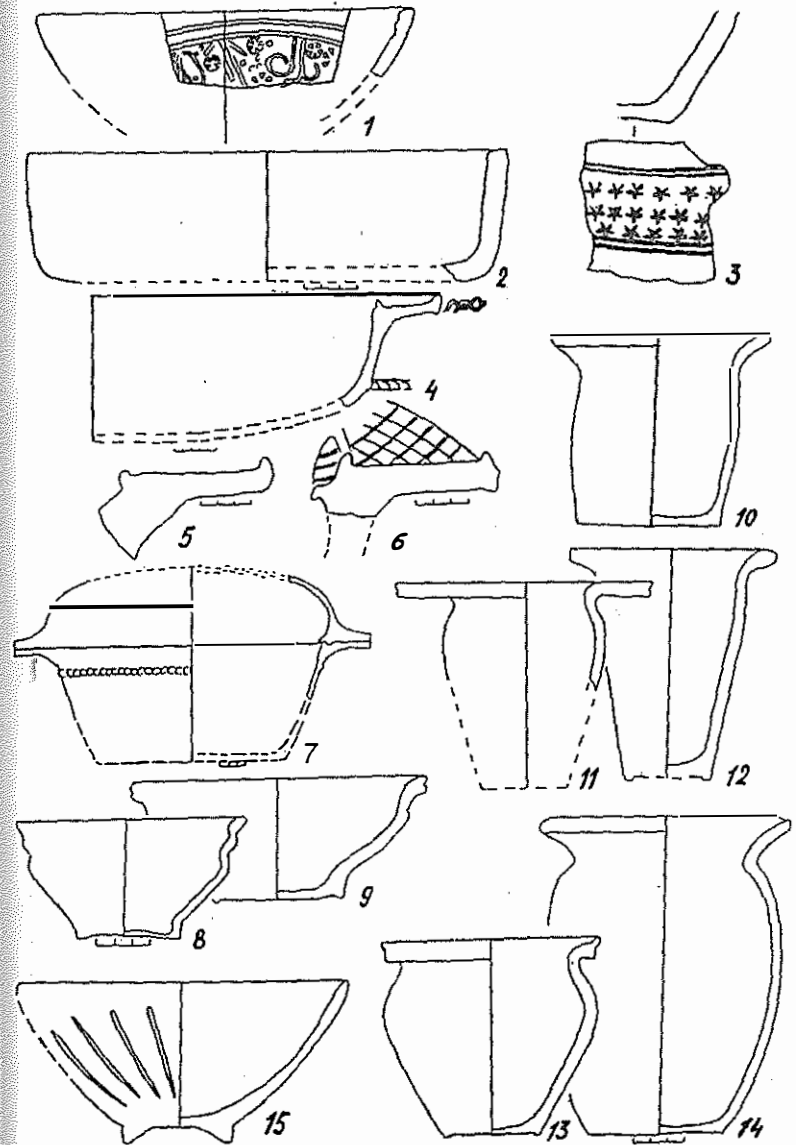


Рис.86. Сосуды специального назначения; сковороды (2), туваки (10–14), тастары (4–6), тазы (7), калыбы (1,3), пиалы (8,9,15): 1–14 – Болгар, 15 – Русско-Урматское.

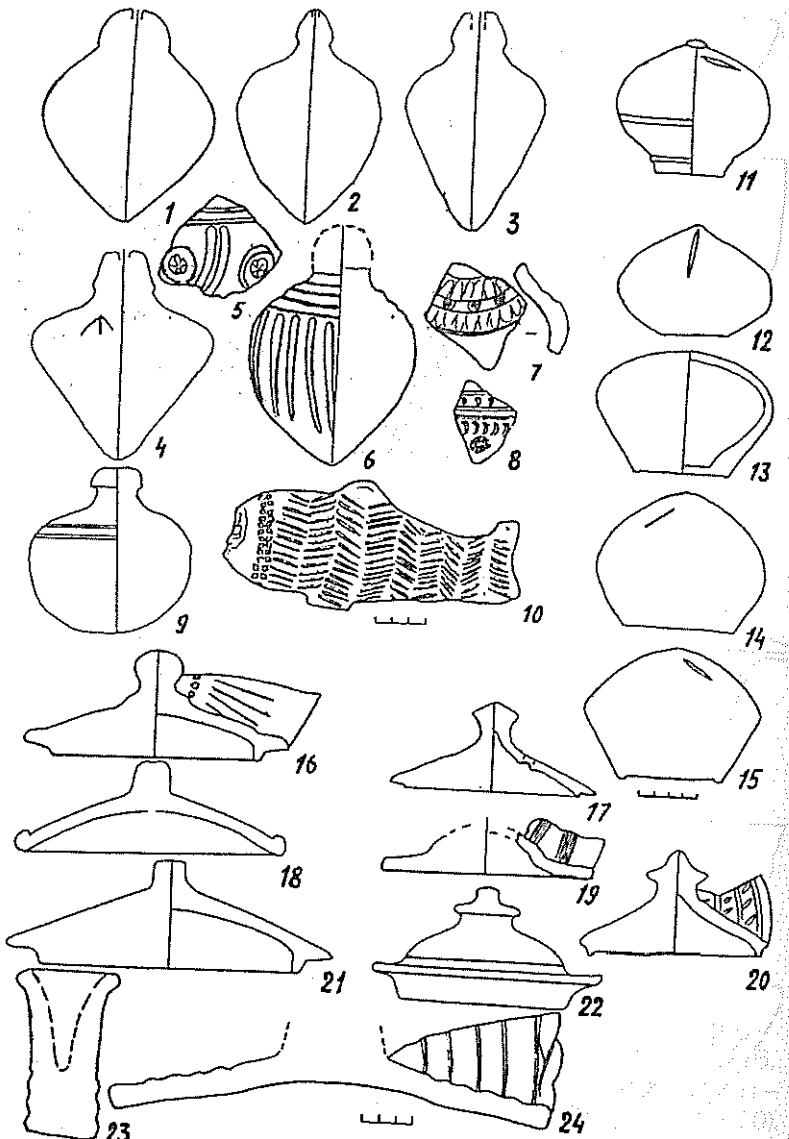


Рис.87. Сосуды специального назначения; сфероконусы – типы 1(1,6,9), 2 (2,3), 3 (4), кубышки (11–15), крышки (16–24); 1–9,11–24 – Болгар, 10 – Билярское 3 с-ще.

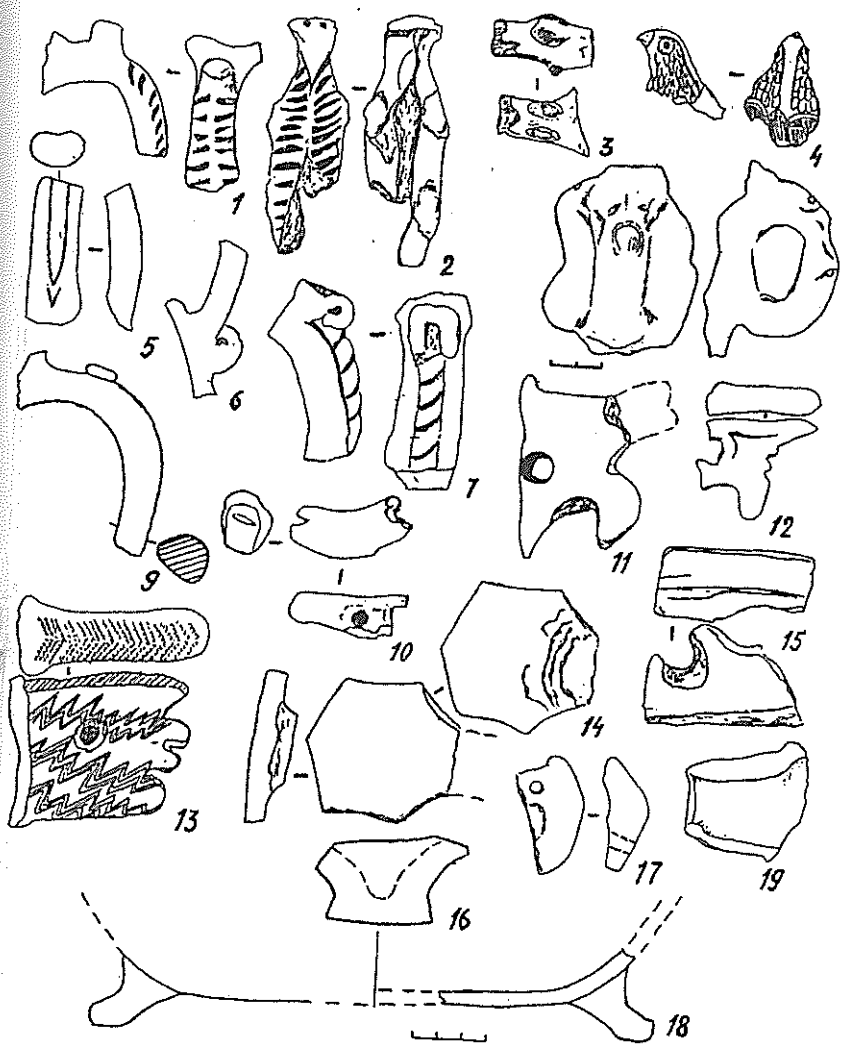


Рис.88. Редкие формы с зооморфным оформлением: 1,4,7,8,12,13,18 – Болгар, 2,6,9,10,14–17,19 – Русско-Урматское, 3,5 – Камаевское, 11 – Чаллынское.

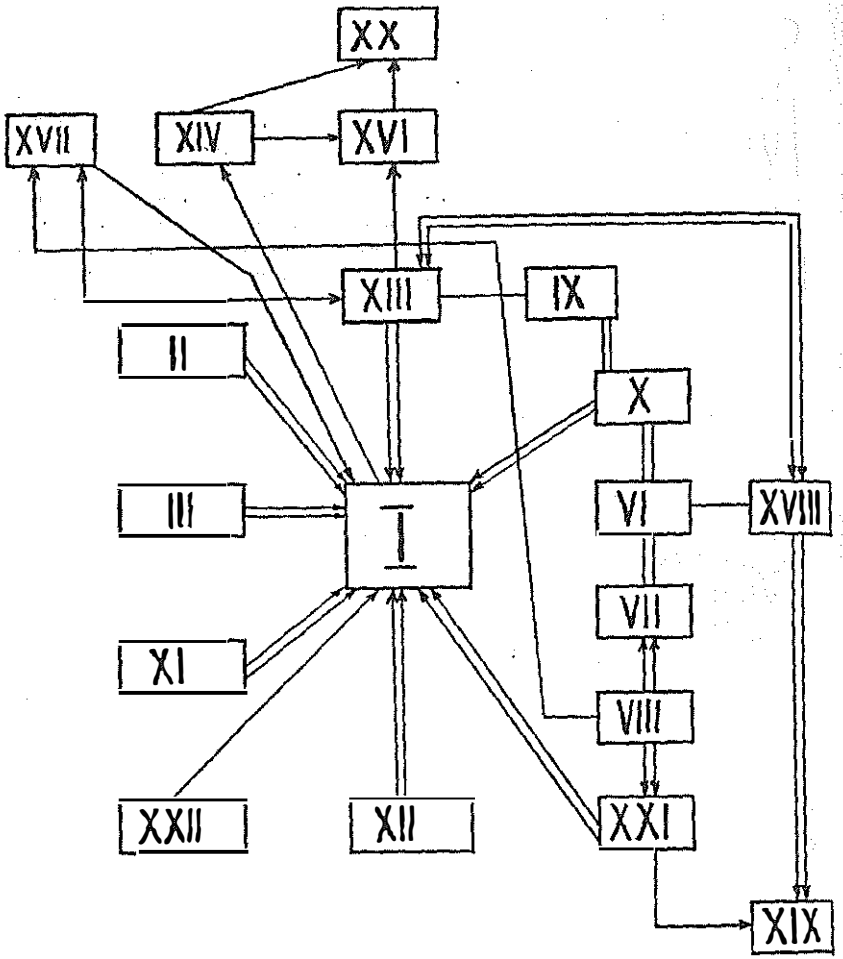


Рис.89. Взаимосвязи АЭГ групп керамики Волжской Булгарии.

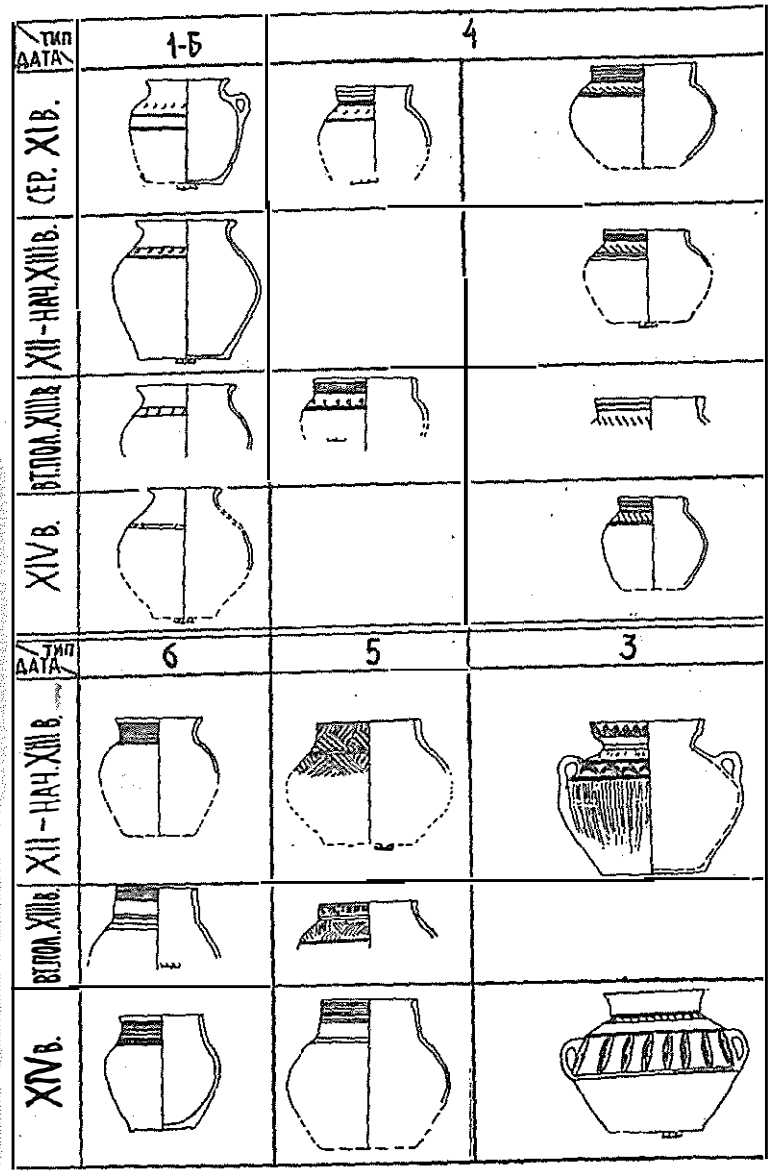


Рис.90. Преемственность типов горшкообразных I группы второй половины XI – XIV в.

Рис.91. Распределение параметров горшкообразных I группы в домонгольский и золотоордынский периоды.

Рис.92. Соотношение типов горшкообразных I группы второй половины XI – XIV в.; 1 – юго-западные, 2 – юго-восточные, 3 – прикамско-приуральские истоки.

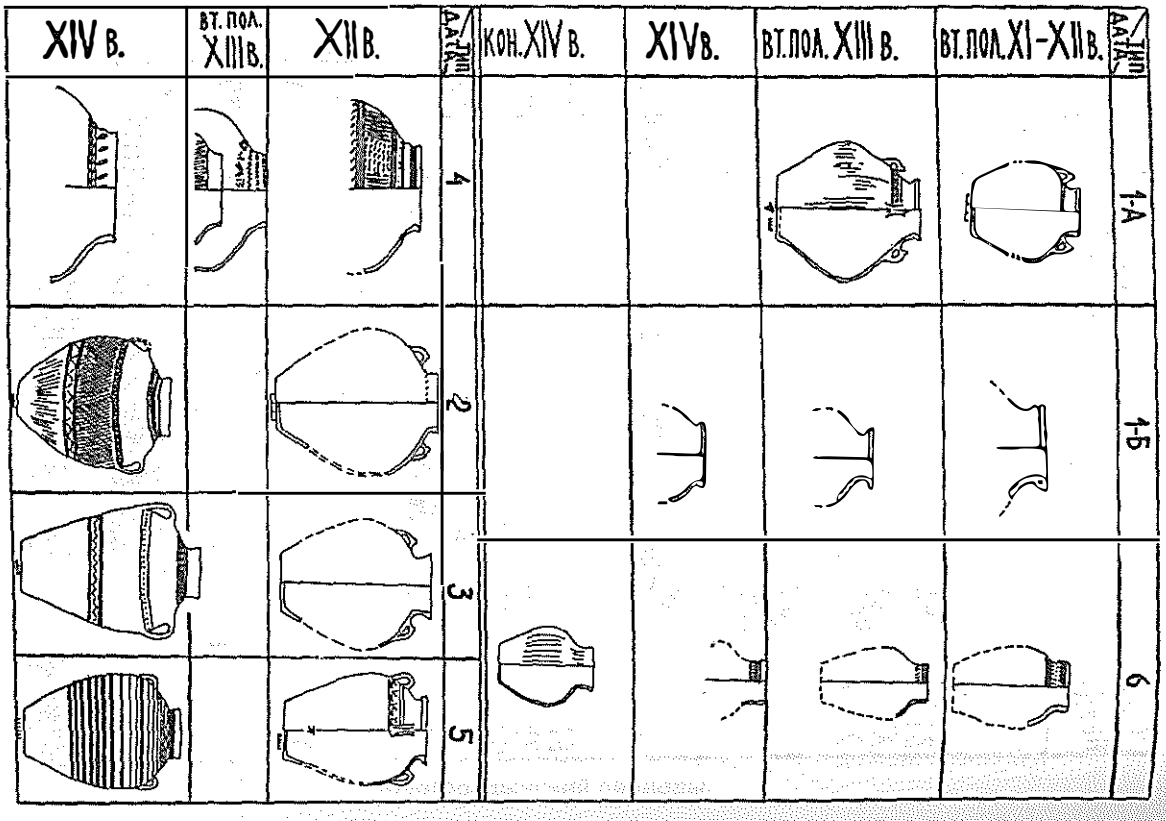


Рис.93. Преемственность типов корчаг I группы второй половины XI – XIV вв.

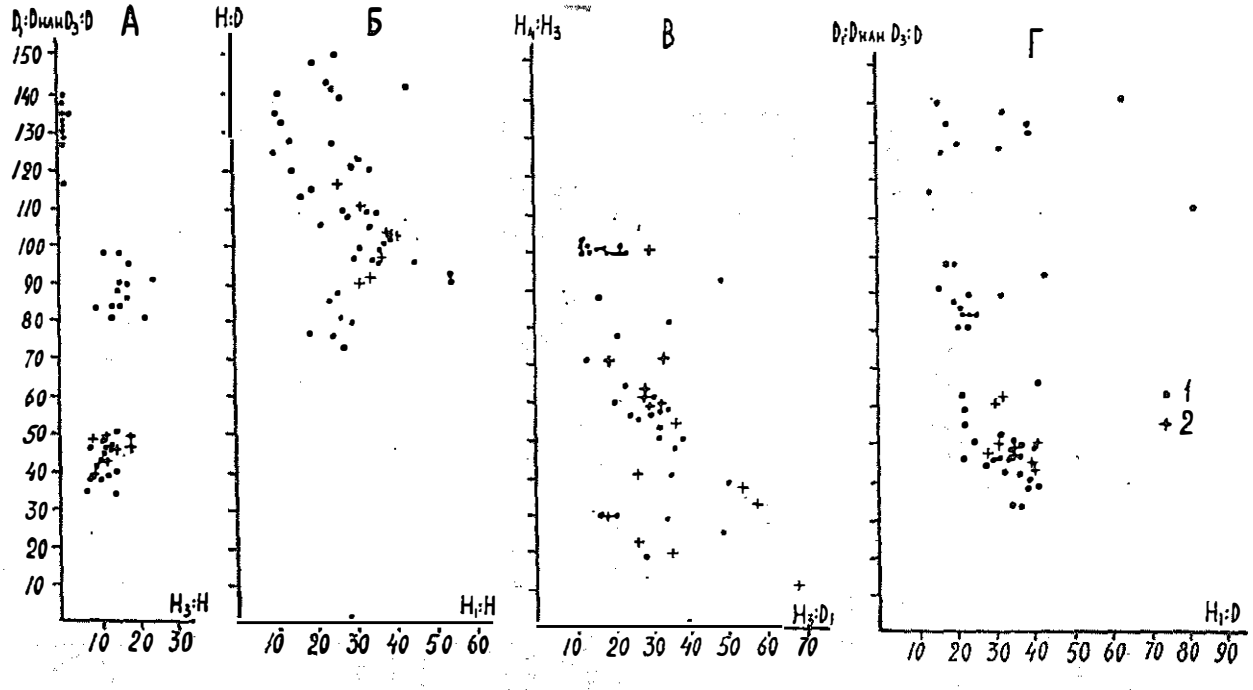


Рис.94. Распределение параметров корчаг второй половины XI – XIV в.

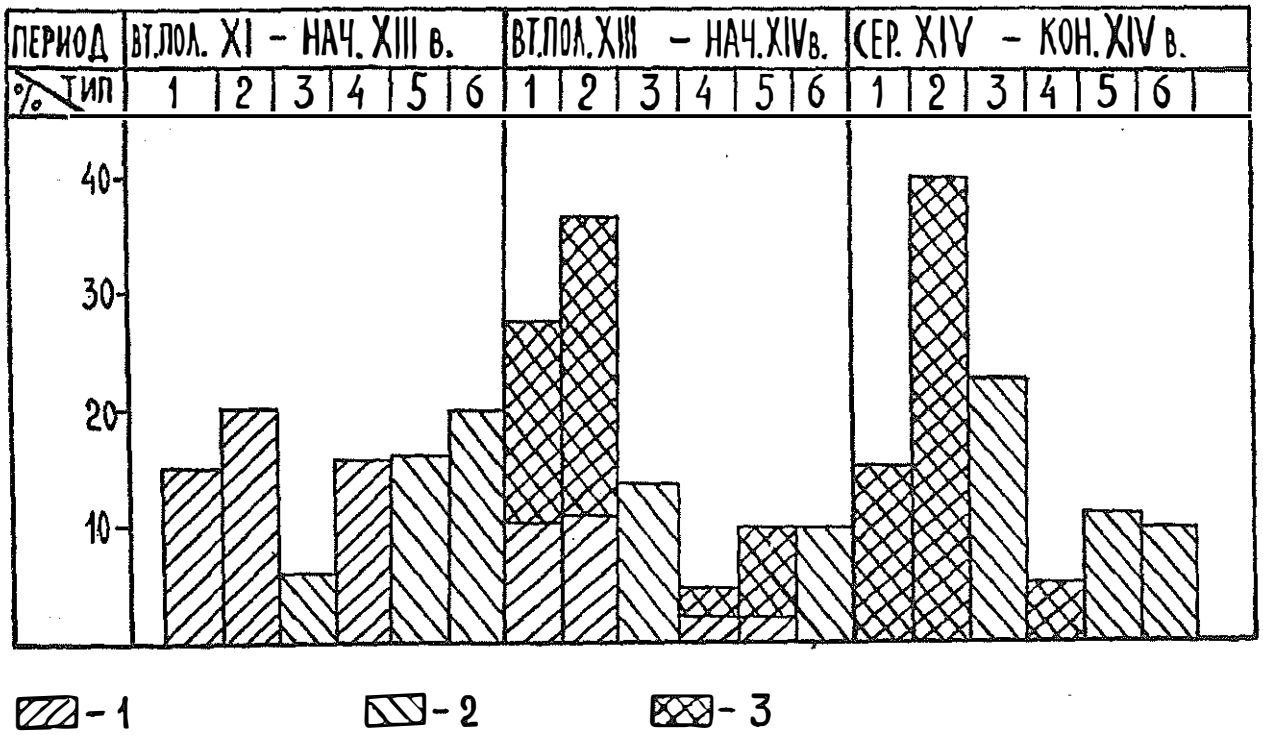


Рис.95. Соотношение типов корчаг I группы второй половины XI – XIV в.; 1 – юго-западные, 2 – юго-восточные, 3 – синкретичные.

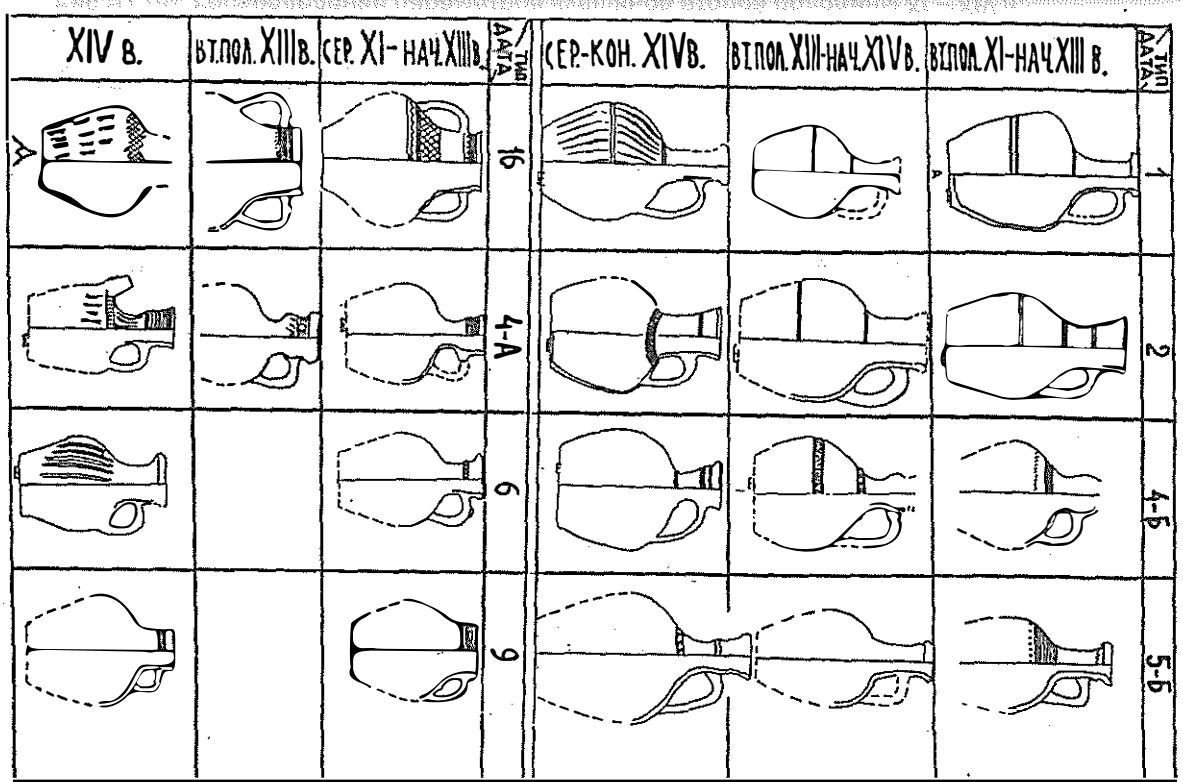


Рис.96. Преемственность типов кувшинов I группы второй половины XI – XIV в.

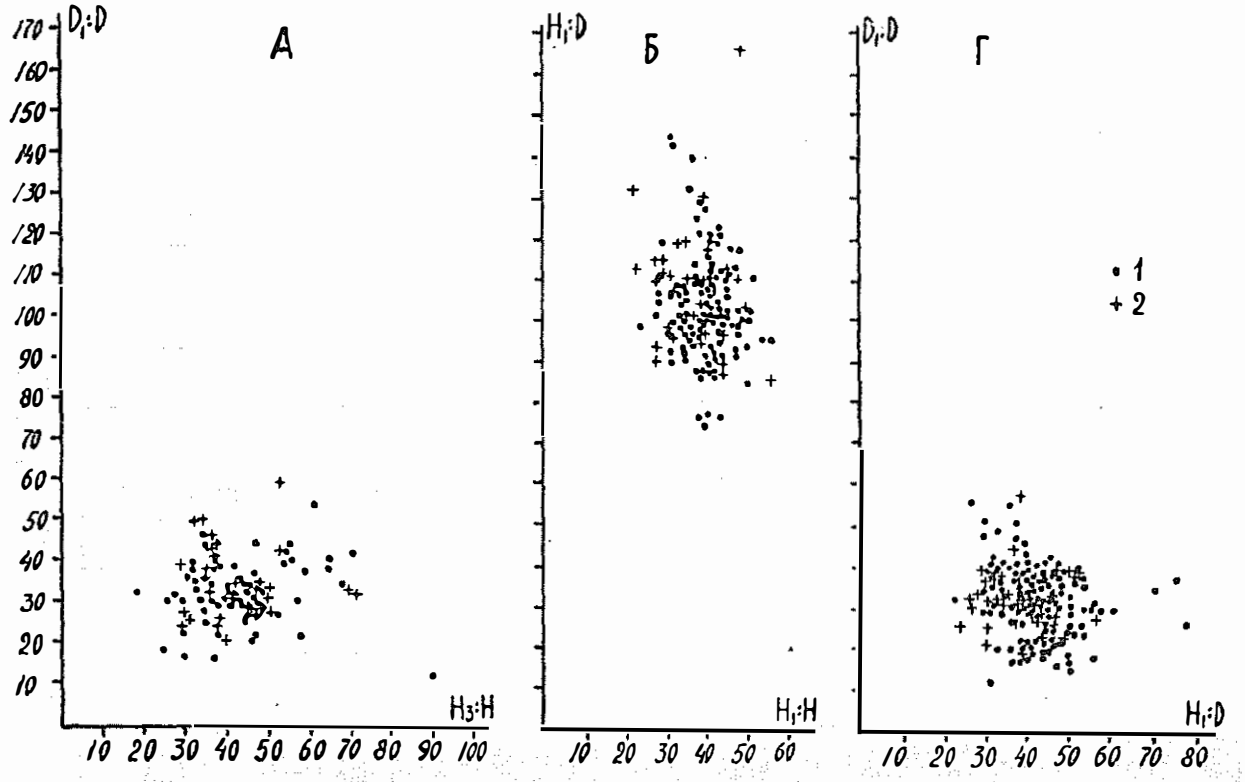


Рис.97 (а). Распределение параметров кувшинов второй половины XI – XIV в.

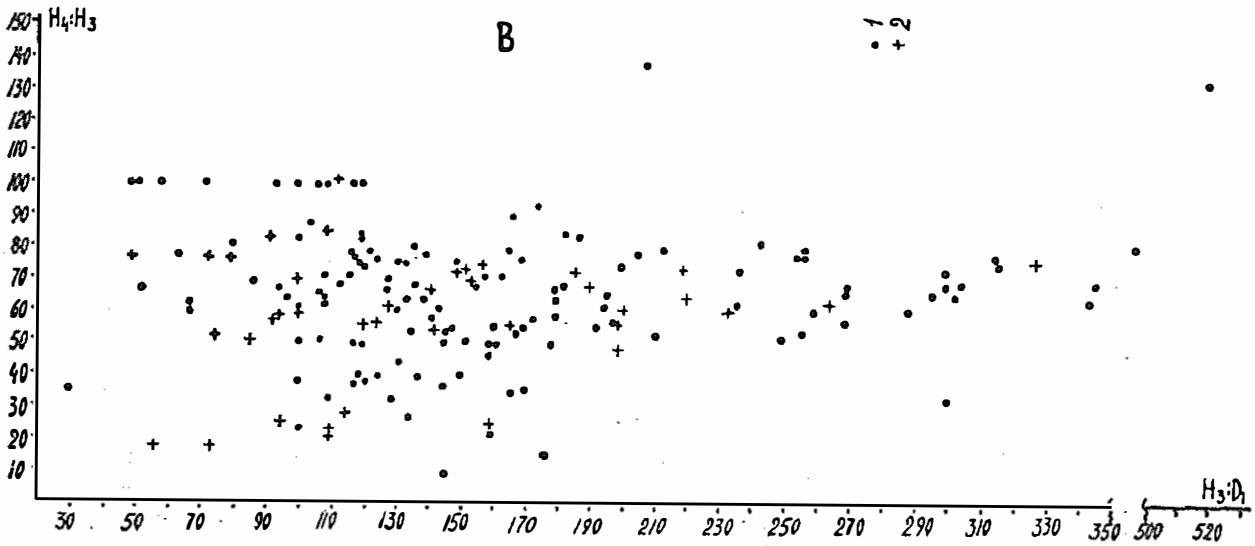


Рис.97 (б). Распределение параметров кувшинов второй половины XI – XIV в.

Рис.98. Соотношение типов кувшинов второй половины XI – XIV вв.

Рис.99. Преемственность типов кружек и кринок второй половины XI – XIV в.

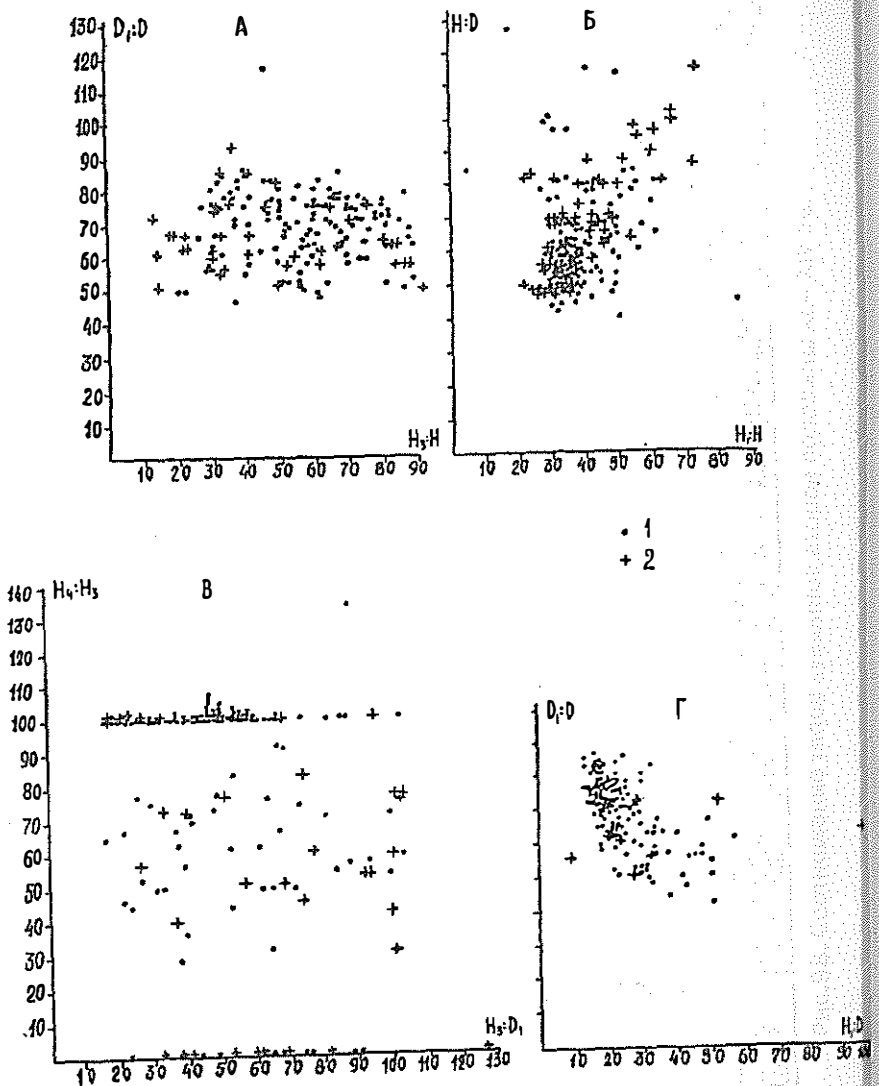


Рис.100. Распределение параметров кружек и кринок I группы второй половины XI – XIV вв.

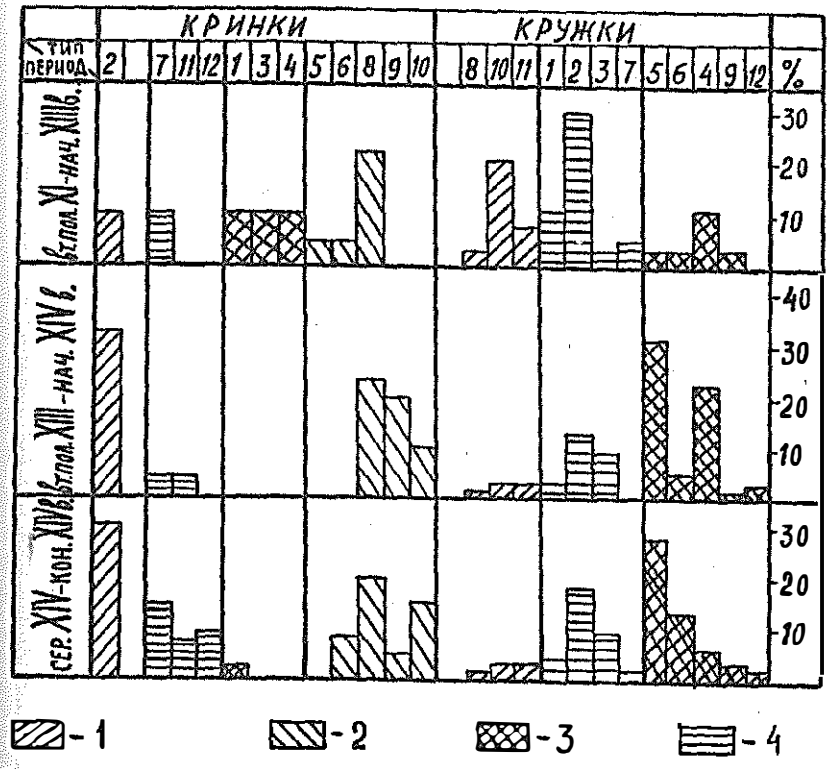


Рис.101. Соотношение типов кружек и кринок второй половины XI – XIV в.; 1 – юго-западные, 2 – юго-восточные, 3 – синкретичные, 4 – прикамско-приуральские.

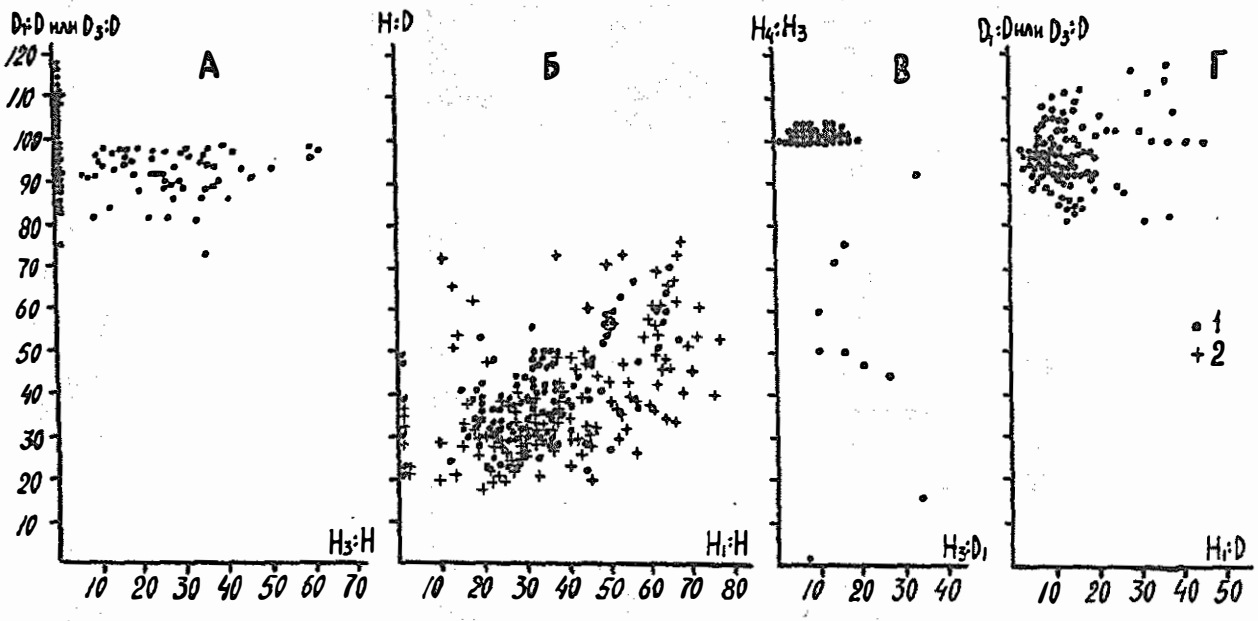
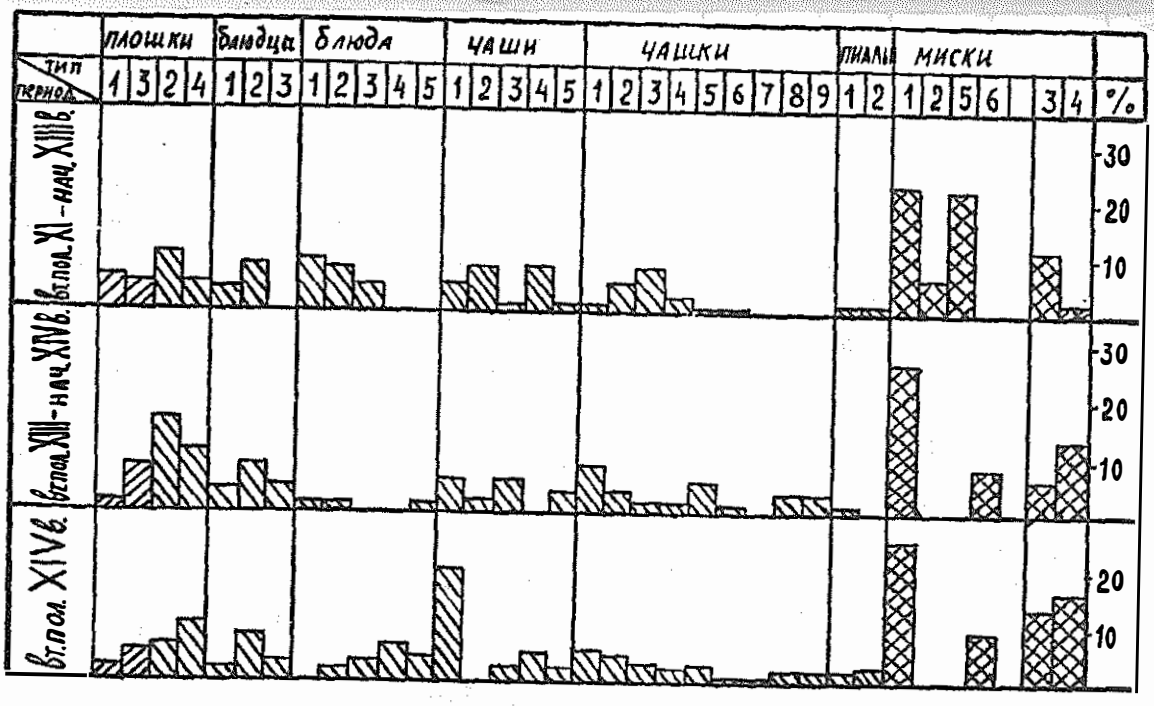


Рис.102. Распределение параметров блюдообразных второй половины XI – XIV в.



– 1 – 2 – 3

Рис.103. Соотношение типов блюдообразных второй половины XI – XIV в.; 1 – юго-западные, 2 – юго-восточные, 3 – синкретичные.

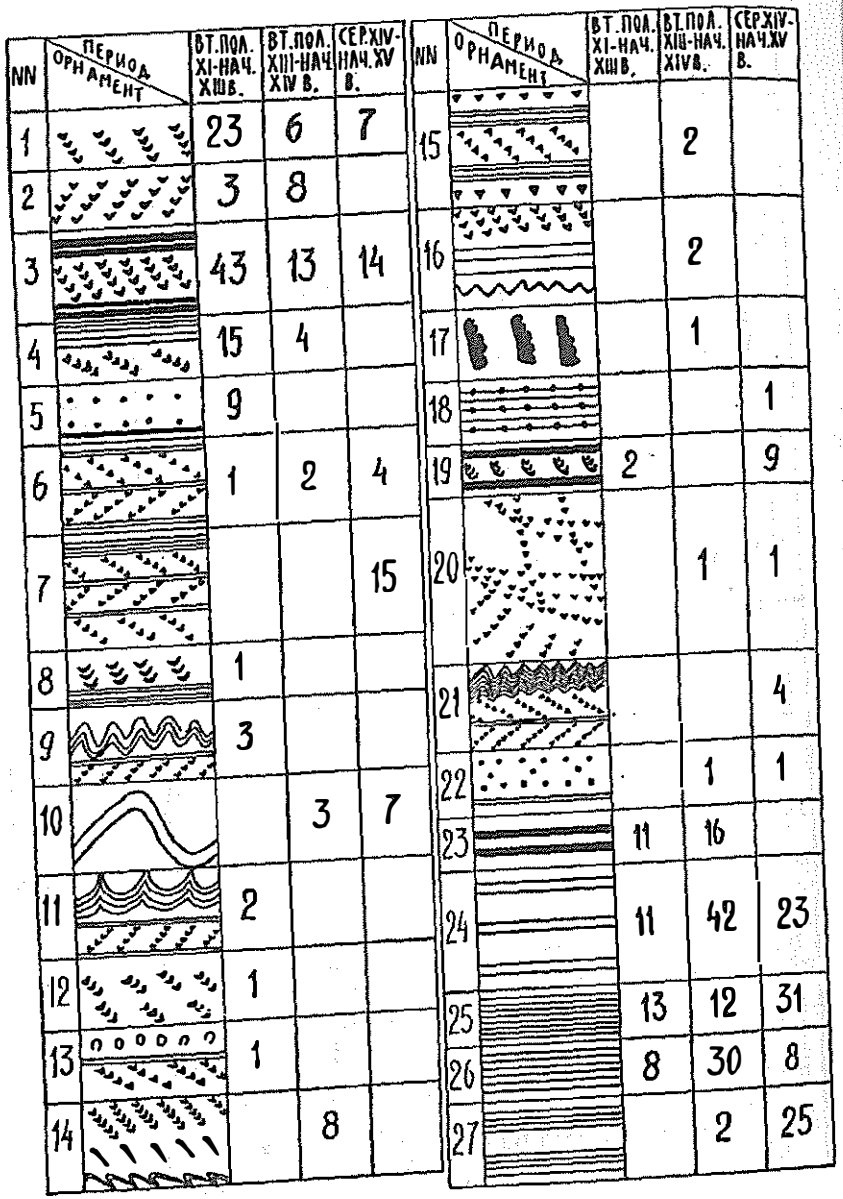


Рис.104 (а). Содержание орнаментации керамики I группы второй половины XI – XIV в.

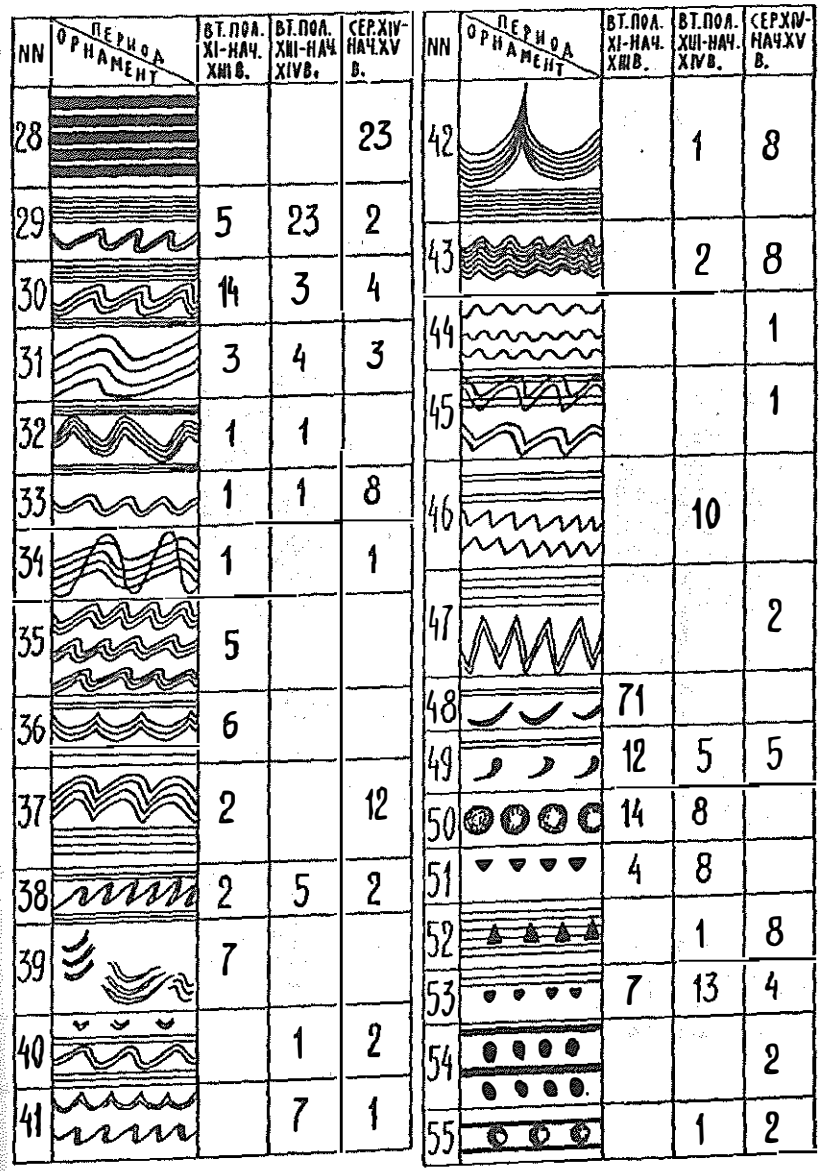
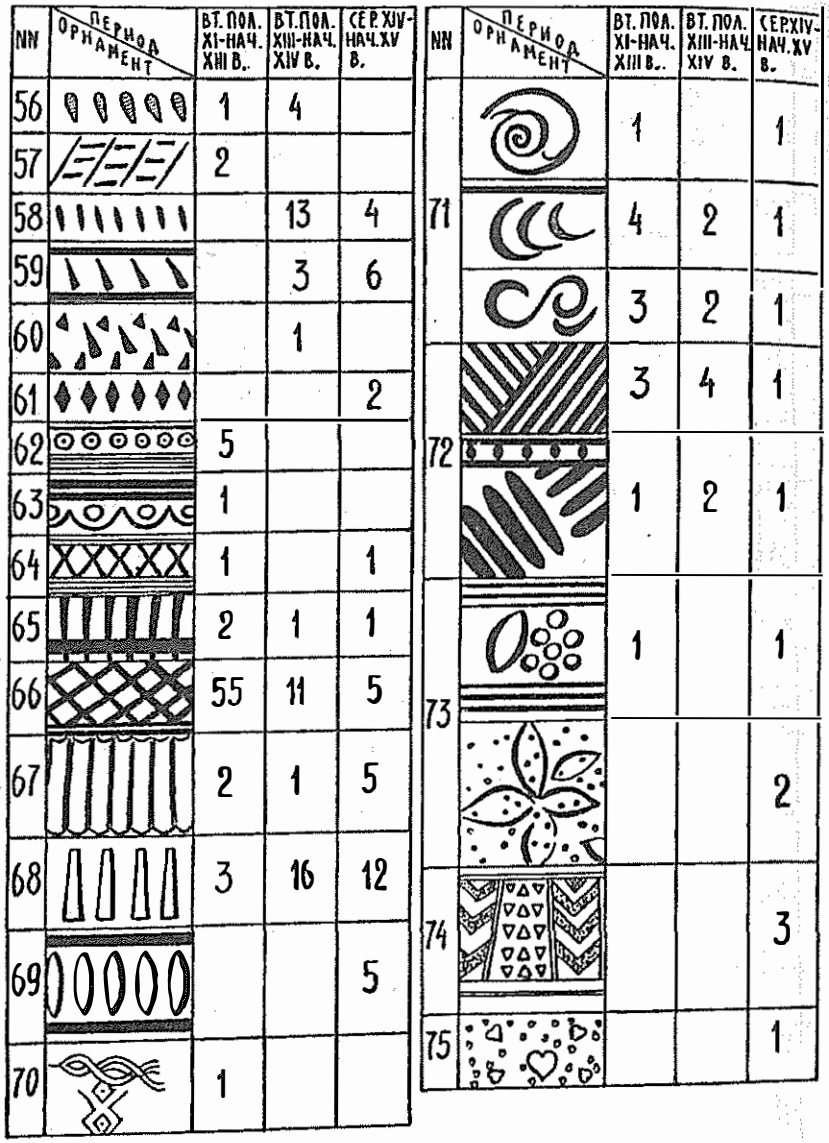


Рис.104 (б). Содержание орнаментации керамики I группы второй половины XI – XIV в.



NN	Период / Орнамент	вт. пол. XI-нач. XIII в.	вт. пол. XIII-нач. XIV в.	сер. XIV-нач. XV в.
56		1	4	
57		2		
58			13	4
59			3	6
60			1	
61				2
62		5		
63		1		
64		1		1
65		2	1	1
66		55	11	5
67		2	1	5
68		3	16	12
69				5
70		1		
71		1		1
		4	2	1
		3	2	1
72		3	4	1
		1	2	1
73		1		1
				2
74				3
75				1

Рис.104 (в). Содержание орнаментации керамики I группы второй половины XI – XIV в.

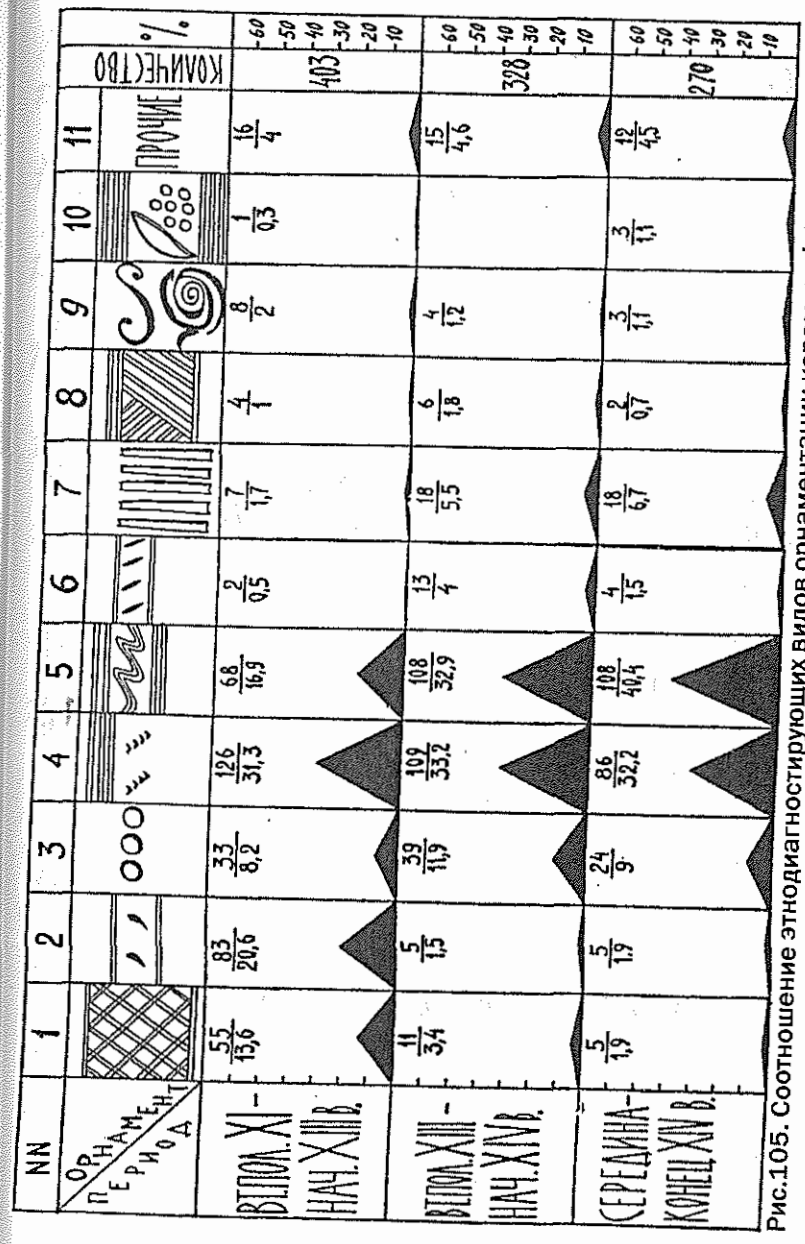


Рис.105. Соотношение этнодиагностирующих видов орнаментации керамики I группы второй половины XI – XIV в.

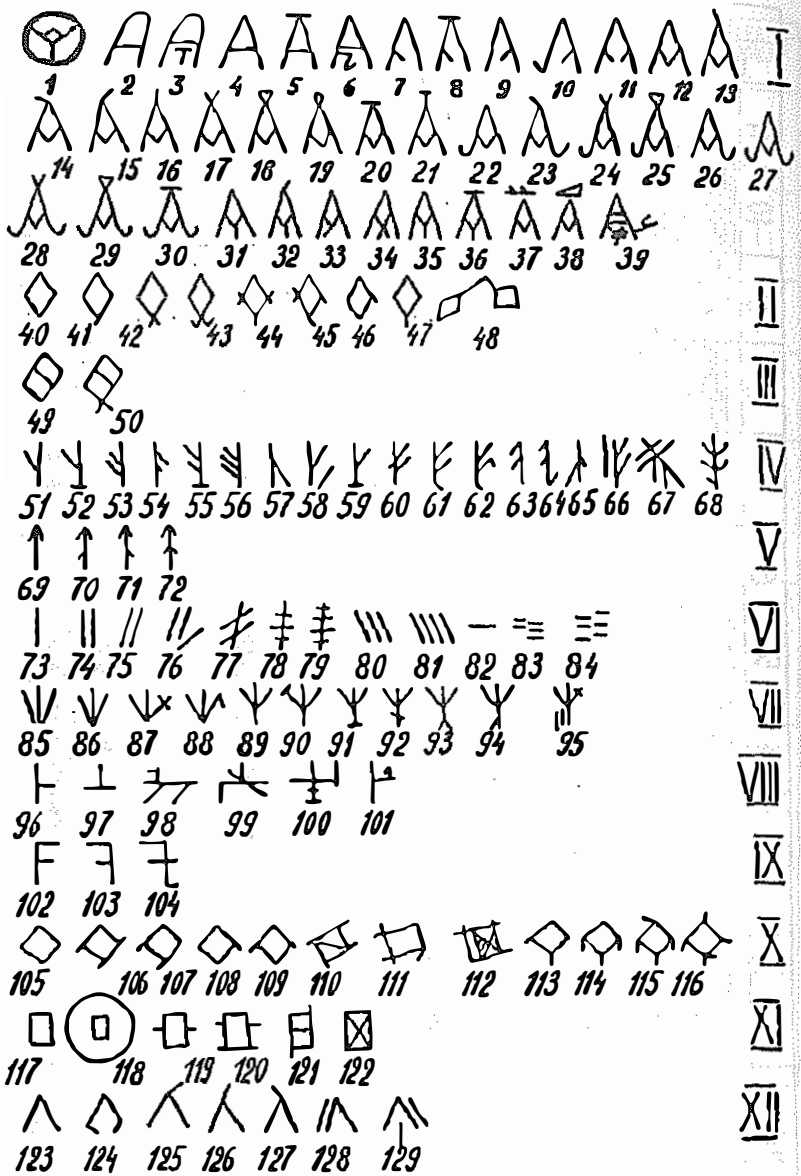


Рис.106. Систематизация знаков VIII – начала XV в. (поданным керамики).

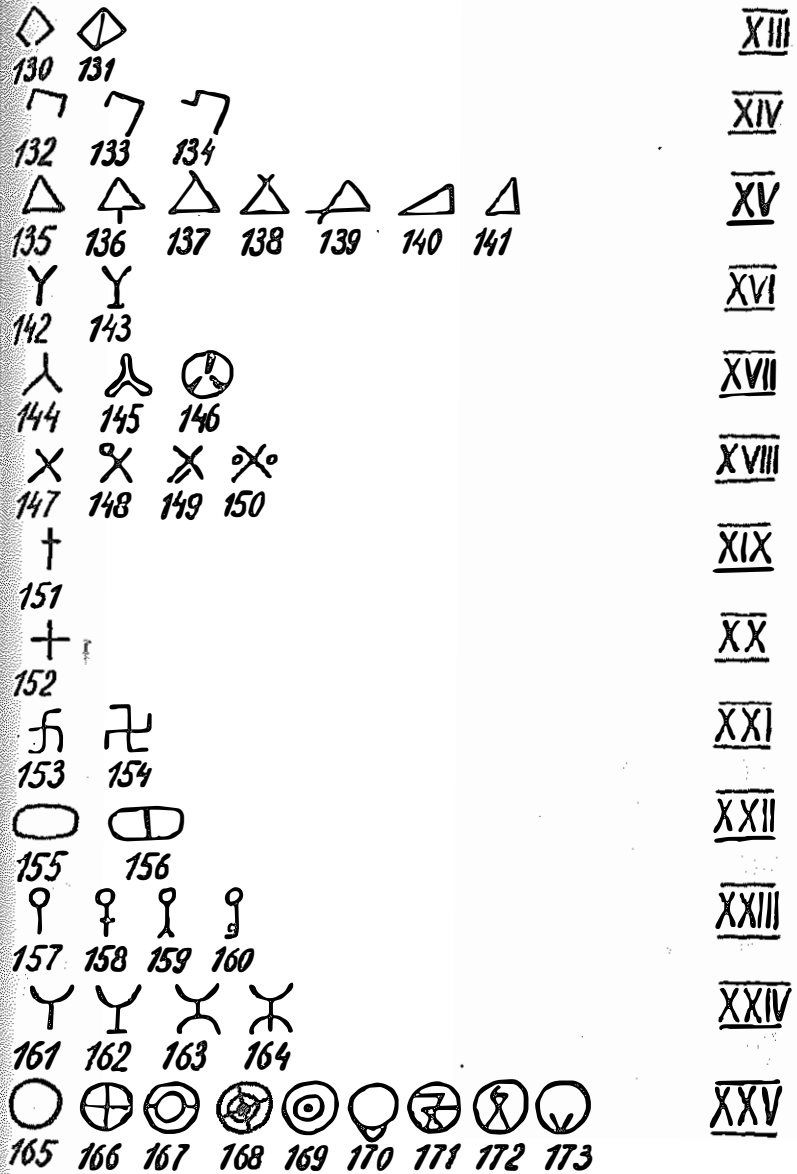


Рис.106. Систематизация знаков VIII – начала XV в. (поданным керамики).

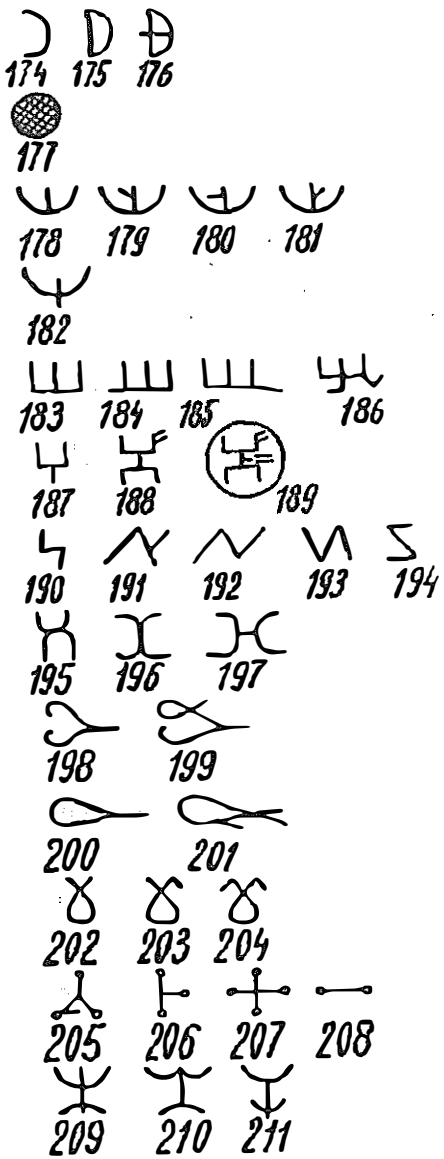
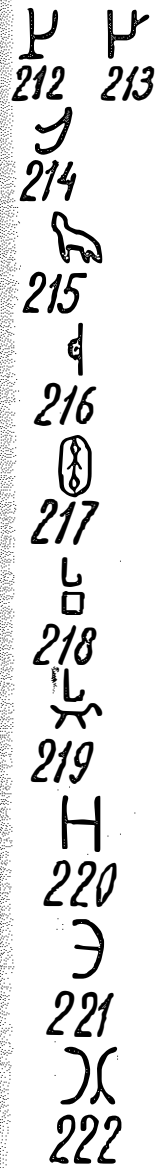


Рис.106. Систематизация знаков VIII – начала XV в. (поданным керамики).



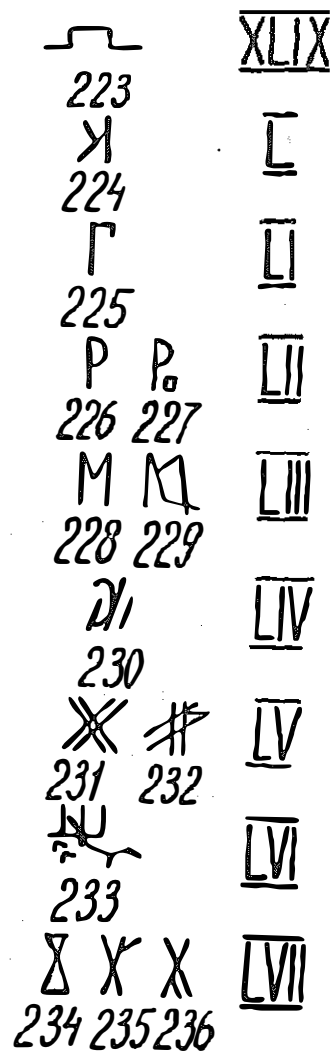


Рис.106. Систематизация знаков VIII – начала XV в. (поданным керамики).

ГРУППА / ПАМЯТНИК	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XXVIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXII	XXXIII
БИЛЯРСКОЕ	305	13	2	43	16	6	10	7	1	20		16	3	1	21	7	2	5		2	26	7	5	14	4	12	2	7	2	2	5	8	5
БОЛГАРСКОЕ	1			2		16	21	4		2		1		1	2			2		1	1				1	1					1	1	
АГА-БАЗАР				3		2	2	1		2		2						5	1												1		
СУВАРСКОЕ	1?							1?		1																							
Р.УРМАТСКОЕ	23	1		6						1		1													3								
КАМАЕВСКОЕ	1				1		1		1																								
КАЙБЕЛЬСКОЕ	1																																
РОЖДЕСТВЕНСКОЕ	1							1	1																								
Б.ЯНГИЛЬДИНСКОЕ	1																																
ТАУТОВСКОЕ																					1												
ХУЛАШСКОЕ	1										1				1						1				1						1		
Б.ТОЯБИНСКОЕ					1																				1								
ТЯМТИНСКОЕ				1																													
ПОЛЯНСКОЕ						1																											
ЧАЛЛЫНСКОЕ				1				1			1																						
МУРОМСКИЙ ГК				2	1	1		1		1	1									1				1		1		22					
Б.ТАРХАНСКИЙ	1			1						2	4			1			1								2		1			3		1
ТАНКЕЕВСКИЙ									1											1					1								
КАЙБЕЛЬСКИЙ																																	
НЕИЗВЕСТНО											1																						
ВСЕГО, ИЗ НИХ	336	14	2	55	6	8	29	34	4	29	6	22	3	3	24	7	3	12	1	5	29	7	5	15	13	14	3	29	2	2	11	9	6
В ПРОЦЕНТАХ	44,5	1,7	0,2	7,5	1	1	3,9	4,5	0,5	3,6	0,7	2,7	0,4	0,4	3	0,9	0,4	1,5	0,1	0,6	3,6	0,9	0,6	1,9	1,6	1,7	0,4	3,6	0,2	0,2	1,4	1,1	0,7

Рис.107 (а). Распределение групп знаков по памятникам Волжской Булгарии.

XXXIV	XXXV	XXXVI	XXXVII	XXXVIII	XXXIX	XL	XLI	XLII	XLIII	XLIV	XLV	XLVI	XLVII	XLVIII	XLIX	L	LI	LII	LIII	LIV	LV	LVI	LVII	ВСЕГО	%
2	4	9	3		1	1	1	1													1		2	597	73,8
	1	1	1	1								1	1			1	1	1	2		1		3	65	8
					1									1									2	23	2,8
																			1	1				5	0,6
															1									36	4,4
																								4	0,5
																								1	0,1
																								3	0,4
																								1	0,1
																								1	0,1
																		1				1		8	1
																								2	0,2
																								1	0,1
																								1	0,1
																								3	0,4
									1	1	1													32	4
																								20	2,5
						1																		4	0,5
								1																1	0,1
																								1	0,1
2	5	10	4	1	3	1	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	2	3	1	2	1	7	809	100
0,2	0,6	1,2	0,5	0,1	0,4	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,4	0,1	0,2	0,1	0,9	100	

Рис.107 (б). Распределение групп знаков по памятникам Волжской Булгарии.

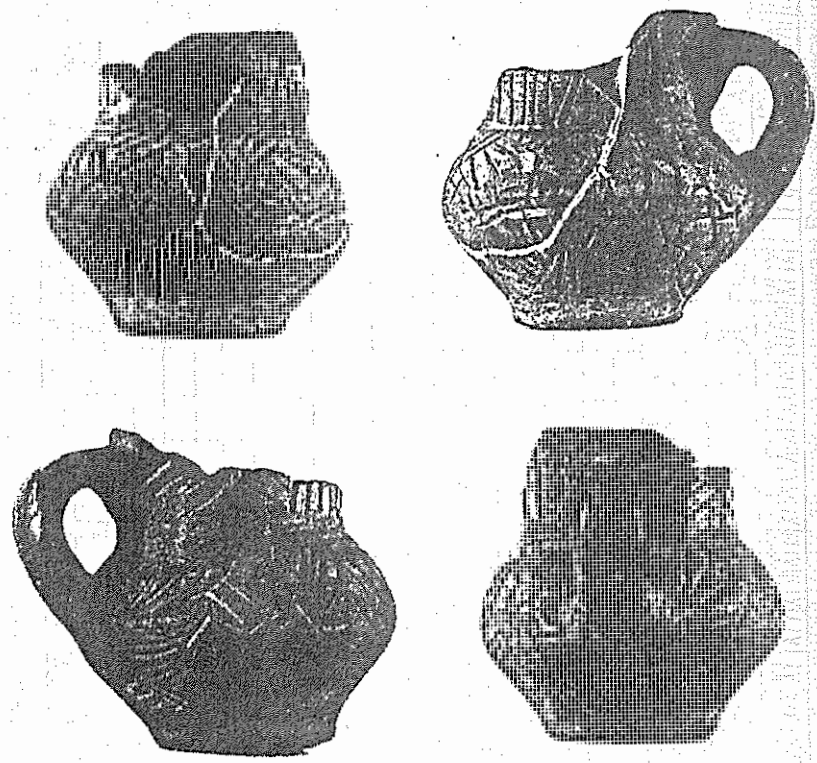


Рис.108. Кружка из Болгара со знаками на тулове.

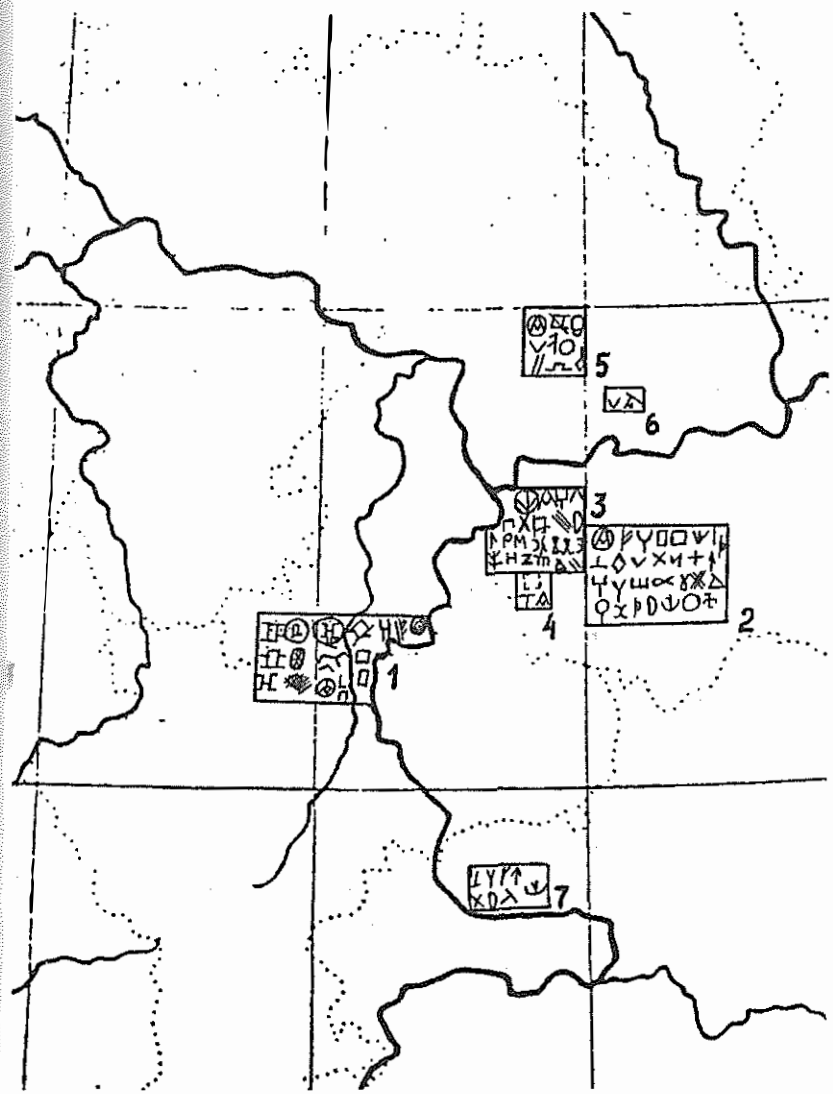


Рис.109. Распространение знаков в Волжской Булгарии: 1 – Больше- Тарханский м-к, 2 – Биляр, 3 – Болгар, 4 – Сувар, 5 – Русско-Урматское, Камаевское, 6 – Чаллынское; знаки в круге – доминирующие на памятнике.

Рис.110. Распределение основных групп знаков на главных памятниках Волжской Булгарии.

Табл.1. Состав неполивной керамики на поселениях второй половины XI – начала XIII в. (в процентах).

Памятник	Слой	Цвет: красная	коричневая	желтая	серая	бурый	Прочие	Раскоп, год	Аналитик
Биляр	I	42	50,4	-	5	2,6	-	XX-1974	Н. А. Кокорина
"	II	37,7	57,8	-	2,5	2	-	"	"
"	I	36	50	-	0,5	13,5	-	XX-1980	"
"	II	33	58	-	7,5	1,5	-	"	"
"	I	21,4	42,3	-	18,3	17,4	0,6	XIX-1972	"
Сувар	V	27,8	17,2	21,6	19,7	13,7	-	1974	Т. А. Хлебникова
"	VI	28,9	13	41,8	9,1	7,2	-	"	
Болгар	V	37,2	42,5	3,9	3,9	12,5	-	LXVIII	"
"	VI-V	37,3	21	5,3	7,2	29,2	-	1979-80	"
"	V	52,5	20	2,1	3	22,4	-	XLI-1972	"
Рождественское	I	30,1	28,4	10,3	28,8	2,4	10,3	XLVI-1973	"
Утяково	I	40,1	15,6	9,6	17	17,7	-	1957	"
Левашево	I-II	44,2	18,8	5,8	9,2	22	-	1973	"

Табл.2. Состав керамических групп на поселениях второй половины XIII – XIV в. (в процентах).

Примеси	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Группа	I	VI-2	VII	XIII	XIV	XVI	XVII	XVIII	XIX	XX	XXI	XXII	
Памятник, слой													Аналитик, год
Сувар, IV	99,4 +0,1	-	0,1	-	-	-	+	-	-	-	-	-	Т. А. Хлебникова 1974
Болгар, IV(р)	96-98	-	+	0,7-1,7	0,2-0,7	1,1	+	+	+	-	-	-	Т. А. Хлебникова 1938-1974
Болгар, IV(п)	97,5-99,2	-	-	0,3-0,5	0,2-1,1	0,3-0,9	-	+	+	+	-	+	Т. А. Хлебникова 1981-1982
III Билярское	41,6 +2,8	-	2	3,6	-	-	-	-	-	-	2	-	Н. А. Кокорина 1981-1982
Чаллынское	75	2,1	9,9	13	-	-	-	-	-	1	?	-	Н. А. Кокорина, 1983
Сюкеевское	45-56	-	-	1,6-2	16,9-19	11,5-11,6	-	-	-	10	-	+	Н. А. Кокорина, 1968, 1981, 1983, 1984
Чакма	60 +2	2	19	17	-	-	-	-	-	-	-	-	Ф. К. Кузахметова, Н. А. Кокорина
Казань	90	-	-	-	-	-	-	-	-	5	-	5	Н. Ф. Калинин, 1935
Русско-Урматское	96	0,7	0,03	2,5	-	0,3	-	-	-	0,02	-	0,2	Н. Ф. Калинин, 1957
Камаевское	92	-	-	-	-	-	-	-	-	3,7	0,5	3,8	Н. А. Кокорина, 1981

Примечание: 1-мелк. песок, растительность; 2-раковина, растительность; 3-раковина, мелкий песок; 4-крупн. песок, раковина; 5-дресва, песок; 6-раковина; 7-мелк. песок; 8-раковина, известняк, песок; 9-мелк. песок, известняк; 10-раковина, известняк, шамот, песок; 11-больш. кол-во мелк. песка; 12-шамот, известняк, шлак; данные - в процентах.

Табл.3. Состав керамических групп на Русско-Урматском селище второй половины XIII – XIV в.

Техника	круговая: примитивно-круговая								лепная				
Примеси	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Группа	I	XIII	XX	XXI	VI-1?	XXII?	XIV	XVI	XVIII	VI-2?	XIV?	XXII?	Аналитик, раскоп, год
Слой													
верхний	12073	110	-	-	37	37	-	24	-	-	-	-	Ф. К. Кузахметова, 1957
	98,3	0,9	-	-	0,3	0,3	-	0,2	-	-	-	-	
нижний	14591	76	-	-	46	45	-	61	-	-	-	-	"
	98,5	0,5	-	-	0,3	0,3	-	0,4	-	-	-	-	
нижний	6497	169	-	-	6	19	18	20	11	18	-	-	Н. А. Кокорина, IV-1957
	96	2,5	-	-	0,1	0,3	0,3	0,3	1,2	0,3	-	-	
верхний	4437	54	14	6	2	5	14	125	-	2	8	10	Н. А. Кокорина, VI-1983
нижний	4491	3	96	15	2	6	60	118	10	1	-	-	
итого	8668	57	110	21	4	11	74	243	10	3	8	10	
в %	94,4	0,6	1,2	0,3	0,03	0,06	0,7	2,5	0,05	0,02	0,04	0,05	

Примечание: 1-мелк. песок, растительность; 2-крупн. песок; 3-известняк, мелк. песок; 4-известняк, крупн. песок; 5-песок, растительность, раковина; 6,12-шамот; 7-раковина, дресва; 8,9-раковина; 10-растительность, раковина, известняк; 11-дресва.

Табл.4. Состав неполивной керамики на поселениях второй половины XIII – XIV в. (в процентах).

Памятник	Слой	Цвет						Аналитик, раскоп, год
		красная	коричневая	серая	бурая	черная	желтая	
Болгар	IV ранн.	32,8-54,2	12,7-38,7	11-13	11,7-19,5	-	2,6-3,8	Т. А. Хлебникова, LXVIII-1979, 1980, XLI-1972
"	IV поздн.	50-83	7,4-27	8-15	10-20	-	1,6-4	
Р. Урмат-ское	I верх. г-т	70,5	25,6	3,7	-	-	-	Н. Ф. Калинин, IV-1956
	I нижн. г-т	65-67,5	29,7-34,4	2,2	-	-	-	"
"	верх/нижн.	15	73,7	7,9	4,9	0,5	-	Н. А. Кокорина, IV-1956
"	ранн/поздн	43	28	27	-	-	-	Р. Г. Фахрутдинов, II-1976
"	"	44,7	42,6	12,7	-	-	-	" , III-1976
"	поздн/верх	38,5	48,6	3,6	-	4,7	0,5	Р. Г. Фахрутдинов, VI-1983
"	поздн/нижн	78,8	18	1,7	-	0,4	-	Н. А. Кокорина
Биляр-ское III	II ран. г-т	44	53,2	1,2	1,6	-	-	Н. А. Кокорина, II-1982
	IIпозд. г-т	43,9	45	9	1,8	-	-	"
Чалпы-ское	II	39	50	5	-	5	1	Н. А. Кокорина, III-1983
	I	35	59	2,8	-	3,2	-	
Сюкеев-ское	ранний	28,6	47	-	8,7	15,7	-	Н. А. Кокорина, 1968, 1981, 1983
	поздний	21,7	34,7	7,4	10,2	24,6	1,4	
Чакма	ранний	56	18	5	18	-	3	Ф. Г. Кузахметова,
"	поздний	29	42	24	5	-	-	Н. А. Кокорина

Табл.5. Соотношение типов горшков I группы второй половины XI – начала XIII вв. (по материалам Биляра).

Слой	Тип							Всего
	1,2	3	4	5	6	7	8	
I	42	4	11	-	1	-	-	58
	72	7	20		1			100
II	293	20	83	4	-	2	10	412
	71	4,8	20	0,9		0,4	2,4	100
III	248	42	136	-	-	-	-	426
	58	9,9	32,1					100
итого	593	66	230	4	1	2	10	896
	65	7,3	26,3	0,4	0,1	0,2	1,1	100

Примечание: подсчеты по венчикам, вторая строка - %%.

Табл.6. Бытование АЭГ второй половины XI – XIV в.

Группа	Период		
	вт. пол. XI-нач. XIIIв.	вт. пол. XIII-нач. XIV в.	сер. XIV-нач. XV в.
II	+	-	-
VI-1	?	+	?
VI-2	?	+	+
VII	+	+	+
VIII-1,2	+	+	-
XIII	+	+	+
XIV-1	+	+	+
XIV-2	-	+	+
XVI	+	+	+
XVII	+	+	+
XVIII	-	+	+
XIX	-	+	+
XX	-	?	+
XXI-1	+	-	-
XXI-2	+	+	+
XXII	-	+	+

Табл.7. Связи орнамента общебулгарской и традиционных групп керамики.

Группа	NN композиций орнамента
I	1-75
II	50,51,53,55,56
III, XI	24,25,27,30,31,37,38,47-51,53
IV	8,15,16,22?,38,39,57,59,64
VI-1	2,59
VI-2	58-61
VIII-1,2	14-17,19,22,24,34,38-40,42,46-48,51,57
IX, X	10,23,29,65,69,72
XI	30,31,38?,42?,51
XIII	2,12,21,30-32,34,35,43
XVII	33
XVIII	4,6?,7?
XIX	10,22
XX	45
XXI-1	18,31,32,33,35,46?,53-55,63
XXI-2	3,5,8-13,15,18,20,21,24,28,32,52,54,58,72?

Группа	VIII-нач. XIII вв.			вт. пол. XIII-нач. XVв.		
	кол-во:		%%	кол-во	:	%%
XLVI	-	:	-	1	:	-
XLVII	-	:	-	1	:	-
XLVIII	-	:	-	1	:	-
XLIX	-	:	-	1	:	-
L	-	:	-	1	:	-
LI	-	:	-	1	:	-
LII	1	:	-	1	:	-
LIII	-	:	-	2	:	-
LIV	1	:	-	1	:	-
LV	1	:	-	1	:	-
LVI	1	:	-	-	:	-
LVII	2	:	-	5	:	-

СОДЕРЖАНИЕ

Введение
История изучения керамики Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. 3

Глава 1
Керамика второй половины XI – начала XIII в..... 21

Глава 2
Керамика второй половины XIII – начала XV в. 85

Глава 3
Знаки на керамике волжской булгарии 155

Глава 4
К вопросу о преемственности булгарской культуры домонгольского и золотоордынского периодов... 179

Заключение 214

Список литературы и архивных источников 218

Список сокращений 253

Иллюстрации 256

Содержание 383